IMT Nuremberg Archives

H – 1197

International Court of Justice

H1197 – 0001

H1197 – 0002

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Т о м XIX-й Экз. 2-ой

С о д е р ж и т :

6 апреля - утреннее заседание,

8 апреля - утреннее и вечернее заседания,

9 апреля - утреннее и вечернее заседания,

I0 апреля - утреннее и вечернее заседания,

II апреля - утреннее и вечернее заседания,

I2 апреля - утреннее и вечернее заседания.

Страницы: с 8I84-й по
8802-я включительно.

H1197 – 0003

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 8184 стр. по 8802 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 6 апреля 1946 г. по 12 апреля 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ
МАЙОР (А.ПОЛТОРАК)

"11" декабря 1946 г.
г.Нюрнберг

C E R T I F I C A T E

Official transcript of the International Military Tribunal from 6 april 1946 to 12 april 1946 in the matter of the United States of America, The French Republic, The United Kingdom of Great Britain und Northern Ireland und The Union of Soviet Socialist Republic against Hermann Wilhelm Goering and others contained in the volume under the title:

"Russian Transcripts"

numbered 8184 to 8802 inclusively are herewith certified as an authentic official Russian text, having identical force as the English, French und German texts.

JOHN E. RAY, Colonel, FA
General Secretary
International Military Tribunal

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что русский текст стенограмм заседаний Международного Военного Трибунала за период времени с 6 апреля 1946 г. по 12 апреля 1946 г. по делу: Соединенные Штаты Америки, Французская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Союз Советских Социалистических Республик против Германа Вильгельма Геринга и других, - содержащихся в данном томе, озаглавленном "Русские стенограммы", пронумерованном с 8184 стр. по 8802 стр. включительно является аутентичным и официальным текстом, имеющим одинаковую силу с английским, французским и немецким текстами.

ПОЛКОВНИК ДЖОН Е. РЕЙ
Генеральный Секретарь
Международного Военного Трибунала

г. Нюрнберг
"11" декабря 1946 г.

H1197 – 0004

H1197 – 0005

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 6 апреля 1946 г.

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет!

РУДЕНКО. Подсудимый Кейтель, я вас спрашивав по приказу о так называемом коммунистическом повстанческом движении в оккупированных областях.

/Звук не поступает/.

Я вас буду спрашивать по приказу о так назнваемом коммунистическом повстанческом движении в оккупированных областях. Вам вчера ваш защитник показал этот приказ. Это приказ от 16 сентября 1941 года номер СССР-98. Я вам напомню одно место из этого приказа. Там говорится:

"Чтобы в корне задушить недовольство, необходимо по первому поводу, незамедлительно принять наиболее жес - токие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных властей и предотвратить дальнейшее распространение ...." И - дальше: "При этом следует иметь в виду, что челове - ческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит, и что устрашавщее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости".

Вы помните это положение, основное положение приказа, что "человеческая жизнь абсолютно ничего не стоит". Помните вы эту фразу?

КЕЙТЕЛЬ. Да.

РУДЕНКО. Вы подписывали этот приказ с этим утверждением?

КЕЙТЕЛЬ. Да.

8184

H1197 – 0006

РУДЕНКО. Вы считаете, что этот зловещий приказ был вызван необходимостью?

КЕЙТЕЛЬ. Причины, которые послужили для издания этого приказа, я вчера частично уже изложил и указал на то, что эти директивы в первую очередь были направлены командующим и частям вооруженных сил на юго-востоке. Это - балканские области, в которых была широко распространена партизанская война и война между руководителями отдельных групп и, во-вторых, в том же объеме такое наблюдение можно было сделать также в некоторых частях оккупированных областей Советского Союза.

РУДЕНКО. Значит вы считаете, что этот приказ был правильным?

КЕЙТЕЛЬ. Я изложил свою принципиальную точку зрения по поводу всех распоряжений, которые относятся к обращению с населением. Я подписал приказ и тем самым беру на себя ответственность в объеме своих полномочий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что вы не отвечаете на вопрос. На этот вопрос можно было свободно ответить "да" или "нет", а потом дать объяснения. Если вы говорите, что вы уже объяснили это своему защитнику, это не ответ на вопрос.

РУДЕНКО. Я еще раз спрашиваю: считаете ли вы этот приказ, именно этот приказ - я подчеркиваю - в котором указывается, что "человеческая жизнь абсолютно ничего не стоит", считаете ли вы этот приказ правильным?

8185

H1197 – 0006

H1197 – 0007

КЕЙТЕЛЬ. Эти слова в приказе не стоят, но фактом является то, что на юго-востоке и частично на территориях советских областей человеческая жизнь не принималась в расчет в том объеме, в котором это следовало. Это мнение было известно из фактов, которые относятся ко многим го - дам.

РУДЕНКО. Вы говорите, что эти слова не стоят в приказе?

КЕЙТЕЛЬ. Насколько я знаю, там так не написано. Там написано, что "человеческая жизнь мало стоит". Это по моим воспоминаниям.

РУДЕНКО. По вашим воспоминаниям. Вы помните, что вас допрашивал генерал Александров 9 января 1946 года. На вопрос по существу этой фразы вы ответили: "эту фразу я должен признать подлинной, но ее фюрер сам лично сюда включил". Вы помните ваши объяснения?

КЕЙТЕЛЬ. Это соответствует действительности.

РУДЕНКО. Я могу вам предъявить этот приказ. Я не предъявлял его потому, что вчера вы с ним знакомились.

КЕЙТЕЛЬ. Я вчера не прочитал всех пунктов этого приказа, я признал только то, что он действительно существовал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, Трибуналу помогло бы, если бы вы давали перевод документа. Когда вы ведете перекрестный допрос по точному тексту, нам неудобно, если перед нами нет этого документа.

РУДЕНКО. Господин председатель, я сейчас предъявлю подсудимому этот приказ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это, что, 389-ПС?

РУДЕНКО. Это документ 389-ПС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда Вы цитируете документ, было бы хорошо, если бы Вы медленнее называли номер документа, потому что часто мы получаем неправильный перевод.

РУДЕНКО. Хорошо. Я назвал номер этого документа Р-98, но он двойной № Р-98 и 389-ПС, я цитировал пункт "Б" этого приказа.

Подсудимый Кейтель, вы ознакомились?

КЕЙТЕЛЬ. Да, текст на немецком языке следующий: "В соответствующих странах человеческая жизнь часто ничего не стоит".

РУДЕНКО. И дальше.

КЕЙТЕЛЬ. Так точно, сейчас. "И устрашающие действия могут быть достигнуты путем сильной жестокости, как искупление за жизнь немецких солдат".

РУДЕНКО. Ясно. В этом же приказе, в пункте "Б", говорится: "Искуплением за жизнь немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна служить смертная казнь 50-100 коммунистов. Способ казни должен увеличивать степень устрашающего воздействия". Правильно?

КЕЙТЕЛЬ. Немецкий текст несколько другой. "В этих случаях необходимо вообще устанавливать смертную казнь для 50-100 человек". Это - немецкий текст.

РУДЕНКО. За одного немецкого солдата?

КЕЙТЕЛЬ. Это я знаю и это я видел здесь.

РУДЕНКО. Я об этом вас и спрашиваю. Итак, я еще раз вас спрашиваю ....

КЕЙТЕЛЬ. Разрешите мне дать разъяснение по этому вопросу или мне ничего не надо добавлять?

РУДЕНКО. Я по этому вопросу вас спрошу сейчас. Я вас спрашиваю: подписывая этот приказ, вы этим самым высказали и свое мнение об этих жестоких мероприятиях, то есть были согласны с Гитлером?

8187

H1197 – 0008

H1197-0009

КЕЙТЕЛЬ. Я этот приказ подписал, однако, те числа, которые там указаны, являются личными изменениями в прика - зе, именно личными изменениями Гитлера.

РУДЕНКО. А какие числа вы представили Гитлеру?

КЕЙТЕЛЬ. Пять-десять человек. Это - та цифра, которую я указал в оригинале.

РУДЕНКО. Значит, у вас расхождение с Гитлером было только в числах, а не по существу?

КЕЙТЕЛЬ. Смысл был таков, что для достижения устра - шающего воздействия за жизнь одного немецкого солдата необ- ходимо было потребовать несколько человеческих жизней.

РУДЕНКО. У вас ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это не ответ на вопрос. Вопрос был та - ков, действительно ли расхождение между вами и Гитлером в соответствии с этим документом заключалось в цифрах и на этот вопрос вполне можно ответить - да или нет. Действитель- но ли они расходились во взглядах по вопросу о цифрах?

КЕЙТЕЛЬ. Тогда я должен сказать, что в связи с прин - ципиальным ходом мыслей, существовало принципиальное разно- гласие, которое, однако, в последнем варианте не может быть оправдано, так как я подписал этот приказ, этого требовала занимаемая мной должность. Имелась принципиальная разница в отношении всего решения вопроса.

РУДЕНКО. Хорошо. Перейдем дальше. Я хочу еще вспом - нить об одном приказе. Это - приказ от 16 декабря 1942 г. - так называемая "борьба с бандами". Этот документ предъяв- лен суду под № СССР-16. Я также не буду подробно вас спра - шивать об этом приказе. Этот приказ вам вчера предъявлялся вашей защитой здесь.

КЕЙТЕЛЬ. Я больше не помню этого документа. Я не пом- ню о том,что он был предъявлен вчера.

H1197-0010

РУДЕНКО. Хорошо. Если вы не помните, я могу предъявить вам этот документ, чтобы осветить вашу память./Это документ, представленный советским обвинением, господин председатель, под № СССР-16.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я только что записал, что номер этого документа США-516. Значит, я неправильно расслышал. Вы говорите, это какой номер? Этот документ идет за № СССР-16?

РУДЕНКО. Да СССР-16.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

РУДЕНКО. Я буду вас спрашивать,подсудимый Кейтель, по одному только вопросу в связи с этим приказом. В пункте первом этого приказа /абзац 3-й/ обратите внимание на следующую фразу:

"Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху".

Вы нашли это место?

КЕЙТЕЛЬ. Да.

РУДЕНКО. Вы нашли место, в котором дается указание применять любые средства без ограничения против женщин и детей?

КЕЙТЕЛЬ. "Без ограничения по отношению к женщинам и детям применять любые средства, если это необходимо". Я нашел это место.

РУДЕНКО. Я об этом именно и спрашивал вас. Я спрашивал вас, подсудимого Кейтеля, фельдмаршала бывшей германской армии, Вы считаете правильным этот приказ - применять любые средства в отношении женщин и детей?

КЕЙТЕЛЬ. Мероприятия применялись постольку, поскольку нужно было женщин и детей удалить из района боевых

H1197 – 0010

H1197 – 0011

действий или района действий партизанских банд, однако, никогда не имелись в виду жестокости или убийства женщин и детей. Никогда.

РУДЕНКО. Устранить /термин германский/ это значит убить.

КЕЙТЕЛЬ. Нет. Мне кажется, что никогда не было необходимости говорить немецким солдатам, чтобы они не убивали женщин и детей.

РУДЕНКО. Вы не ответили на мой вопрос. Вы считаете правильным этот приказ в отношении мер против женщин и детей или неправильным? Вы ответьте - да или нет? Правильно или неправильно? Потом Вы можете объяснить.

КЕЙТЕЛЬ. Я считал правильными эти мероприятия и признаю, что они проводились, но это ни в коей степени не были мероприятия по убийству людей. Это было бы преступлением.

РУДЕНКО. Любые средства включают убийство?

КЕЙТЕЛЬ. Да, но не по отношению к женщинам и детям.

РУДЕНКО. Да, но здесь сказано - любые средства в отношении женщин и детей?

КЕЙТЕЛЬ. Нет, здесь не написано "любые меры", а "... не останавливаться перед мероприятиями против женщин и детей" Там написано так. Никогда немецкому солдату и немецкому офицеру не могла притти в голову мысль убивать женщин и детей.

РУДЕНКО. А в действительности?

КЕЙТЕЛЬ. Я не могу в каждом отдельном случае подтвердить это, так как я этого не знаю и так как я не мог быть во всех местах и не получал донесений об этом.

РУДЕНКО. Но таких случаев были миллионы?

КЕЙТЕЛЬ. Этого мне не известно и я не верю в это, что это происходило в миллионах случаев.

РУДЕНКО. Вы не верите. Я перехожу дальше. Я сейчас хочу обратиться к одному вопросу, к вопросу об обращении с советскими военнопленными. Я не намерен вас допрашивать по вопросу о клеймении советских военнопленных и другим фактам, они достаточно известны Трибуналу. Я вас хочу спросить по одному документу - по докладу Канариса, который вам вчера предъявлялся. Вы помните, что вчера вам ваш защитник предъявил доклад Канариса. Это доклад от 15 сентября 1941 г., он зарегистрирован под № ЕС-338. Как вы помните, даже германский офицер обратил внимание на исключительный произвол и беззаконие, допускаемые в отношении советских военнопленных. В этой докладной Канарис указывал о массовых убийствах советских военнопленных и говорил о необходимости решительного устранения этого произвола.

Вы были согласны с положениями, которые выдвинул Канарис в своем докладе на ваше имя?

КЕЙТЕЛЬ. Я не понял последнего предложения, на мое имя?

РУДЕНКО. Последний вопрос сводится к следующему: лично вы, Кейтель, были согласны с теми предложениями, которые сделал Канарис в своем докладе, чтобы ликвидировать произвол, допускаемый в отношении советских военнопленных?

КЕЙТЕЛЬ. Я вчера уже ответил моему защитнику ...

РУДЕНКО. Вы можете ответить кратко на мой вопрос - вы были согласны?

КЕЙТЕЛЬ. Я коротко отвечу, что я по получении этого письма, немедленно доложил о нем фюреру - Адольфу Гитлеру, в особенности в связи с 2-мя нотами Народных Комиссаров от начала июля и просил снова принять решение по этому вопросу. Я разделял в общем сомнения Канариса, но я должен добавить ...

РУДЕНКО. Разделяли? Очень хорошо. Я вам предъявлю сейчас подлинник доклада Канариса, на котором есть ваша резоли-

8191

H1197 – 0012

H1197 - 0013

ция. Я сейчас, г-н председатель, предъявлю подсудимому документ с его резолюцией. Эта резолюция в Суде не оглашалась и текст этой резолюции я предъявлю также Суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У Вас имеется оригинал этого документа?

РУДЕНКО. Да, я дал его подсудимому. Итак, следите подсудимый Кейтель.

КЕЙТЕЛЬ. Я знаю этот документ с пометками на полях.

РУДЕНКО. Вы слушайте меня и следите за резолюцией. Это документ Канариса, который вы считаете правильным. Ваша резолюция следующего содержания: "Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их. Кейтель".

Это ваша резолюция?

КЕЙТЕЛЬ. Да, это я написал в качестве решения после доклада фюреру. Я это написал.

РУДЕНКО. Там не написано, что это фюрер так сказал, там написано "я покрываю" - Кейтель стало-быть.

КЕЙТЕЛЬ. Это я признаю здесь под присягой и я уже ранее говорил это, до того,когда я прочел это.

РУДЕНКО. Значит вы признаете эту резолюцию. Еще на одно место в этом документе я обращаю внимание. Я обращу ваше внимание на вторую страницу этого документа. Обратите внимание, что против текста доклада Канариса говорится о следующем:

"Выявление гражданских лиц и политически нежелательных военнопленных, а равно принятие решения об их судьбе, производится оперативными командами, полицией безопасности и СД, согласно инструкциям, которые незнакомы органам вооруженных сил и исполнение которых они не в состоянии проверить".

Это пишет Канарис на полях вашей резолюции, вашей подсудимый Кейтель: "Вполне целесообразно". Правильно?

КЕЙТЕЛЬ: Прошу повторить последний вопрос. Я слышал только: "Это пишет Канарис".

РУДЕНКО: Да, а я теперь указываю против абзаца есть Ваша резолюция, собственноручно положенная Вами: "Вполне целесообразно". Вы нашли эту резолюцию?

КЕЙТЕЛЬ: Да, именно это "целесообразно" относится к тому, что части вооруженных сил не имеют ничего общего с оперативными командами и ничего не знают о них. Там стоит, что они им незнакомы.

РУДЕНКО: И к тому, что полиция безопасности и СД расправляются с этими гражданскими лицами и военнопленными? Вы считаете это целесообразным?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я считал целесообразным то, чтобы части вооруженных сил не знали ничего о деятельности этих команд. Это я хотел сказать этой пометкой. В тексте я подчеркнул слово "неизвестно".

РУДЕНКО: Я спрашиваю вас, в связи с этой резолюцией и вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь, перед Трибуналом именовавший себя солдатом, вы своей резолюцией, кровавой резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийство безоружных солдат, попавших к вам в плен? Это правильно?

КЕЙТЕЛЬ: Я подписал оба приказа и тем самым несу ответственность в связи с занимаемой мною должностью. Я беру на себя эту ответственность.

РУДЕНКО: Ясно. Вы здесь неоднократно указывали Трибуналу о солдатском долге. Я хочу вас спросить, совместимо ли с понятием "солдатский долг" и "честь офицера" издание таких приказов о репрессиях в отношении военнопленных и мирных граждан?

H1197 – 0014

H1197 – 0015

КЕЙТЕЛЬ: В той степени, в которой это касается репрессий в августе и сентябре месяцах. Они были оправданы после того, как мы узнали, что происходит с немецкими военнопленными на поле боя, с теми, которых мы нашли во Львове, сотни их были убиты.

РУДЕНКО: Подсудимый Кейтель, вы хотите опять стать на тот же путь, к которому уже прибегали здесь, т.е. измышлению о якобы существовавших расправах с немецкими пленными. Но мы же с вами вчера установили, что еще в мае 1941 года, до начала войны вы подписали директиву о расстреле политических и военных работников Красной Армии. Я имею к вам несколько...

КЕЙТЕЛЬ: Да, эти приказы перед началом войны я подписал, но в них не содержится слово "убийство".

РУДЕНКО: Я не намерен спорить, так как это значит спорить против документов, а документы говорят сами за себя. Я имею к вам несколько последних вопросов. Вы заявили Трибуналу, что генералы германской армии только слепо выполняли приказы Гитлера.

КЕЙТЕЛЬ: Я заявил, что я не знаю, какие генералы, и заявляли ли генералы вообще протесты и, насколько я помню, это не происходило в моем присутствии, когда Гитлер провозглашал основные положения о борьбе мировоззрений.

РУДЕНКО: А известно ли вам, чтобы генералы по своей инициативе издавали приказы о зверствах, о нарушениях законов и обычаев войны и эти приказы одобрялись Гитлером?

КЕЙТЕЛЬ: О том, что высшие инстанции армии, например, в связи с вопросом о подсудности издали в марте приказ и проводили другие мероприятия, а также издавали приказы, смягчающие и отменяющие эти мероприятия я знаю, так как они обсуждались со мной.

РУДЕНКО: Вы меня не поняли. Я спрашивал не о смягчении. Я спрашивал, издавали ли сами генералы приказы о нарушениях законов и обычаев ведения войны, издавали ли по своей инициативе?

КЕЙТЕЛЬ: Это мне неизвестно. Я не знаю, о каких приказах идет речь, господин генерал. Я не могу сейчас сказать,то, что я это знаю.

РУДЕНКО: Это вам неизвестно?

КЕЙТЕЛЬ: Этого я не знаю.

РУДЕНКО: Я только сошлюсь...

КЕЙТЕЛЬ: Я не знаю, о каких приказах вы говорите, господин генерал. Но возможно, что это было так.

РУДЕНКО: Я только сошлюсь на один приказ. Я имею в виду приказ генерал-фельдмаршала фон Рейхенау о поведении войск на Востоке. Этот документ, господин председатель, пред"явлен советским обвинением за № СССР-12. Здесь, в этом приказе о поведении войск на Востоке я оглашу только одну цитату: "снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью".

КЕЙТЕЛЬ: Я знаю этот приказ. Он был мне пред"явлен во время предварительного следствия.

РУДЕНКО: Этот приказ издан по инициативе Рейхенау и одобрен Гитлером и, как образцовый, разослан всем командующим фронтов.

КЕЙТЕЛЬ: Это я узнал только здесь. Я этот приказ по-моему ранее не читал.

РУДЕНКО: Конечно, такие приказы у вас, очевидно, считались малозначащими, ибо разве могла интересовать начальника ОКВ судьба советских военнопленных или советских граждан? Жизнь их ничего не стоила?

КЕЙТЕЛЬ: Я не имел никакого соприкосновения по служебным вопросам с командующими на фронте. С ними имел дело толь-

8195

H1197 – 0016

H1197 – 0017

ко командующий сухопутными силами.

РУДЕНКО. Я заканчиваю допрос. Вы здесь, давая показания Трибуналу, очень часто употребляли, а до вас это делали ваши сообщники, подсудимый Геринг и Риббентроп, о Версальском договоре. Я вас спрашиваю: разве Вена, Прага, Белград, Крым до Версальского договора принадлежали Германии?

КЕЙТЕЛЬ. Нет.

РУДЕНКО. Вы заявили здесь, что в 1944 году, после изменения закона, вы получили предложение вступить в члены нацистской партии. Вы приняли это предложение, передали личные данные руководству партии и внесли вступительный взнос. Скажите, не следует ли рассматривать принятие вами предложения вступить в нацистскую партию, как ваше согласие с программой партии, ее целями и методами?

КЕЙТЕЛЬ. Я считал требование прислать мои личные данные после того, как я три с половиной года носил золотой значек партии, только формальной регистрацией и выполнил требование, уплатить партийные взносы. Я сделал то и другое.

РУДЕНКО. То-есть до этого формального предложения, по существу, вы себя считали нацистом?

КЕЙТЕЛЬ. Я всегда смотрел на себя, как на солдата, а не как на политического солдата, и не как на политического деятеля.

РУДЕНКО. Не следует ли заключить после всего того, что здесь сказано, что вы были гитлеровским генералом не по долгу, а по убеждению?

КЕЙТЕЛЬ. Я здесь уже показал, что я был лойяльным, верным и покорным солдатом своего фюрера и я не думаю, что-среди генералов Советской России есть такие, которые не подчиняются беспрекословно маршалу Сталину.

РУДЕНКО. Я исчерпал свои вопросы.

/К микрофону подходит сэр Дэвид Максуэлл Файф/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подсудимый, помните ли вы, что 2 октября 1945 года вы написали письмо полковнику Эмину с объяснениями относительно вашей позиции? Это было после ваших допросов и вы в свободное время написали это письмо, изложив свою точку зрения. Вы помните это?

КЕЙТЕЛЬ. Да, мне кажется, что я написал такое письмо, но содержания его я в настоящее время не помню. Там речь шла о допросах.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да.

КЕЙТЕЛЬ. Мне кажется, что это была просьба дать мне большую возможность подумать относительно событий, так как, вследствие внезапности поставленных мне вопросов, я часто сначала не мог собраться с мыслями.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу напомнить вам одну выдержку из этого письма и спросить вас, правильно ли это отражает Вашу точку зрения: "Выполняя неблагодарные и наиболее трудные задачи я должен был выполнять свои обязанности в самых трудных условиях войны, зачастую действуя против своей совести и довольно часто в противовес своему собственному мнению. Выполнение труднейших задач, возложенных на меня Гитлером - моим прямым начальником - требовало полного самоотречения". Вы помните эту выдержку?

8197

H1197 – 0018

H1197 – 0019

КЕЙТЕЛЬ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Теперь я хотел-бы, чтобы вы рассказали Трибуналу, какие вопросы, по вашему мнению, были наиболее трудные, когда вам приходилось действовать против того, что подсказывала ваша совесть? Скажите Трибуналу, какие были самые неприятные, самые трудные вопросы, которые вам приходилось решать против того, что подсказывала ваша совесть?

КЕЙТЕЛЬ. В такое положение я попадал часто. Однако, решающими вопросами, для решения которых необходимо было внслушать мой внутренний голос и обратиться к моему внутреннему убеждению, - были те вопросы, которые были направлены против моего 37 летнего воспитания как офицера. Это была основная принципиальная позиция моей личности, которая была задета.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хотел бы, чтобы от вас, подсудимый, я услышал эти слова. Можете ли вы назвать Трибуналу три наиболее неприятных действия, которые вам пришлось выполнять против вашей совести. Назовите конкретно три действия, которые вам приходилось выполнять против вашей совести.

КЕЙТЕЛЬ. Может быть, если начать с конца, эти распоряжения, которые давались относительно ведения войны, поскольку они противоречили правилам ведения войны. Далее, события, на которых подробно останавливалась английская делегация, ~~и~~ это вопрос о 50 офицерах английских военно - воздушных сил, вопрос, который возлагает на меня чрезвычайно большую вину, вопрос о летчиках-террористах; но главную роль играет приказ "Мрак и туман" со своими фактически

выявившимися только впоследствии, неизвестными мне до того результатами. Это была самая большая внутренняя борьба, которую мне пришлось перенести.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Мы коснемся приказа "Мрак и туман".

/Обращаясь к председателю/: Милорд, этот документ и многие другие документы, на которые я буду ссылаться, находятся в английской папке документов № 7, "Дела подсудимых Вильгельма Кейтеля и Альфреда Иодля". Это имеется на стр.279. Это документ Л-90 идущий под № США 503.

Подсудимый, я дам вам немецкий текст документов с тем, чтобы вы могли следить когда я буду читать. Страница 279-я английской папки и страница 289-я немецкого текста.

КЕЙТЕЛЬ. № 731?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Страница 289-я. Я не знаю, в каком томе, кажется вторая часть. Да, страница 289-я.

КЕЙТЕЛЬ. Страницы обозначены внизу - стр.255, да, я нашел ее. Я нашел это место.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Видите ли, цель распоряжения изложена в начале, в первых нескольких строчках, где говорится, что во всех случаях, когда не выносится смертный приговор и когда приговор не приводится в исполнение в течение недели ... "заключенные /в будущем/ должны тайно переправляться в Германию и все дальнейшие мероприятия в связи с преступлениями, будут проводиться здесь, на территории Германии. Это будет иметь устрашающее действие, так как а/ заключенные бесследно исчезнут, б/никакой информации не будет даваться относительно их местопребывания или их судьбы".

Вы согласны с тем, что обе эти цели носили очень жестокий и грубый характер. Не правда ли?

H1197 - 0020

H1197 – 0021

КЕЙТЕЛЬ. Раньше и вчера я показал, что я лично придерживался того мнения, что тайная отправка людей была в отдельных случаях более жестокой, чем смертный приговор.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Перейдем к странице 281, в вашем томе - это 291-я страница.

КЕЙТЕЛЬ. Я нашел это место.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы сказали, что это Ваше препроводительное письмо, вы пишите на 4-й странице: "Фюрер придерживался следующего мнения. Если за эти преступления заключенные будут приговорены даже к пожизненной каторге, это будет рассматриваться как признак слабости. Постоянное и энергичное запугивание может быть достигнуто только или путем применения смертной казни или путем принятия мер, в результате которых родственники преступника и население не будут знать о его судьбе?.

Вы согласитесь с тем, что такие высказывания фюрера, о которых вы здесь сообщали, являлись жестокими и зверскими, не правда ли?

КЕЙТЕЛЬ. Да. Разрешите мне добавить кое-что по этому поводу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Конечно, но постарайтесь это сделать как можно короче.

КЕЙТЕЛЬ. Я вчера здесь сделал разъяснение по этому вопросу. В особенности я указал на слова: "Это является хорошо продуманной волей фюрера". Я хотел сказать генералам, получившим приказ, что следует понимать там между строк.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, но вы знаете подсудимый, это распоряжение не было последним из этой серии приказов. Не так ли? Это распоряжение оказалось неудачным,

несмотря на всю свою жестокость и грубость в достижении своей цели. Не правда ли? Это распоряжение "Мрак и туман" в данной форме не достигло своей цели, но не прекратило то, что должно было прекратить. Не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. Нет, это не прекратилось.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Таким образом в 1944 г. вы должны были издать еще более строгий приказ. Взгляните на документ Д-762. Милорд, этот документ представляется за № ВБ-298. Там сказано: "Непрерывно возрастающие акты террора и саботажа на оккупированных территориях, которые совершались бандами, объединенными общим руководством, заставляют нас принять самые строгие контрмеры, которые бы находились в соответствии с суровыми условиями войны. Те, кто нападает на нас с тыла на этой решающей стадии нашей борьбы за существование, не могут рассчитывать на снисхождение. Поэтому я приказываю: все акты насилия, совершенные ненемецкими гражданскими лицами на оккупированных территориях против германских вооруженных сил, СС и полиции и против установок, которые нами используются, должны рассматриваться как акты террора и саботажа".

Далее: 1.Войска СС и так далее, "должны немедленно расправляться на месте со всеми террористами и организаторами саботажа". 2/ Те, которые будут захвачены позднее, должны передаваться полиции безопасности и СД. Соучастники, особенно, женщины, которые не принимали непосредственного участия в борьбе, должны использоваться на работах. Детей следует щадить".

Обратите теперь внимание на второй абзац, где сказано:

8201

H1197 – 0022

H1197 - 0023

"Начальник ОКВ издаст необходимые исполнительные инструкции. Он имеет право вносить изменения и добавления, поскольку это является необходимым в ходе военных операций."

Считаете ли Вы этот приказ жестоким и строгим или нет?

КЕЙТЕЛЬ. Да, мне кажется, что это так. Однако я хотел бы сделать краткие замечания. Мне неправильно перевели. Здесь говорится: "Женщины должны использоваться на работах, детей следует беречь". Это стоит в экземпляре, который лежит передо мной.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я сказал "щадить". "Щадить" означает, что с ними не должны обращаться подобным образом. Вы имели право вносить изменения и добавления к этому распоряжению. Скажите, своими изменениями и добавлениями вы пытались как-нибудь смягчить этот приказ?

КЕЙТЕЛЬ. Я не вспоминаю, что я делал какие-либо добавления смягчающего характера. Я хотел бы сказать, что я ничего не издавал без того, чтобы предварительно не показать это фюреру.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Ну, посмотрим, что вы позднее издали. Обратите внимание на документ Д-764, который предоставляется в качестве доказательства за № ВБ-299. Это ваш исполнительный приказ, подписанный по моему, также старшим военным судьей и основывавшийся на предыдущем распоряжении. Взгляните на абзац 4-й и 5-й.

"Все судебные процессы, происходящие в настоящее время в связи с актами террора и саботажа или другими преступлениями, совершенными ненемецкими гражданскими лицами на оккупированных территориях, которые угрожают безопасности или военной подготовке оккупирующей держ - авы, должны быть отменены. Обвинения должны быть взяты обратно. Оглашенные уже приговоры не должны более приводиться в исполнение. Заключенные...."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, где Вы читаете?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Параграф 4-й документа Д-764.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Простите, Вы ведь это сказали.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, это - последние четыре строчки этого параграфа: "Преступники должны передаваться ближайшим властям полиции безопасности и СД с отчетом о принятых мерах. В случае вынесения смерт- ного приговора, который имеет юридическую силу, настоя- щая инструкция остается в силе.

Преступления, которые затрагивают германские интересы, но не являются опасными для безопасности или военной подготовки оккупирующей державы, не оправдывают сохранение юрисдикции над немецкими гражданскими лицами на оккупированной территории. Я уполномачиваю командиров на оккупированной территории выработать новые пра- вила, согласовав их с высшей СС и начальниками полиции".

И далее, вы предлагаете им рассмотреть прежде всего вопрос о передаче заключенных в руки СД для ис - пользования их на каторжных работах. Ведь это совершен- но не ~~имй~~ ослабляло силы приказа? Не так ли?

8203

H1197 – 0024

H1197-0025

КЕЙТЕЛЬ: Там дальше есть еще несколько предложений, которые возникли в результате ежедневных донесений об этом и затем было изложено в первом моем приказе. Я делал соответствующие раз"яснения и их подписывал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это то, что вы назвали террором и саботажем. Посмотрим, что происходило с людьми, которые были виновны в менее существенных действиях, чем террор и саботаж. Взгляните на документ Д-763, который представляется за № ВБ-300. Здесь сказано: "Гражданские лица неенемецкой национальности, проживающие на оккупированных территориях, которые угрожают безопасности или военной подготовке оккупирующей державы иными средствами, чем акты террора и саботажа, должны передаваться полиции безопасности. Раздел I и 3... В этой же части приказа говорится, что женщины должны быть использованы на работах, а детей следует щадить и что "приказ фюрера также распространяется на всех этих лиц"

Вы знали прекрасно, что ожидало тех, кто передавался полиции безопасности. Вероятно, их должны были убивать, или несомненно отправляли в концентрационные лагери. Правда?

КЕЙТЕЛЬ: Мне в этом духе это не было ясно. Всегда говорилось об использовании их на работе. Однако, из известных здесь фактов следует, что часто имело место заключение в концентрационный лагерь. По отношению ко мне и к другим их называли "трудовыми лагерями". Название гласило: "Трудовые лагери гестапо"

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но это - август 1944 года. Вы согласитесь с тем, что это является жестоким обращением с лицами, которые виновны в совершении каких-либо действий, менее существенных, чем террор или саботаж, не правда ли?

КЕЙТЕЛЬ: Вы не хотите, чтобы я говорил относительно причин издания приказа, а то бы я мог сделать раз"яснение по этому вопросу, но я буду только отвечать на вопросы.

Мой ответ: "Да, это были жесткие меры.

Раз"яснение, если мне разрешат сделать это кратко, состоит в том, что, как известно, при повседневных докладах об обстановке и событиях во всех оккупированных областях фюрер давал мне приказы и указания, которые затем излагались в той форме, как в данном документе. О том, какие у меня были с ним отношения, как я работал, я говорил довольно подробно. В принципе я никогда не издавал и не подписывал сам того, что не соответствовало бы его принципиальному желанию.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но этот приказ кажется для вас достаточно жестоким только в течение трех недель, не так ли, потому что 4 сентября, т.е. через три недели после этого вы издали еще один приказ - Д-766, ВБ-301. Этот приказ, как здесь указано, был издан с согласия существовавшего между Гитлером, Кальтенбруннером, имперским министром юстиции и доктором Ламерсом, Взгляните на: /параграф I-Н/.

"Гражданские лица ненемецкой национальности на оккупированных территориях, которые приговорены германским судом за преступные действия, угрожавшие безопасности и военной подготовке оккупирующей державы и которые находятся в заключении на оккупированных территориях или в Германии, должны передаваться с изложением всех фактов ближайшему местному учреждению полиции безопасности и СД. Исключение составляют только те, кто приговорен к смертной казни. Во-вторых, осужденные, которые в соответствии с директивами фюрера о судебном преследовании за преступные действия против Германии или оккупирующей державы, не должны иметь никакого контакта с внешним миром и должны специально помечаться".

Имели ли Вы представление о том, на какое количество людей распространялся этот приказ?

H1197 – 0026

H1197 – 0027

КЕЙТЕЛЬ. Нет, я по этому поводу ничего не могу сказать. Я знаю только, что вследствие обострившегося положения в оккупированных областях, необходимо было использовать войска для установления порядка в этих областях.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разрешите напомнить вам ...

Вы созвали совещание для обсуждения этого вопроса. Об этом говорится в документе Д-765. (Обращаясь к секретарю) Покажите ему этот документ. Я так же покажу Вам документ Д-767, представляющий собой протокол совещания. В документе 765 лишь говорится о созыве совещания, но в документе 767, который предстаавляется под номером ВБ-303 имеется отчет об этом совещании и второй абзац гласит:

"Рейхсфюрер СС - Гиммлер требует в своем письме немедленной передачи СД приблизительно 24.000 гражданских лиц не немецкой национальности, которые находятся в заключении или под арестом, и подлежат допросу".

Далее сказано:

"Вопрос, поднятый во время обсуждения о том, почему появилась необходимость в передаче их в настоящее время полиции безопасности, остался без ответа".

Можете ли вы сейчас сказать, почему эти 24.000 осужденных были переданы в лапы полиции безопасности?

КЕЙТЕЛЬ. Разрешите, я прочту эту заметку. Я ее не знаю, я прошу разрешения прочесть ее сейчас.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Конечно. (Пауза). Здесь, как вы увидите, говорится о том, что я ранее уже Вам зачитывал, что декрет "Мрак и туман" стал излишним в связи с изданием декрета о терроре и саботаже, и потому этот во-

прос был передан на рассмотрение правового отдела вооруженных сил.

Теперь Вы можете нам ответить, почему эти 24.000 несчастных, в отношении которых уже был вынесен приговор, должны были передаваться в руки полиции безопасности?

КЕЙТЕЛЬ. Я должен сказать, что весь этот случай является для меня крайне неожиданным и что я не присутствовал на совещании. Очевидно, я не читал даже этой заметки, так как я принципиально ставил свои инициалы на том документе, который я прочел. Я ничего не знаю о цифрах, я их впервые вижу. Я не знаю, я не вспоминаю о них. Очевидно, я подписал еще приказ ...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я передаю Вам документ, который Вы уже читали.

КЕЙТЕЛЬ. Относительно факта, о котором Вы меня спрашивали, я должен ответить утвердительно. Я ничего не знаю о цифрах, которые здесь указаны, я знаю только факты.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы не можете ответить на мой вопрос? Вы не можете об'яснить почему вооруженные силы и другие ведомства передали 24.000 этих уже осужденных людей полиции безопасности? Вы не можете об'яснить какова была причина этого?

КЕЙТЕЛЬ. Нет, я сказал бы так. До некоторой степени я знал об этом. СД попало сюда, очевидно, по недоразумению. Очевидно, имелось ввиду то, что они будут переданы в руки полиции, а это не одно и то же.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Ну, не может быть. Вы же до-

8207

H1197 – 0028

статочно времени провели на этом процессе для того,чтобы знать,что передача СД означает арест,концентрационный лагерь,душегубку или что-нибудь в этом роде? Ведь так? Не правда ли? Именно это означает эта передача,знаете ли Вы об этом или нет?

КЕЙТЕЛЬ. Я не знал об этом,но,очевидно,что впоследствии они были направлены в концентрационные лагери. Я считаю это возможным,я не могу сказать,что этого не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид,в предпоследнем абзаце говорится об ОКВ.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да,милорд. Я перехожу к этому абзацу.Если Вы взглянете подсудимый,два абзаца,идущие за тем,которые я Вам только что зачитывал,то там сказано: "Так как ОКВ не особенно интересуется рассмотрением менее важных вопросов,все еще находящихся в ведении Трибуналов,то рассмотрение этих вопросов должно быть передано местным органам власти".

КЕЙТЕЛЬ. Что имелось в виду,об этом я не знаю,но,очевидно,на этом совещании говорилось об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Перед тем,как я представлю вам следующий документ,я хочу,чтобы Вы ясно поняли порядок рассмотрения нами этих приказов. Мы начали с приказа "Мрак и туман",который впоследствии был отменен,и мы затем перешли к декрету "Саботаж и террор".Затем мы перешли к действиям,которые были не так серьезны,как террор и саботаж,но являлись преступными действиями в соответствии с

8208

H1197 – 0029

H1197 – 0030

законами оккупирующих стран. Теперь посмотрим, что происходило с людьми, которые отказывались работать, когда их принуждали это делать. Обратите внимание на документ № 769, который представляется под № ВБ-304. Это – телеграмма генерала авиации Христиансена, который осуществлял функции главнокомандующего военно-воздушных сил в Нидерландах через своего начальника штаба. Послушайте:

"Ввиду забастовки железнодорожников все пути сообщения в Голландии прекратили работу. Железнодорожники не отзываются на призыв возобновить работу. Призыв об обеспечении автомашинами и другим видом транспорта для перевозки войск и снабжения более не встречает отклика со стороны гражданского населения. В соответствии с декретом фюрера от 18 августа 1944 года, – это – "декрет о терроре и саботаже", – который уже Вы читали, – и в соответствии с "исполнительными инструкциями начальника ОКВ", – которые Вы уже видели, – "войска могут применять вооруженную силу лишь против тех лиц, которые совершали акты насилия, будучи организаторами террора или саботажа, тогда как лица, которые угрожали безопасности или военной подготовленности оккупирующей державы методами, отличными от методов террора или саботажа, должны передаваться полиции безопасности".

Далее генерал Христиансен говорит:

"Это распоряжение оказалось слишком неопределенным и поэтому неэффективным. Во-первых, не было достаточного количества полицейских сил. Войска должны были вновь получить полномочия расстреливать в соответствии с поспешным решением суда или вообще без всякого суда лиц, которые не

являются террористами или саботажниками, согласно определению, имеющемуся в декрете фюрера, но которые своим пассивным сопротивлением подвергают опасности вооруженные силы... Прошу, чтобы декрет фюрера был изменен соответствующим образом, так как в противном случае войска эффективно не могут действовать против населения, которое, в свою очередь наносит ущерб ведению операций".

Теперь, подсудимый, согласитесь ли Вы с тем, что по решению и даже без решения суда, расстрел железнодорожников, которые отказывались работать, представляет собой одну из наиболее жестоких и зверских мер, которую когда-либо можно было представить. Вы согласны с этим?

КЕЙТЕЛЬ. Да, это жестокое мероприятие.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Каков был Ваш ответ на проведение этой жестокой меры?

КЕЙТЕЛЬ. Я не могу сказать об этом, я не помню вообще о происшедшем, но, возможно, имеется ответ.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Взгляните на документ Д-770, который представляется под № ВБ-305. Заметьте, что на этом приказе имеется пометка о том, что этот приказ был послан главнокомандующему вооруженными силами в Голландии и имеется ссылка на ту телеграмму, которую мы только что оглашали. Вы пишете: "В соответствии с приказом фюрера от 30.УП.1944 г. гражданские лица ненемецкой национальности на оккупированных территориях, которые нападают на нас с тыла, на решающей стадии нашей борьбы за существование, не могут рассчитывать на пощаду. Это должно являться основ-

8210

H1197 – 0031

H1197 – 0032

ной установкой для толкования и применения декрета фюрера и исполнительного декрета начальника ОКВ от 18 августа 1944 г. Если передача этих лиц полиции безопасности невозможна в силу военного положения и особенностей коммуникаций, должны быть приняты другие эффективные меры, безжалостные и независимые от приказов. Естественно (заметьте, что здесь слово "естественно"), что при таких условиях не может быть возражений против выполнения смертных приговоров в соответствии с решением суда".

Я не помню, подсудимый, Вы когда-нибудь командовали отдельной частью или нет? Да? Командовали ли Вы какой-либо частью помимо дивизии? По-моему, это последняя часть, которой Вы командовали. Вы не командовали отдельной частью сами? Вы не понимаете меня?

КЕЙТЕЛЬ. Я не понял, что Вы понимаете под "отдельной частью".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу сказать, что Вы лично не командовали армией или армейской группой или районом каким-либо, если я не ошибаюсь? Не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. Нет. Этого не было.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но я Вас спрашиваю, я прошу Вас поставить себя на место генерала Кристиансена. Этот ответ, который Вы ему дали, являлся прямым подстрекательством собственно говоря, прямым призывом к изданию приказа о расстреле этих железнодорожников. Вы сказали: "Безжалостно и самостоятельно принимать другие эффективные меры".

КЕЙТЕЛЬ. Но это предусматривалось и об'яснялось формой ведения процесса в военно-полевом суде, а не произволом отдельных лиц.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вторая фраза: "Естественно не может быть возражения ..." Вы видите слово "естественно", - это, наверное, "натюрлих" по-немецки? Правильно?

КЕЙТЕЛЬ. Это слово "натюрлих" - я не вижу. Здесь добавлены два слова, насколько я могу следить за переводом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Здесь сказано: "Естественно, не может быть возражения против выполнения смертных приговоров полевыми судами". Вы говорите, что не должно быть возражений против полевых судов и в дополнение к этому Вы ему говорите о том, чтобы он самостоятельно принимал самые эффективные и безжалостные меры. Если бы генерал Кристиансен начал расстреливать этих железнодорожников после получения этого Вашего распоряжения, то ни Вы, ни никто бы другой из высшего начальства не стал бы винить его за это? Не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. Да, согласно последнему предложению этого приказа он был обязан проводить следствие. Здесь сказано, что : "В этих условиях не может быть возражения против вынесения смертного приговора в результате суда". Таково было мое мнение.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но что Вы понимали под словом "принимать эффективные меры безжалостно и самостоятельно"? Что Вы хотели этим сказать, если это было обычное судебное следствие?

КЕЙТЕЛЬ. Не "кроме этого судебного следствия", а этим следствием. Это об'ясняет последнее предложение, это понима-

8212

H1197 – 0033

H1197 – 0034

лось под следствием,так как это было уже необычным,если в этих случаях начинали действовать военно-полевые суды.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да,даже Вам кажется необычным использование военно-полевых судов для расстрела железнодорожников,которые отказывались работать. Даже Вам кажется,что это слишком жестоко? Не так ли ?

КЕЙТЕЛЬ. Да,это было очень жестоким мероприятием.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Утверждаете ли Вы сейчас на суде,что после того,как Вы сделали все эти добавления к приказу,который заменил собой неодобренный Вами приказ "Мрак и туман" утверждаете ли Вы,что всякий раз Вы обращались к Гитлеру перед тем,как издавать эти исполнительные приказы и ответы,которые Вы давали?

КЕЙТЕЛЬ. В каждом случае с таким приказом я ходил к фюреру.Я должен подчеркнуть,что я не издавал ни одного приказа,не показав его фюреру. Я должен категорически заявить,что это было так.

НЕЛЬТЕ. Господин председатель,я считаю,что в переводе возникло недоразумение. Перевод слова "штандгерихт" - "военно-полевой суд", я считаю,что эти слова "военно-полевой суд" не соответствуют тому,что мы понимаем на немецком языке под словом "штандгерихт". Я не знаю,что в немецком языке понимают под словом "суммари корт",однако,я предполагаю,что тут возникло недоразумение в переводе. Здесь имеется в виду какое-то суммарное следствие.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: По-моему,я имел ввиду тот суд, о котором вчера говорил подсудимый - один офицер и два рядовых. Я имел в виду этот суд.Если я не прав, подсудимый поправит меня.Правильно ли я вас понял подсудимый?

КЕЙТЕЛЬ: Я вчера коротко говорил о судебном следствии военно-полевого суда и это было критерием для определения понятия военно-полевого суда,что желательно присутствие опытного в судебно-правовых вопросах лица, но это не обязательно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Нельте, поскольку вы коснулись вопроса о переводе, то подсудимый, как будто сказал,что в немецком тексте нет такого слова,которое на английском переводится словом "естественно",это правильно?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я проверял и мне сказали,что перевод правильный.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеется ли такое немецкое слово,которое переводится,как "естественно".Я желал бы об этом услышать от доктора Нельте?

НЕЛЬТЕ: Мне здесь говорят,что можно вызвать неправильное понимание или суждение последствие того,что в английском и американском праве "дисциплинарный суд" не имел права выносить смертные приговоры. Мне говорят здесь,что "дисциплинарный суд"...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Простите меня,д-р Нельте,я не об этом спрашивал.Я вас спросил - имеется ли такое немецкое слово, которое переводится на английский язык словом "естественно". Это разве не ясный вопрос?Возможно у вас нет немецкого текста.

КЕЙТЕЛЬ: У меня нет документа,его только что у меня взяли.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть вы возьмете немецкий текст,д-р НЕЛЬТЕ?

H1197 – 0035

H1197 – 0036

НЕЛЬТЕ. В немецком тексте написано "при таких условиях естественно". Таким образом, по-моему, неправильно при переводе на английский язык употреблять слово: "нейчерели" и ставить его в конце, так что можно подумать смысл таков: "естественно" нет никаких возражений", в то время как в немецком тексте говорится: "Против вынесения и приведения в исполнение смертных приговоров, по решению военно-полевого суда, при таких обстоятельствах естественно не имеется никаких возражений".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Значит, в ответ на мой вопрос нужно сказать "да". В немецком тексте есть слово, которое переводится на английский язык словом "естественно".

НЕЛЬТЕ. Да, однако, слова "нейчерели" (естественно) и "андер сач серкомстенсес" (при таких условия) поставлены в английском тексте в разных концах фразы, в то время, как они в немецком варианте связаны друг с другом. Это "естественно" относится к словам "при таких обстоятельствах".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу теперь перейти к другому вопросу. Вчера Вы нам сказали по поводу принудительной рабочей силы. Вы сказали, что Вы занимались этим вопросом так как испытывался недостаток в рабочей силе и Вам приходилось брать людей из военной промышленности в вооруженные силы. Ваше ведомство занималось использованием войск для облав и захвата и угона людей на принудительные работы? Не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. Мне кажется, здесь не совсем правильно это было понято. Управление по комплектованию войск в ОКВ...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если Вы намерены отрицать это, я могу представить Вам документ. Я представляю Вам

документ, в котором излагается точка зрения генерала Варлимонта и Вы скажете, согласны ли Вы с этим. Я думаю, что это сэкономит время. Обратите внимание на документ 3819-ПС, который представляется за № ВБ-306, 9 страница английского текста. Это - отчет о совещании в Берлине 12 июля 1944 года. Просмотрите быстро документ, который идет после писем от подсудимого Заукеля и подсудимого Шпеера. По-моему это на 10-й странице немецкого текста. Начинается речью д-ра Ламмерса, далее идет речь подсудимого Заукеля, потом речь, или вернее выступление свидетеля фон Штинграхта, а затем речь генерала Варлимонта. Цитирую: "Заместитель начальника ОКВ генерал Варлимонт сослался на недавно изданный приказ фюрера". Вы нашли это место? Нашли Вы это место, тогда я прочту его?

КЕЙТЕЛЬ. Да, я нашел абзац, который начинается: "представитель начальника ОКВ...."

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я прочту: "Заместитель начальника ОКВ, генерал Варлимонт сослался на недавно изданный приказ фюрера, согласно которому все германские войска должны быть использованы для изыскания рабочей силы. Всюду, где вооруженные силы полностью не используются для выполнения своих военных задач (как, например, при строительстве береговых укреплений), то их можно использовать. Генерал Варлимонт внес следующие практические предложения:

а) Войска, которые используются для борьбы с партизанами, должны в дополнение к этому заниматься задачей получения рабочей силы в партизанских районах. Всякий, кто не сможет полностью доказать цель своего пребывания в этих районах, должен быть захвачен силой;

H1197 – 0037

H1197 – 0038

б) когда крупные города в силу продовольственных затруднений полностью или частично эвакуированы, население, которое пригодно для работы, должно быть использовано, таким образом, с помощью вооруженных сил.

с) Вербовка рабочих за счет беженцев из прифронтовых районов, должна проводиться особенно интенсивно с помощью вооруженных сил".

После того, как я огласил это выступление генерала Варлимонта, вы все еще будете утверждать, что вооруженные силы...

КЕЙТЕЛЬ. Я не помню, чтобы вооруженные силы получали когда-либо приказ о том, чтобы они содействовали угону рабочих, я хочу сказать, что мне неизвестно такое требование и я не нашел здесь какого-либо подтверждения. Я ничего не знаю ни о совещании, ни о предложениях, о которых Вы говорили. Что касается меня, то для меня это все ново.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Предложения генерала Варлимонта совершенно ясны в том отношении, что вооруженные силы должны помогать при вербовке рабочей силы. Не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. Но насколько я знаю, этого не произошло. Я не знаю, что бы издавался какой-либо приказ по этому поводу. Согласно протоколу - это было предложением генерала Варлимонта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид. При этих обстоятельствах, может быть Вам следует прочесть три последующих строчки, идущие после той выдержки, которую Вы зачитали.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, я прочту. Там сказано: "Гаулейтер Заукель принял эти предложения с

благодарностью и выразил свою надежду, что таким образом будут достигнуты определенные успехи".

КЕЙТЕЛЬ. Разрешите мне сказать еще кое-что по этому вопросу? Я хотел бы просить, чтобы в данное время спросили гаулейтера Заукеля о том, действительно ли имело место участие войск в этих событиях и в какой степени. Мне об этом ничего неизвестно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не сомневаюсь, что подсудимого Заукеля в свое время будут допрашивать по этому поводу. Но в настоящее время я спрашиваю Вас: Вы заявляете, что Вы ничего об этом не знаете?

КЕЙТЕЛЬ. Нет, я не помню, чтобы по этому вопросу имелся какой-либо приказ. Что имели место переговоры об этом, я могу судить по предложению Варлимонта.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь я хочу задать вам несколько вопросов относительно убийства различных военнопленных. Я хочу, чтобы это было совершенно ясно. Вчера Вы пытались оправдать приказ о расстреле групп "командос" от 18 октября 1942 года. Вы хотели сказать, что это был правильный приказ и пытались оправдать этот приказ. Так или нет?

КЕЙТЕЛЬ. Я вчера показал, что ни генерал Иодль, ни я не были в состоянии и не считали возможным издать по этому поводу письменный приказ или составить проект такового. Мы этого не сделали, так как мы не могли ни оправдать, ни обосновать их.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Следующий вопрос, который я вам задам, заключается в следующем: Одобряете ли Вы и считаете ли Вы правильным приказ о расстреле групп "командос"?

821B

H1197 – 0039

H1197 – 0040

КЕЙТЕЛЬ. Я не возражал: во-первых, исходя из соображений установления наказания и, во-вторых, - потому, что я не мог изменить приказа, не получив личного указания Гитлера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы будете отвечать на мой вопрос? Считаете ли Вы этот приказ был правильным?

КЕЙТЕЛЬ. По своему внутреннему убеждению я считал его неправильным, однако, после того, как он был дан, я не возражал против него и ни в какой степени не высказался против него.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы ведь знаете, что ваши собственные приказы включали указания о том, чтобы парашютисты высаживались в тылу для совершения диверсионных актов. Не так ли? Вы ведь сами давали указания о направлении парашютистов в тыл к противнику. Разве Вы не помните, например, об этом в "Зеленом плане" против Чехословакии? Я могу показать Вам этот документ, если Вы желаете, но я бы очень хотел, чтобы Вы сами вспомнили об этом. Разве Вы не помните, что в ваших собственных приказах говорилось о том, чтобы десанты парашютистов высаживались на территории Чехословакии для совершения актов саботажа?

КЕЙТЕЛЬ. Нет, о таком приказе я в настоящий момент не помню.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, это на страницах 21 и 22-й книги документов.

КЕЙТЕЛЬ. Разрешите спросить - какая папка документов?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, это должно быть в вашей первой книге документов. Где-то в начале. Это - часть "Зеленого плана", документ 388-ПС, пункт 11-й. Вероятно, это где-то на 15-й - 16-й или на 20-й странице. Помните - это запись Шмундта, разделенная по пунктам?

КЕЙТЕЛЬ. Я не могу найти этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Трибунал найдет эту выдержку в конце 21-й страницы. "Для успеха этой операции будет иметь значение сотрудничество с судетскими немцами пограничных районов, с дезертирами из чехословацкой армии, с парашютистами или авиадесантными войсками, а также с диверсионными частями".

КЕЙТЕЛЬ. Мне кажется я нашел абзац, который вы имели в виду.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, это озаглавлено: "Задачи частей вооруженных сил ..."

КЕЙТЕЛЬ. Задачи частей вооруженных сил. А там написано: "Для успеха может ~~быть~~ иметь значение сотрудничество с населением пограничных районов Судетской области, перебежчиками из чехословацкой армии, парашютистами и авиационными десантными частями и органами диверсионной службы". Эти парашютисты и десантные войска действительно должны были использоваться в районе пограничных укреплений, как я вчера уже сказал, так как, по мнению сухопутных войск, средств артиллерии было недостаточно для того, чтобы разрушить эти укрепления своими силами. Здесь не имеется

B220

H1197 - 0041

H1197-0042

в виду не парашютисты и диверсанты, а военнослужащие ВВС, и в конце упоминается диверсионная служба.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. В последнюю очередь упомянуты диверсанты. Но ваши диверсионные части должны были заниматься актами диверсии, иначе они были бы бесполезны. Диверсаны должны были совершать акты саботажа. Не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. Безусловно, но не десантные войска или парашютисты, а диверсанты, которые имелись в этой области, и которые сами предоставляли себя в распоряжение этой службы, Да, это тоже имелось в виду. У нас было много таких людей в Судетской области.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не буду с Вами спорить, но я хочу внести полную ясность. Теперь я хочу вернуться к вопросу о том, как был об'явлен этот приказ фюрера. Трибунал найдет этот приказ на 64-й странице. Но я хотел бы, чтобы вы заглянули на 66 страницу книги документов, что соответствует 25-й странице немецкого текста. Это вторая фраза препроводительного письма подсудимого Иодля "командующим" относительно этого приказа. Подсудимый Иодль пишет:

"Этот приказ направляется только командующим и ни при каких обстоятельствах не должен попасть в руки врага".

Какова была причина этого ? Возможно потому, что вы и подсудимый Иодль стыдились этого приказа и поэтому вы указали на приказе о необходимости сохранения его в тайне".

КЕЙТЕЛЬ. Я не нашел этого места, хотел бы узнать общую связь. Я смотрю на страницу 25-ю, это телеграмма.

8221

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, посылается Верховным командованием вооруженных сил 19 октября 1942 года. Теперь нашли, вторая фраза.

КЕЙТЕЛЬ. От 18 октября 1942 года.

СЭР ДЭВРД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. 19-го, 19-го. Здесь ссылка на приказ от 18-го ... "Этот приказ предназначен только командующим и ни при каких обстоятельствах не должен попасть в руки противника ..." Почему Вы указали об этом? Потому что вы стыдились этого приказа ?

КЕЙТЕЛЬ. Я не видел этой телеграммы и считал бы правильным спросить об этом генерала Иодля. Я не знаю содержания, но то, что мы оба думали об этом приказе, мы уже сказали. Об'яснить этого я не могу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы не можете об'яснить мне причины этой секретности?

КЕЙТЕЛЬ. Я не знаю, какой мотив лежал в основе этого приказа и прошу задать этот вопрос генералу Иодлю. Я не видел этого документа. Но я говорил относительно моей точки зрения и говорил также о точке зрения Иодля, как мы себе это представляли.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хотел бы, чтобы вы познакомились с тем, как Гитлер говорит об этом приказе. Это имеется на 31 странице вашей папки. Это заявление Гитлера, в котором он говорит: "Сообщение по этому вопросу, которое появится в коммюнике вооруженных сил, должно кратко и лаконически сообщать о том, что части, осуществлявшие саботаж, террор и разрушения, были уничтожены все до последнего человека".

B222

H1197 – 0043

H1197 – 0044

Вы делали все,что могли. Вы - когда я говорю "вы", - я имею в виду Вас,Гитлера,Иодля и всех остальных,имеющих отношение к этому, - вы делали все возможное,чтобы не разглашать этого приказа,не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. У меня не создалось такого представления. Мы после в каждом отдельном случае,в приказах армии и в ежедневных донесениях сообщали о действительном положении дел. И я помню,что мы в сводках указывали - случилось то-то и то-то и то-то является последствием. Это я помню.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. В связи с этим я попрошу Вас взглянуть лишь на один документ. Вы помните,что после того,как Советский Союз провел процесс некоторых лиц в Харькове,вы пытались распространить некоторую контрпропаганду. Посмотрите на документ относительно этих казней - стр.308,документ УК-57. У Вас имеется копия этого документа. Я хочу спросить вас лишь о двух инцидентах. Как вы видите - это меморандум. Я хочу,чтобы вы взглянули на второй параграф,который озаглавлен: "Нападение на линкор "Тирпиц". Вы видите?

КЕЙТЕЛЬ. Одну минутку,я еще не нашел этого места относительно линкора "Тирпиц". (Пауза). Да,нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нашли. Теперь слушайте: "В конце октября 1942 года английские десантники,прибывшие в Норвегию на катере,имели приказ осуществить нападение на линкор "Тирпиц" в фиорде Дронтхейм при помощи торпед. Мероприятие оказалось неудачным,так как обе торпеды,которые были прикреплены к катеру,были потеряны в бурном море. Из

команды, состоящей из восьми англичан и четырех норвежцев, группа из трех англичан и двух норвежцев была остановлена на Шведской границе. Однако, лишь один английский моряк Роберт Поль Эванс, родившийся 14 января 1922 года в Лондоне, мог быть арестован. Остальные же бежали в Швецию. Эванс имел кобуру для пистолета, которую обычно используют для ношения пистолета, а также кастет". И на следующей строчке говорится: "данный случай не мог доказать какое-либо нарушение международного права". Передавались ли, в соответствии с этим приказом, инциденты подобного рода на ваше усмотрение?

КЕЙТЕЛЬ. Я не помню о самом событии, но я вижу, что об этом сообщалось здесь одним из отделов.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы говорили нам, что в течение 41 года вы были солдатом, подчеркнув тем самым ваше военное положение. Скажите, в соответствии со всеми военными традициями, что неправильного сделал этот парень, который пытался торпедировать линкор? В чем заключалась его неправильность?

КЕЙТЕЛЬ. Нет, эти действия были направлены против военных средств и если его проводили солдаты, как военнослужащие вооруженных сил, то это является нападением с целью ликвидировать линкор путем диверсионного акта.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если кто-либо готов торпедировать линкор, то в чем заключается вина солдата, который осуществляет это? Я хотел бы знать, как вы это понимаете? Вы, как человек, который в течение 41 года был солдатом, что вы видите что-либо неправильного в том, если человек с помощью одной торпеды храбро пытается потопить линкор? Скажите нам. Я не понимаю, что в этом неправильного?

B224

H1197 – 0045

H1197 – 0046

КЕЙТЕЛЬ. Нет, это так же неправильно, как и нападение, если оно имело успех, произведенное с помощью авиационной бомбы. Я признаю, что это правильно, что такое нападение весьма возможно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если вы не видите ничего неправильного в этом случае, то я не буду останавливаться на других случаях. Они сходны. Люди в военной форме нападают на немецкие суда. Но я хочу понять одно. Вы были фельдмаршалом, вы продолжали традиции Бюхера, Гнейзенай, Мольтке. Как вы могли терпеть, чтобы все эти люди были убиты один за другим и не протестовать против этого?

КЕЙТЕЛЬ. Причины, по которым я не заявлял протеста и не оказывал сопротивления, я уже подробно изложил и в этом я ничего не могу сегодня изменить. Я знаю, что эти случаи имели место и знаю также их последствия.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но, фельдмаршал, я хочу, чтобы вы вот что поняли. Насколько мне известно, в немецком военном уставе так же, как и в любом другом военном уставе, нет никакого обязательства со стороны солдата выполнять приказ, который, он знает, является неправильным и противоречит законам ведения войны. Это имеется в вашей армии, нашей армии и в других армиях. Не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. Я не сам лично следил за выполнением приказа от 18 октября 1942 года. Я не был лично ни в устье Миронды, ни при нападении на линкор "Тирпиц", я только признал, что таковой приказ был издан со всеми предусмотренными в нем

наказаниями, которые в значительной мере затрудняли командующим изменение или своевольное отклонение от этого приказа. Сэр Дэвид спросил меня считаю ли я этот приказ правильным и целесообразным ? На это я Вам ясно ответил, что мне было невозможно предотвратить как операции в устье Жиронды, так и нападение на линкор, если бы даже это зависело от меня.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я привел только два случая. Имеются многочисленные другие случаи, имевшие место в Италии и других странах. Я хочу вас спросить вот о чем, - как вы сотню раз уже сказали, вы были продолжателем военных традиций. Вы имели за своей спиной офицерский корпус со всеми его ...

КЕЙТЕЛЬ. Нет, господин Дэвид, я должен возразить. Я не отвечал ни за военно-морской флот, ни за сухопутные войска, ни за ВВС. Я был начальником штаба, а не командующим. Я не имел права следить за выполнением приказов во всех частях вооруженных сил, которые имели своих командующих.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Мы уже слышали о положении, которое вы занимали в штабе, но я хочу уточнить этот вопрос. Вы были фельдмаршалом, Кесселькринг был фельдмаршалом, Мильх был фельдмаршалом. Вы все прошли, как я понимаю, военную подготовку и все вы оказывали влияние, если не осуществляли командование вооруженными силами Германии. Как случилось, что ни один из вас, ни один из тех, кто являлся продолжателем военных традиций, не имел смелости выступить против такого безжалостного убийства людей? Это-то, что я хочу знать.

КЕЙТЕЛЬ. Нет, я этого не делал. Я в отношении этих событий не заявлял потом никакого протеста. Больше я ничего не могу сказать по этому вопросу, а за других я говорить не могу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если вы более ничего по этому

H1197 – 0047

H1197 – 0048

поводу не можете сказать, тогда посмотрим, что вы делали с нашими французскими союзниками, потому что французская делегация просила меня коснуться ряда вопросов.

Вы помните, что на восточном фронте вы взяли в плен несколько французов, которые детали с русскими. Вы помните, о том, какой приказ был издан по этому поводу? Вы взяли в плен несколько сторонников де-Голля или "деголлистов", как вы их называете, - это были свободные французы, которые сражались на стороне русских. Вы помните, какие Вы приняли меры в отношении этих лиц?

КЕЙТЕЛЬ. Я помню о передаче одного приказа фюрера, а именно приказа о передаче этих французов правительству, признанному нами в качестве правомочного правительства.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это, конечно, не та часть приказа, которую я хочу представить вашему вниманию. "Необходимо в должных случаях проводить детальное расследование относительно родственников тех французов, которые сражаются на стороне русских. Если эти родственники проживают на оккупированной территории Франции и расследование показывает, что эти родственники помогали в отношении побега из Франции, то должны быть приняты строгие меры. ОКВ/Дубль "В" Р. должно провести необходимую подготовку совместно с местными главнокомандующими, СС и полицейскими властями". Подписано "Кейтель".

Можете ли Вы представить себе больший ужас, чем принятие жестоких мер против/матери молодого человека, которая помогала ему сражаться вместе с союзниками за свою родину. Вы можете себе представить что-либо более ужасное, чем это?

КЕЙТЕЛЬ. Я могу себе представить большую трагедию, когда я потерял собственных сыновей на поле боя.

Я не выдумываю это. Эта мысль исходит не от меня,я ее только передал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы предпочитаете говорить о другом вопросе,чем тот,о котором говорю я.Гибель сыновей на войне - это ужасная трагедия.Принятие жестоких мер против матери,сын которой хочет сражаться на стороне союзников его родины, - является чудовищным.Первое - это трагедия,второе -это предел всякой жестокости.

КЕЙТЕЛЬ. Я могу сказать по этому поводу только то,что здесь не говорилось о том,какие расследования и меры проводились по этому поводу.Этого я не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если это все,что вы можете сказать, тогда я могу Вам показать еще кое-какие документы?

КЕЙТЕЛЬ. Нет,я хотел бы добавить,что я сожалею о том,что какие-то лица делаются ответственными за зверства их сыновей.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Не будем терять времени - не будем заниматься мелочами и спорить о значении слов "злодеяния".Если Вы рассматриваете это как злодеяния,то нам не следует дальше на этом останавливаться.Я протестую против того,чтобы Вы употребляли такое слово.Такой случай не был единичным.Взгляните на страницу 110 (а) книги документов,которую вы имеете. В вашей книге это 122 страница.Это приказ от 1 октября 1941 года:"Нападения на военнослужащих,которые совершаются в последнее время на оккупированных территориях,дают основания указать,что было бы желательным,чтобы военные командующие всегода имели в своем распоряжении ряд заложников различных политических направлений,а именно: 1) националисты,2) буржуазные демократы,3) коммунисты.Важно,чтобы среди них были хорошо известные ведущие личности или члены их семей,чьи имена должны быть хорошо известны.В зависимости от партийной принадлежности заложники должны будут расстреливаться в случае совершения нападения.Предлагается дать соответствующие указания по этому поводу командующим. Подписано Кейтель".

Почему Вы были так привередливы относительно того,что если вы арестовывали буржуазного демократа,ваши командиры имели достаточно оснований для того,чтобы расстреливать этих буржуазных демократов в качестве заложников. Я думал,что вы не были политиком.

8228

H1197 – 0049

H1197 – 0050

45 о.

КЕЙТЕЛЬ. Я не был жадным. Эта мысль не исходила от меня. Эта мысль, однако, соответствует уставу о заложниках - тому официальному уставу, о котором я говорил вчера, или позавчера. И здесь говорится о том, что те лица, которые берутся в качестве заложников, являлись представителями тех кругов, которые производили покушение. По-моему, это об'яснение или подтверждение этому.

8229

H1197 – 0051

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы были согласны с таким правилом, что в случае если вы узнавали, что член буржуазно-демократической семьи принимал участие в каком-нибудь диверсионном акте или участвовал в сопротивлении, то Вы должны были расстреливать вместо него целый ряд других социал-демократов? Вы согласны были с этим?

КЕЙТЕЛЬ: Я уже показал, как проводились мероприятия по расстрелу заложников. О них давались соответствующие приказы, а именно они распространялись на тех, кто приговаривался к смертной казни?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я Вас спрашиваю, подсудимый, одобряли ли Вы или нет такое положение, чтобы несколько буржуазных демократов расстреливались как заложники за одного буржуазного демократа, который...

КЕЙТЕЛЬ: Здесь этого не написано. Здесь написано лишь о взятии заложников, а не о расстреле.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Перед тем как отрицать это, взгляните на документ: "В зависимости от политической принадлежности преступника должны быть расстреляны заложники из соответствующей группы в случае совершения нападения".

КЕЙТЕЛЬ: Если это здесь написано, то, очевидно, я поступал таким образом, выполняя приказ. Как это выглядело практически, это можно установить из документов относительно совещаний с командующими.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь ответьте на мой вопрос: Вы одобряли это?

КЕЙТЕЛЬ: Я лично придерживаюсь другого мнения по поводу системы заложников, однако, я подписал этот приказ, так как мне было дано соответствующее указание.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы говорите, что Вы придерживаетесь другого мнения. Взгляните на одно письмо от г-на Тербовена, начальника в Норвегии. Это документ ПС-870 на стра-

H1197 – 0051

H1197 – 0052

нице 85-й - 71-а, который представляется под № ВВ-307. Это письмо Тербовена для сведения фюрера. Я хочу, чтобы вы взглянули на второй параграф "Контрмеры", пункт 4-й. Вы нашли это? Простите, я вам сообщил номер, может быть вы не услышали его: страница 71-а книги документов. Извините, я нелепо это сказал.

Милорд, мне сообщили, что этот документ уже представлен французской делегацией под № РФ-281. Я дал номер этому документу из серии ВВ.

Вы нашли раздел 2-й, параграф 4-й? Вы нашли?

"Я только что получил телеграмму от фельдмаршала Кейтеля, в которой требуется издание декрета, согласно которому члены соответствующей группы, а если необходимо - родственники и близкие родственники, должны нести ответственность за диверсионные акты, совершенные в данном районе. Это требование является разумным и обещает успех только в том случае, если мне будет разрешено расстреливать таких лиц. Если это невозможно, тогда этот декрет приведет к противоположному действию. А рядом со словами "если мне будет разрешено- производить расстрелы",- имеется пометка карандашом, которую вы сделали, и сказано: "Да, это лучше".

Это уже третий номер, когда вы сами утверждали и подстрекали к расстрелу родственников за действия того или иного члена семьи. Что вы можете на это сказать? Вы сами написали.

КЕЙТЕЛЬ: Я сделал эту пометку. Соответствующий приказ гласил, однако, иначе. Эту пометку сделал я.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это то, о чем я хотел знать. Почему вы написали "Да, это лучше" и таким образом одобрили расстрел родственников тех лиц, которые нарушили какие-то правила оккупации в Норвегии. Почему вы считали, что лучше расстреливать родственников? Почему?

H1197 - 0054

КЕЙТЕЛЬ: Этого не произошло, об этом не давали приказа. Были даны другие распоряжения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не об этом вас спрашивал. Я вам еще раз дал возможность ответить на этот вопрос. Почему сами Вы написали на этом документе: "Да, это лучше"?

КЕЙТЕЛЬ: Я сегодня не могу этого объяснить, так как я просматривал сотни документов в день. Я это написал и я это признаю здесь.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Конечно, поскольку это не представляет собой что-нибудь совершенно отличное от того, что вы написали, то это значит, что вы лично одобрили это и решили, что лучше всего расстреливать родственников.

По-моему, милорд, вы хотели объявить перерыв. Я еще не окончил и некоторые вопросы я бы хотел перенести на понедельник.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Подсудимый может вернуться на скамью подсудимых, а мы перейдем к разбору других ходатайств. Сэр Дэвид, будем ли мы соблюдать тот же порядок рассмотрения ходатайств, что и раньше?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд. Первое ходатайство, которое у меня имеется - это ходатайство подсудимого Кальтенбруннера о вызове свидетеля по фамилии Хесс - бывшего коменданта лагеря в Освенциме. Милорд, обвинение не возражает против этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это ходатайство как будто представлено со стороны многих защитников.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. О, да, совершенно верно, милорд, совершенно верно. Обвинение считает, что, поскольку данный свидетель является комендантом концентрационного лагеря в Освенциме, то он может представить Трибуналу очень ценные информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Штамер, вы один из защитников, который

8232

H1197 - 0053

H1197-0054

ходатайствовал о вызове этого свидетеля. Желаете ли вы что-нибудь добавить к тому, что здесь сказано?

Д-р ШТАМЕР: Я не могу ничего добавить к этому письменному ходатайству.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодарю Вас, Трибунал рассмотрит это ходатайство.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, далее идет ходатайство о вызове д-ра Невиля. Трибунал разрешил подсудимому Герингу вызвать этого свидетеля, если будет установлено его местонахождение. Он находится в Швейцарии и, насколько я понимаю, он поставил Трибунал в известность о том, что он считает нецелесообразным приезжать сюда в качестве свидетеля подсудимого Геринга. Теперь о вызове этого свидетеля ходатайствует д-р Нельте, защитник подсудимого Кейтеля, который хочет доказать, что с военнопленными обращались в соответствии с правилами Женевской конвенции, принимая во внимание, что д-р Невиль был представителем Красного Креста. Мне сообщили, д-р Невиль может удовлетвориться опросным листом и Обвинение не возражает против опросного листа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Нельте...

/К микрофону подходит д-р Нельте/.

НЕЛЬТЕ. Это правильно. Я согласен с тем, если мне разрешат это, чтобы послать д-ру Невилю опросный лист в письменном виде. Я прошу однако разрешить мне дополнить кое-что по этому вопросу, не по поводу данного ходатайства, а по поводу другого ходатайства, которое я уже вчера или позавчера передал через отдел переводов Обвинения.

Трибунал отклонил мое ходатайство о вызове в качестве свидетеля стенографа Гитлера, как не относящееся к делу. Я получил от одного из стенографов письмо и показания под присягой. В этих письменных показаниях под присягой имеется

раздел, который занимается вопросом о поведении Кейтеля по отношению к Гитлеру, которое выражается в его докладах и представлениях по некоторым вопросам. В этом зале суда и в общественной критике часто говорилось о том, что подсудимые всегда ссылаются на мертвых, когда хотят что-либо привести в доказательство своей невиновности. Кейтель хотел бы, чтобы ту часть аффидевита, показаний, которую я уже предъявил суду, и ту, которую я хочу предъявить, весь документ был допущен в качестве доказательства для того, чтобы не вызывать свидетеля, но с тем, чтобы мне была дана возможность по согласованию с Обвинением огласить его.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, если д-р Нельте представит эту выдержку, мы рассмотрим ее. До сих пор я не имел возможности это сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. Если вы не возражаете, то, пожалуйста.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Очень хорошо. Вы можете мне дать копию этой выдержки?

Д-р НЕЛЬТЕ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, следующее ходатайство подано от имени подсудимого фон Шираха. Он ходатайствует о разрешении представить письменное показание, данное под присягой д-ром Гансом Коросом. Суть письменного показания сводится к тому, что подсудимый пытался обходить партийные директивы по вопросу литературы и искусства и, будучи гаулейтером Вены, неоднократно заступался за евреев и вмешивался в дела концентрационных лагерей и заступался за заключенных. Милорд, Обвинение не возражает против представления этого письменного показания. Далее следует ходатайство подсудимого Функа о посылке опросного листа Мессершмитту.

H1197 – 0055

H1197 – 0056

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минутку.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Извините пожалуйста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ./Пауза/. Да, сэр Дэвид, продолжайте.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, далее идет ходатайство подсудимого Функа, который просит послать опросный лист Мессершмитту по вопросу о связи Функа с партией и его работой в министерстве пропаганды. Милорд, Обвинение не возражает, но оно хотело бы напомнить Трибуналу, что подсудимый Функ 15 марта уже ходатайствовал о направлении опросного листа Мессершмитту по поводу письменных показаний последнего. Обвинение не возражало, но насколько мы знаем, Трибунал еще не принял решения по этому поводу. Я просто хочу напомнить Трибуналу о ходатайстве, которое имелось ранее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду, что 15 марта подсудимый Функ ходатайствовал о посылке опросного листа или речь шла о письменном показании.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Опросный лист, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Опросный лист? Мы должны были принять уже решение по этому вопросу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, насколько нам известно, решение еще не принято. Мы лишь хотели напомнить Трибуналу, что имеется еще одно ходатайство, по которому не было принято решения. Со стороны Обвинения нет возражений.

Затем мы имеем ходатайство Розенберга об истребовании приказа Гитлера Розенбергу от июня 1943 года. Со стороны Обвинения против этого нет возражений. Милорд, затем мы имеем ходатайство подсудимого фон Нейрата о направлении опросного листа профессору Кассуту, проживающему в Праге. Обвинение не возражает против этого. Затем, милорд, идет ходатайство д-ра Дикса, защитника Шахта. Доктор Дикс ходатайствовал о вызове свидетеля г-на Гилса. Ему было разреше-

но вызвать свидетеля. Теперь он хочет послать ему опросный лист, вместо того, чтобы его вызвать сюда. Милорд, мы не возражаем против этого.

ДИКС. Это свидетель Гельде. Он был утвержден в качестве свидетеля. Для того, чтобы упростить и сократить дело, я принял решение отказаться от этого свидетеля, так как получены письменные показания под присягой. В то время, как я подал заявление о том, что я отказываюсь от него, свидетель прибыл в Нюрнберг и теперь он находится здесь. Мне кажется, что теперь лучше всего, чтобы он остался здесь и чтобы мне было разрешено допросить его, таким образом, чтобы я предложил ему эти письменные показания и спросил, подтверждает ли он это и чтобы мне было разрешено поставить несколько дополнительных вопросов. Мне кажется, что это гораздо практичнее, чем если бы свидетель, который сейчас прибыл сюда, был отправлен назад, и остался бы только один аффидевит. Я хотел бы еще указать на трудности вызова свидетелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что этот свидетель находится в заключении или он интернирован?

ДИКС. Нет, он не находится в заключении, он не находится также в плену. Он может свободно передвигаться по Нюрнбергу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может ли он здесь остаться до того, как начнется рассмотрение дела Шахта?

ДИКС. Он мне сказал, что он хочет и может здесь остаться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, мы не возражаем, тем более, что вы уже разрешили это доктору Диксу. Если д-р Дикс пожелает его вызвать в качестве свидетеля, то Обвинение не будет возражать. Дальше идет ходатайство подсудимого Штрейхера. Он хочет иметь письменное показа-

H1197 – 0057

H1197-0058

ние от д-ра Герольда. Обвинение считает, что следует послать опросный лист, а не брать письменные показания. Если это будет сделано, тогда мы не будем возражать.

/Обращаясь к председателю/: Милорд, это, кажется, все. Я должен сказать, что мы имели очень полезную беседу с д-ром Диксом вчера, в соответствии с предложением Трибунала о рассмотрении документов. Д-р Дикс оказал большую помощь, объясняя цель документов и что они из себя представляют. Я бы предложил, чтобы другие защитники, когда они объяснят цель своих документов, также объяснили, зачем они вызывают свидетелей, или г-ну Додду, или мне. Я, конечно, не хочу принуждать их, но если бы они добровольно согласились это сделать, то это в значительной мере сэкономило бы время и тогда мы заранее могли бы указать, будем ли мы соглашаться с показаниями этого свидетеля, или будем пытаться опровергнуть их. По-моему, если это будет сделано в отношении свидетелей так же, как в отношении документов, то это могло бы сэкономить время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, вы предлагаете, чтобы защитники объяснили характер показаний, которые будут давать свидетели, и если Обвинение не будет опровергать эти показания, то можно было бы их представить в форме письменных показаний?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, тогда устные показания свидетелей нам не нужны были бы. Можно было бы принять форму письменных показаний. Конечно, общая цель вызова свидетеля имеется в ходатайстве, но, если бы после беседы со свидетелем защитники могли более детально изложить характер показаний, то тогда я мог бы избавить их от излишней работы и сэкономить значительное время для Трибунала.

H1197-0059

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По-моему,Трибунал хотел знать,считают ли защитники, что это является возможным путем для сокращения показаний. Быть может д-р Дикс сможет нам об этом сказать.

ДИКС. Я, естественно, сейчас не могу сделать заявление относительно точки зрения по этому поводу моих коллег, так как я не могу читать их мысли по их лицам. Я могу заявить в настоящий момент, что тот вид беседы, которую я имел честь вчера вести, я считаю практически целесообразным и весьма рекомендовал бы его моим коллегам. Я лично считаю, что не может быть таких оснований, которые говорили бы против этого. Но возможно, что такие основания имеются? Больше я ничего не могу сказать в данный момент.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы понимаете, что имел в виду сэр Дэвид? Он имел в виду, чтобы такие беседы касались не только документов, но и свидетелей. Если бы вы при предоставлении ходатайств могли бы подробно указать, каков будет характер их показаний, тогда при этих обстоятельствах Обвинение могло бы сказать, что по таким-то, например, вопросам мы не будем опровергать показания, и их можно было бы включить в письменные показания.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если разрешите, милорд, то,мне кажется, если бы защита смогла сообщить о характере показаний свидетелей, то в большинстве случаев Обвинение совершенно не возражало бы против этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Дикс, быть может вы и другие защитники могли бы обсудить этот вопрос?

ДИКС. Да, я понял это точно так, как сейчас сказал милорд. Я беседовал с г-ном Дэвидом как в отношении документов, так и в отношении свидетелей, и это было очень полезным, и в этом духе...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, тогда, кажется, все. Мы объявляем перерыв.

/Объявляется перерыв до 8 апреля 1946 года/.

8238

H1197 – 0059

H1197 – 0060

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 8 апреля 1946 года

(УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Подсудимый Кейтель занимает место за свидетельским пультом.

Перекрестный допрос + (продолжение).

Сэр Дэвид МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу Вам задать несколько вопросов относительно расстрела офицеров,которые совершили побег из лагеря Саган.Насколько я понял Ваши показания,очень скоро после побега Вы имели беседу с Гитлером,во время которой несомненно, присутствовал Гиммлер.Это правильно,не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. Через день после побега состоялось это совещание с фюрером.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Далее,Вы утверждаете,что на этом совещании Гитлер сказал,что военнопленные не должны быть переданы в ведение Вермахта,а должны остаться в руках полиции.Таковы были Ваши слова.Это правильно,-не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы это сказали.Вы сказали, что это именно так произошло.Вы с чувством внутреннего удовлетворения покинули это совещание,зная о том,что эти офицеры будут расстреляны.Так это было?

КЕЙТЕЛЬ. Нет,так это не было.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Но Вы согласитесь с тем,что Вы были удовлетворены тем,что существовала весьма серьезная возможность расстрела этих офицеров.

КЕЙТЕЛЬ.В моем подсознании,когда я поехал домой,было подобное опасение,но,во всяком случае,на совещании я его не выразил.

H1197 – 0062

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Затем Вы послали за генералом фрн Гревениц и генералом Вестгофом,- не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. Да,это правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не знаю,можете ли Вы вспомнить это,поскольку генерал Вестгоф по сравнению с Вами был младшим офицером,но он сам утверждает,что это был первый случай,когда Вы послали за ним.Вы припоминаете это?

КЕЙТЕЛЬ.Нет,я не вызывал его,он пришел вместе со всеми для того,чтобы его представили мне. Я его не узнал.Я вызывал только генерала фон Гревенитц.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы его никогда не встречали ранее?Вы соглашаетесь с тем,что Вы никогда не встречали генерала Вестгофа до того,как он приступил к этой работе?

КЕЙТЕЛЬ. Нет,я не видел его раньше.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Он так и заявил.Вы соглашаетесь, насколько я понял из Ваших показаний,с тем,что Вы были очень возбуждены и очень нервничали?

КЕЙТЕЛЬ. Да,и я в самой резкой форме выразил свое возбуждение и недовольство по этому поводу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Таким образом, Вы согласны с показанием генерала Вестгофа,что Вы высказались приблизительно следующим образом: "Господа,это очень скверное дело", или "Господа,это очень серьезный вопрос", или сказали что-либо подобное?

КЕЙТЕЛЬ.Да,я сказал,что это чрезвычайно серьезное дело.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Генерал Вестгоф в следующей своей фразе утверждает,что Вы сказали: "Сегодня утром в присутствии Гиммлера Геринг упрекал меня за то,что я допустил побег еще нескольких военнопленных.Это было неслыханно."

8240

H1197 – 0061

H1197 – 0062

КЕЙТЕЛЬ. Это-заблуждение со стороны Вестгофа.Это было днем позже,так как мы были в Берхтесгадене,и генералы фон Гревениц и Вестгоф пришли на следующий день ко мне.И далее недоразумение состоит в том,что я в этой связи якобы упомянул имя рейхсмаршала Геринга.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Вы,повидимому,не особенно уверены в том,присутствовал ли тогда Геринг или нет.Вы в этом не особенно уверены,не правда ли ?

КЕЙТЕЛЬ. Я стал сомневаться тогда,когда мне на предварительном следствии сказали,что свидетели подтверждают,что Геринг присутствовал. На это я ответил,что это не совсем исключено, но что я не помню этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо,давайте изложим это совершенно ясно.Когда Вас допрашивал американский офицер,он указал Вам на точно то же самое предложение,которое я указал Вам сейчас.Он указал Вам на это же предложение из показаний генерала Вестгофа.Помните ли Вы,что он зачитал Вам ту же фразу,которую я сейчас зачитал Вам? "Господа,это скверное дело;сегодня в присутствии Гиммлера Геринг упрекал меня за то,что я допустил побег еще нескольких военнопленных.Это было неслыханно." Вы помните,что следователь задал Вам этот вопрос,не так ли?

КЕЙТЕЛЬ.Да,что-то подобное было при допросе,но я тут же сказал,что я не знал ,что Геринг был там.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я намереваюсь изложить точно то,что Вы сказали; а Вы слушайте внимательно и,если Вы с чем нибудь не будете соглашаться, -сообщите об этом Трибуналу. Вы сказали: " Я прошу,чтобы Вы допросили Иодля обо всем этом инциденте и о том отношении,которое я проявлял к этому в течение всего совещания в присутствии Геринга, но в его присутствии на этом совещании я не абсолютно уверенно Гиммлер там не присутствовал." Таково было Ваше мнение,когда Вас допрашивали 10 ноября, - не так ли? Вы сказали: "...в течение

H1197 – 0063

всего совещания в присутствии Геринга,однако,в его присутствии я не абсолютно уверен."Таково было Ваше мнение,которое Вы изложили 10 ноября ?

КЕЙТЕЛЬ. Очевидно была совершена ошибка при составлении протокола.Я никогда не читал этого.Я высказал свою неуверенность в отношении присутствия Геринга на этом совещании и также попросил допросить по этому вопросу генерал-полковника Иодля, так как я (был не) уверен,что Геринг ~~Я~~ присутствовал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы согласны с тем, что Вы попросили,чтобы по этому вопросу был допрошен генерал Иодль ?

КЕЙТЕЛЬ. Да,я сделал такое предложение.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо,каковы Ваши возражения в отношении второго предложения: -"В течение всего совещания в присутствии Геринга, в присутствии которого я,однако, не абсолютно уверен "?

Такова ведь была Ваша мысль?

КЕЙТЕЛЬ.Да,я был очень поражен на допросе,когда услышал, что свидетели подтвердили это, и тогда я подумал,что Геринг был действительно там.Я начал сомневаться и попросил допросить по этому вопросу генерал-полковника Иодля.Но в это время я уже совершенно убедился в том,что Геринг не присутствовал на этом совещании и что я был прав в своем первом мнении.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Обсуждали ли Вы этот вопрос с Герингом,когда Вы оба ожидали начала процесса ?

КЕЙТЕЛЬ .После моего допроса я имел возможность побеседовать с рейхсмаршалом Герингом и он сказал: "Вы ведь должны знать,что меня там не было."И я тогда вспомнил,что это так.

H1197 – 0063

H1197 – 0064

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Как Вы заявили, рейхсмаршал сказал Вам,что он не присутствовал на этом совещании.Это правильно, - не так ли ?

КЕЙТЕЛЬ. Генерал-полковник Йодль также подтвердил,что рейхсмаршал Геринг не присутствовал на этом совещании.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Сказали ли Вы генералу фон Гревеницу и генералу Вестгофу,что вмешался Гиммлер с жалобой на то,что ему придется предоставить дополнительно 60-70 тысяч человек для охраны ? Вы им это говорили ?

КЕЙТЕЛЬ. Нет,это тоже недоразумение,я этого не говорил. Это неправда.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы сказали,что вмешался Гиммлер.

КЕЙТЕЛЬ. Я только сказал,что Гиммлер вообще доложил только о факте побега, и я не был намерен в этот день докладывать Гитлеру,потому что некоторые бежавшие уже были возвращены в лагерь.В этот день я не собирался докладывать об этом фюреру.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Что бы Вы об этом ни сказали генералу фон Гревениц,Вы согласитесь с тем,что Гревениц протестовал и заявил: "Побег не является позорным проступком, это специально предусмотрено Конвенцией ."

Разве он не сказал этого ?

КЕЙТЕЛЬ. Да, это он сказал.Но я хочу добавить,что показания генерала Вестгофа являются показаниями,основанными на воспоминаниях,которые относятся к давно прошедшему периоду времени.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да,но,насколько я понимаю Ваши показания,Вы соглашаетесь с тем,что генерал фон Гре-

H1197 – 0065

H1197-0065

вениц протестовал против той "акции", которая была предпринята, не так ли?

КЕЙТЕЛЬ. Да, это было так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. А затем, после того, как он выступил с протестом, - сказали ли Вы следующие слова, - я сейчас зачитаю, разумеется, выдержку из показаний генерала Вестгофа:

"Мне наплевать на это дело. Мы обсуждали это в присутствии фюрера и это не может быть изменено."

Вы говорили что-нибудь подобное ?

КЕЙТЕЛЬ. Нет, это было не так. Вероятно я сказал что-либо подобное.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Подобного содержания?

КЕЙТЕЛЬ. Я сказал что-нибудь подобное.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Сказали ли Вы после этого, что Ваша организация - управление по делам военнопленных, - должна была опубликовать об'явление во всех лагерях заключения, где содержались военнопленные, в котором все военнопленные ставились в известность о том, какая "акция" имела место в этом случае, для того, чтобы она послужила устрашением для других военнопленных, пытавшихся совершить побег? Инструктировали ли Вы этих генералов, руководителей Вашей организации, занимавшейся делами военнопленных, о том, чтобы они опубликовали об'явление для заключенных в лагерях, где говорилось о том, какая "акция"

H1197-0065

H1197 – 0066

была осуществлена с целью оказания устрашающего действия ?

КЕЙТЕЛЬ.На основании того,что я знал из английского правительственного донесения,я продумал это и считаю, что здесь имеет место какое-то недоразумение в отношении разграничения дат. На этом совещании я,по-моему, не сказал этого.Об этом я сказал несколько позднее,спустя несколько дней.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо,Вы найдете это высказывание в представленном нами показании генерала Вестгофа,где в конце третьей страницы генерал Вестгоф говорит:

"Фельдмаршал дал нам подробные инструкции об опубликовании в лагерях списка имен расстрелянных в виде предупреждения. Это было сделано. Это был прямой приказ и мы не могли не подчиниться ему ."

В показаниях,которые были представлены Суду Вашим защитником,генерал Вестгоф говорит:

"Это должно прекратиться.Мы не можем допустить, чтобы это снова случилось.Офицеры,совершившие побег, будут расстреляны. Я должен сообщить Вам,что большинство из них уже сейчас мертвы,и Вы опубликуете об'явление об этом в тех лагерях заключения,где содержатся военнопленные,поставив всех военнопленных в известность о том,какая "акция"была предпринята в этом случае, для того,чтобы она стала устрашающим примером для других военнопленных,пытающихся совершить побег . "

КЕЙТЕЛЬ.Разрешите мне высказаться по этому вопросу?

H1197 – 0067

(К микрофону подходит защитник Нельте).

НЕЛЬТЕ: Господин представитель Обвинения ссылается на документ, который я представил в своей книге документов. Я полагаю, что это был именно этот документ. Это тот документ, который хотело пред'явить здесь французское Обвинение и против которого я возразил, так как этот документ являлся сборником различных допросов, который составлен полковником Вильямсом. То, что я представил этот документ, было сделано только для того, чтобы во время допроса генерала Вестгофа доказать, что этот документ в 23-х пунктах не соответствует тому, что в действительности показал генерал Вестгоф. Он дал мне все соответствующие об'яснения по этому вопросу, но, к сожалению, я только завтра могу допросить его на суде в качестве свидетеля. Поэтому я прошу, если господин представитель английского Обвинения будет ссылаться на свидетеля Вестгофа, представить, по крайней мере, то его заявление, которое он сделал под присягой по требованию представителя американского Обвинения полковника Вильямса. Этот аффидевит не был до сих пор еще пред'явлен, в то время как все другие документы содержат по существу только сообщения, которые Вестгоф не получал ни для зачитывания ни для подписи и которые со стороны генерала Вестгофа не были подтверждены под присягой.

Сэр Дэвид Максуэлл ФАЙФ: Я хочу раз'яснить, что я не представлял в качестве доказательства ничего из первого показания, которое не содержится в книге документов защиты. Я ожидал жалоб другого рода, а именно, что, если бы я взял только данные нам показания, тогда можно было бы сказать, что они несколько отличаются от доказательств защиты, хотя разница между нашими документами и теми, которые имеются в документальной книге защиты, весьма незначительна. Я тщательно сравнил

H1197 – 0067

H1197 – 0068

те и другие доказательства. Фактически между ними нет никакой разницы, но я считал только справедливым привести как тот, так и другой вариант.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что перекрестный допрос ведется совершенно правильно. Конечно, если доктор Нельте вызовет генерала Вестгофа в качестве свидетеля, тогда в результате допроса он сможет сделать любые исправления, которые генерал Вестгоф сочтет необходимым внести в свои письменные показания, данные под присягой.

Сэр Дэвид Максуэлл ФАЙФ: Хорошо, милорд. (Обращаясь к свидетелю). Сейчас я хотел бы узнать следующее: приказали ли Вы генералу фон Гревениц и генералу Вестгоф опубликовать во всех лагерях сообщение о мерах, принятых в отношении этих офицеров?

КЕЙТЕЛЬ: Да, но спустя несколько дней, а не в тот день, когда эти офицеры были у меня.

Сэр Дэвид Максуэлл ФАЙФ: Насколько позднее?

КЕЙТЕЛЬ: Мне кажется, это было 3 или 4 дня спустя. Я сейчас точно не могу этого установить. Во всяком случае, это произошло в связи с тем, что я узнал о расстрелах.

Сэр Дэвид Максуэлл ФАЙФ: Итак, как раз через три - четыре дня начались расстрелы. Но, что именно было опубликовано? Что, как Вы сказали, должно было быть опубликовано относительно принятых мер?

КЕЙТЕЛЬ: В лагерях должно было быть вывешено предупреждение. По моему мнению, там речь не шла о расстрелах, а только о предупреждении относительно того, что беглецы не будут возвращаться в лагерь. Я сейчас точно не помню текста этого об'явления, но в нем имелась ссылка на приказ, который я

H1197 – 0069

получил от фюрера после разговора с ним в отношении расстрелов.

Сэр Дэвид Максуэлл ФАЙФ: Итак, было бы справедливым изложить то, что Вы помните об этом приказе, следующим образом: насколько Вы припоминаете, возможно, что те, которые пытались бежать, должны были быть переданы СД и, что, несомненно, в отношении их должны были быть приняты самые суровые меры? Было бы справедливым изложить то, что Вы помните, таким образом?

КЕЙТЕЛЬ: Я помню, надлежало вывесить об'явление, содержавшее предупреждение или угрозу в отношении того, что беглецы не будут возвращаться в лагери. Насколько я помню, таково было его содержание, которое я передал дальше. Текст я не определял. Это имело отношение только к администрации лагерей или к военно-воздушным силам.

Сэр Дэвид Максуэлл ФАЙФ: Далее, генерал Вестгоф не был удовлетворен устным приказанием и он вернулся к Вам с проектом приказа в письменном виде, не так ли?

КЕЙТЕЛЬ: Я не думаю, чтобы он приходил ко мне; он мне его послал.

Сэр Дэвид Максуэлл ФАЙФ: Простите, когда я сказал "вернулся к Вам", я употребил это слово в общем смысле; Вы совершенно правы в том, что он направил на Ваше рассмотрение письменный проект приказа для того, чтобы Вы санкционировали его. Это правильно, не так ли?

КЕЙТЕЛЬ: Я не думаю, чтобы это был приказ; насколько я вообще помню, это была всего лишь запись, документальная запись. Но приказом это не было. Однако я должен добавить, что я вообще вспомнил об этом только в результате допроса полковника Вильямса.

H1197 – 0069

H1197 – 0070

Сэр Дэвид Максуэлл ФАЙФ: Генерал Вестгоф говорит следующее:

"Вопреки приказу фельдмаршала Кейтеля, я сделал вид, что недостаточно ясно понял его. Я изложил его на бумаге и сказал подполковнику Крафту: я хочу, чтобы в приказ было включено слово "расстреливать" с тем, чтобы Кейтель увидел его в письменной форме. В таком случае он, может быть, изменит свое мнение".

Несколько ниже сказано следующее:

"Когда я получил обратно этот проект, то на полях была, сделанная им, следующая пометка: "я не сказал определенно "расстреливать", я сказал "передавать полиции и передавать гестапо".

Затем генерал Вестгоф добавляет:

"Это было частичное отступление".

Итак, сделали ли Вы такую пометку: "я не сказал определнно "расстреливать"; я сказал "передавать полиции и передавать гестапо", - Вы сделали такую пометку?

КЕЙТЕЛЬ: Я так же, как и генерал Вестгоф, к сожалению, не могу воспроизвести текст этой записи. Но тогда я действительно сделал такую пометку на полях в следующем духе: "я не говорил "расстрелять". Это записано в протоколе моего допроса.

Сэр Дэвид Максуэлл ФАЙФ: Подсудимый, Вы поняли мое утверждение? Я хочу, чтобы Вы ясно поняли его. Правильно или неправильно, но генерал Вестгоф считал, что Вы сами вставили слово "расстреливать" и генерал Вестгоф для того, чтобы не нести самому ответственности, послал Вам обратно приказ, а Вы после этого сказали: "я не говорил определенно "расстреливать",

H1197 – 0071

я сказал "передавать полиции или передавать гестапо".

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я не говорил "расстрелять", а полковник Вильямс сказал мне, что на полях была пометка "я не говорил "расстрелять". Это записано в протоколе моего допроса.

Сэр Дэвид Максуэлл ФАЙФ: Я хочу узнать следующее - я полагаю, что мое намерение совершенно ясно, - отрицаете ли Вы, что это по смыслу передает то, что Вы написали на документе: "я не сказал определенно "расстреливать", я сказал "передавать полиции или передавать гестапо"? Написали ли Вы такие слова подобного содержания на документе?

КЕЙТЕЛЬ: Вполне возможно, что я написал что-либо подобное, так как я хотел выяснить точно, что именно я сказал обоим офицерам. То, что я сказал, это было не ново, оно было только пояснением того, что я сказал прежде.

Сэр Дэвид Максуэлл ФАЙФ: Я хочу обратить Ваше внимание на следующий вопрос: был ли у Вас офицер в Вашем штате - полковник фон Рейермунд - в штате Вашей организации, занимавшейся делами военнопленных, - в управлении по делам военнопленных.

КЕЙТЕЛЬ: Нет, он никогда не был в штате.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Какое положение он занимал в ОКВ?

КЕЙТЕЛЬ: Мне кажется, что это был полковник Реймонд. Он был начальником отдела и вообще не имел никакого отношения к вопросам, связанным с военнопленными. Он был начальником отдела в общем управлении вооруженных сил.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: В Вашем отделе?

8250

H1197 – 0071

H1197 – 0072

КЕЙТЕЛЬ: В управлении, начальником которого был генерал Рейнеке, да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Известно ли Вам, что 27 марта, т.е. в понедельник, состоялось совещание, на котором председательствовал полковник фон Рейермунд и, из имеющихся 17 инспекторов по делам военнопленных присутствовали группенфюрер Моллер из гестапо, группенфюрер Небе и полковник Вильде из министерства авиации. Известно ли Вам об этом?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я ничего никогда не знал об этом. Это осталось мне неизвестным.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И Вы утверждаете перед Трибуналом, что этот полковник из Вашего штата, полковник из министерства авиации и два исключительно крупных полицейских чиновника собрались на совещание обсудить этот вопрос, два дня спустя после того, как у Вас было Ваше первое совещание, и через день после Вашей встречи с фон Гревеницом и Вестгофом, и что Вы ничего не знали об этом?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я ничего не знал об этой встрече. Я не могу вспомнить.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Большинство из нас хорошо знакомо с работой различных отделов. Я прошу Вас подумать об этом честно. Утверждаете ли Вы перед Трибуналом, что Вы не получали доклада об этом об'единенном совещании представителей ОКВ, высших полицейских чиновников и представителей министерства авиации и что сведения об этом никогда к Вам не поступали? Подумайте как следует прежде, чем ответить.

КЕЙТЕЛЬ: Я при всем желании не могу вспомнить этого. Я был крайне удивлен, когда узнал об этом заседании из протокола. Я еще раз повторяю, что ничего не знал о нем.

H1197 – 0073

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Известно ли Вам, что, - я представил это, когда я подвергал перекрестному допросу подсудимого Геринга, - это показания полковника Фельдера, - последний заявил, что на этом совещании было об'явлено, что эти офицеры должны быть расстреляны и что многие из них уже были расстреляны? К Вам не поступал доклад о том, что эти офицеры должны были быть расстреляны и что многие из них уже были расстреляны?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, не 27-го. Мы уже говорили о том, когда я получил первое сообщение. Я ничего не знал об этом в тот день и в день после этого совещания.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы согласились с тем, насколько я Вас понял, что Вам стало известно, что они должны быть были расстреляны 29, а это, кажется, был вторник?

КЕЙТЕЛЬ: Я не могу назвать дня, но, насколько я помню, мне кажется, что было позднее, это было несколькими днями позже.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, подсудимый, давайте истолкуем каждый момент в Вашу пользу. Согласимся с тем, что это было, скажем, в субботу 31 или даже в понедельник 2 апреля. Понедельнику 2 апреля - это 9 дней спустя после побега, - тогда Вам было известно, что эти офицеры были расстреляны?

КЕЙТЕЛЬ: В эти дни, это примерно было около 31 числа, я узнал об этом, когда прибыл в Берггоф для того, чтобы принять участие в обсуждении положения, - я узнал об этом через ад'ютанта фюрера. Но мне не было сказано, что были расстреляны все офицеры. Он мне сказал, что было расстреляно несколько офицеров при попытке к бегству. Это было мне сказано в этот

H1197 - 0073

H1197 – 0074

день до начала обсуждения положения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Всех ~~еще~~ их не расстреляли до 13 апреля, т.е. через две недели. Сообщали ли Вам о том, что, когда они выходили из машин для отправления естественных надобностей, им стреляли в затылок из револьвера. Вам сообщали об этом?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я узнал только через адъютантов, что фюреру было послано донесение в отношении того, что бежавшие были расстреляны.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хотел бы, чтобы Вы перешли к другому вопросу, относящемуся к последующему периоду: Вы помните, что мой коллега г-н Иден от имени британского правительства в конце июня сделал заявление в палате общин. Вы помните это?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я помню это.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И верно ли, что, как сказал генерал Вестгоф, Вы дали указание Вашим офицерам не вступать в контакт с министерством иностранных дел или с гестапо, не заниматься этим делом, не стараться что-либо выяснить по этому поводу, - это правильно?

КЕЙТЕЛЬ: Да я сказал им, что после того, как вооруженные силы не имели никакого отношени ко всем средствам облавы и поимки и ко всем фактам, которые были совершены впоследствии, управление по делам военнопленных не могло ничего сообщить, так как оно не участвовало в этом и не знает о том, что произошло. Это я сказал.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом, Вы отвечаете "да", т.е. что Вы дали Вашему учреждению указание не занимать-

H1197 – 0075

ся этим делом и не вступать в контакт с полицией или с министерством иностранных дел?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, это неправильно, так как начальник управления разведки имел связь с министерством иностранных дел. Я распорядился только о том, чтобы офицеры не давали никаких справок в отношении этого случая и связанных с ним событий, так как они не принимали в них участия и только по слухам могли узнать, что произошло.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я думал, что мой предыдущий вопрос, - Вы фактически повторили содержание моего предыдущего вопроса; я не буду с Вами спорить. Я перехожу к следующему вопросу. В Вашем штате имелся офицер, а именно адмирал Бюркнер, не так ли?

КЕЙТЕЛЬ: Да, он был начальником управления разведки.

Сэр Дэвид МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Он был офицером связи между Вашим управлением и министерством иностранных дел?

КЕЙТЕЛЬ: Да.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Далее, приказали ли Вы ему подготовить ответ Англии, - ответ на заявление г-на Идена?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я считаю вполне возможным, что я сказал ему это, хотя он не мог получать никаких документов от учреждений вооруженных сил.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не хочу зачитывать его еще раз; я зачитывал этот ответ день-два тому назад. Но этот ответ, в конечном счете, был составлен, насколько мне известно, министерством иностранных дел, совместно с подполковником Крафтом из Вашего отдела, не так ли ?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я тогда распорядился относительно составления ответа...

H1197 – 0075

H1197 – 0076

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы не помните Крайта...

КЕЙТЕЛЬ: Это следует разработать совместно с главным имперским управлением безопасности, а не с организациями, ведавшими вопросами о военнопленных. И я не давал подполковнику никаких поручений.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но разве он не отправился в Берхтесгаден для того, чтобы помочь представителю министерства иностранных дел и Гитлеру составить ответ?

КЕЙТЕЛЬ: Этого я не знаю, я его не видел и не говорил с ним.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ: Вы знаете о том, что, согласно показаниям генерала Вестгофа, все Ваши офицеры, увидев этот ответ, схватились за головы и сказали - "безумие". Вы видели эти показания, - не так ли? "Когда мы прочитали эту ноту Англии в газете, мы все были потрясены; мы все схватились за головы и воскликнули "безумие", но мы ничего не могли сделать".

Все Ваши офицеры и Вы сами знали, что этот ответ был абсолютной и от'явленной ложью; он разве не был абсолютной ложью? С начала и до конце? Вы все знали об этом.

КЕЙТЕЛЬ: Это знали все. Я также узнал о содержании ответа и мне было ясно, что этот ответ не был правильным.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом, подсудимый, мы пришли к следующему: Вы показали, что Вы присутствовали на совещании с Гитлером и Гиммлером. Вы сами это заявили. На этом совещании Гитлер сказал, что военнопленные, пойманные полицией, должны быть оставлены в руках полиции. У Вас были значительные основания предполагать, что эти военнопленные будут расстреляны, и Вы использовали этот инцидент, как

H1197 – 0077

средство для устрашения, с целью попытаться предотвратить дальнейшие побеги военнопленных. Насколько я понял Ваши ответы сегодня утром, Вы признаете все это.

КЕЙТЕЛЬ: Да, я признаю, но только меня не спрашивали еще о том, каким образом я вел себя по отношению к Гитлеру. Этого я еще не говорил. Я также не сказал еще и того, что я не от себя издал это предупреждение, оно являлось распоряжением Гитлера и послужило поводом для серьезных разногласий между мной и Гитлером относительно первых сообщений о расстрелах. Так обстояло дело.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не хочу вновь углубляться в детали. Еще один вопрос: когда Вам стало известно о кремации и отправке урн в этот лагерь?

КЕЙТЕЛЬ: Это мне не было известно. Я не помню также того, чтобы я узнал об этом. Это было дело, которое имело отношение только к ВВС, и я был втянут в него позднее благодаря тому, что я был при этом. Я не знаю, чтобы я что-либо видел или читал об этом.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но, подсудимый, Вы согласитесь со мной, что любой человек в мире, который должен был заниматься проблемами военнопленных, пришел бы в ужас при мысли о том, что тела расстрелянных были подвергнуты кремации; это означало самое меньшее-напрашиваться на неприят

H1197-0077

H1197 – 0078

ности со стороны держав-гарантов и со стороны всех других. Вы согласитесь с этим; я уверен, что Вам гораздо больше приходилось иметь дело с военнопленными, чем мне. Вы согласитесь с тем, что каждый имеющий дело с военнопленными, пришел бы в ужас, узнав о том, что тела были подвергнуты кремации, и что у держав-гарантов немедленно появились бы подозрения?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я точно так же считаю, что это ужасно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Если бы какая-либо служба установила, что ее лагери получили пятьдесят урн с пеплом подвергнутых кремации трупов бежавших военнопленных, то это стало бы чрезвычайно серьезным вопросом, обсуждение которого дошло бы до самых высоких инстанций любой службы, - не так ли ?

H1197 – 0079

КЕЙТЕЛЬ: Да, конечно, хотя я лично не имел никакого отношения к лагерям для военнопленных ВВС, кроме права инспекторского надзора.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не буду Вас более допрашивать относительно военно-воздушных сил. Я полагаю, что сейчас мы очень коротко займемся вопросом о линчевании союзных летчиков.

/Трибуналу и свидетелю передается ряд документов/.

Подсудимый, я хотел бы напомнить Вам, что имеется протокол совещания от 6 июня, документ 735-ПС, который уже был представлен по делу подсудимого Риббентропа; это доклад генерала Варлимонта, документ № ВВ-151, относительно того критерия, которым следует руководствоваться , решая вопрос о том, кого следует называть летчиками-террористами. Вы должны помнить этот документ, потому что Вы сами в пятницу касались вопроса о ноте..

КЕЙТЕЛЬ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: ... против судоразбирательства, на котором Вы уже останавливались.

КЕЙТЕЛЬ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы сообщили во время Вашего допроса - Вы помните, Вы нам сказали, что Вы не хотели судоразбирательства, поскольку военным судам было бы трудно выносить решения по подобным делам. Кроме того, это означало бы трехмесячную задержку в сообщении державам-гарантам о вынесении смертного приговора.

КЕЙТЕЛЬ: Да, я говорил так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Затем Вы сказали, что у Вас было совещание с Герингом, который сказал, что линчевание должно быть прекращено. Вы помните, что Вы сказали это в пятницу?

КЕЙТЕЛЬ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это было не совсем правильно - не так ли? Сейчас я хочу Вам показать то, что имело место на самом

H1197-0079

H1197 – 0080

деле. Документ, к которому Вы сделали примечание, датирован 6 июня, а 14 июня...

КЕЙТЕЛЬ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: ... Это документ Д-774, который я представляю под № ВБ-307. На этом документе стоят инициалы Варлимонта. Ваш отдел послал в министерство иностранных дел Риттеру письмо, представлявшее собой проект определения понятия "летчики-террористы". Если Вы ознакомитесь с этим документом, то Вы увидите, что там говорится, что необходимо дать четкое определение характеру тех фактов, которые представляют из себя состав преступления. Затем идет проект письма, документ Д-775, ВБ-308, посланного главнокомандующему военно-воздушными силами, для полковника фон Браухича, где говорится, что "На основании предварительных переговоров и по согласованию с имперским министром иностранных дел и начальником полиции безопасности и СД, - подсудимым Кальтенбруннером, - следующие факты должны рассматриваться, как террористические действия, что должно быть принято во внимание при издании закона о линчевании и для того, чтобы оправдать передачу летчиков из транзитного лагеря для военнопленных летчиков в Оберурзеле СД для применения к ним "особого обращения".

Затем Вы излагаете то, в отношении чего было достигнуто соглашение, и затем говорите: "Пожалуйста, получите согласие рейхсмаршала на это определение фактов и, если необходимо, передайте администрации транзитного лагеря для военнопленных летчиков в Оберурзеле устные инструктии о том, чтобы они в соответствии с этим действовали. Далее необходимо, чтобы Вы получили согласие рейхсмаршала в отношении предполагаемого порядка составления публичных об"явлений.

И затем, если Вы взглянете на документ Д-776, ВБ-309, то Вы

H1197 – 0081

увидите, что это письмо от Вас в министерство иностранных дел, - проект письма-от 15 июня, адресованный Риттеру, на ту же тему. Вы просите его подтвердить получение до 18-го числа.

И, затем, документ Ц-777, ВБ-310 подобного же содержания, который являлся проектом письма Герингу, к сведению полковника фон Браухича, содержащего в себе просьбу ответить до 18-го числа.

Затем документ Д-778, ВБ-311, - запись телефонного разговора с Риттером, который заявил, что точка зрения министерства иностранных дел будет представлена с запозданием на несколько дней. Документ Д-779, ВБ-321, представляет собой первое сообщение от подсудимого Геринга.

В этом сообщении от 19 июня говорится: "Рейхсмаршал сделал следующее замечание в отношении вышеуказанного письма: Реакция населения, во всяком случае, не зависит от нас; но, если возможно, следует воспрепятствовать тому, чтобы население выступало против других неприятельских летчиков". Я прошу Вас обратить внимание на слово "других", т.е. тех вражеских летчиков, которые не входили в категорию вражеских летчиков-террористов... "против других неприятельских летчиков, к которым не относится вышеуказанное. По моему мнению, при указанном выше положении вещей, подобные дела могут также - и я прошу Вас обратить внимание на слово "также", - в любое время решаться судом, так как в данном случае речь идет об убийствах, совершение которых противник запретил своим летчикам".

Затем имеется документ Д-780, ВБ-313, который представляет собой еще одну копию меморандума министерства иностранных дел, которую я подробно оглашал, когда представлял дело против подсудимого Риббентропа. Документ испещрен комментариями Вашего офицера, - генерала Варлимонта, которые в основном не противоречат меморандуму. Я не хочу вновь останавливаться на этом.

8260

H1197 - 0081

H1197 – 0082

Затем в документе Д-781, ВБ-314 Ваш отдел выражает желание более точно выяснить точку зрения подсудимого Геринга и поэтому Вы снова написали ему письмо, к сведению полковнику Браухичу. посланное

"К сожалению, из Вашего письма невозможно понять, согласился ли рейхсмаршал с теми фактами, которые Вы сообщили ему и которые в случае опубликования закона о линчевании следовало рассматривать, как террористические действия, и готов ли он дать коменданту лагеря для военнопленных летчиков в Оберурзеле устные инструкции по этому поводу.

Мы еще раз просим Вас склонить рейхсмаршала к тому, чтобы он дал свое согласие и чтобы это управление было уведомлено об этом, если возможно, к 27 числу данного месяца".

Затем следует упомянуть, что в документе Д-872, ВБ-315 говорится о том, что министр иностранных дел ответит через день или два, а документ Д-783, датированный 26, я представляю его за № ВБ-316, - представляет собой ответ, переданный по телефону меморандум, телефонный звонок из бюро ад"ютанта рейхсмаршала, - капитана Бройнер.

"Рейхсмаршал согласен с определением понятия "летчики-террористы" в том виде, в котором оно изложено, а также с предложенными мероприятиями. Он просит в этот же день представить ему информацию относительно принятых мер".

Таким образом, подсудимый, неверно, что подсудимый Геринг не согласился с предложенными действиями - не так ли? Налицо телефонный звонок из бюро его ад"ютанта, что отмечено Вашим управлением, - который заявил, что он согласился с определением понятия и с предложенным образом действия. Это должно быть правильным, - не так ли?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я, правда, не видел этого документа, но под этими мероприятиями я подозреваю перевод в лагерь для военнопленн-

H1197 – 0083

ных ВВС в Оберурзеле, а не линчевание. И разрешите мне сказать кое-что в отношении беседы с рейхсмаршалом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это совершенно ясно. Я не хочу сно ва останавливаться на этой переписке. Я уже ранее указывал на это. В Ваших письмах говорится, что как линчевание, так и меры, которые должны были быть приняты для опубликования закона о линчевании, а также прочие мероприятия по передаче этих людей в руки СД должны проводиться до подтверждения подозрения в том, что эти люди являются летчиками-террористами. Это совершенно ясно. Я пред"явил Вам почти 10 писем, в которых излагается безоговорочно, что оба эти вопроса были представлены рейхсмаршалу - как об опубликовании закона о линчевании, так и об отделении летчиков-террористов от остальных военнопленных. Фельдмаршал заявил, что он согласен с предложенным образом действия.

КЕЙТЕЛЬ: Разрешите мне сказать кое-что по этому вопросу?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, пожалуйста.

КЕЙТЕЛЬ: Я хорошо помню о беседе с рейхсмаршалом Герингом в Берггофе. Мы ожидали Гитлера, который должен был произнести речь перед генералами. Очевидно, это было как раз в это время. В этом разговоре обсуждались два пункта. Первый пункт - это мнение относительно желаемого - я должен сказать так - или предполагаемого или намечаемого линчевания и второй вопрос заключался в том, что мне не удалось оказать влияния на Гитлера в этом отношении, чтобы заставить его покончить со всем этим. Вот эти два пункта я в этот день обсуждал с Герингом. Мы установили, что все методы, о которых говорилось, должны стать предпосылкой для отмены линчевания; мы были ~~согласны~~ единодушны в том, что мы, солдаты, резко отрицаем подобные меры, и, во-вторых, я просил его использовать свое влияние на Гитлера и заставить его отказаться от этого. Этот разговор имел место в Берггофе рядом с залом, где говорил Гитлер. Это я хорошо помню. Переписку, которая между

H1197 - 0083

H1197 – 0084

тем имела место, я просмотрел. Я знаю отрывки из нее. Они являются письменным изложением желаемых Гитлером мероприятий, которые, слава Богу, не были осуществлены, так как не были даны соответствующие указания.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Не взглянете ли Вы на следующий документ-Д-784, ВВ-317, который представляет собой сообщение генерала Варлимонта, адресованное Вам. В 1-м абзаце сказано о том, что министерство иностранных дел дало свое согласие и что посол Риттер 29-го числа телефонировал о том, что имперский министр иностранных дел согласился с этим проектом. В абзаце 2 сказано:

"Рейхсмаршал согласился с определением понятия "летчики-террористы" в той форме, в которой оно было предложено ОКВ, и с предложенными методами". Это было послано Вам и здесь имеется пометка карандашом и инициалы Варлимонта:

"Мы должны, наконец, действовать. Что еще необходимо для этого?". Вы не приняли никаких решений в связи с этим?

КЕЙТЕЛЬ: Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: В таком случае, если Вы не приняли никаких решений в связи с этим, то почему Вы четыре дня спустя запросили командование военно-воздушного флота о том, были ли переданы оттуда инструкции в лагерь в Оберурзель? Посмотрите на документ Д-785, ВВ-318.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, на документе Д-784, кажется, стоят инициалы подсудимого?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: На моей копии стоит ~~инициал~~ буква "В" - Варлимонт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На той копии документа Д-784, которая имеется у меня, на верху страницы стоит ~~инициал~~ буква "К", это рядом с припиской Варлимонта.

H1197 – 0085

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, простите, милорд, это полностью моя вина. Вы совершенно правы, Милорд.

"Таким образом, прежде, чем я закончу с документом Д-784, скажите мне - этот документ был передан Вам и Вы поставили на нем свои инициалы?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, на документе Д-784 я только поставил свою ~~инициал~~ визу "К" для того, чтобы показать, что я просматривал его. Но я ничего не писал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но документ был представлен Вам и, таким образом, Вы видели этот документ? Вам было известно, что как министерство иностранных дел, так и Геринг согласились с тем, чтобы был принят предложенный образ действия?

КЕЙТЕЛЬ: Я читал этот документ и поставил свою ~~инициал~~ визу "К".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И через четыре дня, как это изложено в документе Д-785, Ваш штаб запросил Геринга через фон Браухича о том, были ли проведены соответствующие меры: "Пожалуйста, сообщите, были ли даны инструкции коменданту транзитного лагеря для военнопленных летчиков в Оберурзеле в духе заявлений Верховного Командования вооруженными силами /Оперативного штаба вооруженных сил/ от 15 июня или когда предполагается это сделать?"

КЕЙТЕЛЬ: Я хотя и не видел этого документа, но мне кажется, что он подтверждает правильность моего мнения о том, что всеми запросами к рейхсмаршалу Герингу я имел ввиду только установить порядок перевода в Оберурзель , а не вопрос о том, хочет ли он линчевания, признает ли он его и считает ли он его оправданным. Это вытекает из этого вопроса. Сам же вопрос мне неизвестен.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Взгляните, пожалуйста, на документ 786, ВБ-319. Вы пошли дальше того, что изложено в этом документе На следующий день, - 5 июля . Это-протокол совещания состоявшегося 4 июля. В нем говорится, что Гитлер издал следующий декрет:

H1197 - 0085

H1197 – 0086

"Согласно сообщениям, помещенным в печати, англо-американские силы намереваются в будущем атаковать с воздуха также и небольшие пункты, не являющиеся важными об"ектами ни в военном отношении, ни с точки зрения военной экономики, в качестве ответных мер против применения снарядов Фау-1. Если события подтвердят это сообщение, фюрер желает, чтобы через радио и прессу было предано гласности, что каждый неприятельский летчик, который примет участие в таком нападении и будет сбит, не имеет права на обращение с ним, как с военнопленным, но, как только он попадет в руки немцев, с ним поступят как с убийцей и убьют его.

Эта мера будет применяться по отношению ко всем нападениям на небольшие пункты, которые не являются военными об"ектами, узлами связи, складами оружия и т.д. и которые не являются важными в военном отношении.

"В настоящее время не нужно издавать никаких приказов. Единственное, что нужно сделать, - это обсудить эту меру с министерством иностранных дел и с военно-юридическим управлением."

Таким образом, Вы не только не смягчали эту меру, но увеличивали суровость тех мер, которые должны были быть приняты, т.е. Гитлер повышал суровость тех мер, которые должны были быть приняты.

КЕЙТЕЛЬ: Я, правда, не помню этого, но если тогда были сделаны такие записи, то, очевидно, на этом совещании он говорил что-либо подобное. Я не помню такого случая.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я только хочу поставить перед Вами следующий вопрос. Вы сказали дважды - один раз в пятницу и снова сегодня, - что вооруженные силы не издавали никакого приказа. Не нужно было никакого приказа вооруженных сил для того, чтобы подстрекать население к линчеванию потерпевших аварию летчиков. Все, что требовалось для того, чтобы добиться такого результата,

H1197 – 0087

было - запрещение полиции арестовывать людей, которые убивали их, - не так ли? Вам не нужен был приказ вооруженных сил для того, чтобы подстрекать ваше население к убийству потерпевших аварию летчиков, не так ли?

КЕЙТЕЛЬ: Речь шла только о вооруженных силах, которые одни имели право арестовывать сбитого или спустившегося с парашютом летчика и должны были воспрепятствовать тому, чтобы местное население само подвергло его линчеванию, чтобы случилось еще что-либо подобное.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы согласитесь со мной, что, как только британский или американский летчик передавался в руки СД, возможность спастись для него сводилась к одному шансу из миллиона. Он должен был быть убит, не так ли?

КЕЙТЕЛЬ: Об этом я тогда не знал. Я об этом узнал только здесь, а тогда я не знал этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы согласитесь с тем, что именно это имело место в действительности; когда летчика передавали в руки СД, это означало, что он будет убит, - не так ли? Именно это должно было случиться?

КЕЙТЕЛЬ: Я не знал, что дело было так, но в этом направлении я предполагал...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не говорю о том, что Вы предполагали. Теперь мы знаем, что должно было случиться, не так ли?

КЕЙТЕЛЬ: Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы несколько раз говорили нам, что Вы ничего не знали об СД. В действительности, Вы одно время являлись чем-то в роде апелляционного суда СД во Франции. Вы санкционировали убийства, которые совершались СД во Франции, не так ли?

8246

H1197 - 0087

H1197 – 0088

КЕЙТЕЛЬ: Я не помню, чтобы я тогда принимал какое-либо решение в этом отношении.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Французский документ 1244. Боюсь, что у меня нет копии на немецком языке, но в документе говорится следующее:

"В уголовном деле против французских граждан: 1/ Жана Марешаля, родившегося 15 октября 1912 года - дата этого документа - Париж, 6 августа 1942 г., - и 2/ Эммануэля Тепольта, родившегося 14 июня 1916 года.

"Фельдмаршал Кейтель, действуя на основании полномочий, данных ему 26 и 27 июня 1942 года фюрером, в связи с его постом главнокомандующего сухопутными силами, отказался помиловать этих двух людей, приговоренных к смертной казни, и приказал, чтобы приговор был приведен в исполнение в порядке проведения обычных наказаний". Они были осуждены Трибуналом немецкой комендатуры в Эвре и были переданы коменданту полиции безопасности и СД.

Не показывает ли это, что Вы санкционировали смертные приговоры и передавали Вашу санкцию СД?

КЕЙТЕЛЬ: Этот случай и все события являются для меня загадочными. В ряде случаев дело обстояло так, что я представлял фюреру все приговоры для утверждения, как верховному главнокомандующему, и, может быть, я действительно подписал подобный приговор: "по поручению командующего сухопутными силами, Кейтель". По поручению - это было возможно, иначе же я ничего подобного не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это не выглядит таким образом. Разрешите напомнить Вам следующие слова: "Фельдмаршал Кейтель на основании полномочий, которые были даны ему 26 и 27 июня 1942 года". Таким образом, Вы действовали на основании полномочий, данных Вам фюрером. Разве Вам не были даны такие полномочия?

H1197 – 0089

КЕЙТЕЛЬ: Нет. У меня не было никаких полномочий в этом духе, это-заблуждение. Я, может быть, подписал: "Главнокомандующий сухопутными силами, по поручению - фельдмаршал Кейтель". Иначе я себе не могу представить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы переходите к другому вопросу?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, я собирался перейти к другому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разве документ Д-775 не относится к этому делу? Я имею ввиду последнюю строку первого абзаца.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я весьма благодарен Вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это документ Д-775. Насколько я понял, подсудимый утверждал, что он не знал о том, что неизбежно должно было случиться с этими военнопленными, если их передавали в руки СД. Это последние слова первого абзаца.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Очень хорошо, милорд. Здесь говорится следующее: "Передача неприятельских военнопленных летчиков из лагеря для военнопленных летчиков в Оберурзеле СД для применения к ним особого обращения". Мы знаем, подсудимый, что "особое обращение" означает смерть. Разве Вы в 1944 году не знали, что означает "особое обращение"?

КЕЙТЕЛЬ: Конечно, я знал, что означает это "особое обращение".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Имеется еще один вопрос, относящийся к документу, представленному Вам моим коллегой генералом Руденко в субботу, или, кажется, в пятницу вечером. Это документ ЕЦ-338.

Вы помните, что генерал Руденко представил этот документ? Этот документ представляет собой доклад адмирала Канариса об

H1197 – 0089

H1197 – 0090

обращении с военнопленными, и в нем рассматривается вопрос о положении Советского Союза, как о стране, не подписавшей конвенции.

Вы помните, тогда адмирал Канарис сказал Вам, что хотя эта страна и не подписала Конвенцию, но еще с 18 столетия установилась практика, согласно которой взятие в плен не является ни местью, ни наказанием, но лишь превентивным заключением. Вы помните этот документ? Это—доклад Канариса Вам от 15 сентября 1941 года, в котором излагается положение в отношении военнопленных страны, не подписавшей Конвенцию. Помните, Вы сказали тогда, что вполне согласны с этим, но что Вы должны заявить, что все это бессмыслица с точки зрения имеющейся налицо обстановки, поскольку это возникает из военной идеи о рыцарском ведении войны, и что это повлекло бы за собой разрушение идеологии; Вы сказали, что Вы должны были осуществить это, согласно инструкциям Гитлера. Вы помните это?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я изложил ему ход событий и попросил, чтобы он прочел это. И затем я сделал эту пометку.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Далее, я хочу обратить Ваше внимание на параграф 3-аа в связи с тем вопросом, который я рассматриваю сейчас:

"Проверка гражданских лиц и военнопленных, нежелательных в политическом отношении, а также решение их судьбы осуществляется оперативными группами полиции безопасности - "зихерхейтс".

Эти слова подчеркнуты красным карандашем, т.е. это—Ваше подчеркивание,—а напротив имеется Ваша пометка карандашем: "Очень эффективно", т.е. "оперативные группы полиции безопасности - очень эффективны". Затем, далее "... и СД". А затем адмирал Канарис говорит: "...согласно принципам, которые не известны коман-

H1197 – 0091

дованию вооруженными силами", и напротив слов: "которые не известны командованию вооруженными силами". Вы приписали: "Это вовсе не так". Вы помните, что Вы сделали это?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, в данный момент я не могу вспомнить этого. Я сделал это замечание в отношении того, что вооруженным силам об этом неизвестно. Я считал это правильным.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы видите, это же совершенно ясно. Адмирал Канарис говорит, что это неизвестно командованию вооруженными силами, а вы делаете приписку карандашем от руки: "это вовсе не так". Вы не могли написать это со слов Гитлера; это должна была быть Ваша собственная точка зрения, - не так ли, если Вы карандашем приписали: "Это вовсе не так"? Вы должны были знать, что они были известны вооруженным силам.

КЕЙТЕЛЬ: Ни в коем случае. Я не могу сейчас ~~вы~~яснить это, так как эта пометка была сделана наспех, и я не могу установить или определить этого. Я не могу дать более подробных об"яснений, потому что я не знаю этого. ~~Это было~~ ~~такое~~ Однако, я предполагаю, ~~имею представление, о том,~~ что я сделал или хотел сделать пометку в том духе, что вооруженным силам ~~это~~ это неизвестно. Таково действительное положение вещей. ~~И это правильно.~~

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Теперь я хотел бы весьма кратко допросить Вас по моей последней теме и задать Вам по ней всего один вопрос. Вы заявляли Трибуналу, я думаю, по крайней мере, 25 раз, что (вы) не были заинтересованы в политике и что Вы просто выполняли приказы по военной подготовке. Я хотел бы задать Вам несколько вопросов по этому поводу.

H1197 - 0091

H1197 – 0092

Прежде всего, давайте остановимся на австрийской проблеме. По этому вопросу я хочу пред"явить Вам всего один документ. Вы помните отчет подсудимого генерала Иодля в его дневнике, относительно, якобы, имевших место, военных передвижений, которые, согласно заявлению подсудимого Иодля, записи - я полагаю, это Вы сказали, что генерал Лахузен придерживался противоположной точки зрения, - эти передвижения оказали непосредственное влияние на положение в Австрии. Вы помните об этом? Вы должны об этом помнить.

КЕЙТЕЛЬ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы предложили провести эти ложные военные передвижения, - не так ли?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я не выдумывал их и не делал никаких предложений в этом отношении. Это указание дал фюрер, когда я уходил от него вечером. Сам же я не думал об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: У Вас есть те книги документов, которые я Вам передал. Посмотрите только на них. Это - 113 страница немецкой книги документов и 131 в Вашей книге дскументов, милорд, - в более подробной книге документов.

Это Ваш документ от 13-го числа, подсудимый.

КЕЙТЕЛЬ: Да, я припоминаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И там говорится в 1-м абзаце, что не следует принимать в действительности никаких подготовительных мер в армии или военно-воздушных силах, и не совершать никаких передвижений войск, никаких передислокаций, но следует распространять фальшивые, но кажущиеся достоверными сообщения, которые могли бы

H1197 – 0093

привести к заключению, что производятся военные приготовления, направленные против Австрии. Эти сообщения распространялись через австрийцев, ваших таможенных служащих и специальных агентов, а также путем сфабрикованных радиопередач и маневров.

Вы представили это на рассмотрение Гитлера. Затем, 14 числа капитан Эдерхард сообщил Вам по телефону, что фюрер одобрил все эти пункты. Таким образом, это было Ваше предложение о том, что следует прибегнуть к распространению ложных известий и ложным военным приготовлениям для того, чтобы произвести политический эффект в Австрии,- не так ли?

КЕЙТЕЛЬ: Я сделал это предложение на основании данных мне соответствующих указаний и предложения, которые я получил по приезде в Берлин.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу лишь очень коротко остановиться на этом, и я думаю, что я смогу это сделать, а именно, осветить тот же самый вопрос, но в отношении к Чехословакии.

До того, как Вы стали начальником главного командования вооруженных сил, Вы подчинялись фон Бломбергу в военном министерстве. Видели ли Вы план фон Бломберга, о вторжении в Чехословакию - директиву, датированную 24 июня 1937 г.

КЕЙТЕЛЬ: Да, я знал эту директиву.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы знали о ней?

КЕЙТЕЛЬ: Это, однако, была не директива, касающаяся вторжения, это были всего лишь указания о мобилизации,

H1197 - 0093

H1197-0094

которая производилась ежегодно, и эти указания мне известны.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. 2-й абзац гласит: "Задача германских вооруженных сил состоит в том, чтобы подготовка была произведена таким образом, чтобы удар огромной мощи мог бы обрушиться на Чехословакию быстро, неожиданно и с колоссальной силой."

Я полагал бы, что это можно назвать подготовкой к вторжению. Это то, что мне в настоящий момент нужно. Вы знали об этом плане, подсудимый, не так ли?

КЕЙТЕЛЬ: Я уверен, что я тогда читал этот план, хотя я теперь уже не помню подробностей.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Далее, Вы сказали данному Трибуналу, что Вы впервые услышали о планах фюрера в отношении Чехословакии в 1938 году, во время беседы с фюрером 21 апреля 1938 г. Я не утверждаю, подсудимый, что Вы лжете по этому пункту, поскольку очень легко забыть что-либо. Но это, ведь, не совсем точно, не правда ли? Вы вели переписку с подсудимым Риббентропом по этому вопросу, начиная с 4 марта, т.е. за 6 недель до этого события, относительно связи с венгерским высшим командованием. Это правильно?

КЕЙТЕЛЬ: Я этого совершенно не помню и не имею понятия.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Взгляните на этот документ. Вы понимаете мою точку зрения? Вы утверждаете, что Вы не имели никакого отношения к политике, но, однако, если Вы взглянете на этот документ, который я Вам сейчас передам - это документ 2786-ПС, то Вы увидите, что это, очевидно, письмо Риббентропа Вам:

"Многоуважаемый генерал! Я прилагаю к этому письму протокол совещания с местным венгерским послом, который я посылаю Вам в качестве секретной информации. Как Вы можете видеть из этого протокола, г-н Хтоя предложил, что бы возможные военные цели в войне против Чехословакии были обсуждены между германской и венгерской армиями. Однако у меня есть ряд сомнений в отношении таких переговоров. Существует опасность, что, если бы мы стали обсуждать с Венгрией возможные военные цели в войне против Чехословакии, то об этом будут также информированы и другие стороны.

" Я был бы очень благодарен , если бы Вы могли коротко уведомить меня о том, были ли приняты какие -либо меры в этом отношении ". И министр иностранных дел приложил к этому протокол своей беседы с послом.

КЕЙТЕЛЬ: Я помню это постольку, поскольку речь шла о приглашении генерала Ратца. Я даже не знал , что должно было быть обсуждаться. Бломберг был приглашен Ратцем и я , ничего не ведая, спросил Гитлера, пойти ли мне тоже . Гитлер ответил на мой вопрос положительно, он считал это целесообразным. Это, конечно, не было оперативным совещанием генерального штаба. Это была охота у генерала Риттера фон Ратц.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"являет перерыв.

(Перерыв)

H1197 – 0095

H1197-0096

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу задать вам всего несколько вопросов по этой теме, подсудимый. Помните ли вы, что вы сказали Трибуналу, что 21 апреля, когда вы видели Гитлера, он вручил вам или прочел вам копию протоколов, представленных здесь, которые были составлены Шмундтом, относительно основ операции "План грюн". против Чехословакии?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, не является ли это по существу скорее вопросом для выступления, нежели темой для перекрестного допроса? Свидетель утверждает, что его участие во всех этих делах носило лишь военный характер. Точка зрения обвинения заключается в том, что он принимал участие политического характера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, разрешите мне сказать, что это весьма справедливое замечание и я принимаю его с благодарностью. Трудность заключается в том, что свидетель несколько раз сказал "это политическое " и "это только военное". Я хотел выдвинуть положения, указывающие, что его участие было политическим. Но я не хочу противоречить какому-либо мнению Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, что у Трибунала имеются все документы, на основании которых он может составить свое мнение, если, конечно, у вас нет новых документов?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: У меня нет новых документов, милорд, и я, конечно, немедленно соглашусь с пожеланием, высказанным Трибуналом. Милорд, я хотел бы сослаться еще на один документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, мне кажется, что Трибунал считает, что перекрестный допрос начинает немного затягиваться и в некоторых случаях становится слишком подробным.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я сожалею, милорд, если это было так, но, милорд, прямой допрос свидетеля продолжался в течение двух полных дней, остальные защитники допрашивали его полдня, тогда как допрос Обвинения занял лишь 4 часа. Поэтому я надеюсь, милорд, что вы не будете нас особенно упрекать в этом. Милорд, единственный документ, на который бы я хотел сослаться, - я не буду далее разбирать

H1197-0097

этот вопрос,имея в виду то, что вы сказали,милорд, - это 31-ая страница книги документов.Я только хотел,чтобы вы имели это ввиду, поскольку вы помните,милорд, что свидетель сказал,что состояние подготовки Германии к войне было таково, что он сам и другие генералы не считали, что кампания против Чехословакии будет успешной. Милорд,вы увидите, что в этот день генерал Гальдер,который тогда был начальником штаба,сказал, что операция наверняка будет успешной и будет закончена на второй день. Милорд, я хотел лишь напомнить об этом, и я считаю,что [redacted] справедливо, чтобы Трибунал предыдущей
имел это ввиду. Я не думаю,чтобы на этот вопрос ссылались ранее.

Милорд,я сейчас перейду к следующему вопросу, следуя вашему указанию, и я также не буду затрагивать другие вопросы,касающиеся этого раздела,на которых я намеревался остановиться.Я хочу лишь остановиться на совершенно другом вопросе и затем я закончу мой допрос.

Подсудимый,в книге документе,который я сейчас вам передаю, излагается содержание совещания между Гитлером и вами 20 октября 1939 года о формах отношений с Польшей в будущем, и я хочу,чтобы вы взглянули на третий абзац,второй пункт.Я хочу указать вам на ту беседу,которая явилась следствием этого совещания. В этом абзаце сказано:

"Нельзя допустить,чтобы польская интеллигенция стала руководящим классом; жизненный уровень в этой стране должен оставаться низким. Мы хотим только из"ять оттуда рабочую силу".

Помните ли вы показания генерала Лахузена? Он сказал, что адмирал Канарис энергично протестовал перед вами,прежде всего против запланированных расстрелов и мероприятий по истреблению,которые были направлены,главным образом,против польской интеллигенции, аристократии, духовенства,а также против всех элементов,которые могли считаться воплощением национального движения сопротивления. Согласно показаниям генерала Лахузена, Канарис сказал: "Мир когда-нибудь заставит вооруженные силы,перед чьими глазами прошли эти

H1197-0097

H1197 - 0098

события, понести ответственность за них". Вы помните, как Канарис сказал вам это в такой форме или в других словах такого же содержания.

КЕЙТЕЛЬ: Нет. Я знаю только о том, что здесь говорит господин Лахузен. Относительно адмирала Канариса я ничего не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Лахузен никогда не делал вам какого-либо предостережения в отношении того, что вооруженные силы могут быть призваны к ответственности за те действия, которые были совершены в Польше?

КЕЙТЕЛЬ: Нет. Я также считал, что вооруженные силы должны были нести ответственность, если совершились такие действия без их согласия и без их разрешения. Это было поводом для этих переговоров.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И это был вопрос, который вас очень беспокоил, не правда ли?

КЕЙТЕЛЬ: Да, чрезвычайно сильно беспокоил, так как у меня по этому поводу были серьезные споры, но не в это время.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И не было бы справедливым сказать, что если бы вы знали в то время все, что вы знаете сейчас, вы бы отказались - даже учитывая все, что вы нам сказали, - вы бы отказались принимать какое-либо участие в действиях, результатом которых явились концентрационные лагери, массовые убийства и нужда, охватившая миллионы людей, или же вы утверждаете, что, даже зная все то, что вы знаете сейчас, вы бы продолжали принимать участие в подобных действиях?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я убежден в том, что если бы вооруженные силы и их генералы знали обо всем этом, то они бы стали выступать против этих действий.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Благодарю вас.

ДОДД: У меня есть только один вопрос, ваша честь.

Несколько дней тому назад, утром 3 апреля, когда вы были подвергнуты прямому допросу, мы поняли из ваших слов, что вы считаете, что вы должны принять на себя ответственность за приказы, издававшиеся

H1197 - 0099

от вашего имени, за приказы,которые вы издали, но которые исходили от Гитлера. В пятницу вечером,когда вас допрашивал сэр Дэвид, вы сказали,как мы поняли вас,что вы,как старый профессиональный солдат,конечно,понимали традиции и даже принципы этой профессии, которые обязывают солдата не проводить в жизнь любой приказ,который,как он считает,носит преступный характер. Правильно ли мы вас поняли?

КЕЙТЕЛЬ: Да,я понял.

Г-н ДОДД: Итак,будет справедливым заявить вам,что,согласно обязательствам,возложенным на вас присягой, вы признаете,что вы проводили в жизнь преступные приказы?

КЕЙТЕЛЬ: В этой форме этого нельзя сказать. Надо сказать,что государственная форма и полномочия главы государства,которые были тогда,об"единяли в себе те законодательные полномочия,которые придавали исполнительным органам сознание того,что эти действия не являются противозаконными,если их проводила инстанция,которая обладала такими полномочиями.Я,конечно,сознавал,что совершались и такие действия,которые нельзя было согласовать с правовыми понятиями.

Г-н ДОДД: Итак,как я понял вас,вы,зная об этом,проводили в жизнь и издавали преступные или противозаконные приказы - это правильно?

КЕЙТЕЛЬ: Разрешите сказать,что у меня не было внутреннего убеждения,что эти приказы были преступными,так как глава правительства сам об"единял в себе все функции законодательства,и вследствие этого я сам не был убежден,что я совершал преступные действия.

Г-н ДОДД: Я не хочу более тратить время на ваш допрос, но я считаю необходимым заметить,что ваш ответ не является ответом на мой вопрос.Вы сказали нам, что некоторые из этих приказов являлись нарушением существующего международного права.Приказ,изданный в такой форме и на такой основе, является преступным прика-

H1197-0099

H1197-0100

зом,противозаконным приказом,не так ли?

КЕЙТЕЛЬ: Да,это правильно.

Г-н ДОДД: Итак,когда вы проводили эти приказы в жизнь,вы проводили в жизнь преступные приказы,в нарушение одного из основных принципов вашей профессиональной солдатской чести,в~~-~~независимости от того,кем они издавались.

КЕЙТЕЛЬ: Да. Это правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, хотите ли вы подвергнуть подсудимого повторному допросу?

НЕЛЬТЕ: Господин председатель,господа судьи! У меня нет больше вопросов с точки зрения об"ективных обстоятельств дела. Мне кажется,что откровенными показаниями подсудимого,эти об"ективные обстоятельства дела настолько выяснены,насколько это вообще возможно в ходе данного процесса. По отношению к суб"ективным обстоятельствам дела, мне кажется,необходимо прежде всего после последнего вопроса представителя американского Обвинения задать еще один дополнительный вопрос. Я еще раз передаю вам документ Канариса СССР-356,к которому господин генерал Руденко приложил дополнение, а также пред"явленные представителем английского Обвинения документы № Д-762,764,766,765,770. Согласно вашим показаниям во время перекрестного допроса, ваше заявление относительно ответственности,мне кажется,нуждается в дополнительном уточнении.

Вы сказали,что вы знали содержание приказов Гитлера и передавали эти приказы дальше. Я напомню вам вопрос г-на Додда,если я скажу вам,что для вашей личной оценки имеет большое значение вопрос,как случилось и как вы это хотите об"яснить,что вы выполняли эти приказы и распоряжения, которые противоречили нормам международного права,или,как это можно заключить из резолюции на документе Канариса,почему вы их покрывали.Вы имели некоторые сомнения,о которых вы здесь говорили. Речь идет о событиях,которые могут быть раз"яснены только вами,так как это внутренний процесс,о котором нельзя судить по документам. Вы неоднократно заявляли мне,и

H1197-0101

сегодня снова подчеркивали, что вашим желанием является до конца содействовать выяснению истинного положения вещей. Поэтому я спрашиваю вас, как случилось и как вы это хотите об"яснить, что эти приказы и распоряжения проводились вами в жизнь и передавались вами по инстанции, и что вы не оказывали эффективного сопротивления?

КЕЙТЕЛЬ: На основании вышесказанного я должен сказать, что я понимаю, что некоторые приказы и пометки на документах, которые были обнаружены, были написаны мною и передавались дальше, как приказы; я понимаю, что третьим лицам, не участвовавшим в этом, и в особенности иностранцам, это кажется непонятным. Для того, чтобы найти об"яснения, я должен сказать, что необходимо было знать фюрера, необходимо было знать, в какой среде я в течение многих лет день и ночь работал: и, что, наконец, нельзя не учитывать тех обстоятельств, которые имели место в то время и при которых происходили эти события. Я здесь неоднократно заявлял, что я хотел мои возражения и мои сомнения выражать и делал это. Фюрер в таких случаях называл те основания, которые ему казались определяющими и которые он считал таковыми, и он делал это с присущей ему манерой приведения доказательств военной и политической необходимости. Он об"яснял это заботой о благосостоянии его солдат и их безопасности, а также заботой о будущем народа. Я должен сказать, что я также, вследствие постоянного ухудшения военного положения, признавал необходимость и правильность этих мероприятий в большинстве случаев. Мне они казались убедительными. Я отдавал и передавал дальше эти распоряжения, не задумываясь над их последствиями. Пусть это рассматривают, как мою слабость и вменяют мне в вину. Во всяком случае, дело обстояло так, как я только что говорил. Я здесь уже во время допроса сэром Дэвидом признал, что во мне часто происходила внутренняя борьба с моей совестью, что я часто был в состоянии самостоятельно делать выводы из создавшегося положения. Однако, то, о чём я не думал, - это бунт против главы государства и верховного главнокомандующего вооруженными силами или проявление непослу-

8280

H1197 - 0101

H1197 – 0102

шания. Для меня,как солдата,верность является неприкосновенным понятием. Пусть меня обвиняют в заблуждении,в неправильных действиях,в слабости по отношению к фюреру,но меня нельзя обвинить в том,что я был трусливым,неправдивым или нарушил долг верности.

Это - то,что я хотел заявить по этому поводу.

НЕЛЬТЕ: Г-н председатель,я заканчиваю свой допрос. Я хотел только просить вас о том,чтобы те документы,которые были пред"явлены здесь во время допроса, №№ 1 и 2 в книге документов № 2,которые обозначены К № 8 и К № 9,были приобщены к делу в качестве доказательств без того,чтобы я оглашал здесь что-либо. Обвинение знает эти документы и согласно с этим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый,у меня есть один вопрос,который я хотел бы задать.Утверждаете ли вы, что вы когда-либо представляли ваш протест или возражения против приказов Гитлера.в письменном виде?

КЕЙТЕЛЬ: Один раз я в письменном виде изложил свои возражения, это я хорошо помню. В остальных случаях,насколько я помню,это имело место в устной форме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сохранили ли вы копию этого протеста?

КЕЙТЕЛЬ: У меня больше ничего нет,ни одного листа бумаги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сохраняли ли вы копию этого протеста? Я не спрашивал у вас,была ли у вас такая копия.Я спросил вас,сохраняли ли вы ее. Вы сделали такую копию?

КЕЙТЕЛЬ: У меня был черновик в качестве рукописного документа, который я передал тогда через главного ад"ютанта.Черновик документа имелся в моих бумагах,однако,у меня его нет и я не знаю,где сейчас находятся эти документы. Возможно,они находились у начальника Центрального управления кадров вооруженных сил.Однако они могут быть также у генерала Шмундта - главного ад"ютанта фюрера, Точно я не знаю.Там,очевидно, находится также и оригинал,который я тогда послал туда.

8281

H1197 – 0103

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И по какому именно случаю вы протестовали?

КЕЙТЕЛЬ: В связи с кризисом в отношении доверия ко мне, в связи с проявлением недоверия и теми противоречиями, которые постоянно имели место в отношении принципиальных вопросов ведения войны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда это имело место?

КЕЙТЕЛЬ: Мне кажется, это было в 1940 или в 1939/40 гг. Зимой 1939/40 гг.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И вы ничего не можете больше сказать по этому поводу, кроме того, что вы возражали по принципиальным вопросам?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я ясно заявил, что я прошу освободить меня от моей должности в связи с теми упреками, которые мне делались тогда и на основании изложенных мною причин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У меня больше нет вопросов. Подсудимый может вернуться на свое место.

НЕЛЬТЕ: Разрешите передать Суду оба документа. Я уже говорил о них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно. Намереваетесь ли вы вызвать еще свидетелей?

НЕЛЬТЕ: Я просил вызвать доктора Ламмерса в качестве свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

НЕЛЬТЕ: Вызовите свидетеля доктора Ламмерса. /Вводят свидетеля доктора Ламмерса/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите пожалуйста полностью ваше имя.

ЛАММЕРС: Ганс Генрих Ламмерс.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги. Клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю...

/Свидетель повторяет слова присяги/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

8282

H1197-0103

H1197-0104

Прямой допрос

НЕЛЬТЕ: Г-н свидетель, я, главным образом,хотел спросить вас относительно понятия ОКВ,его полномочий и о том положении,которое занимал фельдмаршал Кейтель в качестве начальника ОКВ.Мы говорили с вами об этом во время тех бесед,которые мы с вами имели. Так как этот комплекс вопросов в результате показаний рейхсмаршала Геринга,показаний самого подсудимого и,очевидно, в результате допроса других свидетелей еще будет выяснен,то я не хочу, в целях экономии времени, заслушивать вас по этому вопросу в общем или в деталях.Я хотел бы от вас,как начальника имперской канцелярии,услышать о событиях,о которых не могли так знать другие,как вы,который,по крайней мере, участвовал в составлении основного указа от 4.П.1938 г. Я поэтому прошу вас, сначала, сказать мне, при каких обстоятельствах был создан основной указ от 4.П.1938 г.?

ЛАММЕРС: Фюрер сообщил мне, что военный министр фон Бломберг уходит со своего поста и что он в связи с этим хочет предпринять некоторые другие изменения в составе имперского правительства. В частности, он говорил о том, что господин министр иностранных дел фон Нейрат уйдет со своего поста, что здесь также будут изменения,что в главном командовании сухопутными силами также произойдут изменения. В связи с этим фюрер дал мне поручение разработать указ относительно командования вооруженными силами.Я должен был принять участие в его составлении вместе с управлением вооруженными силами при военном министерстве. В качестве директивы для этого фюрер дал мне следующее указание: " Я в будущем не хочу иметь больше имперского военного министра и я не хочу также в будущем иметь командующего вооруженными силами,который бы стоял между мной,как верховным главнокомандующим, и командующими составными частями вооруженных сил".В соответствии с этим был сформулирован указ,согласно которому вначале было учреждено ОКВ в качестве военного штаба, который находился в непосредственном подчинении фюрера,фюрер пожелал,чтобы между ним и командующими составны-

H1197-0105

ми частями вооруженных сил не существовало никаких промежуточных инстанций. Вследствие этого генерал от артиллерии Кейтель, назначенный тогда начальником ОКВ, не должен был иметь прав командующего над составными частями вооруженных сил. Такое право не могло быть предоставлено ему уже из соображений авторитета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не были ли эти вопросы полностью охвачены показаниями самого подсудимого Кейтеля? При перекрестном допросе подсудимому не было поставлено ни одного вопроса с целью оспорить правильность его заявлений относительно организации ОКВ. Поэтому Трибунал считает, что нет необходимости сейчас ставить эти вопросы.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель. Я вначале говорил об этом свидетеле. Я спросил его только о смещении с должностей от 4.П.1938 г. и он должен был рассказать кое-что об указе от 4 февраля 1938 г. Я постараюсь сократить допрос свидетеля доктора Ламмерса, насколько это необходимо для обстоятельств дела.

Мне кажется, что вопрос относительно начальника ОКВ достаточно ясен. Тем не менее это является принципиальным вопросом: если такой человек, как доктор Ламмерс может подтвердить это, то мне кажется это повысит ценность этого доклада как доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если бы Обвинение при перекрестном допросе поставило ~~бы~~ какие-либо вопросы в связи с какой-либо неточностью в показаниях подсудимого Кейтеля по этому разделу, тогда, конечно, вы имели бы право и это было бы необходимым для вас, - привлечь другие доказательства по этому вопросу; но в связи с тем, что его показания ни в какой форме не оспаривались, нет необходимости подтверждать их.

НЕЛЬТЕ: Тогда, г-н председатель, мне не нужно вообще допрашивать этого свидетеля, так как я хотел спросить его о положении подсудимого, как начальника ОКВ, как министра, о его функциях в качестве председателя имперского совета обороны и о его функциях, как члена триумвирата. Во всех этих случаях Обвинение не высказывало никаких возражений.

8284

H1197-0105

H1197-0106

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Нельте, обвинение подняло здесь вопрос о том, принимал ли подсудимый Кейтель участие в каких-либо политических действиях, и по этому вопросу вы можете допросить его.

НЕЛЬТЕ: Благодарю вас. ~~Доктор~~ г-н Ламмерс, что вы можете сказать, на основании своей осведомленности, по поводу того, занимался ли подсудимый фельдмаршал Кейтель, в силу своей должности, как начальник ОКВ, политическими проблемами - занимался ли он ими раньше?

ЛАММЕРС: В качестве начальника ОКВ он, как таковой, сначала не имел ничего общего с политическими проблемами. Я понимаю ваш вопрос, господин защитник, так, что я должен дать показание о том, в какой степени господин Кейтель, имея те же права, что и военный министр, занимался политикой. Я не совсем понимаю ваш вопрос.

НЕЛЬТЕ: Это не имеет ничего общего ни с его должностью начальника ОКВ, ни начальника штаба, или с его правами военного министра. То, что вы должны показать, является следующим: знаете ли вы о том, что подсудимый Кейтель, будучи начальником ОКВ, занимался политическими, т.е., в первую очередь, внешнеполитическими проблемами?

ЛАММЕРС: Что касается больших проблем политики, в особенности внешней политики, я ничего не могу показать относительно господина Кейтеля, так как я сам не принимал участия в разрешении этих вопросов.

НЕЛЬТЕ: Тогда я задам вам конкретный вопрос. Вы знаете, что фельдмаршал Кейтель присутствовал на приемах, когда там был президент Гаха, когда речь шла о встречах с деятелями других государств. Вы, очевидно, также в некоторых случаях присутствовали на них.

Не можете ли вы сказать: при участии в таких приемах и в таких беседах функции фельдмаршала Кейтеля заключались в том, что он принимал участие в этих политических переговорах?

ЛАММЕРС: Насколько я знаю, господин Кейтель часто участвовал в таких беседах с иностранными государственными деятелями. Я, как правило, не участвовал в этих беседах.

8285

H1197-0107

Господин защитник, вы упомянули здесь имя президента Гаха. Это было исключением, когда я присутствовал, так как вопрос о протекторате не считался внешне-политическим вопросом. На внешне-политических переговорах с важными иностранцами, при переговорах политического характера я почти никогда не присутствовал и поэтому не могу сказать, в каком об"еме господин Кейтель участвовал в этих переговорах. Я предполагаю, что он часто присутствовал на таких совещаниях.

НЕЛЬТЕ: Таким образом, вы не можете вообще ответить на этот вопрос, исходя из того, что вы знаете?

ЛАММЕРС: Нет.

НЕЛЬТЕ: Тогда я задам вам вопрос: должен ли был по замыслу того, кто составил указ от 4.II.1938 года, т.е. Гитлер, человек, который получил пост начальника ОКВ, выполнять какие-нибудь политические функции?

ЛАММЕРС: В качестве начальника ОКВ, по моему мнению, он не должен был выполнять политических функций, так как он непосредственно подчинялся приказам фюрера.

НЕЛЬТЕ: Вам когда-либо было известно, или у вас было когда-либо такое впечатление, что фельдмаршал Кейтель является политическим генералом в том духе, в каком обычно понимают это название - "политический генерал"?

ЛАММЕРС: Нет, такого впечатления у меня никогда не было.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, я не имею в таком случае больше вопросов к свидетелю, так как все остальное, что он должен был сказать, уже в достаточной степени выяснено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, Трибунал считает, что вы, очевидно, неправильно поняли то, что я сказал относительно того, можете ли вы задавать какие-либо вопросы в отношении подсудимого Кейтеля, как о члене имперского совета обороны; если этот свидетель может дать показания по этому пункту, вы можете задавать ему вопросы.

НЕЛЬТЕ: Господин свидетель, законом, имперским законом об оборо-

H1197 - 0107

H1197-0108

не империи от 1938 года, вы, как начальник имперской канцелярии, были назначены постоянным членом имперского совета обороны. Знаете ли вы, вступил ли в силу этот закон об обороне империи и функционировал ли связанный с ним имперский совет обороны?

ЛАММЕРС: Закон об обороне империи был составлен, но он никогда не был опубликован. Поэтому, по моему мнению, этот закон никогда и не стал законом. Содержание закона об охране империи, однако, частично использовалось в качестве секретных распоряжений фюрера: В имперском законе об обороне империи было предусмотрено создание имперского совета обороны. Этот имперский совет обороны в качестве такового, насколько я знаю, не заседал, так как я никогда не получал приглашения на заседания этого имперского совета обороны, и, насколько я помню, я никогда не участвовал в заседаниях этого имперского совета обороны. Как я слышал, имели место два заседания, которые были названы заседаниями имперского совета обороны. Однако, мне кажется, что эти заседания уже вследствие большого числа участников /30 - 80 человек/ были, очевидно, заседаниями, которые созывал уполномоченный по 4-летнему плану. Насколько я помню, я не участвовал в этих заседаниях.

Я сам не слышал больше ничего об имперском законе об обороне империи с тех пор, как он был сформулирован, и, таким образом, я даже не помнил о том, что я был назначен постоянным членом имперского совета обороны. Во всяком случае, на этих заседаниях, если это были заседания имперского совета обороны, в которых я участвовал, не обсуждались вопросы об обороне империи.

НЕЛЬТЕ: Знаете ли вы что-либо относительно тех задач, которые должны были стоять перед имперским советом обороны?

ЛАММЕРС: О задачах мне известно не более того, что содержалось в неопубликованном законе об обороне империи, и, насколько я помню, его содержание, - это были лишь общие формулировки, в которых излагались все задачи имперского совета обороны.

НЕЛЬТЕ: Обвинение здесь заявляло, что имперский совет обороны являлся инструментом для планирования агрессивных войн, во вся-

H1197-0110

ком случае, для планирования агрессий, а также вооружения. Знаете ли вы что-либо относительно того, что имперский совет обороны брал на себя такие задачи или с помощью имперского совета обороны выполнялись такого рода задачи?

ЛАММЕРС: Об этом мне ничего неизвестно.

НЕЛЬТЕ: Я хотел бы еще спросить вас относительно тайного совета министров, к которому вы также принадлежали, согласно закону.

Подсудимый Кейтель, как здесь утверждается, являлся членом этого тайного кабинета и об этом написано в этом законе. Что вы можете сказать об этом законе?

ЛАММЕРС: Когда господин фон Нейрат ушел с поста министра иностранных дел, фюрер хотел в глазах внешнего мира каким-либо образом выделить этого министра и дал мне поручение составить указ о тайном совете министров, председателем которого и был назначен господин фон Нейрат со званием председателя тайного совета. Кроме того, членами этого совета были, насколько я помню, министр иностранных дел, заместитель фюрера рейхсминистр Гесс, затем фельдмаршал Кейтель и я. Мне кажется, что это - все члены этого кабинета.

Однако при создании этого совета у меня на основании высказываний, которые сделал фюрер, создалось впечатление, что здесь речь идет только о пустой формальности, при которой господин фон Нейрат в глазах общественности должен был получить какой-то особый пост. Я был убежден в том, что фюрер никогда не созовет этого тайного совета министров и в действительности этот тайный совет министров никогда не созывался даже для организационного заседания. Он не получил через меня от фюрера никаких задач, этот тайный совет существовал только на бумаге.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин свидетель, если это представляло из себя тайну, то как это могло повлиять на общественное мнение?

ЛАММЕРС: Это было сделано для того, чтобы в глазах общественности выделить личность бывшего министра иностранных дел господина фон Нейрата; нужно было показать, что между фюрером и министром ино-

H1197-0109

H1197-0110

странных дел фон Нейратом не было никаких разногласий, послуживших причиной для его отставки, что между фюрером и фон Нейратом все в порядке и что фон Нейрат, вследствие его способностей и знания внешне-политических вопросов, получил своего рода повышение по должности, будучи назначенным председателем тайного совета министров.

НЕЛЬТЕ: Таким образом, это было замаскированное увольнение и одновременно отставка?

ЛАММЕРС: Да.

НЕЛЬТЕ: У меня есть еще один вопрос. Фельдмаршалу Кейтелю, как начальнику ОКВ, было вменено в вину, что он подписал целый ряд законов, и я вас спрашиваю: какое значение имело это подписание законов начальником ОКВ?

ЛАММЕРС: Так как господин Кейтель обладал правами военного министра, он должен был, согласно этому, подписывать законы, неся перед фюрером ответственность за то, чтобы в этих законах учитывалось все, что касается вооруженных сил и всего того, что было связано с бывшим военным министерством. Кейтель мог пользоваться правами военного министра только по указанию фюрера, как это категорически предусматривалось в указе. Вследствие этого он в своем внутреннем отношении к фюреру был вынужден спрашивать фюрера, необходимо ли ему подписывать эти законы или нет, так как он ограниченно пользовался правами военного министра. Он имел гораздо меньше прав, чем другие министры, которые подписывали просто в качестве министра, в то время, как фельдмаршал Кейтель по указанию фюрера выполнял эти функции военного министра.

НЕЛЬТЕ: Таким образом, если я вас правильно понял, вы хотите сказать, что фельдмаршал Кейтель не был министром?

ЛАММЕРС: Он не был министром и это можно заключить из того, что в указе имеется прямое указание на то, что он получает ранг министра.

НЕЛЬТЕ: Таким образом, вы полагаете, что если бы он был минист-

H1197-0111

ром,то ему не нужно было бы присваивать ранг министра.

ЛАММЕРС: Ни в коем случае.

НЕЛЬТЕ: Но он был членом совета министров по обороне империи и вследствие этого он тоже не стал министром?

ЛАММЕРС: Нет,это членство ничего не изменило в его положении в имперском правительстве.

НЕЛЬТЕ: Таким образом,вы отрицательно отвечаете на этот вопрос?

ЛАММЕРС: Да.

НЕЛЬТЕ: Благодарю вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"являет перерыв до 14 часов 05 минут

/Перерыв до 14.05/.

8290

H1197 -0111

H1197 – 0112

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 8 апреля 1946 г.

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает ли кто-либо еще из защитников допросить этого свидетеля?

Д-р ЗАЙДЛЬ /защитник подсудимых Гесса и Франка/. Господин свидетель, можете ли Вы вспомнить, что сказал Гитлер на первом заседании кабинета о своих политических целях и программе нового правительства?

ЛАММЕРС: Гитлер произнес очень длинную речь, после чего говорили также отдельные министры. Из подробностей в моей памяти особенно запечатлелось то, что фюрер говорил, в первую очередь о ликвидации безработицы, которой надо было безусловно достигнуть. Во-вторых, о том, что надо позаботиться о хозяйственном возрождении. И, в-третьих, речь детально шла о том, что должна быть достигнута ревизия Версальского договора, что следует попытаться положить конец унижению Германии, которое заключается в Версальском договоре, и что Германская империя должна стремиться к равноправию в рядах наций.

Все эти соображения Гитлера были ясно сформулированы в заявлении правительства. Я также еще помню, что и в этом заявлении правительства, особенно говорилось о защите позитивного христианства. В основном я уже не помню отдельных подробностей, но, по моему убеждению, - это самые важные

пункты, о которых шла речь.

Не обсуждалось ничего, что требовало бы особой секретности, и то, что обсуждалось, в основном было изложено в опубликованном в прессе заявлении правительства.

ЗАЙДЛЬ: Говорил ли Гитлер на этом заседании кабинета что-нибудь о том, что он хочет изменить систему правления и что хочет он управлять, как диктатор?

ЛАММЕРС: Г-н Гитлер высказался в том смысле, что прежняя парламентарная система в Германии отказала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите о каком-то совещании; когда было это совещание, на которое Вы сейчас ссылаетесь?

ЛАММЕРС: Речь идет о первом заседании кабинета, о котором меня спросил г-н защитник.

Это было 30 января 1933 года, на следующий день после прихода к власти , и фюрер сказал тогда, что прежняя система правления отказала. Далее он заявил, что последствием этого отказа было то, что президент был вынужден об"явить исключительное положение на основании ст. 48-й веймарской конституции, и править с помощью чрезвычайных распоряжений, и что теперь возможно создать стабильное имперское правительство, правительство, которое сможет управлять в течение многих лет, а о дальнейшем, о том, как можно создать такое правительство, об этом нужно сперва договориться с президентом и рейхстагом.

ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, сказал ли Гитлер на этом заседании, что он хочет предоставить НСДАП привилегированное положение?

8292

H1197 -0113

H1197 – 0114

ЛАММЕРС: Он сказал, что НСДАП, как самая сильная партия, должна, естественно, иметь соответствующее влияние на имперское правительство. О том, что он хочет устранить или запретить другие партии, которые еще существовали тогда, еще были тогда представлены в кабинете, германо-национальная партия и "Стальной шлем",-об этом он ничего не говорил.

ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, говорил ли Гитлер на этом первом заседании о своих внешне-политических целях, и,в частности, сказал ли он, что Германия должна окончательно освободиться от оков Версальского договора и снова занять подобающее ей место в семье народов?

ЛАММЕРС: Об этом я уже говорил в положительном смысле. Внешне-политические цели заключались в полной ревизии Версальского договора.

ЗАЙДЛЬ: Говорил ли Гитлер тогда также о том, что ради достижения этих внешне-политических целей нужно довести дело до новой войны, в случае возможности, также и до превентивной войны?

ЛАММЕРС: О войне, насколько я помню, тогда ничего не говорилось. И,во всяком случае,ни о какой превентивной или агрессивной войне.

ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, изагал ли Гитлер в последующее время на заседаниях кабинета или других совещаниях всех или многих министров какой-либо общий план для достижения своих внешне-политических целей?

ЛАММЕРС: Нет, об общем плане,-это нечто другое, чем упомянутый мною ранее всеобщий план,-мне ничего неизвестно. Гитлер не говорил об ~~этом~~ общем плане ни на этом заседании, ни на более поздних заседаниях. Он никогда, насколько я знаю, под-

робно не обсуждал общих планов, рассчитанных на другое время.

ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, что побудило Гитлера:

а/назначить Гесса заместителем фюрера НСДАП,

б/ сделать его имперским министром?

ЛАММЕРС: Фюрер назначил Гесса заместителем фюрера, по моему убеждению, потому, что он, как имперский канцлер, не хотел больше руководить делами партии и для технического руководства партией должен был иметь ответственное лицо.

Имперским министром фюрер сделал Гесса для того, чтобы установить связь между партией и государством, чтобы иметь в имперском кабинете человека, который был в состоянии представлять желания и концепцию партии в кабинете. Может быть, при этом он имел ввиду,-что позже стало законом,- создать единый фронт партии и государства.

ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, имел ли высший генералитет связь с имперским руководством и с корпусом политических руководителей партии:

а/ до прихода к власти и

б/ после прихода к власти?

ЛАММЕРС: До прихода к власти, насколько мне известно, связи между партией и генералитетом, как таковой, не существовало. Возможно, была личная связь между отдельными членами партии и отдельными генералами.

После захвата власти я имел возможность присутствовать при том, когда фюрер в начале февраля 1933 года принял генералитет, высший генералитет, главнокомандующих, и при этом у меня создалось такое впечатление, что фюрер не знал большинство этих людей, т.к. их всех ему представили; я стоял

H1197-0115

H1197 – 0116

рядом, и у меня было такое чувство, что он знал ранее лишь немногих из этих господ.

После прихода к власти, естественно, была установлена более тесная связь партии с генералитетом, так как партия имела тесную связь с государством. Но я хотел бы сказать, что отношения, общие отношения, между партией, а именно имперским руководством партии и корпусом политических руководителей, с одной стороны, и высшим генералитетом и, может быть, также с генералитетом несколько низших инстанций, с другой стороны,–что они никогда не выходили за рамки формальных и так называемых общественных отношений, основанных на общественных отношениях по долгу службы, когда время от времени встречались друг с другом на разных торжественных общественных демонстрациях. Более тесными общие отношения между имперским руководством партии и корпусом политических руководителей, с одной стороны, и генералитетом, с другой стороны,–ни в коем случае не были.

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель, изменился ли характер этих отношений после того, как Гитлер стал главой государства и высшим главнокомандующим вооруженными силами?

ЛАММЕРС: Насколько это касается генералитета, я считаю, что существенно положение не изменилось, так как генералитет видел в фюрере не фюрера партии, а главу государства и высшего главнокомандующего вооруженными силами и вследствие этого не считал, что ему надо устанавливать особо тесные отношения с партией.

ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, имели ли место общие заседания и совещания для обсуждения политических целей между имперским правительством, и имперским руководством партии и высшим генералитетом?

ЛАММЕРС: О каких-либо общих заседаниях или обсуждениях вообще нельзя говорить. Они никогда не имели места. Да это и было невозможно уже из-за количества людей.

ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, могли ли члены имперского правительства, имперского руководства партии и высшего генералитета противоречить Гитлеру в жизненно-важных вопросах нации, в частности в таких, когда речь шла о войне и мире?

ЛАММЕРС: Вместе эти три корпорации, если так можно сказать, вообще не могли занять какую-либо позицию, так как они не имели никакой связи друг с другом. Но и каждая отдельная из этих корпораций: имперское руководство партии, имперское правительство и генералитет, - сами по себе тоже не могли занять какую-либо позицию, в первую очередь, потому, что о целях фюрера в политическом и экономическом отношении они вообще не были информированы. Как могли они занять какую-либо позицию? Им преподносилось выполнение, совершившиеся факты и какое-либо выступление после этого было бы "ударом в тыл" по политике фюрера.

ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, стало быть, общего политического плана Гитлера, который выполнялся бы этими тремя корпорациями, вообще не существовало, и поэтому и нельзя говорить о заговоре?

ЛАММЕРС: Мне ничего неизвестно о таком общем плане, но я могу засвидетельствовать лишь одно, что огромное большинство министров никогда ничего не знало о подобном общем плане.

8216

H1197 – 0117

H1197-0118

В какой степени фюрер посвящал отдельных лиц в какой-либо общий план, - этого я не знаю, я не присутствовал при этом. Может быть, фюрер когда-либо обсуждал с кем-либо, пусть то из партии, или из министерств, или из генералитета, какие-либо планы, но что говорилось при этом,-этого я не знаю, и соглашались ли эти господа с фюрером или спорили с ним,-этого я , конечно, не могу знать. Я также не могу знать, могли ли они незадолго до исполнения каких-либо крупных политических планов, как, например, вступление в Чехословакию или что-либо подобное, могли ли они незадолго до этого давать фюреру какие-либо советы, соглашались ли они с ним или противоречили, или же они просто приняли приказ, который должны были выполнить.

ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, если я Вас правильно понял, то Вы, очевидно, хотите сказать, что фюрер все крупные политические решения принимал самостоятельно?

ЛАММЕРС: Крупные политические решения, без сомнения, принимались им одним во всех случаях с привлечением или участием небольшого числа лиц, но всегда без участия имперского правительства, ибо имперское правительство, если сосчитать... При выходе из Лиги Наций, тогда Гитлер в последний раз заранее информировал имперское правительство. Затем последовало другое крупное действие - вступление в Рейнскую зону.

ЗАЙДЛЬ: Простите, что я Вас прерываю, но Вы должны говорить несколько медленнее.

ЛАММЕРС: Медленнее. Хорошо. Имперское правительство было информировано заранее о том, что мы выйдем из Лиги Наций; оно было еще информировано заранее. О вступлении в Рейнскую область никто не был информирован. Лишь после того,

H1197-0119

как было произведено вступление, фюрер сообщил об этом имперскому кабинету. При вступлении в Австрию, при вступлении в Судетскую область, при вступлении в Прагу, перед началом польской войны, перед началом дальнейших операций против Норвегии, Франции и России и т.д. - имперское правительство заранее не выслушивалось фюрером и не информировалось им потом, так что среди всех министров господствовало известное недовольство тем, что они заранее ни разу не были информированы об этих огромных планах, которые имели известные последствия также и для гражданских ведомств, и что имперскому правительству сообщали лишь о свершившихся фактах. Таким образом, я могу сказать, что фюрер принимал все эти решения один, а в какой степени он советовался с отдельными лицами, это мне неизвестно. Во всяком случае, большинство министров не информировалось обо всех этих мероприятиях, они информировались об этом лишь в общем, как всякое лицо, читающее газету или слушающее радио. Некоторые, как например, Л, иногда узнавали за два - три часа до начала какой-либо операции, если об этой операции оповещалось в прессе. Предварительный опрос фюрером, или даже только информация, места не имел.

ЗАЙДЛЬ: Теперь я прошу Вас сказать мне, как, собственно, получилось, что вся правительственная власть в такой степени перешла к фюреру?

ЛАММЕРС: Этот переход, я бы сказал, произошел в постепенно развивавшемся государственном обычном праве.

ЗАЙДЛЬ: Пожалуйста медленнее.

ЛАММЕРС: Сперва фюрер и имперское правительство

8298

H1197-0119

H1197 – 0120

в силу известного закона рейхстага о полномочиях получили право изменять также и конституцию. Имперское правительство воспользовалось этим правом путем издания законов, но это право было использовано, конечно, также и путем молчаливого терпения, путем образования государственного обычного права, признаваемого, собственно, во всех государствах. Таким образом, особенно в течение первых лет, а затем также и в последующие годы, государственное обычное право развивалось в том направлении, что фюрер действовал самостоятельнее, чем это, собственно, было возможно по Веймарской конституции. Фюрер с самого начала оттеснил кабинет от решения всех крупных политических вопросов.

Уже в 1933 и 1934 г.г., когда был еще жив Гинденбург, фюрер не хотел, чтобы в кабинете какой-либо министр обсуждал общие политические вопросы. Я должен был неоднократно сообщать различным министрам, что они не должны в кабинете ставить на обсуждение те вопросы, которые непосредственно не относятся к их ведомству.

Например, я должен был сделать такое сообщение господам, которые хотели обсудить политику по отношению к церкви. Мне было запрещено вносить в повестку дня заседаний кабинета обще-политические вопросы. И если, несмотря на это, какой-либо министр на заседании кабинета ставил на обсуждение какой-либо политический вопрос, то в большинстве случаев фюрер сам брал слово и обрывал его, или говорил, что это они обсудят наедине. И таким образом шло развитие.

Когда после смерти Гинденбурга фюрер стал также и главой государства, подобные обсуждения в кабинете вообще

были изъяты. Эти вопросы вообще нельзя было обсуждать. Министры не должны были чувствовать себя политическими министрами. Неоднократно по поручению фюрера я должен был сообщать отдельным господам о том, что они должны отказаться от высказываний по таким вопросам в имперском кабинете.

Потом пришло время крупных операций, которое я уже обрисовал, тогда уже не было заседаний кабинета. Фюрер действовал тогда самостоятельно, он делал все заявления от имени имперского правительства самостоятельно, никого не спрашивая заранее. Я признаю, что кабинет неоднократно жаловался на это, однако, не мог добиться своего наперекор фюреру. Так постепенно правительственная власть..., если понимать правительство в собственном смысле, с точки зрения англо-саксонского права, то имперского правительства, как такового, с 1936 г., как общности имперской канцелярии и министров, т.е. имперского правительства, как коллегии, вообще не существовало с 1936 г. Фюрер был имперским правительством, и власть перешла к нему. Конечно, скажут, что она не должна была перейти к нему. На это я могу лишь ответить, что это может быть неверным, глупым, но это было не преступлением, а политическим развитием, повторявшимся неоднократно в истории.

Политическое развитие в древнем Риме происходило точно таким же образом, вся власть была у сената и путем законов...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда члены Трибунала желают высказаться, не будете ли Вы любезны молчать.

ЛАМЕРС: Да, но я, конечно, не знаю, когда он хочет говорить.

8300

H1197 – 0121

H1197-0122

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Собственно говоря, Трибунал не желает выслушивать историю древнего Рима.

ЛАММЕРС: Хорошо.

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель, Вы обрисовали нам развитие перехода правительственной власти к Гитлеру?

ЛАММЕРС: Да, но не полностью.

ЗАЙДЛЬ: Тогда я прошу Вас продолжать, но все описания...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, мы уже достаточно слышали об этом. Мы вполне все понимаем. Он говорит, что Гитлер захватил всю власть сам и, что он не хотел слышать никаких пререканий. Вполне ясно, что он сказал это.

ЗАЙДЛЬ: Хорошо.

Господин свидетель, я прошу Вас сказать мне еще,—это последний вопрос в этой связи. Скажите пожалуйста, считали ли Вы сами, как имперский министр и как начальник имперской канцелярии, законным описанное Вами развитие?

ЛАММЕРС: Это развитие я наблюдал в первую очередь с точки зрения государственного права. Я неоднократно говорил об этих вопросах с Гитлером и я считаю это развитие совершенно законным и, если желательно, могу изложить это подробно. Особенно я считал это развитие совершенно законным на основании известного закона о полномочиях и более поздних законов, по которым имперское правительство получило всю власть, то-есть было также в состоянии уступить эту власть фюреру, и, таким образом, об имперском правительстве, как правительстве в англо-саксонском смысле...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал не интересуется вопросом о том, было ли это легально или нет. Трибунал только интересует вопрос о том, были ли совершены преступления против других стран. Но мы не желаем заслушивать все подробности об этом.

ЗАЙДЛЬ: Да, но главный пункт обвинения-это первый раздел обвинения в обвинительном заключении. Речь идет о заговоре, наличие которого утверждается обвинением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Основная суть Обвинительного заключения не в том, соответствовал ли закону Германии тот факт, что Гитлер должен был взять в свои руки всю власть в германском правительстве. Этого нет в Обвинительном заключении.

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель, теперь я перехожу к нескольким вопросам, которые касаются подсудимого д-ра Франка. С какого времени Вы знаете д-ра Франка? Какова была его деятельность до начала войны?

ЛАММЕРС: Я познакомился с д-ром Франком в 1932 г. Если я Вас верно понял, Вы спросили о его деятельности лишь до начала войны?

ЗАЙДЛЬ: До начала войны.

ЛАММЕРС: В партии он был руководителем правового отдела партии, потом он от партии стал руководителем национал-социалистского союза юристов, из которого позже образовался так называемый "Союз блюстителей закона". Затем он был членом рейхстага, а с приходом к власти Гитлера в 1933 году он стал баварским министром юстиции. Одновременно он стал имперским комиссаром по юридической реформе, а позже, я не могу точно назвать год, он стал имперским министром без портфеля, был президентом академии германского права и под конец стал генерал-губернатором.

H1197 - 0123

H1197 – 0124

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы знаем, какие посты занимал подсудимый Франк и неоднократно об этом слышали. Поэтому нет необходимости в том, чтобы д-р Ламмерс вновь говорил об этом.

ЗАЙДЛЬ: Я могу задать свидетелю другой вопрос. Г-н свидетель, каковы были отношения между Франком и Гитлером?

ЛАММЕРС: Отношения вначале между обеими - я хотел бы сказать - были корректными, хорошими, но не особенно тесными. Во всяком случае, он никогда не принадлежал к тем людям, которых можно назвать ближайшими советниками фюрера.

ЗАЙДЛЬ: Каково было отношение доктора Франка к полицейскому государству и к вопросу о концентрационных лагерях?

ЛАММЕРС: Франк неоднократно произносил публичные речи, в которых он выступал за правовое государство, за закон и право, в которых он боролся с полицейским государством, в которых он также, хотя и не в совсем ясной форме, - всегда выступал против заключения в концлагерь, так как это заключение имело место собственно без юридического основания.

За речи, которые произносил Франк, его неоднократно резко ругал фюрер, так что я, в конце концов, получил от фюрера поручение запретить ему произносить речи, и ему также запретили издание, печатное издание этих речей. Деятельность Франка, в которой он выступал за правовое государство, в конце концов, привела к тому, что он был уволен с поста имперского руководителя юридического отдела партии.

ЗАЙДЛЬ: Не был ли он по тем же причинам уволен также с поста президента академии германского права?

ЛАММЕРС: Да, это произошло одновременно, он потерял также пост руководителя союза блюстителей закона.

ЗАЙДЛЬ: Другой вопрос. Имел ли доктор Франк, как генерал-губернатор, позицию с широкой властью, или же положение было таково, что во многих отношениях его полномочия были ограничены?

ЛАЙМЕРС: Можно спокойно сказать, что полномочия Франка во многих отношениях были ограничены. Здесь имеется ряд аргументов: во-первых, что разумеется само собой, со стороны вооруженных сил. Но они меньше всего мешали ему, т.к. в оккупированных областях рейхскомиссары никогда не были членами главного командования вооруженными силами. Они всегда были отделены друг от друга. Затем рейхсмаршал Геринг, как уполномоченный по четырехлетнему плану, имел обширные командные полномочия от партии и государства во всех оккупированных областях, стало-быть, и в генерал-губернаторстве, и мог в этом отношении давать указания генерал-губернатору и, - если это необходимо, необходимо в общих интересах, - полностью или частично отменять его распоряжения. В-третьих, права генерал-губернатора Франка были сильно ограничены полицией, так как Гиммлер, как начальник германской полиции, имел непосредственные полицейские права, в отношении которых он, правда, должен был консультироваться с генерал-губернатором, что, однако, не всегда имело место. Затем полновластность генерал-губернатора была ограничена тем, что Гиммлер был имперским комиссаром по укреплению германской нации и, как таковой, он мог производить переселение, и делал это, не спрашивая генерал-губернатора Франка. Кроме того, имелись известные ограничения в пользу генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, хотя в этой области, по моему

H1197 – 0125

H1197 – 0126

мнению, ограничения этой мнимой полновластности были меньше всего, так как гауляйтер Заукель всегда, по возможности, заранее договаривался с местными инстанциями; и, в заключение, имел определенные права имперский министр Шпеер в области вооружения и техники. Некоторые права имела также почта, железные дороги и т.д. Но, в этом в основном заключались, как сказал, Вы, г-н адвокат, ограничения прав Франка.

ЗАЙДЛЬ: Каково было,по Вашим наблюдениям, принципиальное отношение доктора Франка к польскому и украинскому народу и какую политику он пытался проводить?

ЛАММЕРС: По моему мнению, Франк всегда старался проводить политику умеренности и создавать дружественные Германии настроения в Польше. Правда, он часто не мог добиться своего, в особенности потому, что полицейская власть и власть Гиммлера в области переселения были слишком велики, так что его меры и его намерения нарушались. Ему было трудно добиться своего.

ЗАЙДЛЬ: Пытался ли доктор Франк добиться германизации или же положение было таково, что он оказывал сопротивление политике переселений Гиммлера, как генерального уполномоченного по укреплению германской нации всюду, где это только было возможно?

ЛАММЕРС: Что Франк пытался добиться германизации, - я не столько глупым я его не считал, что он хотел сделать поляков немцами. Может быть, он пытался привлечь на сторону немцев лиц немецкого происхождения в Польше; а в отношении переселений у него были большие трудности, т.к. заранее об этом его никогда не спрашивали, и путем переселения люди просто втаскивались в генерал-губернаторство. Он в этом полностью

8301

H1197 – 0127

был согласен со мной. Я также неоднократно доказывал фюреру, о том, что это массовое переселение не должно производиться без согласия генерал-губернатора, что генерал-губернатор не может управлять, если он не знает заранее этих мер по переселению и, таким образом, не имеет никакого влияния на эти меры.

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель, Вы показали, что вся полиция безопасности и СД в генерал-губернаторстве была подчинена непосредственно Гиммлеру или же высшему командиру СС и полиции. Не пытался ли генерал-губернатор Франк выступить против политики насилия этих двух людей и добиться поддержки?

ЛАММЕРС: Об этом он неоднократно жаловался мне и притом с той целью, чтобы я передал эти жалобы фюреру, что было для меня лишь частично возможно. Но в одном вопросе мы ему очень хотели помочь. В генерал-губернаторстве был создан потом статс-секретариат по делам безопасности под руководством тогда высшего командира СС и полиции Крюгера. Но он функционировал лишь пять или шесть недель, а после этого разногласия в этой области начались снова. Крюгер, статс-секретарь по делам безопасности, заявил: я получаю свои указания от Гиммлера. Если генерал-губернатор жаловался на это, то Гиммлер говорил, что это, собственно, неважные вещи, и я должен иметь возможность приказывать непосредственно, а генерал-губернатор говорил, что для меня это не неважные вещи, для меня и эти вещи важны; таким образом, путь инстанций и сотрудничество с генерал-губернатором не соблюдались, так что понятно, что у г-на Франка в действительности было очень трудное положение в области полицейских дел.

8306

H1197 – 0127

H1197 – 0128

ЗАЙДЛЬ: Верно ли, что генерал-губернатор неоднократно, и притом устно и письменно заявлял о своей отставке, и что было причиной этому?

ЛАММЕРС: Франк неоднократно заявлял о своей отставке, и ~~притом,~~ вследствие тех резких конфликтов, которые у него были, в частности, с Гиммлером, и потому, что в случае этих конфликтов добивался от фюрера своего не он, а в большинстве случаев Гиммлер. Мне было передано много заявлений или пожеланий об отставке, однако, я частично вообще не мог их представить фюреру. Но я говорил фюреру об этих намерениях Франка уйти в отставку, и фюрер неоднократно отклонял отставку Франка.

ЗАЙДЛЬ: Известно ли Вам, что рейхсфюрер СС Гиммлер старался добиться устранения доктора Франка?

ЛАММЕРС: Рейхсфюрер Гиммлер был лично, без сомнения, противником Франка. Я имел причины на основании различных отрицательных высказываний, сделанных Гиммлером относительно Франка, полагать, что Гиммлер был бы очень доволен, если бы Франк был удален со своей должности; и рейхслейтер Борман был настроен также, он тоже не был хорошо расположен к Франку.

ЗАЙДЛЬ: Кому подчинялись в генерал-губернаторстве концентрационные лагери и кто руководил их созданием и администрацией?

ЛАММЕРС: Концлагери подчинялись Гиммлеру, а администрацией и организацией лагерей ведали органы - отделы Гиммлера. Мне кажется, это было хозяйственное управление СС, которое занималось администрацией, но концлагери, как таковые, подчинялись Гиммлеру.

8 307

H1197 – 0129

ЗАЛЛЬ: Кто ведал всеми вопросами в связи с так называемой еврейской политикой в генерал-губернаторстве?

ЛАММЕРС: В оккупированных областях еврейской политикой, я бы сказал, во всех крупных вопросах, руководил Гиммлер. Генерал-губернатор, конечно, также занимался некоторыми вопросами в области еврейской политики, или мерами против евреев, например, борьба с сыпным тифом, а также, кажется, внешнее обозначение евреев. Обо всех этих личных мерах полиция ходатайствовала перед генерал-губернатором. Но основная политика против евреев, - как я узнал позже, - проводилась одним лишь Гиммлером и на это он имел полномочия от фюрера.

ЗАЛЛЬ: Верно ли, что генерал-губернатор уже с 1940 года постоянно жаловался на деятельность высшего командира СС и полиции Крюгера?

ЛАММЕРС: Я могу это подтвердить, это неоднократно имело место. Особенно эти жалобы были направлены против того, что суды СС и полиции в генерал-губернаторстве превышали свои права и вследствие этого судопроизводство изымалось из рук органов генерал-губернаторства. Кроме того, имели место расстрелы заложников. На это он тоже неоднократно жаловался, причем я замечу, что все эти жалобы мне, это были жалобы мне лично, они направлялись мне лишь для того, чтобы я передал их фюреру.

ЗАЛЛЬ: Верно ли, что генерал-губернатор неоднократно делал представления по поводу чрезмерно больших требований империи к генерал-губернаторству, в частности, относительно поставок зерна?

ЛАММЕРС: Он часто возражал, но требования, получаемые им, были даже увеличены. Правда, он их обычно выполнял, что было ему, повидимому, особенно трудно.

8308

ЗАДЛЬ: Известно ли Вам, что генерал-губернатор протестовал против увоза произведений искусства органами Гиммлера?

ЛАММЕРС: Да, я немного помню об этом. Возможно, что он жаловался также и на увоз произведений искусства, но подробностей об этом я уже не помню.

ЗАДЛЬ: И теперь последний вопрос:

Верно ли, что генерал-губернатор в большом количестве статей, начиная уже с 1940 года, делал фюреру предложения об улучшении жизненных условий населения в генерал-губернаторстве, и что лишь значительно позже фюрер признал верной политику д-ра Франка, которую тот предлагал с самого начала?

ЛАММЕРС: Г-н Франк неоднократно протестовал против политики эксплоатации, он стоял за политику восстановления, в том числе и культурной жизни. Например, он предложил, чтобы властям при генерал-губернаторе и воеводам, польским властям и т.д. были приданы эмиссары, и это было отклонено. Он высказался за создание гимназий, семинарий священников и в пользу других культурных мероприятий. Все это было отклонено.

Однажды он представил также большой меморандум, там имелась польская организация, называвшаяся "Плуг и меч". Она просила о сотрудничестве с немцами, и Франк в большом меморандуме сделал подробные предложения о том, что теперь можно привлечь к сотрудничеству поляков, если соответствующим образом пойти им навстречу. Все эти предложения Франка были отклонены Гитлером. Вовсе неверно, если Вы говорите, г-н адвокат, что Гитлер ~~лишь~~ в последнее время согласился с Франком. Я могу лишь ска-

H1197 – 0130

H1197 – 0131

вать, что он отклонил совершенно все, без исключения.

ЭЛЛЬ: У меня нет больше вопросов.

Д-р ТОМА /защитник подсудимого Розенберга/: Подсудимый Розенберг указом от 17 июля 1941 года был назначен имперским министром оккупированных восточных областей. Пожалуйста, скажите Суду совершенно коротко, какими указами были ограничены права на Востоке?

ЛАММЕРС: Я могу сделать это очень кратко, повторив, что это те же самые ограничения, которые имели место по отношению к генерал-губернатору, те ограничения, которые я только что перечислил. Но при этом я должен сделать еще некоторые добавления. Положение имперского министра Розенберга было особенно затруднено тем, что разногласия, которые он имел в области пропаганды с г-ном министром Геббельсом, особенно сильно влияли их в сторону ухудшения, ибо, по мысли фюрера, Розенберг должен был проводить восточную политику, а Геббельс - пропаганду, и это не всегда можно было согласовать. Имели место крупные разногласия между Розенбергом и Геббельсом, которые устранялись лишь после долгих переговоров. Но в результате успех всегда был невелик, так как едва устраненные разногласия снова появлялись через неделю. Кроме того, еще одно ограничение, отличное от ограничений генерал-губернатора, заключавшееся в том, что Розенберг в оккупированных восточных областях имел двух рейхскомиссаров - рейхскомиссара Лозе и рейхскомиссара Коха.

ТОМА: Об этом мы поговорим позже.

Помните ли Вы, что до издания закона от 17 июля 1941 года имело место совещание у фюрера за день до того, 16 июля 1941 года, на котором Розенберг с самого его начала жаловался на то, что министерство не должно

получить никакой полицейской власти и что вся полицейская власть должна быть передана Гиммлеру?

ЛАММЕРС: Г-н Розенберг, конечно, не совсем был согласен с передачей полицейских прав Гиммлеру, и он протестовал против этого, но безуспешно. Полицейские дела во всех других оккупированных областях были уже урегулированы так же, как и здесь. Фюрер не хотел отходить от этого правила.

ТОМА: В общей инструкции имперским комиссарам имеется место о том, что высший командир СС и полиции лично и непосредственно подчиняется имперскому комиссару. Имело это то значение, что имперский комиссар и в профессиональных делах мог давать приказы начальнику полиции?

ЛАММЕРС: Обычно нет, служебные указания должен был давать Гиммлер. Высший командир СС и полиции должен был устанавливать по этим вопросам связь с имперским комиссаром и, конечно, учитывать его политические указания, а не служебные.

ТОМА: Не служебные? Я хотел бы просит Вас сказать Суду, возможно кратко, о том, какую политическую концепцию с самого начала и до конца представлял Розенберг в отношении обращения с восточными народами?

ЛАММЕРС: По моему мнению, он всегда хотел проводить умеренную политику. Он, без сомнения, был против политики уничтожения и против политики угона, которая повсюду пропагандировалась. Он старался привести в порядок сельское хозяйство с помощью аграрной реформы, привести в порядок школьное дело, церковные дела, университеты, школы и т.д. Это ему с трудом удалось, потому что один рейхскомиссар, а именно Кох на Украине саботировал меры Розенберга, я бы

R 311

H1197 – 0132

H1197 – 0133

хотел сказать, что он просто не следовал приказам Розенберга в этом отношении.

ТОМА: Я говорю сейчас, правда, об основной политической концепции. Говорил ли Вам Розенберг когда-нибудь, что он хочет предоставить восточным народам известную автономию и разрешить им такую автономию?

ЛАММЕРС: Я могу ответить на это утвердительно.

ТОМА: Говорил ли он Вам также о том, что он хотел бы, чтобы право самоопределения народов было распространено также и на восточные оккупированные районы?

ЛАММЕРС: Я не могу точно вспомнить, имело ли это место именно в такой форме. Во всяком случае, он был за установление известной самостоятельности восточных народов.

ТОМА: То-есть автономии, и поэтому он особенно интересовался культурным обслуживанием восточных народов?

ЛАММЕРС: Да, в этом он был особенно заинтересован, я знаю это потому, что интересовался также школьным делом, церковью и университетами.

ТОМА: Повидимому, это и послужило причиной конфликта, который был у него особенно с рейхскомиссаром Кохом?

ЛАММЕРС: Это, а также многое другое. Кох был прежде всего убежденным противником аграрной реформы, которую Розенберг считал особенно полезной в интересах своих целей. Эта аграрная реформа саботировалась Кохом.

ТОМА: Можете ли Вы назвать также другие области, в которых Кох чинил препятствия министру по восточным делам?

ЛАММЕРС: В данный момент ничего больше не приходит в голову.

ТОМА: Вы знаете, что потом дело дошло до прямого разрыва, когда Вы получили поручение вместе с Борманом

вести переговоры между ними, и что Розенберг отказался от этого и потребовал, чтобы этот вопрос был решен фюрером?

ЛАММЕРС: Разногласия между Розенбергом и Кохом были очень многочисленными. Ими наполнено ~~+со~~ много томов дел. Фюрер дал поручение, чтобы Борман и я исследовали это дело. На это пошло много недель. Но после исследования, я сказал бы, дело никогда не дошло до решения фюрера. Фюрер все время затягивал решение в этом вопросе. Однажды и, может быть, это как раз тот случай, который Вы имеете в виду, господин адвокат, разногласия вновь стали особенно острыми. Тогда Гитлер вызвал к себе г-на Розенберга и г-на Коха и вместо того, чтобы разрешить их разногласия, вместо делового решения, он принял соломоново решение: эти господа должны встречаться каждый месяц и должны иметь между собой контакт. Это было, конечно, таким положением, которое было невыносимо для Розенберга, как руководящего министра, быть обязанным в каждом случае связываться с подчиненным ему рейхскомиссаром. И, во-вторых, это едва ли было осуществимо на практике. Во-первых, эти господа, может быть, раза два встретились и, во-вторых, если они и встречались, то нельзя было добиться никакого соглашения и, в конце концов, господин Кох оправдывался фюрером.

ТОМА: В чем это выражалось, что Кох оправдывался фюрером?

ЛАММЕРС: В том, что фюрер не принял решения в ответ на, по моему мнению, справедливую жалобу Розенберга. Тем самым осталось положение, созданное Кохом.

8313

H1197 – 0134

H1197-0135

ТОМА: Подсудимый РОЗЕНБЕРГ говорит, что результатом было то, что он получил от Гитлера поручение ограничиться в управлении восточными областями лишь принципиальными. Верно-ли это ?

ЛАММЕРС: Да, поручение фюрера было приблизительно таково. Обе стороны отказались от взаимной информации по тем делам, по которым фюрер имел возражения.

ТОМА: Как вообще слагалось отношение Розенберга к фюреру ? Когда имел место последний доклад Розенберга Гитлеру ?

ЛАММЕРС: Насколько я знаю, Розенберг был в последний раз у Гитлера в конце 1943 года, а до этого всегда было трудно добраться до фюрера. Ему это не часто удавалось.

ТОМА: Эти напряженные отношения привели к тому, что Розенберг осенью 1944 г. подал прошение об отставке ?

ЛАММЕРС: Да, но это не было решительным прошением об отставке ; ведь фюрер запретил подавать прошения об отставке, но он сказал, что если он не может больше удовлетворить фюрера ведением дел, то он просит сместить его, так что в результате это сводилось к прошению об отставке.

ТОМА: Можете ли Вы сообщить суду о том, в какой степени Розенберг имел влияние на население оккупированных областей, и был популярен. Верно ли, в частности , что ряд руководителей церкви в оккупированных восточных областях прислали ему благодарственные телеграммы за его веротерпимое отношение и за то, что он разрешил свободное служение культу ?

ЛАММЕРС: Мне лишь поверхностно известно об этом из личного сообщения Розенберга. Он, кажется, рассказывал мне как-то раз об этом.

ТОМА: У меня еще один вопрос. На этом процессе неоднократно говорили о том, что военное окружение Гитлера считало его военным гением. Каково было положение в секторе администрации ?

H1197 – 0136

Гитлер был ведь высшим законодательным лицом, премьер-министром и главой государства. Поддерживался ли он своим административным окружением в том отношении, что все его решения считались правильными, и что считали, что он добивается здесь выдающихся успехов, или кто его поддерживал ?

ЛАММЕРС: Фюрер и в этой области имел дар чрезвычайно быстрого понимания и почти всегда правильно судил о вещах и был сам ~~сам~~ в состоянии в основном определить общую линию направления законодательства и администрации. Затем частично моей задачей, и задачей ~~министров~~ соответствующих министров было придавать соответствующую форму тем наметкам и идеям, которые давал фюрер. Если при этом имелись какие либо возражения, то фюрер обычно охотно принимал их, если они не затрагивали принцип. Таким образом в вопросах другой формулировки, если это было необходимо, усиления или ослабления отдельных мер, другого построения, ему можно было возражать с успехом, но если речь шла о противоречии в основном, то об этом с ним очень трудно было говорить.

ТОМА: Да, и в отдельных проблемах он лично принимал деловые решения, или ему препятствовали в этом определенные другие цели, которые он имел ввиду ?

ЛАММЕРС: Ему делали весьма мало докладов. Обычно последние годы я делал ему деловые доклады каждые 6-8 недель, т.е. 6-8 раз в год, самое большое, + может быть, 10 раз. При этом, конечно, нельзя было обсуждать проблемы. Фюрер в общем в администрации... предоставлял ее своим министрам....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Тома, мы уже много раз слышали все это о Гитлере.

ТОМА: У меня еще только один вопрос. Знали-ли Вы что нибудь о том, что Гитлер принял решение решить еврейский вопрос с помощью окончательного решения, т.е. уничтожения евреев ?

ЛАММЕРС: Да, об этом мне известно очень много. Об окончательном решении еврейского вопроса я первый раз стало мне известно в 1942 году. Тогда я узнал, что фюрер дал, кажется, через Геринга обергруппенфюреру СС Гейдриху поручение о решении

H1197 – 0137

еврейского вопроса. Сущности этого поручения я не знал и поэтому, так как я не имел никакого отношения к этому делу, я занял сперва отрицательную позицию, но, когда я затем захотел кое-что узнать, я, конечно, сперва должен был связаться с Гиммлером и спросил его, что собственно следует понимать под окончательным решением еврейского вопроса ~~?~~. Гиммлер ответил мне, что он получил от фюрера поручение добиться окончательного решения еврейского вопроса,- Гейдрих или его преемник имели это поручение,- и это поручение заключается в основном в том, что евреи должны быть эвакуированы из Германии. Я сперва удовлетворился этим об"яснением и занял выжидательную позицию, так как я полагал а я ведь не имел отношения к этому делу,- что я смогу что нибудь узнать об этом от Гейдриха, или от его преемника Кальтенбруннера. Но, так как не поступало ничего, ~~то~~ я пытался сам получить информацию об этом и тоже еще в 1942 г. доложил фюреру, что хочу сделать ему доклад, на что фюрер сказал мне, что это верно,—он дал Гиммлеру поручение об эвакуации, но он не желает больше в военное время слушать докладов об этом еврейском вопросе.

Вскоре вслед за тем, уже в начале 1943 года, Главное Управление имперской безопасности разослало приглашения на заседание на тему " окончательное решение еврейского вопроса". Я уже до этого издал приказ для своих чиновников о том, что я не занимаю никакой позиции в этом вопросе, т.к. хочу доложить о нем фюреру. Я только приказал, что если будут приглашать на такое заседание, то один из моих чиновников должен пойти туда, так сказать, в качестве " слухача". Это заседание потом имело место по этому вопросу, но безрезультатно. Были разосланы протоколы и ведомства должны были выразить свое мнение. Когда протокол поступил ко мне, ~~то~~ из этого многого тоже не получилось. Я во второй раз запретил выражать свое мнение. Я сам отказался выразить свое мнение, ~~и притом~~ , я это очень хорошо помню, потому, что письмо, которое я получил, было во-первых, подписано человеком, который не имел права подписывать письма ко мне, ~~и затем~~, какой-то мелкий чиновник спрашивал меня, почему я еще

H1197 – 0138

не выразил свое мнение, и, во-вторых, запрос был очень невежливым. Все уже выразили свое отношение к этому вопросу, кроме меня. Я приказал ответить: я отказываюсь выражать свое мнение по этому вопросу, сперва должен доложить об этом деле фюреру. В промежуточное время я еще раз обратился к г-ну Гиммлеру. Он сказал, что необходимо обсудить этот вопрос, нужно решить ряд проблем, особенно потому, что он намерен окончательное решение еврейского вопроса распространить также на лиц смешанной еврейской крови первого класса, а также и на так называемые привилегированные браки, т.е. браки, когда лишь одна сторона – арийская, а другая – еврейская. Фюрер лишь заявил мне снова, что он не желает слушать доклад, но что он не возражает против обсуждения этой проблемы. Между тем, я узнал, что производилась эвакуация. Об убийствах евреев тогда, правда, ничего не было известно, если имели место резкие случаи, то я обращался к Гиммлеру и Гиммлер решал эти вопросы всегда очень благоприятно. Но, в конце концов, в 1943 году появились слухи о том, что евреи уничтожаются. Я не имел отношения к этой области, разве что только в том, что я иногда получал жалобы, и на основании этих жалоб я проверил эти слухи, но эти слухи, по крайней мере для меня, оказались лишь слухами. Каждый говорил, что он слышал об этом от другого, но никто не хотел свидетельствовать о чем-либо. Я даже считаю, что в большинстве случаев эти слухи основывались на слушании иностранных передач по радио, и люди не хотели говорить, откуда они их получали. Это побудило меня снова взять

м деле на себя некоторую инициативу. Я, так как я с своей с ни не мог устроить каких -нибудь расследований гиммлеровских дел, еще раз обратился к Гиммлеру! Гиммлер сказал, что никаких убийств не производится, и сослался на приказ фюрера, сказав, что он должен евреев эвакуировать, и при такой эвакуации, конечно, бывают смертные случаи среди больных и стариков, несчастные случаи, бывают налеты авиации; он пошел даже дальше, сказав, что бывают мятежи, которые, конечно, должны подавляться сурово и кровопролитием для устрашающего примера. И вообще, на востоке люди разме-

H1197 – 0138

щались в лагерях. Он принес кипу списков и альбомов и показал мне, как евреи работают в лагерях для военных нужд, портняжные мастерские, сапожные и другие мастерские, и сказал мне потом: „Это-поручение фюрера и, если Вы считаете, что Вы должны выступить против, то скажите об этом фюреру, и укажите мне людей, которые сообщили Вам об этом". Я, конечно, не мог их назвать, во-первых, они не хотели, чтобы их называли, а, во-вторых, они знали об этом только по слухам и , таким образом, я не могу как, я сказал, дать ему никакого материала. Во всяком случае, я снова обратился с докладом по этому делу к фюреру и фюрер дал мне точно такой же ответ , как и Гиммлер. Он сказал мне: ~~что~~ „Я позже установлю, куда должны быть отправлены евреи, сейчас они временно размещены там", и затем сказал мне то же самое, что и Гиммлер. Это вызвало у меня впечатление, что Гиммлер сказал фюреру, что придет Ламмерс и, наверное, сообщит Вам что-нибудь об этом.

Но все-таки я опять включил окончательное решение еврейского вопроса в свой доклад, я хотел еще раз обязательно поговорить об этом с фюрером, и это удалось мне сделать лишь по поводу нескольких ярких случаев по этому вопросу, которые были такого характера, что фюрер согласился вести со мной беседу по этому поводу. Я бы хотел упомянуть в качестве примера один случай.

Если еврей был женат на немке, то он считался привилегированным, т.е. он не эвакуировался. Если жена умирала....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту....

ТОМА: Г -н председатель, я сам хотел спросить свидетеля говорить покороче. Но один вопрос я прошу еще допустить. Свидетель хочет, по моему мнению, показать, что все окончательное решение еврейского вопроса производилось в секрете и причем с обманом окружения Гитлера , и поэтому я прошу дать свидетелю возможность высказаться, т.к. здесь обсуждается решающий вопрос. Но я прошу Вас, г-н свидетель, говорить коротко.

8318

H1197-0139

H1197 - 0140

Я задам Вам вопрос: говорил-ли Вам когда-нибудь Гиммлер о том, что окончательное решение еврейского вопроса должно производится путем уничтожения ?

ЛАММЕРС: Об этом никогда не было речи. Он говорил лишь об эвакуации.

ТОМА: Он говорил только об эвакуации ?

ЛАММЕРС: Только об эвакуации.

ТОМА: Когда Вы услышали_, что были уничтожены эти 5 миллионов евреев ?

ЛАММЕРС: Об этом я услышал здесь некоторое время назад.

ТОМА: Таким образом, это было секретным делом, о котором знали лишь немногие лица ?

ЛАММЕРС: Я полагаю, что это Гиммлер действовал так, что никто ничего не знал, и что он так составил команды, что никто ничего не знал об этом. Конечно, имеется ряд лиц, которые должны были кое-что знать.

ТОМА: Можете -ли Вы сказать, какие лица должны были знать об этом, кроме тех, кто непосредственно осуществлял уничтожение ? Кто кроме них должен был знать об этом ?

ЛАММЕРС: Гиммлер должен был передать поручение другим людям, и это должны были быть некоторые руководящие лица. Э-ти руководящие лица_, конечно, должны были сообщить об этом подчиненным руководящим лицам, которые формировали команды и не абсолютно все должны были держать в секрете.

ТОМА: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Об"является перерыв.

/ перерыв на 10 минут /

8319

H1197 - 0141

Д-р ПАННЕНБЕКЕР (защитник подсудимого Фрика):

Г-н свидетель, Вы уже затрагивали ряд вопросов, которые важны и для защиты подсудимого Фрика в том отношении, что д-р Фрик был членом имперского кабинета.

Можете ли Вы сказать, на основании какой должности, или какую должность вы занимали, что она дала вам особую возможность отвечать на эти вопросы? Я хочу Вас спросить, можете ли Вы сказать, какой пост Вы занимали в имперском кабинете, что Вы можете сейчас ответить на эти вопросы?

ЛАММЕРС: Мой собственный?

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Да.

ЛАММЕРС: Я был статс-секретарем в имперской канцелярии, и был посреднической инстанцией между фюрером и рейхсминистрами за 2 исключениями: если фюрер сам не имел непосредственной связи с министрами, или если данному министру было предписано обращаться к фюреру не через меня, а другим путем. Имелся ряд вопросов, которые не проходили через мои руки, а о которых министры лично докладывали фюреру. Это все вопросы, связанные с основной политикой внешней прежде всего с основной политикой, и я лишь в 1937 г. в связи с некоторыми изменениями, в кабинете получил звание "имперского министра". Но это ничего не меняло в моих задачах. В частности у меня не было ведомства.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Можете ли Вы мне сказать, когда и состоялось ~~xxxxxxxxxxxxx~~ вообще последнее заседание имперского кабинета?

ЛАММЕРС: Последнее заседание имперского кабинета состоялось в ноябре 1937 г. Правда, в 1938 г., в начале

H1197-0141

H1197 – 0142

февраля, состоялось еще раз так называемое информационное совещание министров, на котором фюрер сообщил о произведенных изменениях в составе имперского правительства в отношении господ фон Бломберг и фон Нейрат. Последнее деловое заседание кабинета, на котором обсуждался проект уголовного кодекса, состоялось в ноябре 1937 г.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Можете ли Вы сказать что-нибудь о попытках собрать министров после этого времени?

ЛАММЕРС: С этого времени я постоянно делал попытки добиться концентрации имперского кабинета, я бы сказал его реактивизации. Фюрер все время отрицательно относился к этому. У меня был составлен проект, даже проект указа, по которому министры должны были собираться, по крайней мере, для бесед между собой один или два раза в месяц под председательством рейхсмаршала Геринга или, если этому что-либо мешало, под моим формальным руководством, министры должны были собираться на таких заседаниях и заслушивать информационные доклады. Фюрер отклонил это. Но министры, несмотря на это, очень хотели собираться вместе и поэтому я предложил, что я буду приглашать министров к себе на кружку пива один или два раза в месяц, чтобы мы собирались и все же могли совещаться. На это фюрер ответил мне: "Господин Ламмере, это не Ваше, а мое дело, это сделаю я, когда я в следующий раз приеду в Берлин".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нам не нужны все эти подробности о приглашениях на кружку пива. Если министры не встретились и он обратился к фюреру с предложением о том, как организовать эту встречу, но которая так и не состоялась, то этого вполне достаточно и не к чему вдаваться в подробности.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Правильно ли будет, согласно этому, считать, что имперские министры должны были работать

каждый только в своей области и в своем ведомстве, и что,напротив, имперского кабинета, который бы принимал решения по политическим вопросам, получал бы информацию и совещался, вообще больше не было?

ЛАММЕРС: Министры в значительной степени были не чем иным, как главными административными начальниками своих ведомств и они уже не могли действовать в имперском кабинете, как политические министры. Я уже ранее попытался обрисовать это. Заседаний больше не было, обсуждения даже вообще были запрещены. Когда же министры вообще могли обмениваться мнениями?

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Известно ли Вам что-либо о том, что Гитлер назвал имперский кабинет пораженческим клубом, которого он больше не хочет видеть?

ЛАММЕРС: На мои попытки путем известных совещаний восстановить активность имперского правительства фюрер мне сказал, что этого не будет, так как может создаться настроение, которое будет ему неприятно. В разговоре со мной он не употребил выражения "пораженческий клуб". Но я слышал от рейхслейтера Бормана, что он сказал, что министрам не следует собираться, т.к. может создаться пораженческий клуб.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Здесь неоднократно говорилось о том, что имперский министр по своей инициативе не мог уйти с должности. Знаете ли Вы что-либо о том, пытался ли Фрик уйти с поста имперского министра?

ЛАММЕРС: Фрик, несмотря на этот запрет фюрера, неоднократно высказывал желание освободиться от своей должности, если фюрер не оказывает ему полного доверия и больше не принимает его. Он мне неоднократно говорил об этом, но о письменном ходатайстве об отставке я не помню. Но я всякий раз об этих желаниях Фрика уйти в отставку сообщал фюреру.

7322

H1197-0143

H1197-0144

несмотря на то, что фюрер всегда очень резко отклонял передачу таких пожеланий.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР. Фрик в августе 1943 года ушел со своего поста имперского министра внутренних дел. Знаете ли вы что-нибудь о том, как он сам высказывался по этому поводу?

ЛАММЕРС. Г-н Фрик сам сказал мне тогда, что он с удовольствием уходит с поста министра внутренних дел, но, пожалуйста, сказал он, позаботьтесь о том, чтобы фюрер не назначил меня протектором Богемии и Моравии, как он это намеревается сделать. Я не хочу этой должности, я хочу перейти на пенсию. И я передал это фюреру. Тогда фюрер пригласил г-на Фрика в главную ставку и прежде,чем г-н Фрик один вошел к фюреру, он заявил мне, что он ни при каких условиях не хочет принимать должности имперского протектора. Но когда он вышел от фюрера, он был переубежден и все же принял эту должность. Если я не ошибаюсь, это было в августе 1943 года.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР. Фрику инкриминируют также его должность генерального уполномоченного имперской администрации. Знаете ли Вы что-нибудь об этой должности?

ЛАММЕРС. Он должен был заботиться о координировании работы других министерств, как имперский уполномоченный по администрации. Это были: имперское министерство внутренних дел, имперское министерство юстиции, имперское министерство воспитания, имперское министерство по делам церкви и имперское управление по установлению порядка. Он объединял все эти министерства под своим руководством и был представителем этих министерств в совете министров по обороне империи, который был создан с началом войны, в 1939 г.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР. Можете ли Вы сказать, на основании каких постановлений Фрик был назначен на должность генерального уполномоченного имперской администрации? Ведь было два закона об обороне империи: один от 1935 г. и другой от 1938 г.

ЛАММЕРС: Закона об обороне от 1935 года я уже не помню. Проект неопубликованного закона об обороне от 1938 года, передавал имперскому уполномоченному по администрации множество задач, которые в действительности, однако, никогда не были ему переданы, он получил лишь задачу по координированию работы различных ведомств, которые ~~вхдийххнхтехьнюсти~~ я перечислил выше.

Он никогда не выполнял всех задач в том об'еме, который предусматривался для генерального уполномоченного по имперской администрации законом об обороне.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Затем в связи с этим говорят также и о полномочиях, так называемой "коллегии трех", которая состояла из генерального уполномоченного по администрации, Фрик, генерального уполномоченного по экономике, сначала Шахт, а потом Функ, и начальника ОКВ.

Можете ли Вы сказать что-либо о том, каковы были полномочия этих 3-х?

ЛАММЕРС: Выражение "Коллегии трех" совершенно неправильно, это не государственный термин. Это-выражение референтов, которое они употребляли. Эти три человека: генеральный уполномоченный по администрации, далее генеральный уполномоченный по экономике и начальник ОКВ, каждый в отдельности, имели полномочия издавать распоряжения; но должны были согласовывать эти распоряжения с двумя другими, т.е. каждый мог в согласовании с другими издавать распоряжения в своей области. Заседание этой так называемой "Коллегии трех" никогда не состоялось. Распоряжения, которые были изданы, были очень немногочисленны и незначительны в деловом отношении. Я вспоминаю, что, например,

8324

H1197-0145

H1197-0146

этот комитет упорядочил вопрос об уменьшении числа судей в дисциплинарной палате, т.е. дело, связанное с правами чиновников, - вторая задача в каждой области; всего они издали шесть - восемь распоряжений, но очень незначительных.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Затем позже существовал совет министров по обороне империи. Можете ли Вы сравнить между собой две эти инстанции - "коллегию трех" и совет министров по обороне империи?

ЛАММЕРС: Вы имеете ввиду "коллегию трех" и совет министров?

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Да.

ЛАММЕРС: Сперва, я после создания совета министров по обороне империи взял за принцип вообще исключить коллегию трех, так как это вовсе не было нужно. Совет министров по обороне империи должен был издавать распоряжения, имеющие силу закона. Он никакого отношения не имел, собственно, к обороне империи. Военные дела не обсуждались в этом совете министров по обороне империи; он не занимался также внешней политикой и пропагандой. В основном он лишь издавал распоряжения, имеющие силу закона.

Заседания имели место лишь до декабря 1939 г., а с того момента для издания распоряжений был избран путь письменной передачи проекта для подписи. Политические дебаты никогда не имели места.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: В министерстве внутренних дел была создана центральная инстанция для оккупированных областей. Обвинение приводит эту центральную инстанцию в ~~доказательство~~ доказательство того, что Фрик имел широкие полномочия и поэтому нес ответственность за управление оккупированными областями, благодаря правам центральной инстанции. Можете ли Вы сказать что-либо об этом?

8325

ЛАММЕРС: Центральная инстанция в основном имела две задачи. Во-первых, набор административных кадров и, во-вторых, помощь при издании законов и распоряжений в оккупированных областях. Это учреждение было необходимо, так как оккупированные области нуждались в кадрах, а рейхскомиссары в оккупированных областях были подчинены лично фюреру и корреспонденция проходила частично через меня. Если нужно было разрешить вопрос с кадрами в этом отношении, то это должен был бы сделать я. Но для этого у меня не было аппарата, у меня было лишь 12 высших чиновников и никакого аппарата в самой стране; у меня также не было никаких полномочий в оккупированных странах. Для решения этого вопроса был привлечен министр внутренних дел, т.к. у него в распоряжении имелся большой аппарат чиновников.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Эта центральная инстанция, Вы сказали, была известной вспомогательной инстанцией в деле издания распоряжений для оккупированных областей. Могла ли центральная инстанция, скажем, издать распоряжени для Норвегии?

ЛАММЕРС: Относительно чего?

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Издавать законы для оккупированных областей, например, для Норвегии?

ЛАММЕРС: Нет, сама она не могла сделать этого, самое большое-с согласия рейхскомиссара.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Было ли вообще обычным, чтобы центральная инстанция когда-либо издавала распоряжения для определенной оккупированной территории?

ЛАММЕРС: Насколько я знаю, этого никогда не было. Мне не известен ни один случай, когда центральная инстанция издала бы какое-либо распоряжение.

8321

H1197-0147

H1197-0148

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Здесь приводилось одно распоряжение министра внутренних дел, которым упорядочивался вопрос о гражданстве также и в отношении оккупированных областей.

ЛАММЕРС: Да, очевидно о немецком гражданстве?

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Да.

ЛАММЕРС: Но ведь это было урегулированием внутригерманских дел.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Имели ли центральные инстанции какое-либо право давать указания, например, германскому уполномоченному в оккупированной области, непример, имперскому комиссару в Норвегии?

ЛАММЕРС: Нет, у них не было такого права вообще.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Или же они ~~имея~~ имели права давать указания подчиненным инстанциям, немецким инстанциям, или сёмим оккупированным областям?

ЛАММЕРС: Нет, права давать указания у них не было.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Обвинение далее утверждает, что эта центральная инстанция могла издавать распоряжения и для областей, для которых она не была специально предназначена. Было ли какое-нибудь правовое постановление или вообще такая практика, когда центральная инстанция вмешивалась бы в права оккупированных областей?

ЛАММЕРС: Мне не известен ни один такой случай.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Правильно ли, что начальники гражданской администрации в оккупированных областях всегда были подчинены непосредственно Гитлеру т.е. фюреру, независимо от того, какой чин они имели?

ЛАММЕРС: Имперские комиссары в оккупированных областях или так называемые начальники гражданской администрации подчинялись непосредственно фюреру.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Имел ли Фрик, будучи имперским ми-

нистром внутренних дел, право издавать приказы для оккупированных областей ввиду того, что в оккупированных областях действовала немецкая полиция?

ЛАММЕРС: Нет, в оккупированных областях полицейской властью обладал только Гиммлер в сотрудничестве с рейхскомиссарами. Имперский министр внутренних дел не имел ничего общего с полицией в оккупированных областях.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Нельзя ли прийти к заключению о больших правах имперского министра внутренних дел, на основании его положения в связи с тем, что Гиммлер был подчинен министерству внутренних дел?

ЛАММЕРС: Самое большое,-это право имело силу только для территории Германии, но не для оккупированных областей, а в какой степени эти полномочия имели силу и в самой Германии, это тоже еще неизвестно.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: К этому мы подробно вернемся позже. Можете ли Вы сказать мне, какие полномочия имел имперский министр внутренних дел в области полиции в период, когда полиция еще была подведомственна федеральным землям, т.е. Пруссии и тыд. т.е. с 1933 до 1936 г.?

ЛАММЕРС: Да, подведомственность и тогда была не велика, но я ничего не могу сказать об этом более конкретно.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Да, по-старому, как это было раньше, когда ~~что~~ империя лишь осуществляла верховный контроль.

Вы же знаете, что позднее соответствующим указом Гиммлер был назначен на должность рейхсфюрера СС и начальника германской полиции в министерстве внутренних дел. Знаете ли Вы откуда взялось это наименование - рейхсфюрер СС и т.д.?

ЛАММЕРС: Да, тогда и я содействовал этому. Предложение о таком титуле было,очевидно, сделано Гиммлером. Я с самого начала имел возражение против этого титула-по двум

8328

H1197-0149

H1197-0150

причинам: Смешивались два совершенно противоположных понятия: рейхсфюрер СС (партийная организация) и полиция (государственное учреждение). Рейхсфюрер СС - человек, имевший в партии чин рейхслейтера, который был приравнен к чину рейхсминистра, а с другой стороны, начальник полиции, имевший пост статс-секретаря в министерстве внутренних дел и подчиненный министру внутренних дел. Но Гиммлер настаивал на таком наименовании и фюрер с ним согласился. Мои возражения против этого наименования оправдались на практике, ибо,-во-первых, право министра внутренних дел давать указания полиции стало крайне проблематичным, так как рейхсфюрер Гиммлер был для офицеров полиции одновременно и начальником СС. Он мог давать им приказы, как рейхсфюрер СС, и министр внутренних дел не мог уже вмешиваться. И к тому же он старался сделать всех служащих полиции командирами СС. Так что никогда нельзя было установить, действует ли данное лицо как член СС или как служащий полиции; и подчинение в министерстве внутренних дел почти совершенно потеряло свое значение, ибо,-во-первых, Гиммлер в этом наименовании "Начальник германской полиции в министерстве внутренних дел", совсем опускал последнюю часть, в работе он совершенно отмежевался с министерства внутренних дел, работал в другом здании и уже не чувствовал себя подчиненным.

Когда имперский министр Фрик подал мне об этом жалобу, которую я должен был передать фюреру, то фюрер сказал мне:

"Передайте г-ну Фрику, чтобы он не слишком ограничивал Гиммлера, как начальника полиции; полиция у него работает хорошо, пусть он, по возможности, предоставит ему независимость".

8329

Тем самым, если и не распоряжением, но все же практически право министра внутренних дел давать указания было по меньшей мере сильно ограничено, если не считать, что оно вообще было ликвидировано.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Вы сказали сейчас, что Гиммлер сам полновластно распоряжался органами полиции, не считаясь с желаниями Фрика. Но был еще один путь; Гитлер мог сам давать распоряжения относительно полиции. Давал ли он их Фрику, как соответствующему министру, или Гиммлеру?

ЛАММЕРС: Обычно он давал эти распоряжения Гиммлеру. Если же он давал указания мне, и они относились к полиции, то я передавал их обычно министру внутренних дел или, по крайней мере, информировал его об этом.

Д-р ПАННЕНБЕКЕР: Знаете ли Вы что-либо о том, были ли концлагери включены в бюджет империи, или же они были включены в бюджет СС?

ЛАММЕРС: Насколько мне известно, я не могу сказать этого с уверенностью, средства на концлагери не включались в имперский бюджет, а дело обстояло таким образом, что имперский министр финансов выплачивал партии годовую паушальную сумму в руки имперского казначея и имперский казначей распределял эту сумму между партийными организациями. Тогда рейхсфюрер СС получал от СС определенную паушальную сумму, из которой он наверно и финансировал это дело. Я не помню, чтобы я когда-либо в имперском бюджете читал какую-либо статью, где говорилось бы о концентрационных лагерях.

8330

H1197-0151

H1197-0152

ПАННЕНБЕКЕР: Знаете ли Вы что-нибудь о том, что Гиммлер на том основании, что ему даются средства на концлагери, оспаривал право вмешательства в эту область имперского министра?

ЛАММЕРС: Это мне неизвестно.

ПАННЕНБЕКЕР: У меня есть еще вопросы из другой области. Известно ли Вам что-либо о стремлении Гитлера безболезненно устранять неизлечимых душевнобольных?

ЛАММЕРС: Да, Впервые Гитлер пришел к этой мысли в 1939 году осенью. Доктор Конти - статс-секретарь в имперском министерстве внутренних дел - получил задание рассмотреть этот вопрос. Он должен был установить со мной связь по правовым вопросам этого дела. Я выступал против проведения этого мероприятия, но, так как фюрер настаивал на нем, я предложил, что тогда надо дать этому делу правовые гарантии и урегулировать его законом. Я распорядился о составлении соответствующего проекта закона, а затем статс-секретарь Конти был освобожден от этого поручения, и оно было в 1940 г. передано рейхслейтеру Булеру. Рейхслейтер Булер сделал доклад фюреру, на котором я не присутствовал. Затем он пришел ко мне, я представил ему своей проект закона и высказал ему свои возражения против этого дела, и он снова уехал. Я затем представил фюреру проект закона, фюрер не одобрил этот проект, но и категорически не отклонил его, но затем, обойдя меня, он дал полномочия на умерщвление неизлечимых душевнобольных рейхслейтеру Булеру и работавшему тогда при нем врачу профессору доктору Брандту. Выдаче полномочий я не ~~способствовал~~ содействовал. Для меня дело было закончено, так как фюрер не хотел моих проектов и уполномочил других людей выполнить его.

ПАННЕНБЕКЕР: Вы сказали, что он в имперском министерстве внутренних дел дал задание статс-секретарю д-ру Конти. Это задание было передано Гитлером д-ру Конти через Фрика?

ЛАММЕРС: Я этого не знаю. Статс-секретарь Конти был вызван по телефону ад'ютантом фюрера или рейхслейтером Борманом; принимал ли в этом участие Фрик,— я не знаю.

ПАННЕНБЕКЕР: Знаете ли Вы что-либо о том, участвовал ли Фрик сам в этом мероприятии в какой-либо форме?

ЛАММЕРС: Мне об этом ничего неизвестно.

ПАННЕНБЕКЕР: У меня теперь остался последний комплекс вопросов - об имперском протекторе Богемии и Моравии. Когда Фрик в августе 1943г. был назначен на пост имперского протектора Богемии и Моравии, остались ли формально полномочия имперского протектора такими же, какими они были и ранее?

ЛАММЕРС: Нет, они были сознательно изменены и причем таким образом, что имперский протектор с этого времени должен был быть скорее лишь декоративной личностью. Политическое руководство протекторатом должно было перейти к государственному министру Франку. Имперский протектор был лишь германским главой в протекторате, с очень незначительными деловыми полномочиями. Он участвовал в создании правительства протектората. Затем он имел ограниченное не очень большое право назначать в основном второстепенных и подчиненных чиновников, а затем он также имел право помилования, и во всех вопросах государственный министр в Богемии и Моравии Франк должен был информировать его, имперского протектора. В основном такие права имел имперский протектор, а в общем Гитлер хотел, чтобы имперский протектор не слишком долго пребывал в протекторате. Я даже должен был неоднократно передавать ему это.

ПАННЕНБЕКЕР: Вы сказали, что имперский протектор Богемии и Моравии, в то время, когда им был Фрик, являлся главой германской администрации. Государственный министр Франк был подчинен Фрику

H1197-0153

H1197-0154

ЛАММЕРС: Да, он был подчинен ему, но также, как глава правительства главе государства. Государственный министр Франк руководил политическими вопросами.

ПАННЕНБЕКЕР: Не было ли так, что государственный министр Франк подчинялся непосредственно Гитлеру?

ЛАММЕРС: Нет, такого положения, кажется, не было. Я не помню этого указа. Я не могу сказать, был ли он подчинен непосредственно фюреру. Во всяком случае, фюрер всегда принимал для обсуждения политических вопросов только Франка, а не имперского протектора.

ПАННЕНБЕКЕР: У меня сейчас нет этого указа, я внесу это потом. Знаете ли Вы что-нибудь о том, что Франк решительно требовал такого разделения полномочий, что он не хотел сначала принимать должность имперского протектора Богемии и Моравии, и что только после того, как он заявил, что он не может взять на себя ту внешнюю ответственность, какой он не имеет в действительности, было ~~разделено~~ произведено это разделение полномочий?

ЛАММЕРС: О том, что имперский министр Франк не хотел принять эту должность, я ведь уже говорил один раз, и когда затем был получен этот указ, определяющий права имперского протектора, - указ, который не был опубликован, - ~~то~~ г-н д-р Франк справедливо возразил: "Таким образом, на меня возлагается ответственность, которая никому неизвестна". После этого мы сделали соответствующее опубликование в прессе, и в этой заметке было сказано, что новый имперский протектор имеет такие-то и такие-то права, которые я уже перечислил, право назначать чиновников, право помилования и право участвовать в образовании правительства протектората, и таким образом этим было объявлено, что Франк не несет ту полную ответственность, которую, может быть, несли прежние рейхспротекторы.

8333

ПАННЕНБЕКЕР: Знаете ли Вы что-нибудь о том, что основанием для разделения ответственности за мероприятия в протекторате послужило то, что фюрер не считал, что Фрик с нужной твердостью будет осуществлять их?

ЛАММЕРС: Да. Очевидно это и явилось причиной.

ПАННЕНБЕКЕР: У меня больше нет вопросов.

Д-р ЗАУТЕР /защитник подсудимого Функа/. Я, в дополнение к тому, что свидетель уже говорил, имею задать еще только несколько вопросов.

Г-н д-р Ламмерс, подсудимый Функ был с 1933 года начальником прессы имперского правительства. Это известно Вам?

ЛАММЕРС: Да.

ЗАУТЕР: Вы уже тогда были на своей должности?

ЛАММЕРС: Да.

ЗАУТЕР: Оказывал ли подсудимый Функ, будучи начальником прессы имперского правительства, какое-либо влияние на решения имперского кабинета и на содержание законопроектов имперского кабинета?

ЛАММЕРС: Следует отрицательно ответить на этот вопрос. Он самое большое имел влияние с точки зрения прессы, т.е. он мог поместить закон под каким-нибудь внушительным заголовком или в какой-либо народной редакции и т.п., но на содержание закона он не мог оказать никакого влияния. Он, будучи начальником прессы, имел сперва звание министериального директора, а позднее статс-секретаря, он вовсе не имел права голоса по вопросу о содержании закона.

ЗАУТЕР: Почему же он тогда, будучи начальником прессы имперского правительства, вообще, принимал участие в заседания имперского кабинета в то время?

8 334

H1197-0155

H1197-0156

ЛАММЕРС: Да, так как должен был дать отчет в прессу.

ЗАУТЕР: Т.е. только для того, чтобы информировать прессу о совещаниях и решениях имперского кабинета, не имея никакого влияния на решения или даже только на проекты?

ЛАММЕРС: Да, это правильно.

ЗАУТЕР. Но не оказывая никакого влияния на эти решения и не выдвигая проекты законов.

ЛАММЕРС: Да, правильно.

ЗАУТЕР: Будучи начальником прессы имперского правительства, как Вам известно, подсудимый Функ должен был регулярно докладывать рейхсканцлеру Гитлеру о прессе. Известно ли Вам, когда эти регулярные доклады начальника прессы имперского правительства Гитлеру были прекращены?

ЛАММЕРС: Они прекратились самое позднее через год. Доклады были общими. Функ и я, мы первое время несколько раз в неделю, часто три-четыре раза, докладывали фюреру, и так продолжалось все лето 1933 года. Зимой доклады стали реже, потом они, однако, стали опять чаще, чтобы в 1934 году со смертью Гинденбурга полностью прекратиться.

ЗАУТЕР: А кто после этого делал Гитлеру доклады о прессе?

ЛАММЕРС: Начальник прессы д-р Дитрих.

ЗАУТЕР: Без участия доктора Функа?

ЛАММЕРС: Да.

ЗАУТЕР: Г-н д-р Ламмерс, подсудимый Функ затем стал президентом рейхсбанка. Знаете ли Вы, кто решал вопрос о кредитах, которые рейхсбанк давал или должен был давать империи?

ЛАММЕРС: Это решение принимал фюрер. Практически это осуществлялось так: имперский министр финансов подавал ходатайство об утверждении кредитов, причем в двух экземплярах. Один экземпляр шел имперскому министру финансов с соответствующим поручением, а другой - председателю рейхсбанка с таким же поручением.

ЗАУТЕР: Г-н д-р Ламмерс, нас, пожалуй, не интересуют такие технические детали. Нас только интересует - оказывал ли д-р Функ, будучи председателем рейхсбанка, какое-либо влияние на разрешение вопроса о том, могла ли и в каком размере Германская империя претендовать на кредиты от рейхсбанка?

ЛАММЕРС: Я могу решить это лишь на основании этой технической стороны вопроса. Единственно, что поступало ко мне, так это только эти два документа от министра финансов. Они были предназначены лишь для подписи и в одну секунду подписывались фюрером и затем отсылались обратно. Я никогда не имел поручения вести переговоры с г-ном Функом или г-ном Шахтом или с министром финансов. Это было только делом подписи, и все.

ЗАУТЕР: Итак, насколько Вам известно, эти распоряжения исходили от Гитлера, а не от председателя рейхсбанка?

ЛАММЕРС: Эти распоряжения подписывались фюрером.

ЗАУТЕР: Господин доктор Ламмерс, Вы уже говорили здесь о так называемом комитете или коллегии трех, которая была образована в более поздние годы. Относительно этого комитета трех Обвинение утверждает, что в этот комитет входил и подсудимый Функ, и комитет был во время войны, так сказать, последней решающей инстанцией в вопросах законодательства имперского правительства?

ЛАММЕРС: Об этом вообще не может быть речи. Я уже объяснил ранее, что эти три человека имели право издавать распоряжения лишь от своего имени, с согласия двух других, причем это были весьма незначительные и немногочисленные распоряжения.

ЗАУТЕР: Вы говорите о незначительных распоряжениях, распоряжениях по своему ведомству?

ЛАММЕРС: Да.

H1197-0157

H1197-0158

ЗАУТЕР: Затем, г-н доктор Ламмерс, подсудимый Геринг на своем допросе заявил, что полномочия д-ра Функа, как генерального уполномоченного по экономике, мне кажется в 1938 году,- в основном перешли к уполномоченному по четырехлетнему плану, так что во всяком случае эти полномочия в общем и целом существовали уже только на бумаге. Меня интересует, были ли эти полномочия переданы генеральному уполномоченному по четырехлетнему плану не только фактически, но и формально?

ЛАММЕРС: Это основывалось на распоряжении фюрера и на особом приказе фюрера.

ЗАУТЕР: Когда это было приблизительно?

ЛАММЕРС: Да, четырехлетний план был создан в 1936 году, а в 1940г. он был продлен на следующие четыре года. Эти особые полномочия, которые затем г-н Функ уступил четырехлетнему плану, основывались на соглашении между рейхсмаршалом Герингом и министром Функом, соглашении, которое, насколько мне известно, было одобрено фюрером.

ЗАУТЕР: Господин доктор Ламмерс. Вы уже рассказали Трибуналу, что, как мне кажется, с 1938г., не было больше заседаний кабинета и что, в конце концов, Гитлер запретил даже неофициальные совещания министров между собой. Можете ли Вы нам сказать что-либо о том, имел ли, и если да, то как часто, подсудимый доктор Функ возможность, в течение семи лет своей министерской деятельности, говорить с Гитлером, докладывать ему и т.д.

ЛАММЕРС: Да, в первые годы, как я уже говорил, он, будучи начальником прессы, часто докладывал ему.

ЗАУТЕР: Позднее, будучи министром хозяйства?

ЛАММЕРС: Позднее, когда он стал имперским министром хозяйства, он крайне редко бывал у Гитлера. Его не приглашали на многие совещания, и при том на такие, на которые он, собственно должен был бы быть приглашен. Он часто жаловался мне на это. Я

делал со своей стороны все возможное для того, чтобы включить его в эти совещания, но мне это не всегда удавалось.

ЗАУТЕР: Господин д-р Ламмерс, мне бросилось в глаза то, что нам здесь зачитывались протоколы, где совершенно ясно, и мне кажется, Вами, было написано, что подсудимый Функ, как министр хозяйства, просил Вас дать ему возможность участвовать в том или ином важном совещании, и что Вы затем ясно помечали в протоколе; фюрер запретил это или отклонил эту просьбу. Я разрешу себе привести Вам здесь один пример, который остался у меня в памяти. Это - заседание от 4 января 1944г. (документ 1292-ПС), где обсуждался вопрос о распределении рабочей силы. И в этом протоколе Вашей рукой помечено, что просьба Функа разрешить ему принять участие в этом заседании была отклонена. Можете ли Вы вспомнить такие случаи и можете ли Вы указать причины их?

ЛАММЕРС: Да, я вспоминаю такие случаи, но я не помню, помечал ли я это в протокол. Я, очевидно, сообщал г-ну Функу о том, что я сделал все возможное для того, чтобы он был приглашен на эти совещания, но Гитлер отклонил это.

ЗАУТЕР: На основании?

ЛАММЕРС: Фюрер приводил много возражений, были различные причины, фюрер скептически относился к Функу и не хотел иметь его около себя.

ЗАУТЕР: Господин свидетель, в апреле 1941 года Вы, якобы, сообщили подсудимому д-ру Функу о том, что Розенберг получил от Гитлера задание по единообразному решению в оккупированных восточных областях. Это сообщение Вы, якобы, сделали тогда не только Функу, но также и Герингу, и Кейтелю. И Обвинение, основываясь на этом факте, заключило, что Функ принадлежал к числу руководящих лиц, которые занимались подготовкой агрессивной войны против России.

8338

H1197-0159

H1197-0160

Не можете ли Вы сказать, передали ли Вы это сообщение подсудимому Функу и если да, то почему?

ЛАММЕРС: Или я получил такое поручение от фюрера, чего я не думаю, или, может быть, мне казалось, что это будет интересовать Функа с точки зрения экономики, ибо я передал его Функу, руководствуясь соображениями личного характера; каких-либо особых причин я уже не помню. Я безусловно и другим передал это сообщение, но не письменно. Может быть другие получили это сообщение в устной форме. Об агрессивной войне при даче этого поручения фюрером Розенбергу вообще ничего не было сказано, так как он должен был быть лишь каким то политическим уполномоченным по восточным областям; он должен был изучать быт этих народов.

ЗАУТЕР: Господин д-р Ламмерс, приблизительно в это же время, т.е. в начале 1941г., незадолго до начала войны с Россией, Вы беседовали с подсудимым доктором Функом, а именно о том, как в будущем может сложиться внешнеполитическое положение по отношению к России. И при этом Вы рассказали и подсудимому Функу кое-что о том, почему Гитлер верит в возможность войны с Россией. Что Вы собственно рассказали подсудимому Функу об этих военных приготовлениях тогда или в другое время?

ЛАММЕРС: Это м огло быть только то, что мне тогда самому было известно, а именно сообщение фюрера о том, что в России наблюдается концентрация войск, которая заставляет заключить о том, что с Россией дело может дойти до военных столкновений. Фюрер выразился именно так. Он сказал, что с Россией дело дойдет до драки, и что он поэтому желает, чтобы один человек занялся восточными вопросами, а именно Розенберг, ибо, возможно, что будет война, что будут военные осложнения с Россией. Вот это я мог сообщить Функу. Большего я не знал, чтобы я мог ему сообщить.

ЗАУТЕР: Вы, господин д-р Ламмерс, говорили тогда, кажется, не только о концентрации войск на восточной германской границе, но и о вступлении русских в Бессарабию? 8339

ЛАММЕРС: Да, возможно, что и это было. Во всяком случае востоком, и что я, возможно, говорил также о том, что совещания с Россией, с Молотовым, были неудовлетворительными.

ЗАУТЕР: В эт ой связи, если Вы уже коснулись переговоров с Молотовым, Вы рассказали подсудимому Функу в частности о том, что Россия выдвинула очень большие требования в отношении Балкан и Прибалтики и что поэтому из-за этих требований Гитлер считает, что возможна война. Верно ли это?

ЛАММЕРС: Возможно, что мы говорили об этом, определенно я не могу вспомнить.

ЗАУТЕР: Вы знаете г-н д-р Ламмерс, что тогда было создано также одно учреждение под названием "центральное планирование". Вы знаете об этом?

ЛАММЕРС: Да.

ЗАУТЕР: Подсудимый Функ был назначен членом "центрального планирования" мне кажется с конца 1943 года. Правильно ли, что Функ, вступая в это "Центральное планирование" уже не был заинтересован в распределении рабочих в немецкой промышленности, и почему?

ЛАММЕРС: Мне кажется, что Функ был заинтересован в центральном планировании только постольку, поскольку он получил там сырье для гражданского производства.

ЗАУТЕР: Для гражданской продукции внутри страны?

ЛАММЕРС: Да, внутри страны. В этом заключался его интерес к "Центральному планированию", т.к. он только распределял хозяйственные товары, а гражданское производство было передано министру Шпееру.

ЗАУТЕР: Когда?

ЛАММЕРС: Да я думаю, что это было в тот момент, когда министерство вооружения и боеприпасов было преобразовано в министерство вооружения и военной промышленности. Это было, примерно, в 1942 году. Функ, конечно, был тогда очень заинтересован в сырьевых ресурсах, а в рабочей силе, как мне кажется, он был не так заинтересован, так как у него не было достаточно сырья, для того, чтобы вообще пустить в ход гражданские производства.

8340

H1197-0161

H1197-0162

ЗАУТЕР: И последний вопрос, господин д-р Ламмерс. Можете ли Вы вспомнить то что подсудимый Функ в 1944 году (это было, примерно, в феврале и ~~позже~~ затем несколько раз позднее) посетил Вас и жаловался Вам на свое неудовлетворяющее его положение, которое он занимал как министр экономики и генеральный уполномоченный по экономике в хозяйстве, и что при этом он с Вами обсудил вопрос, может ли он со спокойной совестью оставаться на посту имперского министра экономики и председателя рейхсбанка, и если да, то почему он делал это и почему он по доброй воле не оставил свою должность? Может быть Вы высказались бы по этому вопросу?

ЛАММЕРС: Я неоднократно говорил с Функом об этих вопросах.

ЗАУТЕР: Когда?

ЛАММЕРС: В 1943, но главным образом позже, в 1944 г. Я знаю, что у него были большие заботы в этом отношении и он хотел даже найти возможность поговорить об этом с самим фюрером. И, если он остался на своей должности, то только потому, что он сказал себе, что он не может во время войны оставить свой пост, это не подобает делать честному немцу, уходить со своего поста в военное время, но он очень хотел доложить фюреру об экономическом положении и, главным образом, о том впечатлении, которое создалось у гаулейтеров в отдельных областях страны, и он очень хотел сделать доклад фюреру, услышать что-либо о создавшемся военном положении и вообще поговорить о вопросе окончания войны. Так было с начала сентября и я неоднократно старался добиться аудиенции от фюрера и мне это почти что удалось, так как я замаскировал истинную причину и представил ему другую важного рода - некоторые финансовые вопросы. Я доложил фюреру, но фюрер заметил это и, несмотря на то, что Функ целыми днями ждал у меня, отказал в докладе, повидимому, из-за стараний Бормана сорвать доклад. Функу при всем желании не удалось попасть к фюреру, а мне не удалось устроить эту встречу.

ЗАУТЕР: У меня больше нет вопросов, г-н председатель.

Д-р ДИКС (защитник подсудимого Шахта): Господин Председатель, если Вы хотите закончить заседание в пять, то я должен заявить, что я не закончу до пяти часов. Но я не хотел бы разрывать допр с .Я прошу решить, продлится ли заседание дольше или следует сейчас прервать его?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Дикс, Вы можете продолжать допрос, так как еще осталось десять минут.

ДИКС: Господин свидетель, другие свидетели, а также и Вы, имея особый опыт, как начальник имперской канцелярии со времени прихода к власти до поражения, показали, что Гитлером были запрещены ходатайства об отставке. Я не хочу сейчас задавать об этом дальнейшие вопросы, я хочу здесь коснуться вопроса о ходатайствах Шахта об отставке, которые действительно имели место. Я прошу Вас отвечать "да" или "нет" на основные вопросы.

Подавал Шахт прошения об отставке или нет?

ЛАММЕРС: Да.

ДИКС: Теперь я хотел бы вместе с Вами коснуться каждого его ходатайства в отдельности. Я не думаю, что Вы ~~при~~помните все отдельные обстоятельства в каждом случае. Поэтому я прошу разрешить мне оказать Вам уже при первом вопросе некоторую помощь в воспоминании. Вспомните март 1937 года, когда Шахт приостановил выплату кредитов империи, и в связи с этим Вы посетили его. Было ли это первое его ходатайство об отставке?

ЛАММЕРС: Я это очень хорошо помню, так как ходатайство об отставке г-на Шахта было очень неприятно Гитлеру и он дал мне задание уладить дело с Шахтом. Поэтому я лично несколько раз был у Шахта. Шахт отказался взять свое ходатайство об отставке обратно. В качестве причины он указал на то, что он не может более участвовать в кредитной политике фюрера, он опасается инфляции и он должен оградить от этого немецкий народ. Он должен....

8342

H1197-0163

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс, есть ли необходимость заниматься подробностями. Насколько мы понимаем, было несколько предложений Шахта об отставке. Есть ли необходимость разбирать каждое из них?

ДИКС: Оставим это. Мне достаточно, г-н Ламмерс, того, что Вы подтверждаете, что в марте 1937г. было подано первое ходатайство об отставке?

ЛАММЕРС: Затем был заключен компромисс. Во-первых, полномочия Шахта были продлены еще на один год, несмотря на то, что имперский закон действовал 4 года.

ДИКС: Теперь вспомните, пожалуйста, август 1937 года. Геринг издал тогда распоряжение о горных разработках. Относительно их Шахт считал, что Геринг тем самым вмешивался в область его деятельности. Тогда последовало второе ходатайство об отставке?

ЛАММЕРС: Да.

ДИКС: И Шахт написал тогда, а именно 5 августа, письмо Герингу и передал копию этого письма Гитлеру. Помните Вы это?

ЛАММЕРС: Да, это письмо было причиной того, что Гитлер позднее снял Шахта с должности.

ДИКС: Теперь перейдем к войне. Во время войны Шахт повторил свое ходатайство об отставке. Я прошу Вас вспомнить лето 1941 года и меморандум Шахта Гитлеру о необходимости как можно скорее заключить мир.

ЛАММЕРС: Первое ходатайство об отставке было подано в связи с запретом слушать заграничные радиопередачи. Этим г-ну Шахту было запрещено слушать многие заграничные станции и г-н Шахт жаловался на это. И он подал в отставку, я не помню-письменно или устно; ходатайство было отклонено, а затем он представил меморандум, в котором он говорил о конце войны и об экономическом и политическом положении. И на

H1197-0164

H1197-0165

этот меморандум я должен был ответить господину Шахту, что фюрер прочел его и ничего не сказал. Затем Шахт просил меня в 1942 году еще раз спросить у фюрера, склонен ли он принять еще один меморандум. В ответ на это фюрер поручил мне написать г-ну Шахту, что больше не следует подавать меморандумов.

ДИКС. Я мог бы, господин Председатель, напомнить свидетелю основные пункты этого мемориального меморандума от лета 1941 г. Если Трибунал знает подробности этого меморандума, которого у нас нет и который мы можем узнать лишь на основании памяти свидетеля... Я охотно показал бы его Вам, но если Трибунал считает...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У Вас имеется меморандум?

ДИКС. Нет, у нас его нет... только по памяти, т.е. Шахт ведь помнит и его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если меморандум утерян и Вы можете доказать это, то в таком случае, Вы можете задавать вопросы свидетелю относительно содержания данного меморандума.

Если же содержание меморандума к делу не относится, тогда, конечно, такие вопросы незачем задавать. Относится ли содержание этого документа к делу?

ДИКС. Те пункты, которых я хочу здесь коснуться, я думаю, вполне относятся к делу. Это будет не очень долго.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что касается вопроса о доказательствах, то существует такое правило, что если документ утерян, то Вы можете доказать, каково было содержание документа и можете представить его свидетелю. А теперь, д-р Дикс, Вы можете задать ему основные вопросы по данному документу.

ДИКС. Итак, вопрос, который Вы мне задали, - очень ответственен. В настоящий момент я могу лишь засвидетельствовать, что, по-моему убеждению, меморандум потерян. Могу ли я это доказать, отрицательный факт, что он потерян, - я

H1197-0167

в данный момент не могу сказать. Я убежден, что он потерян.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повидимому, подсудимый Шахт будет говорить о том, что документ утерян. Вы сами, конечно, не можете этого доказать. Но я хочу сказать, что это может быть доказано в том случае, если Шахт также подтвердит это.

ДИКС. Да. Шахт это подтвердит, когда будет выступать в качестве свидетеля.

Это было в сентябре 1941 г. , т.е. после огромных успехов немецких армий в России. Тогда Шахт писал в этом меморандуме Гитлеру, что Гитлер стоит на вершине своих успехов. Это - самый удобный момент для него, чтобы добиться заключения мира. При дальнейшем ходе войны...

Г-н ДОДД. Господа судьи, мне кажется, что прежде всего защитник должен спросить свидетеля, помнит ли он содержание этого меморандума, а затем уже перейти к оглашению его содержания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, я думаю так и следует поступить.

ДИКС. Я ведь не напоминал ему содержание. Я лишь хотел восстановить в его памяти отдельные моменты; д-р Ламмерс уже сказал это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что будет лучше, если Вы будете зачитывать ему фразу за фразой, а не все сразу.

ДИКС. Да ведь это же не оглашение, господа, а это передача содержания так, как его помнит Шахт. Я не могу зачитать его, так как я его не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Спросите, пожалуйста, свидетеля, не задавая ему наводящих вопросов, о том, помнит ли он его содержание.

ДИКС. Конечно, я хочу спросить его. Но я думаю, что он уже ответил, что он не помнит деталей, и я хотел поэтому освежить его память, напомнив ему основные моменты.

8345

H1197-0166

H1197-0167

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда спросите, что он помнит из этого документа.

ДИКС. Итак, господин д-р Ламмерс, что Вы помните без напоминаний об основных пунктах?

ЛАММЕРС. Да, я думаю, что в этом меморандуме г-н Шахт говорил об экономических возможностях внутри страны и за границей, что он указывал на то, что осень 1941 г. является самым благоприятным моментом для мирных переговоров и окончания войны. Он там описывал также положение во всем мире, но я уже не помню, в каком духе. Он обрисовал политическое положение других стран. Он говорил об Италии, Америке, Японии, сравнивая их друг с другом. И когда фюрер просмотрел меморандум, он отложил его в сторону и сказал: "Это все я уже раз не одобрил, я не хочу больше слушать этого". Подробностей я не помню.

ДИКС. Когда Вы упомянули о "других государствах", помните ли Вы, что он написал, что выход Италии из войны это лишь вопрос времени, так как контргруппа вокруг короля не успокоится, пока не будет свергнут Муссолини?

ЛАММЕРС. Да, возможно что это было там написано. Я не могу утверждать этого со всей уверенностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту /пауза/. Объявляется перерыв.

/Объявляется перерыв до 9 апреля, 10 ч.утра./

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 9 апреля 1946 года.

/ Утреннее заседание/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста,д-р Дикс.

/Ганс Генрих Ламмерс вновь занимает свидетельское место/

Продолжение перекрестного допроса.

ДИКС: Господин свидетель,здесь было замечено,что вы слишком быстро даете ответы на вопросы,которые я вам ставлю а я слишком быстро вас спрашиваю после того,как вы мне на мои вопросы отвечаете.

ГОСПОДИН СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Я бы хотел перед допросом свидетеля выяснить один вопрос, если Трибунал будет достаточно снисходителен и разрешит мне это.

Я, к сожалению,должен сказать,что в деле печатания документов злоупотребление достигло такой степени,что я должен закрыть документальную комнату для печатания документов германской защиты. Это крутой шаг, но я не знаю,как я могу поступить иначе и хочу сообщить Трибуналу о создавшемся положении. Мы получили из отдела Генерального секретаря приказ о напечатании документов и отпечатали документальную книгу № I подсудимого Розенберга. Эта книга документов на своих 107 страницах не содержит ни одного документа,который при самом живом воображении мог бы считаться относящимся к этому процессу. Они представляют собой самый ярый антисемизм и Соединенные Штаты просто не могут быть поставлены в такое положение, когда они обязаны,даже согласно приказу Секретаря Трибунала,который без сомнения является необдуманным,печатать и передавать в прессу чистый антисемитизм,а это как раз то,что представляет из себя этот документ.Это невозможно даже в том случае,если это следует из приказа секретаря

H1197-0168

H1197-0169

Трибунала,который,я в этом не сомневаюсь,не был достаточно продуман. Я хочу,чтобы вы сами судили о том,что представляет из себя этот документ.

Я сказал бы,что эта документальная книга может быть тематически разделена на две части: антисемитизм и то,что я, при моем величайшем уважении к тем, кто со мной не согласен,назвал бы ненужным вздором; вот пример такого вздора, который мы должны печатать за счет Соединенных Штатов; я просто не могу более молчать об этом.

"Философским методом, удобным для буржуазного общества является критический метод. Это оправдывается как в положительном,так и в отрицательном смысле; превалирующее положение чисто рациональной формы,подчинение природы,освобождение независимой личности, - все это входит в тот метод мышления,который был классически сформулирован Кантом.Однако в то же самое время,он говорит также об изоляции индивидуума, внутреннего истощения природы и упадка общественной жизни,связи с изолированным миром форм,который содержится/сам в себе и к которому стремится все критическое мышление".

Итак, ради чего же просят нас отпечатывать это?

Давайте теперь обратимся к некоторым документам антисемитского характера.

Давайте сейчас обратимся к тому,что нас,в действительности просили распространить. Я имею в виду 47 страницу этой книги документов.

"Фактически евреи,как вообще все канонисты,а также подобно финикиянам и карфагенянам,представляют собой население,не имеющее равных прав по сравнению с другими народами" - продолжение следует в основном в этом же плане. Затем далее:

"Евреи надменны в успехе, смиренны при неудачах,хитры

и нечестны, где это только возможно,жадны,обладают замечательным умом,но неспособны к творчеству".

Я не хочу отнимать время у Трибунала,но вчера вечером мы получили дополнительный приказ отпечатать еще 260 копий текстов подобного рода и я должен был приостановить работу в типографии, поскольку мы не можем взять на себя обязанность печатать весь этот материал до тех пор, пока он не будет просмотрен Трибуналом.

Большая часть этой книги документов ,насколько мы имеем возможность проверить это,уже была отклонена Трибуналом; однако,никто не обращает ни малейшего внимания на это решение Трибунала и мы получили приказ печатать этот материал. Итак,со всевозможным почтением я хочу заявить,что Соединенные Штаты будут печатать любой документ,который будет заверен членом настоящего Трибунала или его заместителем,но мы не можем более печатать подобные материалы по просьбе германского защитника или следуя тем необдуманным указаниям, которые мы получаем.

ТОМА: Высокий Суд, вначале я хотел бы об'яснить следующее. 8 марта 1946 года Высоким Судом была удовлетворена моя просьба приводить в своей книге документов цитаты из философских трудов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Совершенно верно,доктор Тома.

ТОМА: Я исходил из того убеждения,что идеология Розенберга явилась следствием так называемой неоромантики.Поэтому я выбрал цитаты из серьезных общепризнанных философских трудов неоромантиков. Во-вторых,господа, я старался, по мере возможности, не приводить никаких выдержек из антисемитских книг. Мне кажется, что то,что было сейчас зачитано можно об'яснить лишь ошибками переводчиков. Ибо одна моя цитата взята из трудов знаменитого теолога Хемана Харлинга, вторая из произведений признанного еврейского уче-

H1197-0171

ного Исмы Эльбогена и третья - из журнала "Искусство" из статьи еврея - университетского профессора Морица Гольдштейна. Я сознательно старался не приводить цитат из антисемитских книг или пропагандировать здесь,в ~~худа~~ зале суда, антисемитизм. Я прошу просмотреть еще раз цитаты,приведенные в моих документах и установить,содержат ли они действительно какую-нибудь ненужную дребедень и являются ли они литературным хламом. Я так же,как и раньше, утверждаю,что приведенные мной цитаты взяты из трудов знаменитых американских,английских и французских ученых. Те цитаты,которые сейчас оглашал судья Джексон,цитаты,говорящие о происхождении расы, не могут быть взяты из трудов германских ученых. Но я проверю это еще раз. Во всяком случае,я прошу вас еще раз пересмотреть мои цитаты и установить,содержится ли там что-нибудь такое, что не относилось бы к делу или являлось бы в какой-то степени ненаучным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н судья Джексон, Трибунал считает, что здесь,очевидно, произошла ошибка в том,что эта книга документов была направлена в отдел переводов,не будучи до этого передана обвинению.Трибунал некоторое время тому назад вынес решение о том,что обвинители имеют право возражать ~~ил~~ против любого документа до того,как он передается в отдел переводов.

Некоторые трудности возникли в связи с тем,что документы были,главным образом,на немецком языке. Поэтому обвинители находились в затруднении при обдумывании своих возражений до того,как документы были переведены. Об этой трудности нам было сообщено несколько дней тому назад; кажется вас тогда не было в зале суда,но,несомненно,там были другие представители Обвинения США. Мы тогда полностью обсудили этот вопрос и согласились на том, что обвинители должны беседовать с защитниками и,насколько возможно, обсуждать

с ними возникающие вопросы и указывать им на те документы, которые, по мнению Обвинения, не следует переводить,а в случае каких-либо расхождений,согласно распоряжению,этот вопрос должен быть представлен на рассмотрение Трибунала. Таким образом, Трибунал сделал все, что он мог для того,чтобы облегчить работу отдела перевода.Что касается того,что в отдел переводов передаются документы,которые Трибунал уже отклонил, то это,безусловно, могло произойти только в результате ошибки, так как отдел генерального секретаря без сомнения должен был отказаться передавать в отдел переводов какой-либо документ,который был уже отклонен Трибуналом Те общие принципы,которые я пытался здесь раз'яснить,по мнению Трибунала, являются единственными принципами,следуя которым, мы можем облегчить работу отдела переводов.Они заключаются в том,что обвинители должны беседовать с защитниками и указывать им,какие именно документы настолько очевидно не относятся к делу,что их не следует переводить.

ГОСПОДИН СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Ваша честь,я не думаю,что это произошло по ошибке.Это явилось следствием тех принципиальных разногласий,которые,как я думаю,Трибунал не выяснил окончательно.

Перед нами стоят следующие вопросы: защитник заявляет, что он считает нужным использовать неоромантизм Розенберга. Мы обвиняем его в убийстве четырех или пяти миллионов евреев. Это вопрос идеологии.Эти материалы приводятся с единственной целью сослаться на антисемитские высказывания.У нас нет намерения рассматривать здесь проблему антисемитизма, превосходства рас, или принципиальных разногласий в точках зрения. Они считают,что если они будут разбирать этот вопрос перед настоящим Трибуналом,который в данном случае является резонатором,то это послужит к достижению их целей.Они возлагают надежду на разбирательство этого вопроса.

H1197-0172

H1197-0173

Прежде всего мы получаем эту книгу документов с приказом напечатать ее. Мы не можем сказать,когда они намерены что-либо представить в документальную комнату.Я просто не должен становиться участником этого проявления духа антисемитизма. Соединенные Штаты не могут делать этого,а указания Трибунала защите просто игнорируются. В этом и заключается настоящая трудность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не знаю,имеете ли вы сейчас в виду то решение,которое мы вынесли 8 марта 1946 г. в следующей формулировке:

"Для того,чтобы не делать переводов,в которых нет необходимости, защитники должны указывать обвинению точные отрывки всех документов,которые они намереваются использовать для того,чтобы Обвинение получило возможность выступать с возражениями по поводу тех отрывков, которые оно считает не относящимися к делу. В случае возникновения разногласий между Обвинением и защитой по поводу того,относится или не относится к делу тот или иной отрывок,Трибунал выносит решение о том,какие отрывки являются в достаточной степени относящимися к делу для того,чтобы быть переведенными. Переводиться должны только те отрывки,которые будут оглашаться в суде,за исключением тех случаев,когда обвинение потребует перевода всего документа полностью.

Это,конечно,очень хорошо,если вы возражаете принципиально против этого решения, но мне кажется,что во всяком случае, до настоящего времени это решение являлось наиболее целесообразным из тех,которые могли быть вынесены по данному вопросу и мы пришли к этим выводам после подробного обсуждения всего лишь несколько дней тому назад.

Г-н СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Ваша честь,я обращаю Ваше внимание на тот факт,что распоряжение Трибунала не соблюдается и что нам передают эти документы для печатания без какого-либо

H1197-0174

предварительного уведомления. Работники типографии не являются юристами и не могут задумываться над подобными вещами. А у меня нет для этой цели достаточного количества людей. Мои штаты, как это хорошо известно Трибуналу, значительно сокращены. Я сам не могу заниматься просмотром того материала, который должен быть отпечатан после того, как поступило распоряжение из отдела генерального секретаря типографии, печатать эти документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, но разве Вы...

Г-н СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Распоряжение не соблюдается. В этом и заключается трудность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что все эти документы не были представлены защитой Обвинению?

Г-н СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Документы не были переданы Обвинению. Они поступили в типографию с приказом напечатать их, исходящим из отдела генерального секретаря. Это то, против чего я возражаю и в чем заключается моя жалоба. Я должен буду найти средство как-то исправить это положение. Мы оказываемся в очень странном положении, Ваша честь, поскольку нас просят быть агентами по печатанию материалов для этих подсудимых. Нам приказали отпечатать по 260 копий имеющихся у меня матриц. США не могут выполнять роль агентов по изданию и распространению этой антисемитской литературы, которая, как мы давно утверждали, была одним из зол нацистского режима, в особенности после того, как эти документы обсуждались и были отклонены судом. Мне кажется, что это распространение этих документов после того, как Трибунал отклонил их и отклонил всю книгу документов Розенберга, представляют собой вопиющий случай оскорбительного отношения к суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Конечно, поскольку эти документы были отклонены, они ни в коем случае не должны были передаваться в отдел переводов. Но, может быть, Трибунал заслушает сейчас

H1197-0174

H1197-0175

по этому вопросу сэра Дэвида Максуэлла Файфа,поскольку он был в суде,когда мы в последний раз обсуждали это?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Милорд,насколько я понимаю, документы Розенберга находились в процессе размножения - во всяком случае так нас информировали еще до того,как мы в последний раз обсуждали этот вопрос. И я,поэтому,предложил Трибуналу,что из практических соображений решение Трибунала следует начать применять с документов подсудимого Франка. Это то,что я предложил Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае я припоминаю,что после того, как мы вынесли это решение от 8 марта 1946 г.Обвинение,я полагаю,что сюда входили все четыре обвинителя и я даже думаю,что документ поступил за подписью Соединенных Штатов в чем я,однако, не уверен - указало,что возникают большие затруднения при проведении этого решения от 8 марта в жизнь в связи с трудностью для Обвинения составить свое мнение о том, какие документы не относятся к делу,поскольку для этой цели они должны быть переведены.Это соответствует действительности?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Эти затруднения возникли в связи с документами Риббентропа,которые представил доктор Хорн.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Однако,в Трибунал поступило письменное ходатайство об изменении этого решения от 8 марта 1946 г. и именно после этого мы имели последующее обсуждение этого вопроса в открытом заседании, когда мы пришли к заключению о том, что нам следует придерживаться решения от 8 марта 1946 г. Я вижу из документов Розенберга, что их размножение было начато до этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: После нашего последнего обсуждения,мы,конечно,пытались проводить в жизнь принятое решение.Доктор Дикс беседовал с господином Долдом и со мной по вопросу о документах Шахта и мне известно о том,что другие

H1197-0179

уважаемые адвокаты договорились о беседах с различными обвинителями по вопросам, касающимся их подзащитных. Однако, до того времени, как резко возник этот вопрос в связи с документами Риббентропа, не было никаких обсуждений по этому поводу между представителями обвинения. Таково положение вещей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но я указываю, что это имело место потому, что обвинение не проводило решения от 8 марта 1946 года. Может быть, невозможно было его проводить в жизнь, но так или иначе они его не проводили.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Я не понимаю, что вы имеете в виду, Ваша честь, говоря "Обвинение не проводило этого решения".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, как обвинение, так и защита, предлагали изменить это решение поскольку ходатайство, которое было нам представлено после вынесения этого решения 8 марта 1946 года исходило от обвинения. В ходатайстве говорилось о трудностях Обвинения, испытываемых при получении переводов документов.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Простите, милорд, если мы не действовали в соответствии с решением Трибунала. Я в первый раз сталкиваюсь с тем, что мне говорят...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не имею в виду критиковать Вас.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Все мы шли на любые трудности, каждый старался всевозможными путями помочь этому. Я не сознавал, что в этом была доля нашей вины. Я очень сожалею, если это было так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не это имел в виду, сэр Дэвид, но я думаю что были затруднения в проведении этого и, насколько мне известно, было внесено предложение об изменении этого решения. Я займусь этим вопросом и посмотрю, прав ли я в этом отношении. Я помню, что я видел это ходатайство; затем имело ме-

H1197-0176

H1197-0177

сто последующее обсуждение этого вопроса в открытом заседании, где мы решили придерживаться этого решения от 8 марта и,без сомнения, эта трудность возникла,как Вы и указали потому,что размножение документов Розенберга было начато до этого.

Пожалуй, наилучшим путем сейчас было бы...

/Краткое совещание судей/.

Г-н судья Джексон,: не было бы более целесообразно,если бы вы в письменном виде изложили все свои возражения против использования документов после их обсуждения,Трибунал рассмотрит Ваши возражения.

Г-н СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Однако,Ваша честь,Трибунал уже однажды отклонил эти документы и все же мы получаем приказ о том, что они должны быть напечатаны. Решения Трибунала не соблюдаются и я не хочу критиковать защиту,но у нас не было возможности просмотреть эти документы.Среди тех матриц,печатание которых я прекратил вчера вечером,не было ни одного документа,который был бы нам представлен. Они не могут иметь абсолютно никакого отношения к тем юридическим вопросам, которые рассматривает настоящий Трибунал,но мы ни к чему не придем, обсуждая это с доктором Тома. Он считает,что философские взгляды должны рассматриваться в суде.

Я думаю,что для того,чтобы разрешить эту проблему,Трибунал должен поступить следующим образом. Я осмеливаюсь внести это предложение,сохраняя свое величайшее почтение к суду.Может быть я и пристрастный судья в отношении того, что должно быть сделано,я никогда не претендовал на полное беспристрастие; я предлагаю,чтобы Трибунал назначил своего представителя по этим делам. Мы не разрешим этот вопрос путем обсуждения его с доктором Тома или с любым другим защитником,которого я могу назвать. Мое предложение заключается в следующем: все документы должны быть подвергнуты

официальному просмотру прежде,чем они будут переводиться. Если представитель Трибунала столкнется с каким-либо сомнительным вопросом, он может обратиться с ним к Трибуналу. Мы,конечно,не можем находиться в таком положении,чтобы соглашаться или не соглашаться с окончательным решением этого вопроса. Я понимаю, просмотр всех этих документов до их напечатания был бы слишком тяжелой нагрузкой для Трибунала, однако,в то же время для Соединенных Штатов слишком трудно печатать все эти материалы. Бумага весьма дефицитна в настоящее время. Больше 25.000 листов ушло на печатание книги, которая была уже отклонена. Я полагаю,что нет другого выхода из положения,кроме того,чтобы юрист, обладающий общим представлением о том, какие документы относятся к делу и какие нет, представлял настоящий Трибунал при просмотре этих документов.заранее вместо того,чтобы предоставлять это защите.

Я не осмелился бы даже начать переговоры по этому поводу с доктором Тома потому, что у нас сразу возникают совершенно противоположные точки зрения. Он хочет оправдать антисемитизм.Я утверждаю,что этот вопрос не может интересовать Трибунал.Здесь рассматривается вопрос об убийстве евреев, об убийстве человеческих существ,а не о том,нравилась ли еврейская раса германскому народу. Мы не интересуемся этим. Этот вопрос касается определения тех проблем,которые рассматривает Трибунал.

ПОЛКОВНИК ПОКРОВСКИЙ: Я хотел бы, с разрешения суда,добавить несколько слов к тому,что сказал мистер Джексон.Я тоже не собираюсь критиковать защиту. Но Трибунал высказал предположение о возможной ошибке.Я просил бы обратить внимание суда на то обстоятельство,что эти ошибки начинают повторяться слишком часто. Я позволю себе напомнить о документах,связанных с Версалем,которые суд отверг, как не от-

H1197-0178

H1197-0179

носящиеся к делу, самым решительным образом. Несмотря на это, суд помнит, что большое количество времени было потрачено на заслушивание этих документов, представленных доктором Штамером, доктором Горном. Я хотел бы напомнить, что имел место случай, когда и другие решения Трибунала были нарушены, не знаю по ошибке ли, или не по ошибке, когда один из документов, представленных доктором Зайделем, попал в печать до того, как он был принят судом в качестве доказательства.

Мне кажется, что было бы очень полезным, если бы Трибунал нашел возможным, в целях экономии времени, как-то более решительно гарантировать выполнение не только обвинением, которое всегда очень тщательно выполняет любые решения Трибунала, но и защитой тех решений, которые Трибунал находит нужным принять.

/К микрофону подходит защитник Тома/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, доктор Тома.

ТОМА: Высокий суд. Я был очень неприятно задет упреком в том, что я не исполняю установленного судом. Во время обсуждения вопроса, какие документы должны быть допущены и какие нет, я самым подробным образом изложил, из каких философских произведений я намереваюсь приводить цитаты и почему я намереваюсь это делать. Обвинение утверждает, что Розенберг изобрел свою философию в целях оправдания агрессивных войн и подготовки к агрессивным войнам. Я считаю своим долгом доказать, что это так называемая народная интуиция. Обвинение утверждало, что Розенберг изобрел свою философию для целей агрессивной войны и оправдания преступлений. Я считаю своим долгом доказать, что указанное...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не скажете ли вы Трибуналу, где именно обвинение утверждало, что Розенберг изобрел свою философию, в обвинительном заключении или при представлении документов?

ТОМА: Да. Я могу это доказать. Это говорилось господи-

H1197-0180

ном Черчиллем в его речи,а также судьей Джексоном.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали, что это имеется в речи Черчилля?

ДОКТОР ТОМА: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое это имеет к нам отношение? Я спросил Вас,было ли выдвинуто это утверждение в обвинительном заключении или во время представления документов Обвинения, а Вы отвечаете мне,что господин Черчилль...

ТОМА: Не Черчилль,а мистер Джексон в своей обвинительной речи говорил нечто подобное об этом. Вследствие этого я чувствовал себя обязанным напомнить суду основные принципы философии, существовавшей еще до Розенберга во всем мире.

Относительно пред'явления книги документов нужно сказать следующее. Отдел переводчиков срочно потребовал у меня мою книгу документов, еще до того, как эта книга документов была мною предоставлена суду. И действительно получилось так,что отдел переводчиков мою книгу документов получил раньше,чем суд. Но суд решением от 8 марта разрешил мне оглашение цитат из этих философских трудов. Запрещены были цитаты из антисемитских книг Гольдштейна и Элленбогена и Хеманна-Халинга. После этого я сообщил суду,что в моей книге документов имеются выдержки из книги,цитировать которые было судом запрещено. Господа Судьи,я должен обратить внимание еще на одно важное обстоятельство: цитаты,о которых говорил мистер Джексон,взяты из произведения французского исследователя господина Ляроша.Во-вторых я совершенно ясно указал переводчикам,какие места должны быть переведены. Они все были подчеркнуты красным карандашом. Те цитаты,которые сейчас оглашались мистером Джексоном, не были отчеркнуты красным карандашом. Они не должны были войти в мою книгу документов. Таким образом, это не более,как очень до-

8359

H1197-0180

садная ошибка.В-третьих, я хотел бы сослаться на то,что...

Я сейчас только что получил записку,в которой указывается дословное выражение,употребленное обвинением. Оно гласит „Розенберг разработал философскую сторону заговора,подготовив этой философией систему воспитания,необходимую для ведения агрессивных войн". Это дословная цитата из обвинительной речи мистера Джексона.

Я считал поэтому,что я имею право указать на то,что сам воздух был уже насыщен такой философией и что такая философия неминуемо должна была появиться. Таким образом, мне кажется,что я смыл с себя пятно упрека в том,что не выполняю распоряжений суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите,доктор Тома, эти документы были посланы в комнату прессы или в отдел переводов?

ТОМА: Насколько я знаю, они были посланы в переводческое бюро,так как переводчики мне заявили,что сейчас у них есть время,но что в ближайшие дни у них ожидается большой наплыв работы и у них не будет времени для того,чтобы заниматься этими материалами. Поскольку составление моей книги документов я закончил,я ее отдал для перевода.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин судья Джексон,повидимому,указал, что они были посланы в комнату прессы и,таким образом,стали доступны для широкой публики в то время,как на обложке каждой книги документов имеется уведомление о том,что документы не должны опубликовываться до того, как они будут представлены Трибуналу в открытом заседании,а затем может опубликовываться только та часть документов,которая была фактически представлена,как доказательство. Поэтому любые документы,которые посылаются в отдел переводов не передаются и не должны передаваться в комнату прессы; они не должны опубликовываться до тех пор, пока они не будут представлены Трибуналу.

Здесь,повидимому,произошел целый ряд недоразумений,которые главным образом,возникли в связи с тем,что вы передали ваши документы в отдел переводов прежде,чем они были представлены Трибуналу. Поэтому,был переведен ряд таких документов,которые впоследствии были отклонены Трибуналом. Это правильно?

ТОМА: Нет,господа судьи, это не так.Это были дела, имеющие непосредственное отношение только в переводческому бюро. Я отдал эти документы в отдел переводчиков,т.к. они меня об этом просили,а затем...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не говорил,кто кого просил об этом.Я сказал,что отдел переводов получил эти документы для перевода до того, как они были представлены Трибуналу, и в результате этого были переведены некоторые документы,которые были впоследствии отклонены Трибуналом.

ТОМА: Были отвергнуты цитаты из трех антисемитских произведений. Я не знал, что эти документы,которые обсуждаются в зале суда,дойдут до прессы. Я хотел лишь облегчить работу переводчиков.Кроме того, я сообщал генеральному секретарю,что я окончил составление своей книги документов; но я хочу обратить ваше внимание на то,что цитаты из философских книг мне было разрешено внести позднее.Я всегда был уверен в том,что документы,передаваемые мною в переводческое бюро,останутся в стенах суда и уж,конечно,не дойдут до прессы.Я знаю о том,что цитаты,не разрешенные судом,не должны попадать и в прессу. Этого правила я всегда придерживался.Но как известно,вышеуказанные цитаты еще не оглашались в суде,а потому не могли попасть и в прессу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как вы несомненно знаете, первоначально при разборе ходатайств о документах,суд допускает их временно,а впоследствии вы должны предоставить ваши документы в открытом заседании суда,как это сделал доктор Хорн, и

H1197-0182

H1197-0183

тогда Трибунал выносит решение о том, могут ли данные документы быть допущены; это второе правило было введено в целях предотвращения ненужных переводов. Затем было решено, что после того, как Трибунал выносит предварительное распоряжение относительно того, что по предварительному решению Трибунала является относящимся к делу, вы должны представить обвинению те отрывки, которые вы собираетесь цитировать с тем, чтобы обвинение имело возможность высказать свои возражения. Это делается для того, чтобы отдел переводов не был чрезмерно загружен. Это, как вы сами об'яснили и как сказал сэр Дэвид Максуэлл-Файф в данном случае не было сделано, отчасти, возможно, потому, что, как вы сказали, отдел переводов был готов выполнить некоторую работу. Поэтому туда были переданы и те документы, которые Трибунал впоследствии отклонил.

Г-н СУДЬЯ ДИКСОН: Разрешите мне внести некоторые исправления к ошибке, которая, кажется, привела к недоразумению. Я не хотел сказать, что защитник послал документы в прессу, имея в виду периодическую печать. Они были сданы в печать, в типографскую печать. Они были, конечно, напечатаны. Те 260 копий, о напечатании которых мы получили распоряжение, содержали обычное примечание о том, что они не могут быть опубликованы до их использования на суде. Они не дошли до прессы, и я не хотел сказать, что они были посланы в периодическую печать, они были посланы в нашу типографию.

/К микрофону подходит доктор Дикс/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста, д-р Дикс.

Д-р ДИКС: Высокий Суд...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту, пожалуйста, д-р Дикс.

Д-р ДИКС: Прежде чем будет принято решение, я прошу принять к сведению мои замечания, которые относятся не к подсудимому Розенбергу, но к защите вообще. Защите в общем были

брошены исключительно тяжелые упреки.Здесь было сказано о том,что обвинение не имеет возможности проверять печатные материалы, пред'являемые защитой.Больше того,что защита пытается проводить пропаганду и,наконец, самый тяжелый упрек,что защита относится к суду без должного уважения. Я от лица всей защиты могу противопоставить всем этим упрекам самое лучшее и самое сильное оружие - нашу чистую и спокойную совесть в этой области. Тот,кто слушал дебаты последнего получаса,убедился в том,что расхождения во мнениях,которые здесь возникли и по которым Суд должен вынести решение, об'ясняются опять-таки теми недоразумениями,которые возникли здесь,в зале Суда. Только сейчас мистер Джексон лойяльно и правильно заявил,что,говоря о прессе,он имел в виду не газетную прессу,но множительный отдел,который копирует документы. Мой коллега д-р Тома об'яснил также,что эти документы он передал исключительно только в отдел переводчиков,т.к.эта просьба прилежных и серьезных переводчиков с их точки зрения вполне понятна и разумна.Поскольку они в тот момент были более свободны и имели возможность начать переводить эти документы.

Мне кажется,что мы могли бы избежать всех этих трудностей, если бы защита и обвинение - основным условием работы поставили лойяльное отношение друг к другу. Я должен заявить,что мы далеки от мысли сознательно по тем или иным причинам не желать выполнять все предписания этого суда,но недоразумения или заблуждения могут иногда иметь место. Я позволю себе напомнить о том,что в начале процесса было очень много случаев, когда в прессу попадало то,что еще не обсуждалось здесь,в зале Суда. Я не хочу приводить таких примеров,так как Суд об этом хорошо знает. Это не исходило от защиты. Я не знаю, от кого, но во всяком случае не от защиты.Но я это говорю не в виде упрека; такие вещи случаются.

H1197-0185

Такой аппарат,как наш,должен вначале сработаться.Злого умысла и тогда никто не имел.

Но я хотел бы напомнить,что именно защита в моем лице выступала здесь и говорила,что в прессу должно попадать лишь то,что содержится в протоколе открытого заседания.Лишь после этого выступления защиты Суд вынес соответствующее решение. До этого времени дело обстояло иначе.

Я никогда не воспринимал таких вещей как оскорбление, ибо в этом выражается только зависимость людей от бога.Например, для меня было невозможным в начале процесса получить устав и соглашение нашего процесса,а через прессу я его получил без всяких хлопот.

Таким образом,когда вступает в действие такой сложный аппарат как наш, всегда возникают ошибки и недоразумения.

Мы с сэром Давидом начали плодотворно практически разрешать эти вопросы. Мы обсудили все документы с немецким текстом, причем с точки зрения возможности их опротестования обвинением.Перед нами были большие технические трудности и особенно языкового характера,ибо мы обсуждали документы,составленные как на немецком языке,так и на языках участников данного обсуждения,но и эти трудности были нами преодолены. Мы нашли выход.Мы привлекли к этому делу переводчиков. Таким образом видно, что эти мероприятия были очень удобными и практичными.Они были практичными тем,что переводческому бюро не приходилось делать лишних переводов, а суду выносить ненужные решения. Все шло блестяще. Мне кажется,что и сэр Давид не будет отрицать того,насколько вышеуказанный метод работы был удобен,как для защиты,так и для обвинения.

У защиты на этом процессе очень тяжелое положение.Мне кажется,каждый из вас признает,что защитнику на таком процессе необходимо присутствие сверх необыкновенного полити-

H1197-0185

ческого такта также и большое знание людей, для того, чтобы не совершить даже малейшей ошибки. Мы находимся в самом затруднительном положении по отношению к суду, к миру, к германской общественности и к прессе. Я прошу, чтобы мистер Джексон осознал это обстоятельство и со своей стороны не подчеркивал бы тех упреков, которые мы, к сожалению, часто читаем в прессе, в немецкой прессе. Мы не сможем, в конце концов, после каждой, появившейся в прессе оскорбительной для нас статьи, приходить сюда в зал и говорить: помогите нам, нас оскорбляют. У суда есть гораздо более важные задачи и дела, чем беспрестанная защита защиты.

Что касается упрека в том, что здесь, в зале суда, проводится антисемитская или национал-социалистская пропаганда, то на такой упрек я могу ответить следующее: ни одному защитнику, независимо от его мировоззрения, и политических взглядов в прошлом, не может притти на ум использовать зал суда для проведения идеологической пропаганды за погребенную, я подчеркиваю, уже погребенную Третью империю. С нашей стороны, это было бы не только несправедливостью, но и несказанной глупостью. Потому что мы не можем защищать себя, а нас защищают. Я прошу вас, мистер Джексон, очистить немного и разрядить атмосферу и дать нам заверение в том, что что все эти упреки и оскорбления в отношении национал-социалистской пропаганды или антисемитской пропаганды вами говорились несерьезно. То товарищеское сотрудничество, которое имело место всегда между нами и обвинением, дает нам возможность... Во всяком случае я с благодарностью вспоминаю наше сотрудничество, которое протекало в атмосфере товарищества и ту помощь, которую мне оказывали работавшие со мной над этими вопросами. Господа, что же получится, если мы будем здесь стоять как петухи, готовые каждую минуту сцепиться? Ведь все мы стремимся к одной цели.

8365

H1197-0186

H1197-0187

Насколько я его знаю,он и без моей просьбы даст об'яснения и не только защите,но и всему залу о том,что тяжкое обвинение, брошенное защите было ошибочным.

Я благодарен вам,господа судьи,за то,что вы уделили мне так много внимания,но мне кажется,что дело,о котором я говорил, действительно крайне важно для того,чтобы установить необходимое сотрудничество между обвинением и защитой.

/К микрофону подходит доктор Тома/.

ТОМА: Высокий Суд, я хотел бы сделать здесь еще одно заявление. Я хотел бы дословно процитировать здесь обвинение,пред'явленное Розенбергу в создании противозаконной идеологии.Об этом как раз сказано в американском индивидуальном обвинении на стр. 2254 протокола на немецком языке. "Розенберг преобразовал всю систему воспитания для того, чтобы отдать германский народ на волю заговорщикам и идейно подготовить его к ведению агрессивных войн". Эта цитата сейчас находится в моем распоряжении.Я вынужден ответить на упрек мистера Джексона.Я хотел бы сейчас сказать то,чего я бы никогда не сказал вообще в зале суда. Я неоднократно говорил г-ну Розенбергу: "Господин Розенберг,я не могу защищать ваш антисемитизм.Это вы должны делать сами". Поэтому я очень ограничивал себя в выборе документов, но считал своим долгом как можно лучше помочь в этом Розенбергу,предоставив ему возможность самому защищать себя по этому вопросу. Что касается тех цитат,которые оглашал мистер Джексон, то я уже раньше говорил и повторю еще раз,что это те цитаты, которые я отчеркнул красным карандашом в своей книге документов и что они были переведены случайно.

Г-н СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Я,конечно,не хочу быть несправедливым по отношению к нашим противникам. Я знаю,что у них очень трудная работа. Однако,я надеюсь, что перед Трибуна-

H1197-0188

лом имеется решение от 8 марта 1946 г. - третий абзац,- я откажусь от каких-либо характеристик и буду основываться исключительно на фактах. Я обращаю внимание Трибунала на тот факт, что это решение гласит: " Следующие документы отклоняются,как не относящиеся к делу.Розенберг..." - и затем следует список документов: "Кунстварт -/художественные ценности/, История евреев в Германии, История еврейского народа". Обращаю ваше внимание только на эти три книги.

Через два дня после издания этого решения,10 марта 1946 г.,защитник Розенберга вручил Трибуналу довольно длинный меморандум, в котором он возобновил свою просьбу о разрешении ему привести цитаты из вышеперечисленных книг.

23 марта 1946 г.(настоящий) Трибунал вновь отклонил это ходатайство,как не относящееся к делу.

Далее я вручаю вам те матрицы,которые,согласно решению от 8 апреля 1946 г. мы должны были отпечатать.Их немного трудно читать. Первая из них представляет собой цитату из "Истории еврейского народа",одной из книг,отклоненных Трибуналом.Следующая цитата приводится из "Кунстварт", - другого запрещенного документа, третья из "Истории евреев в Германии" - это третья из упомянутых мною книг.

У нас не было времени просмотреть все эти матрицы,но даже поверхностное ознакомление с ними,указывает на то,что они в большинстве случаев,если не всецело,представляют собой цитаты из отклоненных документов.

Я не буду приводить никаких комментарий по этому поводу Я ограничусь приведенными фактами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин судья Джексон, не возникает ли весь этот вопрос в связи с той датой,когда эти документы были переданы в отдел переводов. Ведь доктор Тома говорит, что вследствие того,что отдел переводов был готов принять эти документы для перевода, он передал их туда раньше,чем они были фактически отклонены Трибуналом. А если это так,то

H1197-0189

совершенно очевидно,не так ли,что...

Г-н СУДЬЯ ДЖЕКСОН: Милорд,я не знаю,что хотел сказать защитник. Я не понял того,что они были ~~ххх~~ переданы в перевод до 8 марта 1946 г. Но,во всяком случае,если даже они были переданы,то приказ отпечатать их датирован 8 апреля 1946 г. и был передан вместе с документами 8 апреля.Итак, несомненно,что после того,как они были отклонены имелось достаточное время для того,чтобы приостановить затрату средств и наших усилий для напечатания документов,которые были отклонены дважды.

Я не буду комментировать этого.Факты говорят сами за себя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, могли бы вы помочь нам с выяснением этих дат? Вы можете помочь нам в этом? Господин судья Джексон заявил,что после того,как эти три документа были впервые отклонены Трибуналом,вы 10 марта 1946 г. возобновили ваше ходатайство о них и 23 марта 1946 года они были окончательно отклонены.

Скажите,пожалуйста, когда вы послали документы в отдел переводов?

ТОМА: По-моему, эти документы были посланы в отдел переводчиков до 8 марта.Затем был рассмотрен вопрос о том,какие документы будут допущены,а какие нет. Перед этим заседанием,т.е. перед тем,как было вынесено решение, какие документы будут допущены, а какие нет, некоторые из них уже были посланы в отдел переводов,т.к. переводчики узнав о том, что я составил. свою книгу документов,взяли ее у моей секретарши. Затем здесь, в зале заседаний,я боролся за допущение некоторых цитат из философских произведений,но у меня сложилось впечатление,что суд не хочет допустить эти документы. Тогда я предпринял еще одну попытку,я направил письменное ходатайство в суд,чтобы получить разрешение на

H1197-0190

использование этих документов. Но после того,как эти документы все же не были допущены,я сообщил суду,что в моей книге документов есть такие документы,которые допущены не были.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, вполне естественно,что вы не можете привести нам точные даты в данный момент,но мы хотим полностью рассмотреть этот вопрос.

ТОМА: Милорд, прошу вас принять к сведению то,что я сам указал на то обстоятельство,что в моих документах имеются цитаты, которые судом не были допущены.Таким образом, прошу учесть,что я не хотел совершить ничего противозаконного.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю,что если документы были отклонены Трибуналом, наиболее целесообразно было бы из'ять эти документы из отдела переводов или послать в этот отдел уведомление о том,что они должны быть из'яты.

Однако,Трибунал считает,что лучшим способом для разрешения этого вопроса будет, рассмотрение предложения господина судьи Джексона со стороны Трибунала.Таким образом,для того,чтобы освободить обвинение от обязанности выносить решения по документам или возражать против документов,которые должны быть переданы в отдел переводов,этот вопрос должен быть передан на рассмотрение какому-либо лицу, уполномоченному Трибуналом в качестве его представителя.

Трибунал считает,что господин судья Джексон или комитет обвинителей должны подать ходатайство в письменном виде о том,что все документы из представленной Трибуналу книги документов подсудимого Розенберга,которые,по мнению обвинения не относятся к делу, должны быть из'яты.

Третье,на что я хочу обратить внимание,состоит в следующем: в настоящее время Трибунал будет придерживаться той системы, которую он установил с согласия обвинения.

8369

H1197-0190

H1197-0191

Единственно,что мне нужно добавить заключается в том, что я был прав,говоря,что комитет по координации представил Трибуналу ходатайство от 29 марта 1946 г., - этот документ имеется передо мной,где излагается просьба о том,чтобы Трибунал изменил то решение,которое он вынес,а именно решение 297 от 8 марта 1946 года.

ТОМА: Милорд, я действительно ходил к соответствующему офицеру и указал ему на то,что некоторые документы следует изъять. Он мне ответил на это: "Ведь вы же не собираетесь их цитировать.Пусть они остаются там". Эти документы были к тому времени перепечатаны в сотнях экземпляров и подшиты, но я просил о том,чтобы эти документы были изъяты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Конечно,я не имел в виду того,чтобы Трибунал просил обвинение о том,чтобы оно подало письменное ходатайство об изъятии тех документов,которые уже были отклонены. Эти документы,конечно, будут изъяты без каких-либо ходатайств.Но если имеются другие документы,в книге документов Розенберга,против которых возражает обвинение,оно будет иметь возможность ходатайствовать об их запрещении, хотя,конечно, этот вопрос должен быть обсужден в открытом заседании.

Как я уже указывал, вначале принимается решение о предварительном допущении каких-либо документов,а ходатайство об окончательном принятии документов разбирается в открытом заседании суда.

Трибунал поручает Генеральному Секретарю представить отчет о датах истребования документов по всем,связанным с этим,вопросам.

Сейчас Трибунал сделает перерыв на IO минут.

/Перерыв на IO минут/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал пришел к тому заключению,что в интересах сохранения времени будет более целесообразно,если

H1197-0192

подсудимые будут вызываться в качестве первых свидетелей по делу каждого подсудимого в отдельности; поэтому в будущем подсудимые должны вызываться первыми для дачи устных показаний, за исключением тех случаев, когда имеются особые причины вызова подсудимого в суд после того, как будут даны устные показания первым свидетелем по его делу. На основании этих причин защитник может представить Трибуналу ходатайство. Трибунал рассмотрит приведенные им доводы.

Пожалуйста, доктор Дикс.

/Продолжение допроса защитой Ганса Гейнриха Ламмерса/.

ДИКС: Г-н свидетель, я начал говорить о том, что мне указали, что я слишком быстро ставлю вам следующие вопросы, а вы слишком быстро на мои вопросы отвечаете, переводчики и стенографистки за нами не успевают. Поэтому я прошу вас /это также буду делать и я/ делать паузу после каждого ответа и вопроса. Суд не сочтет паузы за неуверенность с вашей стороны.

Вы вчера подробно дали показания Трибуналу относительно различных прошений Шахта об отставке, поданных им Гитлеру во время войны, а также о различных его шагах, которые Шахт предпринимал через вас, желая достигнуть мира. Мы остановились на меморандуме, который был подан летом 1941 г. и мне показалось, что у суда имеются некоторые сомнения в отношении этого документа. К сожалению, оригинал этого документа был конфискован в упомянутом имении Шахта, поэтому я, учитывая эти сомнения суда, буду еще раз пытаться возобновить содержание этого меморандума, который не мог быть получен, посредством устного опроса свидетеля. Я прошу суд высказаться по этому вопросу, ибо, если суд будет иметь какие-либо возражения, я прекращу допрос свидетеля по этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал не возражает против того, чтобы вы допросили этого свидетеля по данному поводу, но Трибунал

полагает,что вы не должны задавать свидетелю наводящий вопрос. Вам следует спросить свидетеля о том,помнит ли он этот документ и каково его содержание.Вы не должны говорить ему о том, что в документе приводились такие-то и такие-то выдержки или ссылаться на определенный абзац этого документа. Вы должны спросить его лишь о том, каково было содержание этого документа.

ДИКС: Так как очень трудно провести границу между наводящими вопросами и вопросами,которые помогают установить истину, поэтому я предпочитаю,чтобы дальнейшие показания по содержанию этого меморандума были даны самим Шахтом,вследствие этого я отказываюсь от дальнейшего опроса свидетеля по этому вопросу.

Г-н свидетель, вы вчера вполне правильно отвечали на комплекс вопросов, заданный вам относительно подсудимого Функа моим коллегой защитником г-ном Заутером. Вы сказали о том,что как в 1939 г. Гитлер просто давал определенные указания касавшиеся кредитов,которые должны были распределяться рейхсбанком. Для того,чтобы у суда не было сомнений по этому вопросу,я хотел бы выяснить некоторые обстоятельства.Я хочу указать на то,что рейхсбанк уже в 1939 г.,в результате декрета,изданного фюрером,утратил свою самостоятельность.В этом декрете было сказано о том,что Гитлер сам будет определять банковские кредиты.Этот декрет секретного порядка послужил затем обосновой для закона,изданного до июня 1939 г. Для того,чтобы выяснить позицию рейхсбанка до 1939 г., я хочу задать вам несколько вопросов, относящихся к периоду, когда банком ведал Шахт.

Скажите,мог ли тогда Гитлер также издавать просто декреты, имперскому банку и выдать столько-то и столько-то, или рейхсбанк был самостоятельным и мог отказать Гитлеру в его требованиях?

ЛАММЕРС: Законные предписания, существовавшие тогда, я сейчас вспомнить отчетливо не могу,а потому не могу дать исчерпываю-

8372

H1197-0193

H1197-0194

го ответа в отношении того,когда эти предписания были заменены и каким образом. Но я могу подтвердить,что в тот период,когда банком ведал г-н Шахт у Гитлера были затруднения.с кредитами,что наверное вызывалось специальными мерами.Шахта. Я не присутствовал на переговорах,которые велись между Гитлером и Шахтом по этому вопросу,но знаю это по целому ряду высказываний, сделанным фюрером о том,что он при утверждении кредитов наталкивался со стороны Шахта на сопротивление и различные препятствия. Это в конечном итоге привело к отставке господина Шахта от должности председателя имперского банка. Я знаю,что с того момента,когда председателем имперского банка стал господин Функ,эти препятствия и затруднения для Гитлера отпали.То-есть,очевидно, законы в отношении банка были изменены. Фюреру стоило только подписать какую-либо бумагу,как ~~xxxxxx~~ рейхсбанк...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не думаю,что он способен ответить на вопрос,который касается положения существовавшего до 1939 г. ~~[illegible]~~ ии. Поэтому,я полагаю, что вы должны в данном случае,основываться на декретах и документах.

ДИКС: Я сейчас это поясню.Вы говорили о периоде 1939 г. Скажите,разве вы не помните о том,что имперский банк был до 1939 г. независимым?

ЛАММЕРС: Это я помню. Я помню также,что последовало изменение законов об имперском банке. Но отчего произошли такие изменения и когда именно,я не помню.Хотя твердо знаю, что значение банка значительно снизилось и что это произошло по приказу фюрера.

ДИКС: Этого для меня вполне достаточно. Затем из той же области. Для немца,который жил все время в Германии и особенно для иностранца,не трудно составить себе представление об аппарате власти Третьей империи. Мне кажется, в соответствии с тем,что вы говорили вчера в ответ на вопросы моего коллеги Заутера, что вы не все сказали по освещае-

мому вами вопросу,что вы можете еще кое-что добавить,чтобы осветить этот вопрос Трибуналу до конца. Если бы я не знал того,что вы знаете,у меня создалось бы впечатление,что вы вчера сказали о том,что министр внутренних дел не имел никакой власти над полицией,министр экономики не руководил экономикой, а все остальные министры не имели никакой власти в подведомственных им областях,а имперские комиссары — полномочий приказывать комиссарам оккупированных областей.

Г-н ДОДД: Господа судьи! Я почтительно указываю на то, что фактически показания здесь дает доктор Дикс. Я полагаю, что он мог бы ставить свои вопросы в более простой форме с тем,чтобы мы могли более быстро продвигаться вперед и получать более точные ответы.

ДИКС: Я буду задавать вопросы более точно. Но это я могу сделать только после того,как установлю,что здесь еще не было сказано,ибо и Трибунал не поймет того,что я хочу услышать от свидетеля. Итак,мы будем продолжать дальше. Относительно президента мы кончили. Итак,я хочу вас спросить: если власть министров была столь ограничена,то кто же все-таки был там,кто фактически правил этими ведомствами? Кто обладал настоящей,действительной властью и полномочиями? Я спрашиваю это в связи с тем,что вы,отвечая на комплекс вопросов по Функу,упомянули вмешательство Гиммлера. Я хочу этот вопрос осветить подробно для того,чтобы Трибуналу было все до конца ясно. Пожалуйста,отвечайте.

ЛАММЕРС: Вмешательство в дела отдельных министров имело место со стороны целого ряда специальных инстанций,специально созданных фюрером. Это одно. Второе: в дела министров вмешивались специально учрежденные,более высокие инстанции,которые в интересах об'единения нескольких областей получали особую власть. Типично в данном случае сказать о 4-летнем плане. Фюрер хотел иметь здесь единое руководство, всеоб'емлющее руководство, которое бы не зависело от от-

H1197-0195

H1197-0196

дельных министров и,таким образом, он создал уполномоченного по 4-летнему плану. И в других областях министры лишались своих полномочий за определенную область,раньше подведомственную министру,делали ответственным другое лицо,которое не подчинялось министру. Так,например,было с той областью,которая была передана господину Лею или с той,которой ведал г-н Заукель. Полномочия министра экономики сильно ограничивались назначением уполномоченного по 4-летнему плану. В министерстве внутренних дел вся власть была в руках...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Дикс Трибунал считает,что поскольку этот свидетель уже раз'яснил этот вопрос в общих чертах, его дальнейшее раз'яснение будет дано самими подсудимыми с их особой точки зрения. Я имею в виду то,что свидетель сейчас об'ясняет нам - из его показаний можно заключить,что он собирается говорить об этом весьма подробно, что,например, в отношении четырехлетнего плана,должно было быть единое руководство,в которое не могли вмешиваться отдельные министры.Это дает нам представление об общей системе,что же касается отдельных подсудимых,то они могут сами давать пояснения о том, как это касалось их непосредственно и,поэтому, мы не хотим,чтобы свидетель давал пространные и детальные показания по этому вопросу.

ДИКС: Я учту это и задам несколько небольших и конкретных вопросов. Речь идет,милорд,не только о том,чтобы показать,что министры вынуждены были уступить некоторые свои полномочия другим лицам, но и о том,чтобы установить,что даже и в тех областях,в которых они формально имели полномочия, они своими полномочиями не могли пользоваться.

Итак,я перехожу к вопросам.Расскажите о положении,занимаемом Борманом?

ЛАММЕРС: Рейхслейтер был преемником имперского министра Гесса.

H1197-0197

ДИКС: Я хочу знать только о его полномочиях.

ЛАММЕРС: Фюрер назначил его своим секретарем и этим самым ~~мне~~ включил его непосредственно в государственный аппарат. Будучи руководителем партийной канцелярии он оставался преемником Гесса,человеком,который должен был передавать желания фюрера и представлять мировоззрение партии. Благодаря тому,что фюрер назначил его своим секретарем и передал ему некоторые полномочия в решении государственных дел,он сделал Бормана одним из руководящих работников.Это я почувствовал раньше,чем остальные,тогда,когда я приходил на доклад к фюреру. Ибо до появления Бормана,я мог приходить к фюреру совершенно свободно,тогда как потом к фюреру можно было попасть только через Бормана и доклады произвопить в присутствии Бормана. Все,что раньше можно было непосредственно передавать фюреру, отныне должно было проходить через руки Бормана,даже дела чисто государственного характера.

ДИКС: Таким образом осуществлялось вмешательство Бормана в дела различных ведомств?

ЛАММЕРС: Да,ибо все,что я не мог непосредственно сказать фюреру во время своих докладов,я должен был в письменной форме передавать через Бормана и от него ждать ответа. Возможность личного доклада в процессе которого,я мог бы высказаться в пользу того или иного министра - тем самым исключалась. Личных дел у меня не было. Это были всегда жалобы,протесты и разногласия членов кабинета,которые я с присутствием Бормана уже не мог докладывать фюреру лично.

ДИКС: Довольно,спасибо. То,что вы сейчас сказали о Бормане,относится ли это так же к гаулейтерам,которые так же имели влияние в министерствах?

ЛАММЕРС: Гаулейтеры,как таковые,само собой разумеется, должны были проходить предписанный им путь - через партий-

8376

H1197-0197

H1197-0198

ную канцелярию.Но так как гаулейтеры,как правило; являлись одновременно и имперским наместником или президентами провинций,то эти две должности сливались и они поэтому обращались не ко мне,и не к соответствующему министру,а непосредственно к Борману.

ДИКС: Да,бывают случаи,когда такой путь избирается специально и преднамеренно. Теперь расскажите в этом направлении о Гиммлере, то же что вы говорили вчера в связи с подсудимым Фриком. Только в более широком аспекте,касаясь его власти в отдельных ведомствах,которые постепенно ~~были~~ подпадали под все возрастающую власть Гиммлера,его полиции и СС?

ЛАММЕРС: Я не совсем хорошо понял ваш вопрос.

ДИКС: Вы фактически не поняли того,что я сказал?

ЛАММЕРС: Я не совсем понял то,что вы сказали.

ДИКС: Мой вопрос: "Вмешательства извне в дела различных ведомств". Мы говорили в этом отношении о Борману, о гаулейтерах,в этом же отношении мы вчера говорили в отношении Гиммлера, его полиции и его СС; Теперь я вас хочу спросить: не находились ли и другие ведомства,кроме ведомства Фрика так же под влиянием Гиммлера,его полиции и СС?

ЛАММЕРС: Большей частью да.

ДИКС: Тем самым мой вопрос исчерпан.Я снова возвращусь к Шахту. О его ходатайствах об отставке мы уже говорили. Сейчас мы обсудим самый факт отставки Шахта.Министры,уходящие в отставку,в большинстве получали от Гитлера специальное письмо,извещающее их об отставке? Ответ: Да. Скажите,проект этих писем разрабатывался вами,а затем обсуждался Гитлером?

Ответ: Да.

Вопрос: Гитлер тщательно проверял такие письма?

ЛАММЕРС: Гитлер очень внимательно относился к этим документам и часто,~~ххх~~ сам вносил в них корректуры,смягчая или обостряя их текст.

ДИКС: Документ, в котором содержится приказ об отставке Шахта с поста председателя имперского банка, - находится в моей книге документов. Поэтому я не буду этот документ зачитывать полностью и остановлюсь лишь на двух фразах из этого документа. В этом документе в качестве повода для отставки Шахта с должности председателя имперского банка Гитлер приводит следующее: "Ваше имя всегда будет связано с зарождением эпохи национал-социализма". Шахт воспринимал тогда эту фразу как похвалу себе. Какого мнения вы по этому поводу, вы, составивший проект приказа об отставке Шахта?

Ответ: Насколько я помню, я писал о том, что г-ну Шахту в общем выражается благодарность, и именно эту, вышеупомянутую фразу добавил сам Гитлер.

ДИКС: В следующем документе от 22 января 1943 года, касающемся отставки господина Шахта и подписанном вами по поручению фюрера:говорится: "Учитывая ваше настоящее поведение, сейчас, во время борьбы германского народа за судьбу Германии, фюрер решил снять вас с поста имперского министра. Мне кажется, читая эти строки, что г-н Шахт в свое время должен был себя чувствовать не совсем хорошо. Мне кажется, что он не был гарантирован на ближайшее время даже за свою собственную безопасность. Я знаю только о том, что поводом к отставке Шахта послужило его письмо к г-ну Рейхсмаршалу. Я лично близко не знаком с мотивами, которыми при этом руководствовался Гитлер. Редакция этого документа принадлежала самому Гитлеру. Я только попытался несколько смягчить его резкую формулировку.

Какие дальнейшие планы имел Гитлер по отношению к Шахту я не знаю, ибо Гитлер мне этого не сообщал. Хорошо я помню о том, что он мне указал на то, чтобы я добавил слова "на ближайшее время".

8378

H1197-0199

H1197-0200

ДИКС: Теперь, последний вопрос. Я хотел бы попросить вас, как одного из сведущих в этом деле рассказать о постепенном росте власти Гитлера с 1933 г. до последнего времени. Вчера вы ответили почти на все эти вопросы. Я хочу по этому поводу задать вам еще только два вопроса.

Законом от 1933 г. о полномочиях мы называем тот закон, согласно которого рейхстаг отказался от своей власти. Скажите, была эта власть передана одному Гитлеру или имперскому кабинету и имперскому правительству?

ЛАММЕРС: Этот закон передавал полномочия законодательной власти имперскому правительству. Имперское правительство воспользовалось правом вносить изменения в конституцию и по-своему исправляло конституцию, как открыто так и тайно.

ДИКС: Благодарю вас, довольно. Вы достаточно ясно сказали обо всем этом еще вчера и деталей больше не нужно. Вы вчера еще указывали на то, что это имперское правительство состояло не только из национал-социалистов и из представителей других партий и что таких представителей было даже большинство. Вы вчера назвали только представителей национальных партий, как Кугенберг д-р Дорпмюллер и Гюртнер. Кроме того, вы говорили о "Стальном шлеме" начальником которого был Зельдте. Но вы забыли упомянуть также партию центра. И поэтому я хочу вас спросить, правда ли, что г-н Папен был представителем партии центра?

ЛАММЕРС: Да, представители этой партии вошли в правительство, это правда. Но был ли господин фон Папен членом этой партии, я не знаю.

ДИКС: Далее, я не хотел бы останавливаться на вашей формулировке права, которая является чрезвычайно специальной. Но лишь спрошу, существовали ли какой-либо закон или какие-либо законы, которые помогли Гитлеру добиться полной автократии?

8379

Скажите, как рассматриваете вы закон, который был издан после смерти Гинденбурга об об"единении должностей рейхсканцлера и рейхспрезидента, который также вследствие этого давал право лицу, избранному на эту должность, быть и верховным главнокомандующим вооруженными силами, которому армия давала присягу? Как вы рассматриваете этот закон, как нечто существенное?

ЛАММЕРС: Да, конечно, и особенно потому, что этот закон был утвержден путем народного голосования и получил 100% голосов.

ДИКС: После этого не было издано других законов, укрепляющих этот закон?

ЛАММЕРС: Нет, я не помню.

ДИКС: Я также не знаю. А об остальном я вас спрашивать не буду, т.к. мне кажется, что наши суждения в некоторых вопросах расходятся. Милорд, /обращаясь к председателю/: Я получил ответ на интересующие меня вопросы, а потому и кончаю. Мой коллега д-р Кубушок уехал по служебным делам, и, вероятно, не сможет прибыть во время. Он просил меня задать этому свидетелю несколько вопросов по делу подзащитного г-на фон Папена. Я хотел бы спросить разрешения суда задать один,только один вопрос от имени д-ра Кубушека, сейчас, не дожидаясь очереди, когда можно будет задавать вопросы по делу подсудимого фон Папена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, Вам следует задать этот вопрос свидетелю именно сейчас, так как свидетель может быть вновь вызван на суд лишь при наличии причин совершенно исключительного характера.

ДИКС: Я имел ввиду сегодняшний день.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сейчас продолжать. Я думаю, что лучше будет, если вы сейчас зададите этот вопрос.

8380

H1197-0201

H1197-0202

ДИКС. Я прошу вас освежить в своей памяти путч Рема. Г-н фон Папен сам будет позднее говорить по этому вопросу. Помните ли вы, что господин фон Папен, который тогда был вице-канцлером, 3 июня 1934 года потребовал у Гитлера отставки и что Гитлер ему дал эту отставку?

ЛАММЕРС: Этот факт я помню, но дату забыл. Хотя она, приблизительно верная.

ДИКС. Помните ли вы, что некоторое время спустя, - 7 или 10 июня, вы по поручению Гитлера пришли к господину фон Папену и предложили ему занять пост посла в Ватикане.

ЛАММЕРС: Я помню, что я действительно посетил г-на Папена тогда и что я, по поручению фюрера, сказал ему о планах возможности его дальнейшего использования. При этом речь действительно шла о том, чтобы использовать его в качестве посла в Ватикане. Но имел ли я тогда полномочия делать ему конкретные предложения, этого я не помню.

ДИКС: Помните ли вы, что вам тогда ответил фон Папен?

ЛАММЕРС: Насколько мне помнится, он не очень хотел принять это предложение.

ДИКС: Благодарю Вас, я закончил свой допрос.

/К микрофону подходит д-р Серватиус, защитник подсудимого Заукеля и организации политических руководителей/.

СЕРВАТИУС: Господин свидетель. Заукель 21 марта 1942 г. был назначен уполномоченным по вопросам использования рабочей силы. Что послужило причиной тому, что Заукель был назначен на этот пост?

ЛАММЕРС: Фюрер считал, что имперский министр по труду не обеспечивает этого участка и что поэтому этот участок работы следует передать в более энергичные руки.

8381

H1197-0203

СЕРВАТИУС: Скажите, особенно ли настоятельно требовал фюрер использования иностранной рабочей силы?

ЛАММЕРС: Он требовал, чтобы вся рабочая сила, которая вообще могла быть использована, была привлечена к работе.

СЕРВАТИУС: Требовал ли фюрер использования иностранных рабочих?

ЛАММЕРС: Да, это также упоминалось, ибо в Германии все источники в этом отношении исчерпаны.

СЕРВАТИУС: Скажите, получали ли Вы распоряжения о том, чтобы дать высшим служебным инстанциям оккупированных областей указания о том, чтобы они оказывали Заукелю поддержку?

ЛАММЕРС. Да, это имело место, но только значительно позднее, ибо вначале всем соответствующим служебным инстанциям было сообщено о том, что Заукель назначается уполномоченным по использованию рабочей силы. Но тогда каких-либо особых указаний я не получал. Лишь в 1944 г., когда у фюрера состоялось совещание о программе использования рабочей силы, было сказано о том, чтобы я дал указания соответствующим служебным инстанциям во всем оказывать поддержку Заукелю.

СЕРВАТИУС: Вы говорите о совещании, которое состоялось в начале января 1944 года. Имеется протокол этого совещания, который был написан Вами. Соответственно этому протоколу, Заукель на этом совещании указал, что он не сможет выполнить программу с тем количеством иностранных рабочих, которое имеется в его распоряжении. Что привел он в качестве доводов к этому?

ЛАММЕРС: Он указал на то, что он не обладает необходимой властью в тех областях, в которых он должен проводить необходимые мероприятия. Он сказал, что порученное ему дело он сможет выполнить тогда, когда не будет наталкиваться на

H1197-0203

H1197-0204

постороннюю власть, как например, во Франции. Власть должна быть везде немецкой, ибо тогда ему будет оказана необходимая поддержка.

СЕРВАТИУС: Не говорил ли он о том, что выполнение этого задания также затруднено действиями банд и партизан?

ЛАММЕРС: Да, он неоднократно указывал на эти трудности и то, что он не может осуществлять набора рабочей силы в тех областях, в которых происходит партизанская война, рассматривалось как само собой разумеющееся.

СЕРВАТИУС: Скажите, потребовал ли он усмирения партизанских и бандитских областей?

ЛАММЕРС: Да.

СЕРВАТИУС: Скажите, требовал ли он защиты местных властей от партизанских налетов в этих областях?

ЛАММЕРС: Да, он хотел, чтобы местные служебные инстанции вмешались в это дело, усмирили партизан и этим самым помогли выполнить те задания, которые ему были поручены.

СЕРВАТИУС: Я сейчас хочу вам прочесть выдержку из протокола для того, чтобы выяснить, что имеется в виду под выражением, написанным здесь. "Рейхсфюрер СС заявил, что имеющиеся в его распоряжении средства чрезвычайно недостаточны, но что он все же попытается путем напряжения всех сил оказывать предприятиям Заукеля возможную поддержку." Скажите, как следует понимать это предложение?

ЛАММЕРС: Это, главным образом, имело отношение к русским областям, в которых имелись партизанские отряды. Г-н Заукель думал, что он без чистки этих районов не сможет приступить там к работе. Присутствовавший на этом совещании Гиммлер согласился с этим и сказал, что он сделает все возможное, чтобы помочь Заукелю, но добавил, что в его распоряжении достаточного

H1197-0205

количества полицейских батальонов и других средств нет.

СЕРВАТИУС: Если я Вас правильно понял, то вы сказали о том, что речь шла о безопасности властей, о безопасности областей, но не о переходе власти к СС.

ЛАММЕРС. Речь, конечно, не шла о том, чтобы передать ведение иностранной рабочей силой в руки СС. Под словами передать власть в руки немцев Заукель имел ввиду, как это и было, например, во Франции, передать власть в руки полевой жандармерии или, как в России, полицейским батальонам для борьбы с партизанами, но не СС.

СЕРВАТИУС. У меня имеется еще один вопрос, касающийся политических руководителей. Здесь был предъявлен документ № Д-720. Документ подписан гауляйтером Шпеером. Даты этот документ не имеет, но написан он, вероятно, весной 1945 года. В этом документе говорится о новом законе, относящемся к министерству здравоохранения. Речь идет о ликвидации больных туберкулезом и сердечных больных.

ЛАММЕРС. О чем ? О больных ?

СЕРВАТИУС. Да, здесь, прежде всего, указано, чтобы этот закон держался в строжайшей тайне. На основании этого приказа семьи больных указанными болезнями не должны жить в обществе и не имеют права иметь потомства. Известно Вам

H1197-0206

об этом законе ?

ЛАММЕРС. Позвольте, я не понял, что Вы сказали. Речь шла о душевнобольных ? Или о ком ?

СЕРВАТИУС. Нет, о больных туберкулезом и сердечнобольных.

ЛАММЕРС. Я ничего не знаю об этом.

СЕРВАТИУС. Я Вас не понял.

ЛАММЕРС. Я ничего об этом не знаю.

СЕРВАТИУС. Вы должны были знать об этом ?

ЛАММЕРС. Да, министр внутренних дел должен был об этом знать, ибо вопросы здравоохранения входили в состав компетенций министра внутренних дел. Но я ничего об этом не слышал.

СЕРВАТИУС. Благодарю Вас, больше у меня вопросов нет.

Д-р ШТЕЙНБАУЭР /защитник подсудимого Зейсс-Инкварта/. Г-н свидетель, день спустя после вступления немецких войск в Австрию, 13 марта 1938 года, был издан закон под названием "Закон о воссоединении Австрии с германской империей". Зейсс-Инкварт и его правительство были чрезвычайно удивлены появлением этого закона. Поэтому я хочу

вацать вопрос о том, известны ли Вам какие-либо подробности об этом законе, каким образом этот закон был издан в Линце 13 марта 1938 года ?

ЛАММЕРС. Я, как каждый человек, который слушает радио, узнал о вступлении немецких войск в Австрию по радио. И, думая, что я могу там понадобиться, поехал в Вену. Когда я туда приехал, этот закон был уже готов, подписан и оглашен. Я не принимал участия в составлении этого закона. Этот закон является произведением министра иностранных дел и статс-секретаря Штуккарта. Я не принимал никакого участия в создании этого закона и ничего о нем не знал.

ШТЕЙНБАУЭР. Скажите, может быть, те господа, которых Вы сейчас назвали, сообщали Вам о том, почему этот закон был опубликован так неожиданно и быстро ?

ЛАММЕРС. Это было желанием фюрера.

ШТЕЙНБАУЭР. Благодарю Вас. Одновременно тогда Зейсс-Инкварт был возведен в ранг обергруппенфюрера СС, а не, как утверждает обвинение, в ранг генерала СС. Кроме того говорилось, что фюрер намекнул ему на то, что через год он станет членом имперского правительства. Фактом же

8386

H1197-0207

является то, что он даже в 1939 году и то был назначен только министром без портфеля. Я Вас спрашиваю: выполнял ли Зейсс-Инкварт, будучи обергруппенфюрером СС и министром без портфеля, какие-либо функции ?

ЛАММЕРС. Насколько я знаю, Зейсс-Инкварта возвели не в чин обергруппенфюрера, а только в чин группенфюрера и это был лишь почетный титул. Каких-либо полномочий в СС он не имел и функций там никаких не выполнял. Он только носил форму СС. Звание обергруппенфюрера он получил позднее.

ШТЕЙНБАУЭР. То-есть его принадлежность была чисто внешней ?

ЛАММЕРС. Да, почетное звание.

ШТЕЙНБАУЭР. Благодарю Вас. Годом позже Зейсс-Инкварт был назначен имперским комиссаром Нидерландов. Это публиковалось в Нидерландском вестнике приказов и в Имперском вестнике приказов. Известно ли Вам, что, наряду со своим назначением на должность имперского наместника, он также получил задания, относящиеся к функциям управления по 4-летнему плану ?

8387

H1197-0208

H1197-0209

ЛАММЕРС. Зейсс-Инкварт с момента своего назначения имперским комиссаром в Нидерландах подвергся таким же ограничениям, о которых вчера говорил по делу г-на Франка и Розенберга. Уполномоченный по 4-летнему плану своими полномочиями ограничивал власть г-на Зейсс-Инкварта.

ШТЕЙНБАУЭР. Какое положение занимала в Нидерландах германская полиция ? Скажите, полиция подчинялась непосредственно Зейсс-Инкварту или рейхсфюреру СС Гиммлеру ?

ЛАММЕРС. Здесь нужно сказать то же, что я вчера говорил в отношении генерал-губернаторства. Несмотря на то, что полиция была к услугам Зейсс-Инкварта, подчинялась она все же Гиммлеру.

ШТЕЙНБАУЭР. Благодарю Вас. Помните ли Вы, г-н свидетель, что в начале 1944 года подсудимому Зейсс-Инкварту, бывшему тогда имперским комиссаром Нидерландов, был передан приказ фюрера, согласно которому он должен был выслать из Нидерландов 200 тысяч рабочих и что Зейсс-Инкварт тогда этот приказ отказался выполнить ?

ЛАММЕРС. Речь идет здесь о том письме, о котором я уже говорил в связи с Заукелем. Это был циркуляр, в котором все имперские комиссары обязывались оказать под-

H1197-0210

держку мероприятиям Заукеля. В этом циркуляре указывалось количество рабочих, которое должна была выделить та или иная область. Какое количество рабочих должен был выделить Зейсс-Инкварт,-я не знаю. Я не знаю, должен ли он был выделить именно 23 тысячи рабочих, но я хорошо помню, что он мне высказал по этому поводу свои сомнения и хотел жаловаться самому фюреру.

ШТЕЙНБАУЭР. Благодарю Вас. У меня нет больше вопросов.

Д-р ЛАТЕРНЗЕР /защитник генерального штаба и ОКВ/. Г-н свидетель, скажите, пришел ли Гитлер в 1939 году к власти при помощи рейхсвера и было ли в это время оказано какое-либо давление со стороны вооруженных сил ?

ЛАММЕРС. Я сам непосредственно не принимал участия в захвате власти и поэтому не могу очень подробно высказаться по этому вопросу. Но мне ничего неизвестно о том, чтобы рейхсвер когда-либо оказывал какое-либо влияние на приход Гитлера к власти. Я предполагаю, что, если бы это имело место, то об этом знали бы.

ЛАТЕРНЗЕР. В 1934 году произошло слияние должностей

2389

H1197-0210

H1197-0211

главы государства и имперского канцлера ? Эту должность принял на себя затем Гитлер ? Могли военные начальники не давать Гитлеру присяги и не следовать закону ?

ЛАММЕРС. Закон о слиянии этих двух должностей произошел в соответствии с положениями конституции. По этому закону фюрер становился также и главнокомандующим армии. Каких-либо возможностей не следовать этому закону не существовало.

ЛАТЕРНЗЕР. Скажите, известно ли Вам о том, что военные руководители делали Гитлеру предложения начать или развязать агрессивную войну ?

ЛАММЕРС. Мне об этом ничего неизвестно.

ЛАТЕРНЗЕР. Известно, что Гитлер не разрешал своим военным руководителям оказывать какое-либо влияние на его решения в политических вопросах. Скажите, известны ли Вам высказывания Гитлера, в которых он говорил о том, что генералы не могут судить о политических целях ?

ЛАММЕРС. Фюрер говорил о том, что они очень сведущи в военном деле, но ничего не понимают в политике, и поэтому не должны занимать таких постов, где бы им приходилось

H1197-0212

47.

H1197-0213

разрешать и политические вопросы.

ЛАТЕРНЗЕР. Далее, известно, что Гитлер не терпел никаких возражений. Скажите, не было ли это истинной причиной отставки Бломберга, Фрича и Бека, так как они неоднократно противоречили Гитлеру ?

ЛАММЕРС. Да, я считаю, что личные разногласия в конечном итоге послужили поводом к отставке Нейрата, Фрича, Бломберга и Шахта. К сожалению, я не присутствовал во время таких бесед, поэтому не могу сказать об этом подробно, но я думаю, что эти господа часто возражали фюреру.

ЛАТЕРНЗЕР: Скажите, испытывал ли Гитлер по отношению к генералам, особенно к армейским генералам, некоторое недоверие?

ЛАММЕРС: На это нельзя ответить так в общем, но вообще я могу сказать, что фюрер по отношению к большинству своих подчиненных был сдержан и говорил каждому только то, что непосредственно его касалось, его участка работы. Если недоверие видеть в этом, тогда можно сказать, что он это недоверие испытывал по отношению ко всем своим генералам и министрам. Никто не должен был знать больше того, чем ему надлежало знать.

ЛАТЕРНЗЕР. Скажите, среди лиц, которые пользовались неограниченным доверием фюрера, имелся хотя бы один военный руководитель?

ЛАММЕРС. Нет. Я никого не знаю.

ЛАТЕРНЗЕР. У меня еще есть один последний вопрос. Что послужило причиной тому, что большинство оккупированных областей было отдано в ведомство рейхскомиссариатов и лишь

8391

H1197-0212

H1197-0213

очень немногие из них военной администрации?

ЛАММЕРС: Фюрер, как правило, желал, чтобы эти области управлялись политическими руководителями, считая генералов в этом отношении негодными, так как они, по его мнению, страдали отсутствием политического инстинкта.

ЛАТЕРНЗЕР. Скажите, не должно ли было военное управление в Бельгии еще до 1944 г. перейти в ведение гражданской администрации, гражданского комиссара?

ЛАММЕРС: Да, это действительно было предусмотрено, и сделаны все приготовления, но фюрер никак не мог решиться осуществить это, так как ему говорили о том, что в отношении Бельгии по очень многим военным причинам это осуществить нельзя, так как Бельгия в любой момент может послужить мостом военного вторжения. Поэтому все время медлили с указанными изменениями.

ЛАТЕРНЗЕР: Благодарю Вас, у меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает ли обвинение подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

Перекрестный допрос.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС. Свидетель, имеется один вопрос, по которому я хочу допросить Вас; речь идет о полномочиях имперских министров в соответствии с конституцией нацистской Германии. Из Ваших показаний вытекает, что это были люди, обладавшие весьма ограниченными полномочиями, ничтожной юрисдикцией или любого рода властью отдавать приказы, что они были сделаны из соломы. Это так?

ЛАММЕРС: Да, - "никакой" это слишком сильно сказано. Я имею в виду большую политику.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС: Но их деятельность носила чрезвычайно ограниченный характер. Это то, что Вы заявляете Трибуналу, не так ли?

H1197-0214

H1197-0215

ЛАММЕРС: Да, в основном они были начальниками своих ведомств. Они не были политическими министрами, привлекаемыми к принятию решений политического характера.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС. То-есть они обладали меньшими полномочиями, чем имперские министры Германии, полномочия которых вытекали из предыдущей конституции?

ЛАММЕРС. Да, это,безусловно, так, ибо в прежней конституции это могло было быть подвергнуто голосованию и, таким образом, не подав своего голоса за что-либо, нельзя было возражать .

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС. Я сейчас хочу представить Вам некоторые высказывания, которые Вы сами сделали в 1938 г. относительно полномочий министров в государстве фюрера. Я ссылаюсь на документ № 3863-ПС. Это Ваши замечания о штатсфюрере в третьей империи:

"Из этой всеобъемлющей концентрации верховной власти, включающей все основные стороны управления, в руках фюрера не вытекает, однако, исключительно сильной и не вызванной необходимостью централизации управления. в руках фюрера. В моих общих рассуждениях об основной концепции государства фюрера я уже указывал на то, что власть подчиненного лидера /унтерфюрера/ по отношению к лицам, стоящим ниже его, запрещает вмешательство в каждый отдельный приказ или распоряжение о мероприятиях, которые он может издать. Фюрер применяет этот принцип в своем правительственном руководстве таким образом, что, например, положение имперских министров является фактически гораздо более независимым сегодня, по сравнению с тем, что было ранее, несмотря даже на то, что сегодня имперские министры подчинены неограниченной власти фюрера, во всей их

8393

H1197-0214

H1197-0215

официальной сфере деятельности, а также при проведении каждого отдельного мероприятия или решения в делах самого обычного характера. Готовность нести ответственность, способность к принятию решений, энергия в соединении с проявлением инициативы и обладание подлинной властью - вот качества, которых фюрер требует прежде всего от подчиненных ему лидеров. Поэтому он разрешает им пользоваться самой большой свободой в ведении их дел и в тех методах, при помощи которых они выполняют свои задачи.

Эта картина отражает полномочия имперских министров; она весьма отличается от той картины, которую Вы нарисовали Трибуналу, не так ли?

ЛАММЕРС: Я не считаю, что это противоречит тому, что я говорил вчера. Я сказал, что ни один министр не мог принимать участие в решении вопросов большой политики, однако, в своем ведомстве, являясь высшим административным лицом, имел определенные полномочия . Фюрер не окончательно отбирал у них полномочия, в своей области они были до некоторой степени хозяевами. Говоря об ограничениях, я имел в виду вопросы большой политики.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС: Видите ли, из нарисованной Вами картины управления этим колоссальным государством германской империи вытекает, что все решения муниципального характера принимались одним человеком, обладавшим силой интуиции. Вы именно такую картину хотели изобразить перед Трибуналом?

ЛАММЕРС: Да, он имел большие полномочия. Каждый министр имел довольно большие полномочия в своей области, так как...

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС. В отношении подсудимого Функа, например, Вы говорите, что он был незначительным человеком, не обладавшим никакими полномочиями и не имевшим никакого влияния на вынесение решения по различным вопросам. Это так?

H1197-0216

ЛАММЕРС: Да, он не имел никакого влияния на большую политику, но в своем ведомстве он имел большую власть.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС: Но решения - я говорю о решениях по важным вопросам чисто экономического характера, подобно вопросу об общем количестве ценностей, которые предполагалось вывезти из оккупированных территорий - эти решения фюрера базировались на предложениях и советах таких министров, как Функ, - не так ли?

ЛАММЕРС: Мне неизвестна финансовая политика в оккупированных областях. Ею занимался другой министр, рейхскомиссар и министр финансов.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС: Да, но что касается решений по экономическим вопросам, касающимся оккупированных территорий, например, предложений в отношении оккупационных издержек, техники операций черного рынка, необходимы были советы таких людей, как Функ для определения политики в отношении этих вопросов. Не так ли?

ЛАММЕРС: В этом он принимал участие. Будучи имперским комиссаром, он не имел права давать приказы. Имперский комиссар /рейхскомиссар/ подчинялся непосредственно фюреру.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС: Все эти министры содействовали осуществлению руководства, действуя каждый в своей области и были необходимы для управления нацистским государством, не так ли?

ЛАММЕРС: Да, конечно, они все должны были принимать участие в работе. Но это еще не означает, что г-н Функ имел право издавать приказы по оккупированным областям. У него не было этого права.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС: Что касается Функа, Вы совершенно ясно осветили его положение в государстве, поскольку это могло Вас касаться. Не припоминаете ли Вы, что Вы должны были также раз"яснить вопрос о том, был ли Функ непосредственно подчинен

фюреру, или нет. Вы помните об этом?

ЛАММЕРС: Да, конечно, будучи министром он был подчинен фюреру.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС. И он сам давал советы фюреру, не так ли?

ЛАММЕРС: Он очень редко бывал у фюрера.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС: Но, например, в отношении жизненно важной сферы финансирования вооружения он должен был сообщать важные решения фюреру и высказывать свои мнения по этому поводу, не так ли?

ЛАММЕРС: Я не знаю, в каком об"еме фюрер привлекал его к работе. Я не присутствовал на докладах по вопросам вооружения.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС. Я хочу задать Вам еще один вопрос в отношении министерских дел. Министры без портфеля продолжали получать сообщения, касающиеся деятельности имперского кабинета, не так ли?

ЛАММЕРС: Да, им посылались все документы.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС: Подсудимый Франк, например, был министром без портфеля?

ЛАММЕРС: Да.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС: И он в качестве министра без портфеля продолжал получать сообщения?

ЛАММЕРС: Он получал такие документы, которые получали и все другие, если было намечено распределение каких-либо документов среди всех министров.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС: И когда он был генерал-губернатором в генерал-губернаторстве, в его ведении был министерский отдел, занимающийся текущими вопросами деятельности имперского кабинета?

H1197-0217

H1197-0218

ЛАММЕРС: Вы сейчас говорите о Франке?

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС: Да, я сейчас говорю о подсудимом Франке.

ЛАММЕРС: Франк имел в Берлине контору, куда пересылались все предназначавшиеся ему документы.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС. Таким образом, хотя имперский кабинет фактически не созывался, он продолжал свое существование, не так ли?

ЛАММЕРС. Правительственный кабинет существовал только для отдачи письменных приказов и указаний.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС. И также члены имперского кабинета, как Франк, продолжали получать сообщения, касающиеся задач законодательного характера и других функций имперского кабинета даже тогда, когда они не могли участвовать в заседаниях и совещаниях?

ЛАММЕРС: Да, они получали то, что получали и другие министры.

МАЙОР ЭЛВИН ДЖОНС. Я полагаю, что сейчас время об"явить перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

/Перерыв до 14 часов/.

H1197-0219

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 9 апреля 1946 г.

Вечернее заседание.

/Продолжение допроса Генриха Ламерса.
Перекрестный допрос/.

Встать. Суд идет.

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС: Свидетель, я хочу задать вам несколько вопросов относительно подсудимого Франка. Франк ваш друг, да?

ЛАМЕРС. Нет. Я не нахожусь в особенно близких отношениях с г-ном Франком. Однако я прошу разрешить мне прежде чем я отвечу на этот вопрос, возвратиться к документу, который вы перед этим предъявили мне и который я только сейчас смог прочитать. Я хотел бы по этому поводу сказать лишь два предложения.

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Если защитники захотят вернуться к этому выступлению, то они несомненно в должное время обратят ваше внимание на этот вопрос.

А теперь, пожалуйста, отвечайте на вопрос, который я вам задал относительно подсудимого Франка. Вы говорите, он не является вашим другом?

ЛАМЕРС. Я не находился в очень близких отношениях с ним. Я знал его не лучше, чем остальных членов правительства.

H1197-0219

H1197-0220

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Правильно ли будет сказать, что он, как и вы, был одним из ведущих нацистских юристов?

ЛАМЕРС. Я никогда не считал себя ведущим национал-социалистским юристом.

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Вы утверждаете, что вы не были ведущим юристом или что вы не были национал-социалистом?

ЛАМЕРС. Я считал себя, во-первых, научным деятелем, специалистом по государственному праву, которым я был в течение многих лет; уже с 1920 года я служил при других правительствах, затем я вступил в национал-социалистскую партию, и, само собой разумеется, находясь на своем посту в национал-социалистском государстве, я старался также проводить правовые идеи национал-социализма.

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС. Вы сказали, говоря о Гансе Франке, что он был юристом, который был против произвола полиции?

ЛАМЕРС. В различных речах он об этом говорил, и это вызвало неодобрение со стороны фюрера.

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС. Он был человеком, который верил в справедливый суд, не так ли?

ЛАМЕРС. Относительно каких процессов? Я не понимаю вопроса.

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Уголовных процессов.

ЛАМЕРС. Я не понял, что Вы сказали.

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Он всегда был за справедливый суд и против произвола со стороны СС. Вы это хотите сказать, не правда ли?

ЛАМЕРС. Да, он неоднократно говорил мне об этом и в своих речах также часто заявлял об этом.

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. И вы говорите, что он был человеком, стоявшим за либеральные методы управления на тех территориях, где он был генерал-губернатором. Это так?

ЛАМЕРС. К сожалению, я не понимаю того, что мне переводят. Все время раздается шум и я половину ваших слов не понимаю.

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Начнем снова. Вы слышали когда-нибудь об операции "АБ", за которую в генерал-губернаторстве несет ответственность Франк?

ЛАМЕРС. Эта операция мне абсолютно неизвестна. Я, правда, примерно, восемь дней тому назад слышал от одного господина это название и что это инкриминируется господину Франку - какая-то операция "АБ". Но я не знаю этой операции "АБ".

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Вы получали частные сообщения от Франка относительно управления подведомственных ему территорий, не правда ли?

ЛАМЕРС. Да, иногда я получал сообщения.

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. И вы хотите сказать, что Франк никогда вам не сообщал об операции "АБ"?

ЛАМЕРС. Я не знаю, что это за операция "АБ".

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Я напомню вам. Это - операция, которая привела к убийству лучших представителей польского народа, польской интеллигенции.

ЛАМЕРС. О такой операции я ничего не знаю.

H1197-0221

H1197-0222

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Взгляните на документ 2233-ПС, который уже демонстрировался под № СССР-223, и который представляет собой дневник Франка, вы в нем найдете историю этой операции и вы тогда, возможно, вспомните об обстоятельствах, сопутствовавших ей.

ЛАМЕРС. Скажите, пожалуйста, на какой это странице?

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Восьмая страница приложения к этому тексту. Вы увидите на этой странице, что операция началась 16 мая после совещания, на котором присутствовали Франк - генерал-губернатор, д-р Зейсс-Инкварт - имперский министр, Вллер - государственный секретарь, Штрейкенбах - бригаденфюрер и полковник Мюллер. Вы увидите из этого документа, что Франк издал приказ, который был немедленно осуществлен, о том, чтобы реализация экстраординарной программы умиротворения была поручена начальнику полиции безопасности, с указанием провести ее в жизнь без промедления. Затем были обсуждены более важные подробности этой операции, и бригаденфюрер Штрекенбах получил официальные полномочия от генерал-губернатора. Генерал-губернатор приказал, чтобы 30-го мая ему было детально доложено о ходе операции ....

А теперь, я хотел бы, чтобы вы взглянули на вторую страницу текста - это отчет о совещании 30 мая, из которого вы, а, что еще важнее, Трибунал, можете судить в какого рода юриспруденции верили нацистские юристы.

Вы увидите на 43 странице английского текста документа 2233-ПС сообщение о совещании полиции от 30 мая, на котором присутствовали Франк, Крюгер и другие.

ЛАМЕРС. На этих заседаниях правительства я же никогда не присутствовал.

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Я хочу, чтобы вы увидели, как далек был Франк, поборник порядочности в управлении, от настоящего Франка, генерал-губернатора Польши. Вы увидите там, что Франк сказал: "Если бы у меня не было старой нацистской гвардии, бойцов полиции и СС в стране, с кем мы могли бы тогда осуществить эту политику?"

И далее, в этом отчете, с которым Трибунал уже знаком, говорится, что в тот период, когда германские акты агрессии были в полном разгаре на западе, Франк нашел возможным предпринять вышеупомянутые мероприятия против польской интеллигенции".

ЛАМЕРС. Если генерал-губернатор в своих записях в дневнике вступает в противоречие с тем, о чем я мог судить по его речам, которые он держал, - то я вообще не могу ничего сказать по этому поводу. Я же не знал, что он сам говорил об этом. Возможно, что многие его речи находятся в противоречии с теми речами, которые он держал в другой период времени. Я говорил лишь о тех речах, о которых фюрер отзывался с неодобрением и в результате которых фюрер запретил ему держать речи и опубликовывать их. Я говорил именно об этих речах. Какие речи держал генерал-губернатор еще помимо этих и какие записи он вел в своих дневниках, об этом я сейчас не могу судить.

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Внесем полную ясность. Известно ли вам, что режим Франка в генерал-губернаторстве был режимом массовых убийств?

H1197-0223

H1197-0224

ЛАМЕРС. Об этом я никогда ничего не слышал.

ГОСПОДИН ЭЛВИН ДЖОНС. Получали ли вы какие-либо сообщения от него, или из каких либо других источников относительно злоупотребления властью в генерал-губернаторстве?

ЛАМЕРС. Да, о злоупотреблениях в генерал-губернаторстве неоднократно поступали жалобы как от Франка, так и от других инстанций на Франка.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Было ли вам известно о крайне безжалостных методах, которые применял Франк в генерал-губернаторстве?

ЛАМЕРС. Я понял этот вопрос только наполовину.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы получали сообщения от Франка относительно его деятельности в генерал-губернаторстве. Не правда ли?

ЛАМЕРС. Да. Часто поступали сообщения, которые я, поскольку они были срочными, быстро передавал фюреру. Большинство из них поступало к рейхслейтеру Борману или в адьютантуру фюрера. Это были сообщения ....

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Одну минуту. Если вы будете отвечать на вопросы, которые я вам ставлю, мы гораздо скорее покончим с этим. Вы только отвечайте коротко на вопросы, которые я задаю. Я представляю вам одно сообщение, которое, как это видно из дневника Франка, было послано вам. В дневнике Франка на 41-й странице английского текста сделана следующая запись от 5 августа: передал по телетайпу следующее сообщение: "Генерал-

губернатор имперскому министру д-ру Ламерсу: "Город Варшава в большей своей части объят пламенем. Уничтожение домов - это верный путь лишить бунтовщиков укрытия. После этого восстания и его подавления Варшаву законно постигнет заслуженный рок полного уничтожения или будет навязан ей".

Вы помните о получении этого сообщения по телеграфу?

ЛАМЕРС. Насколько я помню, такое сообщение поступило и немедленно было передано мной фюреру. Я ведь не имел никакого отношения к самой операции. Это было военным мероприятием, и обычно о мероприятиях военного характера сообщения поступали непосредственно к фюреру. Очевидно, я направил эту телеграмму не только фюреру, но и начальнику ОКВ.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Меня не интересуют те меры, которые вы приняли при данных обстоятельствах; меня интересует лишь об этом ваша осведомленность, так как вы неоднократно отрицали перед Трибуналом, что вам что-либо известно обо всех этих отвратительнейших фактах, совершавшихся при нацистском режиме. Поэтому говорите лишь о том, что вам было известно. Вы сказали, что ....

ЛАМЕРС. Я знал, что телеграмма поступила.

H1197-0225

H1197-0226

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. И что это была характерная для Франка телеграмма. Не правда ли?

ЛАМЕРС. Я знав из газет, что в Варшаве был дан приказ об уничтожении, что там имела место борьба. Я не мог ничего приказывать генерал-губернатору. Я мог только передать его сообщение фюреру, это сообщение было ведь направлено не мне лично, а фюреру.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы говорите, что Франк выступал против создания концлагерей. Это ваше показание, да? Ваши показания сводятся к тому, что Франк был против концлагерей?

ЛАМЕРС. Да, мне лично Франк говорил, что он в общем против заключения в концлагери, так как он был того же мнения, как и я, что такое мероприятие должно иметь, по крайней мере, какое-то правовое основание.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Это то, что он вам говорил?

ЛАМЕРС. Да, это он говорил мне.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я вам только прочту краткую выдержку из его дневника, чтобы показать, почему он был против концлагерей. Я читаю вам выдержку с 45 страницы его дневника, где он говорит о польской интеллигенции: "Нам нет нужды направлять эти элементы в концлагери, находящиеся в Германии, потому что это только приведет к затруднениям, ненужной переписке с их семьями. Мы лучше ликвидируем их здесь в стране".

Затем он дальше пишет: "Мы не собираемся организовывать в генерал-губернаторстве концлагерей в полном смысле этого слова. Любые заключенные из генерал-губернаторства, находящиеся в концлагерях Германии, должны быть переданы в наше распоряжение для осуществления операции "АБ", или же с ними надо расправиться на месте."

Вот почему Франк был против концлагерей. Он верил в немедленное убийство, не правда ли?

ЛАМЕРС. Возможно, что дневники Франка и его деятельность не находятся в соответствии с тем, о чем он мне говорил. Я могу лишь говорить о том, что он мне говорил о концлагерях. О том, что он писал в своем дневнике, - я не знаю, и как он действовал на практике, - этого я тоже не знаю. В отношении генерал-губернаторства я ведь не имел никаких функций по надзору.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы говорили о борьбе между Франком и различными другими рейхскомиссарами, рейхсминистрами и СС. Я хочу утверждать, что борьба между Франком и бригадным генералом СС Крюгером была борьбой за власть, борьбой между двумя лицами, и ни в коей мере не была связана с желанием Франка выступать за честное и справедливое управление в Генерал-губернаторстве.

H1197-0227

H1197-0228

ЛАМЕРС. Да, если вы полагаете, что то, что мне говорил Франк, не находится в соответствии с тем, как он действовал, то вы должны об этом допросить Франка. Я же не отвечаю за то, что он делал. Я могу только дать показания относительно того, что он мне говорил.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Видите ли, вы получали сообщения не только от самого Франка, но и от СС. Не правда ли?

ЛАМЕРС. Я получал очень много сообщений, которые обычно передавались дальше по инстанциям. Я лишь передавал такие сообщения. Сообщения от СС пересылались обычно не через меня.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы представляли собой одно из тех высокопоставленных почтовых отделений, на которых основывалась нацистская Германия, не правда ли?

ЛАМЕРС. Простите, я не понял этого вопроса.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Помните, вы вели переписку с Гиммлером относительно положения в генерал-губернаторстве?

ЛАМЕРС. Да, конечно, я знаю, что Гиммлер охотно удалил бы генерал-губернатора Франка из генерал-губернаторства. Он охотно видел бы на его месте другого генерал-губернатора.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы представили Гиммлеру доклад на основании беседы, которую вы имели с генерал-лейтенантом войск СС Крогером, да?

ЛАМЕРС. В настоящий момент не могу вспомнить о беседе с генерал-лейтенантом Крогером, если мне не укажут точнее, когда это было.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Не посмотрите ли вы на документ № 2220-ПС, который представляется под № ВБ-321. Это ваш доклад, посланный Гиммлеру. Он датирован 17 апреля 1943 г., адресован Гиммлеру и касается положения в генерал-губернатор-

стве. Я прочту некоторые выдержки из этого документа, так как они еще не были оглашены. "Дорогой рейхсфюрер, на нашем совещании 27 марта сего года мы договорились о том, что должны быть составлены письменные тексты относительно положения в генерал-губернаторстве, которые явятся основой нашего совместного доклада фюреру". Это был совместный доклад, составленный СС и вами. Следующий абзац гласит: "материал...".

ЛАМЕРС. Это был доклад на основании поручения, которое дал мне фюрер в отношении рассмотрения некоторых жалоб, направленных против Франка. На Франка поступил целый ряд жалоб и фюрер дал мне и Гиммлеру поручение, чтобы мы расследовали это дело. Об этом здесь идет речь.

ГОСПОДИН ЭЛЬЯЯН ДЖОНС. Вы и ваш коллега Гиммлер, видите ли, активно интересовались этим вопросом. Я хочу, чтобы вы обратили внимание на следующие выдержки из этого доклада. В самом докладе в параграфе "А", озаглавленном "Задачи германского управления в генерал-губернаторстве", говорится: "Германское управление в генерал-губернаторстве должно выполнять следующие задачи: 1/ в целях обеспечения продовольствием германского народа увеличить производство продуктов сельского хозяйства и полностью его использовать, предоставив при этом достаточное количество продовольствия для местного населения, выполняющего работу. Оставшееся продовольствие направлять вооруженным силам и в тыл Германии". Затем говорится о трудностях получения достаточной рабочей силы и богатств с территории генерал-губернаторства для германской империи. В конце подробно говорится об использовании рабочей силы. Именно на этот параграф я хотел бы особенно обратить ваше внимание. Вы нашли параграф, озаглавленный "Использование рабочей

H1197-0229

H1197-0230

силы", где говорится о трудностях, с которыми столкнулось управление генерал-губернаторства? Я обращаю ваше внимание на этот параграф, потому что он содержит следующую фразу: "Ясно, что эти трудности увеличились в связи с уничтожением еврейской рабочей силы".

ЛАМЕРС. Где это место?

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Это - в параграфе, озаглавленном "Использование рабочей силы".

ЛАМЕРС. Да, но это же не мой доклад.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но вы сказали в вашем препроводительном письме, что меморандум был проверен совместно с генералом Крегером, который полностью с ним согласился. В вашем препроводительном письме вы указываете, что этот меморандум был вами рассмотрен. Меня в настоящее время не интересует вопрос о том, вы написали этот меморандум или нет. Я хочу, чтобы вы дали об"яснение Трибуналу, прежде всего по поводу того, поняли ли вы, что этот доклад содержал фразу: "Ясно, что эти трудности увеличились в связи с уничтожением еврейской рабочей силы"?

ЛАМЕРС. Я прошу разрешить мне прочесть это место. Я не могу отвечать на вопрос, поставленный в связи с документом, содержащим большое количество страниц, если я его не читал. Я считаю это невозможным и прошу дать мне возможность сейчас прочитать этот доклад, который содержит много страниц.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. У вас будет необходимое время, я хочу только, чтобы вы обратили внимание на одну фразу. Вы можете убедиться в том, что в предпоследнем параграфе доклада имеется эта фраза относительно уничтожения еврейской рабочей силы, и я хочу предложить вам следующее:

ЛАМЕРС. Да, но где это место? Я еще не прочитал это предложение здесь в тексте. Где оно находится - в начале или в конце страницы? Я прошу разрешить мне прочесть всю страницу, тогда я найду это предложение. Для этого мне необходимо несколько минут. Вы можете указать мне, примерно, где это? Очевидно, этот меморандум составил Крюгер и речь здесь идет о дальнейшей эвакуации евреев на Восток. Я не знаю, что вы понимаете под этим термином "устранение евреев". Я, однако, при всем желании, не в состоянии дать об"яснение по поводу одного предложения, вырванного из общего контекста, размером в 14 страниц. Это я считаю невозможным

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы говорите, что уничтожение еврейской рабочей силы должно истолковываться как эмиграция еврейской рабочей силы?

ЛАМЕРС. Этого я не знаю. Я должен прочитать сначала весь отчет для того, чтобы дать по поводу этого отчета показания. Это-14 страниц мелкого шрифта, которые были написаны не мною. К чему они относятся,-я не знаю.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но вам было известно, не правда ли, что сам Ганс Франк выступал за политику уничтожения еврейского народа?

ЛАМЕРС. Придерживался ли он этого воззрения или нет,-я не знаю. Мне он говорил как раз противоположное. Я могу дать свидетельские показания только о том, что он мне говорил, а не о том, что он говорил где-либо в другом месте.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Видите ли, Трибуналу зачитывались выдержки из дневника Франка, в котором Франк пишет: "Моя позиция в отношении евреев" - это на 12 странице немецкого текста, - такова: "я надеюсь, что все они исчезнут." В отношении же трех с половиной миллионов евреев, находившихся в

H1197-0231

H1197-0232

генерал-губернаторстве, он заявил, что "невозможно их всех расстрелять или отправить, но мы сумеем принять меры к тому, чтобы успешно уничтожить их. Генерал-губернаторство так же, как Германия, должно быть освобождено от евреев". Вы утверждаете, что Франк вам не высказывал подобной точки зрения?

ЛАМЕРС. Если г-н Франк сам пишет об этом в своем дневнике, если он в действительности говорил это, то это находится в противоречии с тем, что он говорил мне. Больше я ничего не могу об этом сказать.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Известно ли вам, что из дневника Франка видно, что 9 сентября 1941г. в генерал-губернаторстве было три с половиной миллиона евреев, в записях от 2 августа 1942г. он пишет, что осталось лишь несколько рот рабочих. Вы этого не знали?

ЛАМЕРС. О том, что это произошло,-я не знаю, так как об этом он мне ничего не говорил. За то, что он писал в своем дневнике, он должен сам отвечать; делал он этот или нет,-об этом он должен сказать сам. Во всяком случае, я ничего не знал об этом.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Принимая во внимание, что вы истолковываете понятие "уничтожение" как эмиграция, Франк говорит следующее об этих миллионах, которые, как известно Трибуналу, были убиты: "Скажем, что все остальные эмигрировали" - и вы употребляете слово "эмигрировали" в таком же жестоком циничном смысле?

ЛАМЕРС. Я не в состоянии сейчас комментировать записи Франка в дневнике. Он должен это делать сам.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы, свидетель, с самого начала проведения этого террора оказывали содействие в составлении

H1197-0233

декретов, направленных к тому, чтобы достигнуть конца в расовом преследовании, не правда ли? Разве это не так? Разве вы не подписали декрета фюрера, который уполномочивал Гиммлера принимать необходимые меры для устранения с территории германской империи тех расовых элементов, которых вы, как нацист, не одобряли.

ЛАМЕРС. Я не могу вспомнить, чтобы я когда-либо подписывал такой указ.

ГОСПОДИН АЛЬВИН ДЖОНС. Хорошо, тогда я обращу ваше внимание на документ 786-ПС, который представляется в качестве доказательства Вь-822. Это-декрет Гитлера от 7 октября об укреплении германской национальности. Так он и называется. Датирован этот документ 7 октября.

ЛАМЕРС. Да, я знаю этот указ.

ГОСПОДИН АЛЬВИН ДЖОНС. Я знал, что этот указ не явится для вас неожиданностью.

ЛАМЕРС. Но в нем нет того, что Вы утверждаете.

ГОСПОДИН АЛЬВИН ДЖОНС. Посмотрите-ка на первое предложение. Оно гласит: "Рейхсфюрер СС обязан в соответствии с моими директивами: 1. Окончательно вернуть на территорию Германии всех лиц, состоящих в немецком подданстве, и всех коренных немцев за границей. 2. Покончить с вредным влиянием лиц иностранного происхождения, представляющих опасность для Германии и для немецкого народа".

Далее говорится об "образовании новых районов немецких поселений путем переселения" и там имеются следующие строки:

"Рейхсфюрер СС уполномочен принимать необходимые меры для осуществления своих обязанностей".

Вы подписали этот декрет. Не так ли?

H1197-0233

H1197-0234

ЛАМЕРС. Это правильно, но там ничего не написано о том, что евреи должны быть убиты. Там написано об устранении вредных влияний со стороны чуждых немецкому народу наций. Здесь не написано даже об устранении посторонних элементов. Здесь говорится лишь об устранении вредного влияния лиц ненемецкой национальности. Устранение вредного влияния каких-либо лиц ведь далеко еще не означает устранения самих этих лиц.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы, как глава имперской канцелярии, человек, который знал все тайны третьей империи, заявляете перед лицом Трибунала, что вам не было известно об убийстве миллионов и миллионов людей, замученных в период существования нацистского режима?

ЛАМЕРС. Я хочу здесь сказать, что я ничего не знал об этом до тех пор, пока я в дни разгрома Германии, в конце апреля или в начале мая 1945 года, не услышал об этом из иностранных радиопередач. Тогда я еще не верил в это и лишь позже, когда я ознакомился с большим количеством материалов в газетах, я поверил в это. Если здесь говорится об устранении вредного влияния лиц ненемецкой национальности, то это далеко еще не означает уничтожения этих лиц. Фюрер не произносил ни одного слова об убийствах, ни одного слова не было сказано о каком-либо плане такого рода.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я хочу обратить теперь ваше внимание на дело подсудимого Розенберга. Вы нам сказали, что впервые вы услышали о некоторых крупных военных операциях Третьей империи из газет. А о нацистском плане нападения на Советский Союз вы также узнали из газет?

ЛАМЕРС. Я узнал о нападении на Россию после того, как оно совершилось. Фюрер до этого не произносил ни одного слова об

H1197-0235

агрессивной войне против России. Он говорил только о военном конфликте с Россией, который возможен в недалеком будущем. Я не истолковывал эти слова так, что предстоит агрессивная война с Россией.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Знали ли вы, что война между нацистской Германией и Советским Союзом являлась оборонительной войной со стороны нацистской Германии?

ЛАМЕРС. Фюрер мне не говорил ничего иного, кроме того, что я показал здесь, что имело место сосредоточение войск, которое позволяло сделать вывод о том, что может возникнуть военный конфликт с Россией. Он говорил: "Я хочу быть подготовленным ко всему, что может случиться, и поэтому, господин Розенберг должен заниматься восточными вопросами". Более я ничего не знал об этом и совершенно ничего не знал о том, что должна произойти агрессивная война с Россией. По различным признакам можно было заключить о том, что предстоит нападение на нас, по крайней мере так нас информировали.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но вы, свидетель, знаете, что 20 апреля 1941г. Гитлер планировал и разрабатывал дальнейшие планы против Советского Союза. Взгляните на документ 865-ПС, представленный за № США-142. Как видите, этот декрет фюрера, датированный 20 апреля 1941г., и разрешите вам напомнить, что вторжение нацистской Германии на территории Советского Союза произошло лишь 22 июня. 20-го же апреля вы подписали тот декрет, в котором Гитлер называл Розенберга "мой уполномоченный по делам, связанным с районом Восточной Европы".

ЛАМЕРС. Да, это правильно, я не давал никаких показаний, противоречащих этому. Это было первым поручением, которое получил Розенберг, и в связи с этим фюрер говорил о возможном

H1197-0235

H1197-0236

военном конфликте с Россией, и Розенбергу были даны соответствующие полномочия.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Одну минуту. Отвечайте на вопрос, который я вам сейчас задал. Об"яснения вы сможете дать позднее. Обратите внимание на документ 865-ПС. Как вы видите, это ваше письмо к Кейтелю от 21 апреля, в котором вы говорите: "При сем препровождаю вам копию декрета фюрера от 25 сего месяца, где фюрер назначает рейхслейтера Розенберга своим уполномоченным по делам, связанным с районом Восточной Европы. Рейхслейтер Розенберг должен с максимальной быстротой произвести необходимую подготовку на случай всякой неожиданности".

Вы утверждаете, что вся ваша деятельность и деятельность Розенберга в то время не была связана с агрессивными планами нацистской Германии?

ЛАМЕРС. Я совсем не хочу этого утверждать. Фюрер подразумевал под "неожиданностью" то, о чем я говорил, т.е. что может возникнуть военный конфликт с Россией. Таково было положение, которое привело к тому, что Розенберг получил это поручение. Здесь ничего не говорится об агрессивной войне, и в самом деле совсем не было речи о ней .

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы знаете, что Розенберг был в контакте с другими правительственными ведомствами третьей империи в связи с этой подготовкой к агрессии против Советского Союза, за несколько недель до начала вторжения. Не правда ли?

ЛАМЕРС. На кого он имел влияние? Я не понял, на кого он должен был иметь влияние?

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Возможно вы меня не поняли. Он сотрудничал с другими ведомствами Третьей империи за несколько недель до начала этого вторжения.

8 1/15

H1197-0237

ЛАМЕРС. Возможно, когда он выполнял свое поручение, он сотрудничал с другими ведомствами. В каком об"еме он это делал и с какой целью, - об этом я не знаю, и какие дальнейшие поручения давал ему фюрер, я также не знаю.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Во всяком случае вам известно, что Гитлер дал Розенбергу ясно понять еще до его назначения о том, какими должны быть основные принципы нацистской политики в отношении захваченных территорий Советского Союза, не правда ли? Вы присутствовали на совещании Гитлера от 16 июля 1941г., на котором он изложил свои принципы и цели в отношении Советского Союза?

ЛАМЕРС. Это произошло после начала войны, но не перед ней. До этого он мне ничего не говорил об агрессивной войне.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы говорили, что Розенберг был человеком, который стоял за либеральное обращение с теми народами, территория которых была захвачена

8416

H1197-0237

H1197-0238

гитлеровскими армиями. Но вы присутствовали на совещании Гитлера в июле 1941 года, в самые первые недели пребывания Розенберга на посту, и вы слышали, как Гитлер провозгласил свою программу терроре, зверств и эксплоатации, не правда ли?

ЛАМЕРС. Уже 16 июля господин Розенберг заявил о своих возражениях по этому поводу.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но это были возражения, которые не заставили его покинуть свой пост, и он не оставался до тех пор, пока Красная Армия не сделала этот пост несколько неудобным для него на востоке, не правда ли?

ЛАМЕРС. Да, однако, он все же стоял за умеренные принципы. Я говорил лишь в общем о деятельности Розенберга. Я не могу дать показаний относительно всех особых мероприятий, которые он проводил. Я могу сказать только о том, что мне говорил Розенберг, на что он мне жаловался и что он говорил мне о своих целях. Поступал ли он в действительности иначе, об этом я ничего не знаю.

8417

H1197-0238

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы знали о противоречиях между Розенбергом и Кохом, рейхскомиссаром на Украине, не правда ли?

ЛАММЕРС. Да, я об этом хорошо знал. Розенберг всегда был человеком, преследовавшим умеренные цели и выступавшим за разумное проведение всех политических мероприятий, а Кох был тем, кто склонялся к более радикальным мерам.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Когда Вы говорите "более радикальные меры", что вы подразумеваете подэтим?"массовые убийства"?

ЛАММЕРС. Нет, я это совсем не имею в виду.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но вы же действительно знали, что Кох был убийцей? Не правда ли?

ЛАММЕРС. Что Кох был убийцей?

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Да.

ЛАММЕРС. Я не знаю об этом в деталях. Мне не был поручен надзор за ним.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Тогда я обращу Ваше внимание на некоторые детали, посмотрите на один документ № 032-ПС, который представляется в качестве доказательства. Это доклад, датированный 2 апреля 1943 года, посланный Розенбергом Гиммлеру с копией вам. Это доклад об убийстве населения Умланского Лесного района для того, чтобы очистить место для охоты рейхскомиссара Коха.

ЛАММЕРС. Об этой жалобе мне известно, и я даже доложил о ней фюреру. Г-н Розенберг жаловался на то, что рейхскомиссар Кох дал распоряжение об очистке большого леса, так же и от целого ряда населенных пунктов, так как он хотел иметь там охотничье угодье. Я доложил фюреру об этой жалобе Розенберга.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Это слово "очистка", означает ли это эмиграцию или ето означает убийство?

H1197-0239

H1197-0240

ЛАММЕРС. "Очистка", это означает, что необходимо освободить некоторые территории.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Не закрывайте этот документ, я хочу, чтобы вы его почитали, потому что вы отрицали, что Кох был убийцей. В параграфе 2-м этого доклада говорится:

"Я только что получил следующую информацию от одного старого члена партии, который в течение 9 месяцев работал на Волыни и в Подолии, готовясь к взятию на себя обязанностей районного комиссара или начальника отдела в районе Волыни и Подолии. Эта информация сводится к следующему: "По приказу высших властей было дано указание эвакуировать весь район Умани. Как немцы, так и украинцы, утверждали, что это было сделано для того, чтобы превратить весь этот район в место частной охоты для рейхскомиссара. В декабре 1942 г., когда уже стояли сильные морозы, началась эвакуация. Сотни семей были вынуждены за одну ночь собрать все свое имущество и были эвакуированы за 60 километров. Сотни людей в районе Умани и его окрестностей были расстреляны одной ротой полиции, "потому, что они сочувствовали коммунистам. Ни один украинец в это не верил..."

Вы нашли это место, свидетель? Я хочу, чтобы Вы это прочли

ЛАММЕР. Нет, я еще не нашел это место.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Очень трудно внимательно следить за этими неприятными для вас разделами, не правда ли?

ЛАММЕРС. Да, я нашел это место.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я прочту последнюю фразу, чтобы освежить вашу память в отношении этих убийств. Еще раз повторяю последнюю фразу:

"Сотни людей в районе Умани и его окрестностей были

расстреляны одной ротой полиции, потому что они сочувствовали коммунистам. Ни один украинец в это не верил. И немцы также недоумевали по поводу этого аргумента, потому что, если бы это было сделано в целях безопасности, то было бы необходимо расстрелять элементы, зараженные коммунизмом и в других районах. Напротив, во всей стране утверждали, и довольно определенно, что эти лица были безжалостно расстреляны без суда только потому, что предполагавшаяся эвакуация была слишком дорога и не могла быть осуществлена в столь короткое, имевшееся в распоряжении время. Да и, кроме того, не было достаточной территории в других районах для расселения эвакуированных".

Вы теперь утверждаете, прочтя этот доклад, что вы не знали, что Кох был убийцей?

ЛАММЕРС. Я в отношении этого сообщения сделал все, что было в моих силах. Я тотчас доложил о нем фюреру. Если дела обстояло так, я должен буду согласиться, что это было убийством. Я сейчас не помню об этом сообщении. Если он убивал людей, значит он был убийцей. Я не судья, чтобы судить г-на Коха. Розенберг подал об этом жалобу. Она была тотчас передана фюреру.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Розенберг продолжал работать вместе с этим человеком, выполняя функции одного из его комиссаров. Не так ли?

ЛАММЕРС. Фюрер передал этот вопрос на рассмотрение Борману и мне и успокоил Розенберга. Розенберг неоднократно подавал заявления об отставке, однако, его заявления не были удовлетворены.

H1197-0241

H1197-0242

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС: Теперь поговорим о другой территории с тем,чтобы вы могли дать дополнительную информацию суду относительно условий на оккупированных территориях.В общем и целом,свидетель,я хочу вам указать,что борьба,которая происходила на этих территориях,являлась борьбой между безжалостными людьми за власть,и что там не было абсолютно ни одного человека среди нацистов,который бы боролся за уважение человеческих прав и проявлял бы жалость к людям.Вы не выступали ни за то ни за другое? Не правда ли?

ЛАММЕРС. Я не понял,что Вы сказали. Ваш голос все время перебивают другие.Прошу еще раз повторить вопрос.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. И вы,находясь на вашем посту, не выступали за человеческую справедливость при данном режиме. Не так ли?

ЛАММЕРС. Я всегда был сторонником сочувствия и сострадания к людям.Я всегда так поступал.Я спас жизнь, примерно, 100.000 - 220.000 евреев.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Все,что Вы делали,заключалось в том,чтобы направлять сообщения об уничтожении людей гиммлерам,борманам и гитлерам. Так или нет?

ЛАММЕРС. Приказов об уничтожении я не предавал.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы коснулись одного вопроса, который имеет отношение к подсудимому Кейтелю и к жестокой политике,которую Тербовен проводил в отношении Норвежского народа. Я обращаю Ваше внимание на документ ...

ЛАММЕРС. Я просил Кейтеля лишь о том,чтобы он высказал свое мнение по этому вопросу, - я просил фюрера принять решение против расстрела заложников. Мои чиновники мо-

H1197-0243

гут дать свидетельские показания по этому вопросу.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я хочу обратить ваше внимание на документ 871-ПС, который представляется в качестве доказательства под номером ВБ-322. Это письмо Кейтеля, адресованное вам, + касательно сообщения Тербовена, изложенного в документе 870-ПС, который мой коллега, сэр Дэвид Максуэлл Файф, предстaвил в качестве доказательства во время допроса подсудимого Кейтеля. Вы видите этот документ 871-ПС. Это письмо к вам от Кейтеля. В первом параграфе этого документа говорится:

"Для того, чтобы устранить саботаж в Норвегии, я согласен с имперским уполномоченным по делам оккупированной территории Норвегии в том отношении, что я ожидаю результатов от репрессалий только в тем случае, если они проводятся безжалостно и если имперский уполномоченный Тербовен будет уполномочен производить расстрелы".

ЛАММЕРС. Я показывал этот документ фюреру и высказался одновременно с этим против расстрела заложников. Мое ходатайство возымело действие.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы имели успех? В каком отношении?

ЛАММЕРС. Фюрер на этом совещании, на котором присутствовал Тербовен, категорически заявил, что расстрелы заложников не должны производиться в том об'еме, как он этого хотел и как желали некоторые другие. Заложников следует брать только из среды непосредственных участников.

H1197-0243

H1197-0244

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Таким образом, вы говорите, что успех вашего вмешательства состоял в том, что убийства не производились в тех масштабах, в каких хотел Тербовен, не правда ли?

ЛАММЕРС. Да, правильно, Тербовен хотел применить расстрелы заложников в больших масштабах, но фюрер не согласился с ним. Я выступал вообще против расстрелов заложников, и свидетели из имперской канцелярии могут это подтвердить.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. И в результате ....

ЛАММЕРС. Действительно, я сначала получил письмо от Тербовена, затем я написал письмо фельдмаршалу Кейтелю и сообщил ему, что я намерева[illegible] доложить об этом письме Тербовена фюреру и просил его высказаться по этому вопросу. В ответ на это была получена телеграмма Кейтеля. Затем я доложил об этом фюреру. После этого цифры, которые первоначально предложил Тербовен, были значительно снижены. Фюрер стоял на той точке зрения, что должны быть схвачены в первую очередь преступники, а уже после этого, если это будет необходимо, должны быть взяты заложники. О расстреле вообще не было речи.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Свидетель, вы прекрасно знаете, что по всей территории, где господствовали нацисты, брали заложников, убивали отцов и матерей за выступления их сыновей против нацистского режима. Вы будете утверждать, что Вам об этом не было известно?

ЛАММЕРС. Нет, я об этом не знал, так как я не имел функций по надзору за оккупированными областями и сам там не был.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но вы оттуда регулярно получали отчеты и вы были связующим звеном между министрами оккупированных территорий и Гитлером? Минуточку - Вы были звеном, теперь, пожалуйста, выслушайте мой вопрос: Вы были звеном между министрами оккупированных территорий, не правда ли?

ЛАМЕРС. Не во всех случаях. В большинстве случаев документы шли через Бормана и в особенности от Тербовена. Мои чиновники из имперской канцелярии могут дать свидетельские показания о том, что Тербовен действовал очень часто через мою голову и посылал сообщения через Бормана.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но вы работали рука об руку с Борманом, не правда ли?

ЛАМЕРС. Да, я ведь должен был работать вместе с ним.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы должны были работать с ним? Ведь вы были начальником Имперской Канцелярии?

ЛАМЕРС. Я должен был для моих докладов фюреру обращаться к Борману. Нужно было тесно сотрудничать с ним для того, чтобы иметь согласие партии по большому количеству вопросов, в тех случаях, когда необходимо было иметь согласие партии, и поэтому я должен был тесно сотрудничать с Борманом.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вам не было неприятно работать с Борманом?

ЛАМЕРС. Мне это не было неприятно, это было моим долгом - сотрудничество с ним.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Видите ли, я утверждаю, что власть, которой пользовались вы и Борман, - была очень велика.

H1197-0245

H1197-0246

ЛАМЕРС. Да, но эта власть была очень односторонней, так как Борман имел ежедневно доступ к фюреру, а я лишь один раз в полтора-два месяца. Господин Борман сообщал мне решения фюрера. Он сам лично докладывал ему, а я не имел такого права.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы до самого конца пытались продолжать сотрудничать с Борманом? Не правда ли?

ЛАМЕРС. Я должен был сотрудничать с Борманом. Это было единственным средством вообще для того, чтобы сообщать о некоторых вопросах фюреру. В последние 8 месяцев правления Гитлера я вообще не имел права докладывать фюреру и то, что я мог достичь, я мог достичь только через Бормана.

ГОСПОДИН ЭЛЬВИН ДЖОНС. Помните, вы писали Борману еще 1 января 1945 г. письмо - документ Л-753?

ЛАМЕРС. Да, я помню это письмо. Это письмо содержит,- если я его сейчас и не буду просматривать, то я могу сказать по памяти,- оно содержит мою жалобу на то, что я вообще не имею более доступа к фюреру и что это дальше не может так продолжаться.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. И вы говорите в этом письме в предпоследнем абзаце: "Наше единодушное сотрудничество в течение долгого времени раздражало многих людей, которые хотели бы восстановить нас друг против друга". Это предпоследний абзац вашего письма, в самом его конце.

ЛАМЕРС. Где это написано?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Это в предпоследнем абзаце вашего письма, в самом конце, третья фраза от конца.

ЛАМЕРС. Предпоследнее предложение?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Предыдущее предложение.

ЛАМЕРС. Вы имеете в виду этот абзац: "В заключение хочу сказать"?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Фраза до этого - "Наше единодушное сотрудничество до сего времени..."

ЛАМЕРС. Да, но я хотел бы еще добавить, что в заключение я снова выразил пожелание установить хорошие личные взаимоотношения и повторяю, что это новогоднее письмо - письмо, которое было послано в связи с Новым годом. Когда я кого-нибудь поздравляю с новым годом, я не могу не написать, что я находился в прошедшем году в плохих отношениях, и поэтому я писал, что дело обстояло очень хорошо для того, чтобы поддерживать нормальные отношения.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Не хотите ли вы переложить ответственность на Бормана в этом вопросе? Ведь это вы были связующим звеном между оккупированными территориями и Гитлером?

ЛАМЕРС. Да, но я был им не всегда, а только в отдельных вопросах второстепенного характера. Рейхскомиссары подчинялись непосредственно фюреру.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я хочу вам задать сейчас некоторые вопросы не о терроре, который происходил на территориях, захваченных Германией, а о терроре в самой Германии.

Вы показали по делу подсудимого Фрика, что, как министр внутренних дел, он был, собственно говоря, человеком без власти, марионеткой? Это приблизительно то, что вы заявили в своих показаниях. Не правда ли?

ЛАМЕРС. Я сказал, что он не имел никакого влияния на полицию.

H1197-0247

H1197-0248

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Разве вы не знали, что жалобы по поводу арестов в концентрационных лагерях направлялись Фрику?

ЛАМЕРС. Да. Во многих случаях, такие жалобы переадресовывались Фрику.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы знали, пользовался ли он своими полномочиями с какими-либо существенными результатами для жертв, которые находились в этих лагерях? Вы не слышали мой вопрос?

ЛАМЕРС. Я могу понять только половину. Все время я слышу несколько голосов и не могу понять всего. Может быть, лучше я сниму наушники? Все время я слышу несколько голосов.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Нет, не снимайте наушников, попытайтесь снова. Оденьте наушники. Оденьте наушники и терпеливо пытайтесь слушать.

Разве не соответствует действительности то, что Фрик был лицом, к которому направлялись жалобы и петиции относительно освобождения из концлагерей?

ЛАМЕРС. Такие петиции, само собой разумеется, поступали к Фрику. Они в очень большом количестве, однако, поступали и ко мне и я рассматривал эти петиции, как просьбы к фюреру. Они очень тщательно рассматривались и я в большом количестве случаев добивался освобождения людей таким путем.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но что Фрик делал, имея полномочия в этой области?

ЛАМЕРС. Фрик часто передавал такие жалобы мне с целью доклада о них фюреру. Что он в отдельных случаях делал с другими жалобами, - я сказать не могу.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Попрошу вас послушать аффидевит доктора Сиднея Менделя, доктора юридических наук. Это - документ 3601-ПС. Он пишет, что является доктором юридических наук, что до конца 1938 г. он был адвокатом в Берлине и имел право выступать на судах в Германии. Сейчас он проживает по адресу: Эльмхрст Авеню 88520, Эльмхрст, Штат Нью-Йорк. В качестве адвоката он занимался многими делами, связанными с концлагерями в период с 1933 по 1938 год. Он точно помнит, что в годи 1934-1935 он в нескольких случаях обращался в министерство внутренних дел к Фрику, возглавлявшему ведомство, стоявшее выше гестапо по делу освобождения заключенних из концентрационних лагерей. Министерство внутренних дел, возглавляемое Фриком, осуществляло специальний контроль над концентрационними лагерями.

Свидетель далее заявляет, что он информировал министерство относительно незаконних арестов, избиений, питок и плохого обращения с заключенними, но министерство отказивало в ходатайствах об освобождении из лагерей и поддерживало решение Гестапо. Такова была позиция Фрика по этим вопросам, не так ли?

ЛАМЕРС. Да, но я не знаю, что Фрик делал с поступавшими жалобами. Об этом вам следует спросить самого Фрика.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но ведь вн дали показания по его делу, по делу Фрика. Если вн теперь говорите, что вн ничего не знаете о Фрике, тогда я не буду беспокоить вас больше относительно подсудимого Фрика, но, как вам известно, вн дали показания по его делу?

H1197-0249

H1197-0250

ЛАМЕРС. Я мог только наметить общую линию относительно его отношений с полицией. Я же не могу в деталях знать, что Фрик сделал с этими жалобами.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы сказали, что в протекторате Богемии и Моравии Фрик снова был человеком без власти. Вы дали такие показания, не правда ли?

ЛАМЕРС. Я показал, что он являлся скорее декоративной личностью, однако, это не исключает того, что он получал целый ряд заявлений и петиций, но как он считал нужным поступать с ними,-этого я не знаю.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы говорите, что он был декоративной личностью. Это вопрос вкуса. Во всяком случае одна из его функций заключалась в том, что он должен был решать, будет ли на его территории приведен смертный приговор в исполнение или нет. Это немаловажный вопрос для человека, управлявшего протекторатом Богемии и Моравии.

ЛАМЕРС. Пожалуйста, я возьму обратно свое слово "декоративная личность". Я имел в виду, более декоративная, чем деятельная, как, например, глава правительства, который имеет полномочия лишь в известных вопросах, таким был и Фрик. Он был главным представителем Германии и в его функции входило, конечно, решение вопроса о приговорах; этого я не оспариваю. Этот вопрос был, конечно, одним из наиболее важных.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы прекрасно знаете, свидетель, что Фрик имел право отменять смертные приговоры, которые выносились на территории Богемии и Моравии. Не правда ли?

ЛАМЕРС. Да, конечно. Это было в его власти. В этом не может быть сомнения.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я утверждаю, что Фрик не только не был снисходительным или умеренным, а, наоборот, принимал самые безжалостные меры против жертв нацистского режима в этой части Европы.

ЛАМЕРС. Право на помилование принадлежало Фрику, он имел на это полномочия в соответствии со своей должностью, но как он этим правом пользовался, согласно каким внутренним принципам, - этого я не знаю.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы были связаны с Фриком и министерством юстиции при составлении уголовных законов против поляков и евреев на оккупированных восточных территориях. Не так ли?

ЛАМЕРС. Однажды в министерстве юстиции рассматривался об этом вопрос, и министр юстиции вел со мной переписку по этому вопросу. Однако никакого решения не было принято, по моему мнению.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы не принимали никакого участия в составлении этих законов. Да?

ЛАМЕРС. Нет. Я их не знаю. Мне кажется, что вообще не было издано никакого особого закона. Насколько я помню, + законодательство было предоставлено гаулейтерам. Я не знаю.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Значит законы составлялись гаулейтерами Кохами, Франками и Розенбергами, - так ли это было?

ЛАМЕРС. Нет, здесь речь идет о провинциях Западная Пруссия и Познань. По этому вопросу велась переписка.

H1197-0251

H1197-0252

Г-н ЭЛЬВИН ЛЮПС. Теперь я хочу, чтобы вы ответили на некоторые вопросы относительно подсудимого Заукеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не сделать ли нам сейчас перерыв на 10 минут?

Г-н ЭЛЬВИН ЛЮПС. Если вам будет угодно, ваша честь.

(Об"является перерыв на 10 минут).

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Ламеро, вы слышите то, что я говорю вам?

ЛАМЕРО. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не будете ли вы любезны отвечать на вопросы; ждите, пока весь вопрос будет задан, а потом отвечайте, иначе переводчикам и стенографистам очень трудно переводить и записывать то, что вы говорите.

Г-н ЭЛЬВИН ЛЮПС. Я хочу, чтобы вы рассказали нам о ваших отношениях с Зейсс-Инквартом. Вы получали от него сообщения по поводу его администрирования в Нидерландах? Да или нет?

ЛАМЕРО. Положение было таково: каждый квартал поступал один общий отчет, который передавался затем фюреру. Имели место также отдельные отчеты.

Г-н ЭЛЬВИН ЛЮПС. Как вам известно, в Нидерландах так же, как и в других странах, цель германского управления заключалась в том, чтобы эксплоатировать и использовать эти территории для Германии настолько, насколько это ~~возможно~~? возможно?

ЛАМЕРО. Основной целью было сделать оккупированные территории полезными для военных целей. Но о приказах об эксплоатации этих областей мне ничего неизвестно.

H1197-0253

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Понизить жизненный уровень населения, довести его до состояния истощения - таков был один из результатов жестокости в Нидерландах. Вы знали об этом, не правда ли?

ЛАМЕРС. Нет. Я не думаю, что дело зашло так далеко, так как я сам имел связь с Голландией, у меня были родные в Голландии, и знаю, что они в Голландии жили много лучше, чем мы в Германии.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я хочу, чтобы вы посмотрели на документ 997-ПС, который уже был представлен французским обвинением за номером РФ-122. Этот документ представляет собой письмо, которое вы послали подсудимому Розенберту и к которому вы приложили доклад, переданный вам штабслейтером Шикедантцем для передачи фюреру, а также отчет имперского уполномоченного д-ра Зейсс-Инкварта за период с 29 мая до 19 июля 1940 года. Взгляните на 9 страницу немецкого текста, что соответствует 5-й странице английского текста документа 997-ПС. Там говорится о германской экономической политике в Нидерландах. Вы видите, что этот абзац отмечен на вашей копии; это сделано для того, чтобы вам легче было найти эту выдержку. Эта выдержка гласит: "Необходимо уменьшить потребление населением..."

ЛАМЕРС. Само собой разумеется, что в военное время потребление населением должно быть уменьшено. Здесь не идет речь о получении запасов для Германии.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Одну минуту. Я прочту вам выдержку: "Было ясно, что с оккупацией Нидерландов должны были быть приняты многочисленные экономические, а также полицейские меры. Одна из этих мер заключалась в сокращении потребления

H1197-0253

H1197-0254

населения с тем, чтобы, во-первых, получить большее количество продовольствия для Германии и, во-вторых, обеспечить единообразное распределение оставшихся запасов". Это очень краткая формулировка экономической политики, проводимой Зейсс-Инквартом в Нидерландах, не правда ли?

ЛАМЕРС. Да, и это, конечно, вполне разумная политика. Нужно было уменьшить запасы, чтобы равномерно распределить их и чтобы выделить что-нибудь для Империи. Кроме того, это не мой доклад, а доклад Шикеданца, и я не знаю, верен ли он.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но цель этого сокращения потребления населением заключалась в том, чтобы обеспечить выгоду для Германии путем ограбления территории Нидерландов, и такова была политика, не правда ли?

ЛАМЕРС. Здесь это совсем не написано. Здесь стоит, во-первых, что для империи должны быть созданы запасы и, во-вторых, что, с другой стороны, должно быть достигнуто равномерное распределение различных запасов между голландцами. О политике эксплоатации здесь не написано ни слова.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Документ у Трибунала и члены Трибунала читают на языке, на котором он написан.

Теперь обратимся к вопросу о подсудимом Заукеле. Вы, свидетель, очень хорошо знали об огромной программе порабощения народов, захваченных нацистами территорий и вы знали, что эту программу должен был проводить в жизнь Заукель? Не правда ли?

ЛАМЕРС. Программа Заукеля была у меня в руках и также его рабочие распоряжения по этому вопросу. У меня не было такого впечатления, что это - программа порабощения.

H1197-0255

Наоборот, Заукель в своих воззрениях всегда был сдержан и умерен, он в первую очередь всегда стремился к тому, чтобы проводить добровольную вместо вербовку контингентов рабочей силы за границей, которые были необходимы.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы хотите сказать, что, по вашему мнению, миллионы иностранных рабочих, которых Заукель насильно привез в Германию, прибыли туда добровольно?

ЛАМЕРС. Они не все добровольно приехали, например, из Франции они прибыли на основании закона о трудовой повинности, изданного французским правительством; это было не добровольно, но на основании распоряжения французского правительства.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я хочу, чтобы вы взглянули на один из первых докладов, который вы получили от Заукеля по поводу его политики в отношении использования рабочей силы. Этот документ 1296-ПС представляется под номером ЕВ-325. Там имеется письмо Заукеля вам от 29 июля 1942 года: "Дорогой имперский министр, посылаю вам копию доклада фюреру и рейхсмаршалу великой германской империи для вашего сведения. Хайль Гитлер! Искренне ваш - Фриц Заукель".

ЛАМЕРС. Да, этот доклад был получен мной.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. И, по-моему, вы ознакомились с этим докладом. Не так ли?

H1197-0255

H1197-0256

ЛАММЕРС. Сейчас - нет. Я получил его для сведения.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. В то время вы прочли этот доклад?

ЛАММЕРС. Да, я полагаю, что я читал, т.е. бегло просмотрел его, так как он не представлял для меня значительного интереса.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Как вы увидите, на первой странице доклада говорится, например, что за период с апреля по июль 1942 года, т.е. в течение первого периода деятельности Заукеля в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, он получил 1.639.794 иностранных рабочих, из которых 221.009 являлись советскими военнопленными. Вы это видели? Не правда ли?

ЛАММЕРС. Наверное, я читал это. Я не имел никакого повода протестовать против этого, ведь Заукель не подчинялся мне. Заукель подчинялся уполномоченному по 4-х летнему плану, как это показывает заголовок, а практически он подчинялся непосредственно фюреру. Он всегда непосредственно посылал фюреру доклады, и этот доклад лишь потому не был передан мною фюреру, что я знал, что такой же доклад был передан фюреру Борманом. Иначе я передал бы этот доклад фюреру. А в остальном я не имел никакого отношения к этому делу.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но вы прекрасно знали, не правда ли, что заставлять захваченных в бою солдат работать против интересов их родины, было безнравственно и неправильно?

ЛАММЕРС. Это должен был согласовать Заукель с теми инстанциями, с которыми он имел дело. Я не ломал себе голову над этим вопросом. Это был вопрос, который Заукель

должен был обсудить с компетентными в этом инстанциями, органами армии, а с точки зрения международного права - с министерством иностранных дел. Я не вижу, между прочим, здесь зачитанного вами текста о военнопленных.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я не хочу сказать, что вы...

ЛАММЕРС. Я еще не читал об этом - о военнопленных.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Посмотрите на первую страницу. В этом нет никакого секрета. Вы ведь свободно читаете по-немецки.

ЛАММЕРС. Да, но я не могу прочесть длинный доклад за одну минуту.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Взгляните только на первую страницу доклада.

ЛАММЕРС. Да, теперь я вижу.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. И вы знали это еще в начале допроса... Подождите минуту. Подождите, пока я не закончу, и не прерывайте меня, иначе переводческий аппарат затрудняется дать точный перевод.

Вы видите из этого доклада совершенно ясно, что в течение первых четырех месяцев карьеры Заукеля, как рабовладельца, он получил 221.009 советских военнопленных для использования их на рабской работе.

ЛАММЕРС. Но меня лично детали не интересовали. Я не имел права надзора над г-ном Заукелем. Доклад был получен в том виде, как он его составил. Имел ли он право это делать, - за это он нес ответственность перед другими инстанциями. Я не занимался проверкой этого дела вообще, так

H1197-0257

H1197-0258

как я получил этот доклад лишь для сведения.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы дали защите показание, что Заукель выступил против предложения о том, что СС должна принимать участие в области использования рабочей силы. Разве вы не так сказали?

ЛАММЕРС. Нет, я этого не говорил. Я сказал, что он не желал иметь исключительно СС, а лишь для поддержки, которую должна была иметь исполнительная власть. То, что в партизанских районах должно было быть большинство СС и полиции, - это ясно.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Все очень просто, вы знали, что Заукель требовал большей помощи от СС с тем, чтобы получить большее количество рабочей силы? Он к этому стремился? Да?

ЛАММЕРС. Да, иначе в этих областях он вообще не мог бы работать, если бы они не были усмирены.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Взгляните на документ 1292-ПС, который представляется в качестве доказательства за № США-225 и РФ-68. Это-отчет совещания от 4 января 1944 г. о распределении рабочей силы в 1944 году. Вы сами писали протокол на этом совещании, так что если верить вашим словам, то надо верить этому отчету. Как вы видите, - на этом совещании присутствовали Гитлер, Заукель, Шпеер, Кейтель, Мильх, Гиммлер.

ЛАММЕРС. На этом совещании была утверждена новая рабочая программа на 1944 год. Я получил задание довести ее до сведения соответствующих инстанций. Вообще в этом совещании я принимал участие лишь потому, что речь шла о мероприятии, о котором я должен был сообщить ряду инстанций. Иначе я

бы вообще не принимал участия в этом совещании.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. И на этом совещании Гитлер заявил, что Заукель должен получить еще, по крайней мере, 4 миллиона рабочих в свой фонд рабочей силы, не правда ли?

ЛАММЕРС. Возможно; фюрер требовал от Заукеля большего, чем тот мог сделать.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. И Заукель сказал, что вопрос о том, сможет ли он это сделать, будет зависеть, главным образом, от того, какие принудительные силы он сможет получить, что он не может выполнить эту программу при помощи местных средств принуждения. И дальше в отчете говорится: "Рейхсфюрер СС об"яснил, что агенты, находившиеся в его распоряжении, весьма малочисленны, но что он, т.е. Гиммлер, попытается помочь Заукелю путем увеличения числа этих агентов и путем уплотнения их работы. Рейхсфюрер СС немедленно предоставил 2,5 тысячи человек из концлагерей для подготовки в Вене!" Таким образом, из этого отчета ясно, не правда ли, что Заукель добивался помощи от СС, и что Гиммлер обещал сделать все возможное, чтобы помочь ему. Так это или нет?

ЛАММЕРС. В этом нет сомнения. Но Заукель хотел иметь помощь не исключительно со стороны СС, он хотел получить ту помощь в этих странах, которая была необходима от соответствующих инстанций, например, как я уже говорил, от полевых комендатур.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Последний документ, который я вам хочу показать по делу Заукеля, - это 3819-ПС, который

H1197-0259

H1197-0260

представлен за № ВБ-306, небольшая часть которого была оглашена сэром Дэвидом Максуэлл Файф. Это - доклад Заукеля Гитлеру от 17 марта 1944 года. Вы,вероятно,видели копию этого доклада. Не правда ли?

ЛАММЕРС. Мне он неизвестен.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Взгляните на него...

/Пред"являют документ Ламмерсу./

...потому что это бросает свет на позицию Заукеля в отношении помощи со стороны СС и германской полиции.

ЛАММЕРС. Да, от 11 июля 1944 года. Я получил доклад от 11 июля 1944 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Эльвин Джонс, он говорит, что у него в руках документ от 11 июля 1944 года. Вы же ссылались на документ от 17 марта. Не так ли?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Да. У вас в руках протокол совещания, но разве к нему не приложен доклад Заукеля от 17 марта?

ЛАММЕРС. Это доклад, полученный 5 апреля 1944 года.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я не буду касаться этой части документа, милорд. Сейчас я хочу, чтобы вы обратили с-вое внимание на документ от 12 июля: Вы помните, что протокол совещания от 12 июля 1944 года, который вы открыли это совещание, свидетель. Не так ли?

ЛАММЕРС. Да я был всегда нейтральной стороной. Если имелись разногласия, то меня приглашали в качестве маклера.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. В каком отношении вы были нейтральны, свидетель?

ЛАММЕРС. У меня не было никаких служебных интересов. Другие инстанции имели свои интересы.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы были нечестным посредником между Заукелем и Гиммлером? Не правда ли?

ЛАММЕРС. Я всегда пытался добиться соглашения между различными людьми, к ним относились также Заукель и Гиммлер, если у них были споры, и мне не приходится стесняться того, что в этих случаях я был честным посредником. Я хотел добиться соглашения между ними обеими, так, чтобы этим делом не надо было заниматься фюреру.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Взгляните на заявление, которым вы открыли это совещание. Вы сказали - это вторая фраза под вашим именем: "Он ограничил тему обсуждения анализом всех существующих возможностей для преодоления теперешнего недостатка в иностранных рабочих". Затем, в следующем вопросе, вы говорите: "Прежде всего нужно решить вопрос о том, какие принудительные средства следует использовать, которыми можно заставить людей соглашаться на работу в Германию". Как вы видите, основным словом здесь является "принудительные средства".

ЛАММЕРС. Здесь, очевидно, подразумевается женский труд и снижение возрастной границы молодежи.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Теперь посмотрите на следующую фразу вашего заявления: "В этой связи нужно рассмотреть вопрос о том, как могут быть укреплены исполнительные власти, + относительно недостатка, о которых уполномоченные по вопросам использования рабочей силы так сильно жалуются, - с одной стороны, при помощи влияния на иностранные государства, а, с другой стороны, - при помощи расширения наших исполнительных властей и большего использования вооруженных сил, сил

H1197-0261

H1197-0262

полиции или других германских ведомств." Этими словами, как Вам известно, Вы открыли конференцию.

ЛАММЕРС. Да, это верно, это были проблемы, которые надо было обсудить.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Цель совещания заключалась в том, чтобы получить больше количества принудительной рабочей силы, а также определить методы полицейского террора и методы нажима со стороны Риббентропа для достижения ожидаемых результатов. Не так-ли?

ЛАММЕРС. Нет, это не так. Речь шла не о том, как терроризировать людей, а о том, как проводить распоряжения властей с помощью предназначенной для этого исполнительной власти. Нельзя в этом видеть террористические меры , если говорят о том, что должно произойти.

Во Франции завербованные Заукелем рабочие на основании французского закона о трудовой повинности были привезены на вокзал для отправки французскими властями. Все было в порядке...

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Отвечайте пожалуйста только на мои вопросы. Вы пытаетесь затронуть совершенно другой вопрос.

ЛАММЕРС. Я не предлагал террористических мер . Любая государственная власть должна находиться в связи с принуждением И, если говорить о принуждении, то это еще далеко не террор и не преступление.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я обращаю Ваше внимание на выступление генерала Вермонте на этом совещании. Он сказал, что войска, которые используются для борьбы против партизан, должны кроме того выполнять задачу получения рабочей силы в районах, где действуют партизаны. Все лица, которые не смогут дать утвердительного об"яснения своего присутствия в "этих районах, должны быть захвачены силой".

И затем на 10-й странице английского текста Вы говорите: "На запрос имперского министра относительно того, можно-ли будет при отступлении войск взять с собой население для работы, полковник Рес, генеральный уполномоченный Италии, заявил, что уже дал указание о том, чтобы население, находящееся на расстоянии 20 километров от фронта, должно быть захвачено".

Основное внимание на этом совещании было уделено вопросу об использовании силы и сотрудничеству различных государственных ведомств для получения необходимого количества принудительной рабочей силы для Германии?

ЛАМЕРС. Да, известное давление надо было оказать. В этом нет никакого сомнения.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Милорд, у меня еще есть два вопроса, которые я считаю своим долгом задать свидетелю.

На вопрос об убийстве еврейского народа при допросе до перерыва Вы сказали, что Вы сами спасли 200 тысяч евреев. Вы помните, что Вы об этом говорили Трибуналу?

ЛАМЕРС. Да.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. То-есть Вы спасли их от уничтожения? Правильно?

ЛАМЕРС. Нет, я спас их лишь от эвакуации, а не от чего-либо другого, и потом, т.е. теперь лишь, мне стало ясно, что на самом деле я спас их от смерти. Они ...

H1197-0263

H1197-0264

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы помните, Вы дали показания Трибуналу о совещании, имевшем место в начале 1942г. с Главным управлением имперской безопасности, которое предложило Вам послать представителя на совещание для обсуждения еврейской проблемы. Помните, Вы говорили об этом Трибуналу?

ЛАМЕРС. Да, тогда этот вопрос обсуждался. Это было совещание референтов.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Это было "знаменитое" совещание, на котором председательствовал Айхман, помните?

ЛАМЕРС. Этого я не помню, так как я сам не присутствовал на нем, а лишь послал туда своего чиновника.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Приглашение на это совещание было послано Кальтенбруннером? Не правда ли?

ЛАМЕРС. Приглашение было послано Главным имперским управлением безопасности.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. А не Кальтенбруннером лично?

ЛАМЕРС. Этого я не знаю.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы посылали представителя на это совещание. Не правда ли?

ЛАМЕРС. Да, мой представитель получил указание пойти туда, но не выступать там, а лишь слушать и не высказываться, так как я хотел доложить об этом фюреру.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Получал ли ваш представитель от вас указание не высказывать на этом совещании никакой точки зрения? Это-то, что вы сказали Трибуналу?

ЛАМЕРС. Да, он получил категорический приказ и мой секретарь, инструктировавший его, может подтвердить это, - не высказываться. Во всяком случае он так или иначе не мог этого сделать, так как решения не было принято. Но он должен был не делать также и личных высказываний, так как я хотел

говорить по этому вопросу, который назывался тогда "вопрос об окончательном решении еврейского вопроса", с фюрером. Поэтому я сознательно дал тогда указание не высказывать своей точки зрения.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы послали Готтфрида Боле в качестве своего представителя на это совещание. Не так ли?

ЛАМЕРС. Я его не посылал, послал его мой секретарь, он не был на это уполномочен, но случайно ...

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Отвечайте коротко на мои вопросы, понятно? Готтфрид Боле представил вам отчет. Не так ли?

ЛАМЕРС. Я получил краткую записку. Устно он мне не докладывал.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Указывалось ли в этом отчете о том, что Айхман разрабатывает план уничтожения евреев?

ЛАМЕРС. Нет, об этом ничего там не говорилось, об этом ведь нам ничего не было известно. Я по крайней мере не могу вспомнить, чтобы там стояло что-нибудь такое, что бы побудило меня каким-либо образом вмешаться.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вчера вы сказали Трибуналу, что в имперский бюджет не были включены концентрационные лагери? Вы еще помните?

ЛАМЕРС. Что не было включено?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Что концентрационные лагери не были включены в бюджет.

ЛАМЕРС. Я ничего не нашел об этом и ничего не читал об этом. Мне ничего неизвестно.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вчера Вы показали перед Трибуналом, что в бюджете не упоминалось о концентрационных лагерях.

ЛАМЕРС. Я ничего не нашел об этом, ничего об этом не читал. Мне ничего неизвестно. Я вообще мало интересовался такими вещами.

H1197-0265

H1197-0266

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Итак, теперь Вы заявляете, что Вы не знаете, упоминались ли концентрационные лагери в бюджете или нет?

ЛАМЕРС. Я не могу этого подтвердить, я не могу вспомнить, чтобы в бюджете говорилось что-либо о концентрационных лагерях.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы удивлены, когда узнаете, что бюджет 1939 года СС и концентрационных лагерей в бюджете Министерства внутренних дел равнялся сумме в 104 миллиона марок, причем еще 21 миллион марок выделялся на расходы для этих целей. Вы знали об этом?

ЛАМЕРС. Я ведь не изучал все статьи бюджете министерстве внутренних дел. /В зале смех/. Я вообще не читал бюджетов, я интересовался лишь своим бюджетом в имперской канцелярии. Чужих бюджетов я не читал, да и не имел причин к этому.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Знали вы, что в нацистской Германии было свыше 300 концентрационных лагерей ?

ЛАМЕРС. Нет, об этом мне неизвестно.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. О каком количестве концлагерей было известно вам, как начальнику имперской канцелярии?

ЛАМЕРС. Я хорошо знал лишь о немногих.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. О немногих?

ЛАМЕРС. Самое большее о трех.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы дали присягу.

ЛАМЕРС. Но я знал, что существуют и другие.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы под присягой это утверждаете, перед лицом Трибунала, что вы, находясь в самой сердцевине нацистской Германии, не знали, что существует более чем три концентрационных лагеря?

ЛАМЕРС. Да, я утверждаю это. Я не стоял в центре нацистского режима, я был высшим чиновником администрации, который руководил административной работой для фюрера. Я не заботился о концлагерях, я знал лишь о двух-трех лагерях и мне было ясно, что должны были существовать и некоторые другие. Больше я ничего под присягой сказать не могу.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я утверждаю, что вы прекрасно знали о существовании этого режима террора и продолжали служить ему до конца. Не так ли?

ЛАМЕРС. Какой режим террора? Система концлагерей существовала, я знал об этом так же, как об этом знал каждый человек.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Но вас мучила совесть?

ЛАМЕРС. Что существовали концлагери? Я сделал фюреру предложение о концлагерях. Он уже в 1934 году отстранил меня от ведения этих дел после того, как я внес предложение о концлагерях. Он передал дела Гиммлеру и я должен был все жалобы из концлагерей тоже передать ему. Я не имел никакого отношения к концлагерям, исключая то, что ко мне поступали жалобы, которые я рассматривал, как жалобы, направленные фюреру, которые я, если было возможно, расследовал, и оказывал посильную помощь.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы, конечно, были обергруппенфюрером СС. Может быть, вы не узнавали террора, когда вы слышали о нем или видели его?

ЛАМЕРС. Я имел почетный ранг обергруппенфюрера СС, такой же как и у Рейсс-Инкварта. Я не служил в СС, у меня не было ни командных функций, ни служебной власти, ничего.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. И вы, и ваши коллеги получали большие

H1197-0267

H1197-0268

выгоды от этого режима. Не так ли? Вы, как контролер фондов имперской канцелярии, возможно, сможете оказать нам помощь в этом вопросе.

ЛАМЕРС. Что я имел? Огромные...?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Фонды, деньги, рейхсмарки.

ЛАМЕРС. Да, конечно, я имел доходы.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. И вы отвечали за их распределение.

ЛАМЕРС. Но не как фюрер СС.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Являясь начальником имперской канцелярии, вы занимались распределением крупнейших доходов нацистов между собой. Не правда ли?

ЛАМЕРС. Я распределял деньги фюрера и по указаниям фюрера выплачивал требуемые суммы из этих фондов, но я не мог раздавать деньги так, как мне это нравилось.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Вы в качестве начальника канцелярии передали 1 миллион марок доктору Лею. Не так ли?

ЛАМЕРС. Да, это была дотация, которую фюрер распорядился выплатить доктору Лею. Это не было моим распоряжением.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. И Риббентроп тоже получил миллион, так или нет?

ЛАМЕРС. Да, он получил миллион в два срока - полмиллиона и затем еще полмиллиона.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. И Кейтель тоже стал миллионером, он получил миллион, не так ли?

ЛАМЕРС. Да, он получил дотацию и имение, так как фюрер восстановил дотации, существовавшие при старых прусских королях.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. А вы сами получили 600 тысяч марок? Не правда ли?

ЛАМЕРС. В день, когда мне исполнилось 65 лет, я получил 600 тысяч марок. Обоснованием для получения этой суммы было то,

что в прошлом на всех занимаемых мною постах я никогда ничего не получал, потому что сам я никогда не просил этого, а также вследствие того, что я два раза был разбомблен и,таким образом, у меня не было никакой личной собственности, собственного дома,-я ничего не имел; фюрер пожелал, чтобы я построил себе небольшой домик.

Г-н АЛЬВИН ДЖОНС. У меня больше нет вопросов. Если разрешите, я хотел бы назвать номера документов. № 2852 представляется под номером ВБ-220; 2220-ПС идет за № США-175; 686-ПС, представляется за номером США-205; 855-ПС представляется за № США-142; 1082-ПС представляется за № ВБ-221; 871-ПС представляется за № ВБ-222; Д-752-а представляется за № ВБ-223; 2601-ПС представляется за № ВБ-224; 997-ПС представляется за № РФ-122; 1295-ПС идет за № ВБ-225; 1282-ПС идет за № США-225; РФ-628; 2819-ПС как ВБ-206.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Альвин Джонс, Вы представили этот бюджет, который Вы оглашали, как документ?

8448

H1197-0269

H1197-0270

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Это на странице 1394, бюджет 1939 года. Он представляется под № ВБ-236.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодаря Вас.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Милорд, Обвинение представит Трибуналу выдержку из этого большого тома.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.
(К микрофону подходит полковник Покровский.)
Полковник Покровский, Трибунал думал, что будет только один перекрестный допрос свидетелей, не являющихся подсудимыми. Советская делегация хотела допросить свидетеля Ламерса.

ПОКРОВСКИЙ. Предполагали разбить вопросы свидетелю Ламерсу на две группы. Часть этих вопросов должна была задать британская делегация, а часть советская делегация.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Милорд ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Об этом уже упоминали?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Это исключение, милорд, и по этому поводу имелась договоренность до того, как был предложен новый порядок перекрестного допроса. Мы договорились с моим коллегой полковником Покровским разделить допрос на 2 части. Полковник Покровский указал, что задаст всего несколько вопросов, и между нами имелась договоренность по этому поводу.

8449

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

ПОКРОВСКИЙ. 6 ноября 1945 года Вы были допрошены представителем советского обвинения. Вы помните этот допрос?

ЛАМЕРС. Да, я вспоминаю допрос представителем советского обвинения.

ПОКРОВСКИЙ. Вы сказали, что Гитлер ...

ЛАМЕРС. Да, я показал ...

ПОКРОВСКИЙ. Вы же не знаете, о чем я буду говорить. Не спешите. Вы показали, что Гитлер поручил Вам оказать помощь Розенбергу. Вы помните это? Не правда ли?

ЛАМЕРС. Да, Розенберг должен был взять на себя политическую работу по восточным вопросам.

ПОКРОВСКИЙ. В чем выразилась Ваша помощь Розенбергу?

ЛАМЕРС. Сперва лишь в том, что я встречался с ним и он рассказывал мне о планах, которые он якобы имел относительно администрации, которая должна быть создана. Фюрер поручил ему заняться также вопросом администрации в оккупированных районах, в случае военных осложнений с Россией. Для этого г-н Розенберг ....

ПОКРОВСКИЙ. Подождите, свидетель, я Вас не спрашивал, что поручил фюрер Розенбергу. Я задал вопрос Вам - что Вам поручил или уполномочил Вас делать фюрер? Какую конкретно форму приняла Ваша помощь Розенбергу?

ЛАМЕРС. /начинает говорить/....

H1197-0271

H1197-0272

ПОКРОВСКИЙ. Подождите минуту. Вы принимали участие в развитии.. Подождите минуту, пожалуйста, выслушайте мой вопрос - Вы принимали участие в разработке плана административной организации в восточных областях? Вы поняли меня?

ЛАМЕРС. В разработке положения об организации администрации я участия не принимал.

ПОКРОВСКИЙ. Я хочу, чтобы Вы посмотрели документ, имеющий № 1056-ПС. Вы теперь вспоминаете этот документ?

/Вручает документ свидетелю/.

ЛАМЕРС. Сперва я должен посмотреть его.

ПОКРОВСКИЙ. Да, для этого вам его и передали.

ЛАМЕРС. Мне кажется, что этот документ мне неизвестен, и я не думаю, чтобы он был составлен мной. Это, очевидно, план, который составил господин Розенберг.

ПОКРОВСКИЙ. Другими словами, Вы утверждаете, что Вам ничего неизвестно об этом документе?

ЛАМЕРС. Возможно, что г-н Розенберг когда-нибудь и передавал мне такие разработки, но теперь я не могу установить, имелся ли этот документ в 30 страниц когда-нибудь у меня на руках или нет. Этого я не знаю.

ПОКРОВСКИЙ. Вчера вы давали суду очень пространные показания по вопросу об организационных планах Управления восточных областей. Как же вы могли давать правдивые показания, если вы совершенно ничего не знали об этом основном документе. Ведь именно этим документом определялась и устанавливалась структура управления в местностях, подчиненных Розенбергу. Вы поняли меня?

ЛАМЕРС. Я не могу судить, что написано в этом документе. Я ничего не могу сказать сразу о документе в 30 страниц. Я прошу оставить его у меня, чтобы я мог полностью прочесть этот документ. Я не думал, чтобы этот документ был у меня ранее в руках. Администрацией на Востоке ведал господин Розенберг, я сотрудничал с ним лишь в разработке принципиальных директив, которыми Розенбергу передавались полномочия на действия на Востоке. Подробности меня вовсе не интересовали.

ПОКРОВСКИЙ. Если у вас такое ослабление памяти в отношении этого документа, то потрудитесь посмотреть на другой документ. В нем не будет и 30-ти страниц. Он касается вопроса советских военнопленных. Это - документ СССР-361. В этом документе отмечено одно место, в котором говорится, что к советским военнопленным надо относиться не согласно общеустановленным правилам, что они должны находиться в ведении министерства по управлению восточными областями. Вы нашли это место? /Небольшая пауза/. Свидетель Ламерс, я Вас спрашиваю.

ЛАМЕРС. Нет, это место я не нашел.

ПОКРОВСКИЙ. Посмотрите на второй странице.

ЛАМЕРС. Приложения?

ПОКРОВСКИЙ. Да, в приложении. Там очеркнуто карандашем для вашего удобства.

ЛАМЕРС. В предъявленном мне документе ничего не очеркнуто.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Покровский! Документ, который находится у меня, - если это тот же самый документ

H1197-0273

H1197-0274

№ 073-ПС,—разделяется параграфами. Не могли ли бы вы сказать ему, какой это именно параграф.

ПОКРОВСКИЙ. Сию минутку. В той выписке, которая имеется у меня, к сожалению, нет параграфа. Но свидетель сейчас покажут точно это место.

Это место у него отмечено карандашем. Он просто не заметил. Вы нашли, свидетель Ламерс?

ЛАМЕРС. Да, теперь я нашел.

ПОКРОВСКИЙ. И убедились в том, что оно отмечено карандашем.

ЛАМЕРС. Да.. Министерство иностранных дел ... военнопленные являются иностранцами ....

ПОКРОВСКИЙ. Я не об этом вас спрашивал, меня ин - тересует другое место, где сказано: "Исключением из этого правила являются советские военнопленные ..." Вы нашли?

ЛАМЕРС. Да.

ПОКРОВСКИЙ. "Исключением из этого правила являются советские военнопленные ...." Вот это меня интересует ..." ... которые подчинены министру по управлению восточными оккупированными областями, так как в отношении их общее совещание не ..." и т.д. Нашли это место?

ЛАМЕРС. Да, нашел.

ПОКРОВСКИЙ. Вы подписывали этот документ.

ЛАМЕРС. Этот документ я не подписывал, ибо это документ министерства иностранных дел. Я лишь подписал

письмо, с которым я отправил служебную записку министерства иностранных дел министру Розенбергу; в нем я сообщал ему об этом.

ПОКРОВСКИЙ. Со своей служебной запиской при своем письме?

ЛАМЕРС. В сопроводительном письме я пишу, что я прилагаю служебную записку министерства иностранных дел: "Министерство иностранных дел приняло к сведению Ваше письмо и сообщаю Вам"... Таким образом, я был лишь инстанцией, пересылающей документы. Самой служебной записки я не составлял и не подписывал.

ПОКРОВСКИЙ. Таким образом, разрешите вас понять в том смысле, что вы фактически подтверждаете подлинность этого документа, который прошел в свое время через ваши руки.

ЛАМЕРС. Я не знаю этого, я могу лишь подтвердить .....

ПОКРОВСКИЙ. Как не можете сказать? Вы сказали, что Вы посылали его. Вы передали и послали кому-то другому. Вы послали его по какому-то адресу?

ЛАМЕРС. Я передал уже подписанный документ. Я подписал письмо, в котором сообщал Розенбергу об отношении министерства иностранных дел к его письму. Достоверно ли само приложение или нет, я не знаю.

8454

H1197-0275

H1197-0276

ПОКРОВСКИЙ. Этот ответ меня вполне удовлетворяет.

8 апреля здесь, на суде, Вы заявили, что решение еврейского вопроса Гитлер поручил Герингу и Гейдриху, а впоследствии преемнику Гейдриха - Кальтенбруннеру. Я хочу теперь, чтобы Вы сказали, в чем конкретно выразилось участие Геринга, Гейдриха и Кальтенбруннера в решении еврейского вопроса?

ЛАМЕРС. Мне лишь стало известно, что рейхсмаршал Геринг передал приказ фюрера тогдашнему начальнику Главного управления имперской безопасности - Гейдриху, и что, по моему мнению, он затем был передан Кальтенбруннеру. Этот приказ имел название "Окончательное решение еврейского вопроса", причем никто не знал, о чем идет речь, что следует под этим понимать. И в последующее время я неоднократно в различных случаях старался установить, что, собственно, следует понимать под этим "окончательным решением" и что должно произойти. Я вчера пытался изложить этот вопрос, но я до сих пор не могу высказать все полностью.

8455

ПОКРОВСКИЙ. Но недостаточно ясно, через кого именно и каким путем вы пытались уточнить значение выражения "Окончательное разрешение еврейского вопроса". К кому вы обращались, кого вы спрашивали об этом?

ЛАММЕРС. Сперва я обратился к Гиммлеру и спросил его, что это значит. Гиммлер сказал, что он получил от фюрера задание эвакуировать находящихся в Германии евреев и отсюда возникает ряд проблем, которые носят название "Окончательное решение еврейского вопроса". Это то, что я сказал вчера.

ПОКРОВСКИЙ. Подождите одну минуту, свидетель. Вы сказали, что Гитлер поручил Герингу и Гейдриху, а затем Кальтенбруннеру решение этой проблемы. Вы обращались с этим вопросом к Герингу, Гейдриху и Кальтенбруннеру? Задавали ли Вы им тот вопрос, который, как Вы говорите, Вас интересовал?

ЛАММЕРС. Нет, я не могу этого вспомнить, ибо я считал что Геринг передал лишь один приказ фюрера, участвовал ли в этом Кейтель, я вообще об этом ничего не знаю и слышу сегодня об этом в первый раз.

ПОКРОВСКИЙ. Не Кейтель, а Гейдрих. Вы вообще не упоминали Кейтеля. Повидимому, было переведено неправильно. Кальтенбруннер, Вы сказали ....

ЛАММЕРС. Гейдрих получил это задание, это я узнал из доклада моих начальников, что это задание имело место. Мне интересно было установить, какого рода это задание, и по этому вопросу я обратился к Гиммлеру.

ПОКРОВСКИЙ. Но Вас постигла неудача?

ЛАММЕРС. Письменного задания я не видел.

H1197-0277

H1197-0278

ПОКРОВСКИЙ. Вчера вы сказали: "Все, кроме меня", высказали свое мнение по еврейскому вопросу. Кто эти "все, кроме меня"? Вы помните это Ваше вчерашнее заявление?

ЛАММЕРС. Вчера я показал, что я говорил по этому вопросу с Гиммлером и что я хотел доложить по этому вопросу фюреру, я также говорил о том, что я сделал этот доклад фюреру, но с фюрером было очень трудно говорить о таких вещах. Далее, вчера я сказал, что появились слухи об убийстве евреев, которые побудили меня проверить их. Далее, я вчера сказал, что эти слухи остались, по моим сведениям, слухами, так что мне ничего не осталось, как обратиться по этому вопросу к Гиммлеру, а затем и фюреру.

ПОКРОВСКИЙ. Свидетель, я не спрашиваю Вас о том, что Вы говорили вчера, я не хочу слушать два раза одни и те же показания. Но меня сейчас интересует и я хочу уточнить один момент, о котором Вы говорили вчера. Вы сказали: "Все, кроме меня, высказали свое мнение по еврейскому вопросу". Кто это-все? Назовите их фамилии. Кого Вы имеете в виду? И отвечайте на мой вопрос прямо.

ЛАММЕРС. Я не понимаю этот вопрос "о всех".

ПОКРОВСКИЙ. Я могу повторить этот вопрос в третий раз, если необходимо, чтобы Вы лучше поняли. Вы сказали вчера, когда давали показания о решении еврейской проблемы: "Все, кроме меня, высказали свое мнение по еврейскому вопросу. Меня тоже попросили высказать свое мнение". Вы сейчас помните об этом?

ЛАММЕРС. Да, я вспоминаю.

ПОКРОВСКИЙ. Очень хорошо.

ЛАММЕРС. Под "всеми" следует понимать все другие ведомства, которые были приглашены на это совещание. На совещании в Главное Имперское Управление Безопасности приглашались начальники соответствующих ведомств. Это и есть "все".

ПОКРОВСКИЙ. Нет, Вы назовите имена тех подсудимых, которые присутствовали на этом совещании?

ЛАММЕРС. Министры вообще не присутствовали. Это было совещание референтов, меня тоже там не было и я не знаю, кто там был.

ПОКРОВСКИЙ. Вы присутствовали на совещании у Гитлера от 16 июля 4941 года? Вы понимаете, о каком совещании я спрашиваю, не правда ли? Там говорилось о целях войны против СССР. Вы поняли меня?

ЛАММЕРС. Да, я понял Вас.

ПОКРОВСКИЙ. Кейтель был на совещании?

ЛАММЕРС. Насколько я знаю, да.

ПОКРОВСКИЙ. Не помните ли Вы, говорил ли Кейтель по вопросу о целях войны против СССР?

ЛАММЕРС. Сейчас я не могу вспомнить, говорил ли он по этому вопросу.

ПОКРОВСКИЙ. Вы были до конца совещания?

ЛАММЕРС. Насколько я помню, я действительно был там до конца совещания.

ПОКРОВСКИЙ. И Кейтель также; и Кейтель тоже оставался до конца?

ЛАММЕРС. Сейчас я не могу этого вспомнить. Я полагаю, что он был до конца, но, возможно, что он ушел раньше.

ПОКРОВСКИЙ. Вы этого не можете утверждать определенно?

8458

H1197-0279

H1197-0280

ЛАММЕРС. Нет, с определенностью не могу.

ПОКРОВСКИЙ. 13 октября 1945 года Вас допрашивал подполковник американской службы и Вы показали, что Розенберг был назначен министром по делам восточных территорий, по личному желанию фюрера. Вы помните это Ваше показание?

ЛАММЕРС. Я знаю, что это я показал.

ПОКРОВСКИЙ. Затем, Вы показали в тот же день и во время того же допроса, что Вы не рекомендовали Розенберга на этот пост, так как у Вас имелись возражения против его кандидатуры. Какие у Вас были возражения против кандидатуры Розенберга?

ЛАММЕРС. Против назначения Розенберга имелись в то время большие возражения, которые поддерживались особенно Борманом. Рейхслейтер Борман не хотел, чтобы Розенберг занимал этот пост.

ПОКРОВСКИЙ. Вы скажите что-нибудь о своих возражениях. Какие возражения были лично у Вас?

ЛАММЕРС. Я поставил фюреру вопрос, следует ли вообще иметь такого человека на Востоке на случай ухудшения военной обстановки, и является ли Розенберг организатором, подходящим для этого поста.

ПОКРОВСКИЙ. Это было в апреле 1941 года?

ЛАММЕРС. Я не помню, было ли это весной.

ПОКРОВСКИЙ. По приказу рейхсминистра Розенберга 16 августа 1941 года были введены принудительные работы для еврейского населения восточных областей. Все лица

H1197-0281

еврейского происхождения в возрасте от 14 до 16 лет должны были быть заняты на принудительных работах. За отказ от работы им грозила смертная казнь. Вы знаете об этом указе или нет?

ЛАММЕРС. Не знаю. Я не могу вспомнить его.

ПОКРОВСКИЙ. Взгляните на этот документ и постарайтесь вспомнить.

(Обращаясь к председателю). Господин председатель, этот документ имеется на странице 50-й второй части "Зеленой папки" Геринга, который уже был пред'явлен Трибуналу под № ЕЦ-347.

ЛАММЕРС. Я не могу вспомнить, чтобы я когда-либо видел этот документ.

ПОКРОВСКИЙ. Хорошо, оставим этот документ в покое. Посмотрите другой документ. Может быть, Ваша память окажется несколько лучшей в отношении этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Покровский, этот последний документ, на который Вы ссылаетесь, эти параграфы - были ли оглашены и вошли ли они в протокол?

ПОКРОВСКИЙ. Я не берусь, господин председатель, ответить совершенно определенно на этот вопрос, вошли ли в протокол именно эти параграфы. Вся вторая часть "Зеленой папки" Геринга была пред'явлена Трибуналу и попала в протокол под № США-320. Следственный номер был ЕЦ-347. Эта часть принята в качестве доказательства.

Поскольку свидетель не помнит сейчас этого документа, я думаю вернуться к нему тогда, когда в этом будет более острая необходимость при допросе другого

подсудимого. Сейчас мы займемся другим.

Посмотрите на указ фюрера от 29 августа 1944 года. Этот документ Вам, несомненно, будет очень легко вспомнить, так как на нем имеется и Ваша подпись. Это указ об экономических мероприятиях в оккупированных восточных территориях. Этот документ, господа судьи, является одним из документов второй части "Зеленой папки" Геринга. Он передан Трибуналу на английском языке.

Вы узнаете этот документ, свидетель?

ЛАММЕРС. Да, документ этот я тоже подписал. Это были мероприятия, которые фюрер приказал провести по предложению рейхсмаршала.

ПОКРОВСКИЙ. Очень хорошо, а чем Вы об'ясняете тот факт, что Кейтель подписывал указы, подобные этому, касающиеся общегосударственных вопросов империи, а не конкретно военных вопросов. Чем Вы это об'ясняете? Почему здесь подпись Гитлера, Кейтеля и Ламмерса?

ЛАММЕРС. Это был указ фюрера, а указы фюрера подписывались и мною, и, кроме того, их подписывал Кейтель, как начальник ОКВ, если в них затрагивались какие-нибудь интересы вооруженных сил. Третьим подписывался Борман, если в них была заинтересована партия. Этим об'ясняется подпись Бормана.

ПОКРОВСКИЙ. Но здесь нет подписи Бормана. Здесь подпись Гитлера, Кейтеля и Ваша. Это так?

ЛАММЕРС. Да, сперва - Кейтель, потому, что этот документ имел отношение к оккупированным областям Востока.

8461

H1197-0282

H1197-0283

ПОКРОВСКИЙ. Другими словами, Кейтель отвечал за все законодательство в оккупированных областях? Вы слышите мой вопрос? Нес подсудимый Кейтель ответственность за все законодательство в оккупированных областях? Вы слышите мой вопрос?

ЛАММЕРС. Подпись не говорит об ответственности за...

ПОКРОВСКИЙ. А для чего же тогда была поставлена его подпись и какова была цель его/ подписи? Просто для декорации?

ЛАММЕРС. Так как он участвовал в этом или потому, что он был в нем заинтересован. По подписи нельзя судить об ответственности.

ПОКРОВСКИЙ. Вы должны бы знать об этом лучше, потому что неясно, почему потребовалась его/ подпись на документе, причем его подпись стоит как раз над Вашей подписью, в чем же тут дело?

ЛАММЕРС. Вероятно предполагалось, что этот декрет затрагивал такие интересы вооруженных сил, г-н фельдмаршал должен знать лучше меня, почему он подписал этот декрет.

ПОКРОВСКИЙ. Вы сами читали этот указ и прекрасно видите, что интересы вооруженных сил здесь не затрагиваются. У меня к вам еще два вопроса. Вы заявили сегодня, что Зейсс-Инкварт получил эсэсовское звание и форму, жжи но никаких прав командира СС он не имел. Это правильно?

ЛАММЕРС. Да, это правильно.

ПОКРОВСКИЙ. Но тогда не следует сделать вывод, что само по себе звание полицейского и полицейская форма действительно являлись почетным отличием империи, это было так?

ЛАММЕРС. Зейсс-Инкварт не принадлежал к полиции, а к общим СС.

ПОКРОВСКИЙ. Но фактически СС использовалась для полицейских мероприятий, не так ли?

ЛАММЕРС. Нет, общие СС не имели полицейских задач, это неверно. И форма СС была особым отличием в империи.

ПОКРОВСКИЙ. И мундир эсэсовца был особым отличием в рейхе, не так ли? Ведь он получал его как бы в вознаграждение за определенную выполненную им работу?

Покровский: Ламмерс: Да

Теперь я хочу задать вам последний вопрос.

ЛАММЕРС. Не всегда за особые заслуги, а это имело отношение лишь к известным руководящим лицам империи, которые получали...

ПОКРОВСКИЙ. Я удовлетворен вашим ответом и мне не нужны дальнейшие подробности. Теперь я хочу задать вам последний вопрос. 17 января подсудимый Кейтель обратился с ходатайством в суд с тем, чтобы вы были вызваны в качестве свидетеля. Он указал, что вы можете показать здесь, на суде, что он, Кейтель, как глава вооруженных сил, а также военные организации, подчиненные ему в оккупированных областях, действовали против грабительских оперативных команд Розенберга и отдавали приказы об их аресте. Вы были вызваны в суд именно для того, чтобы ответить на этот вопрос, но по какой-то непонятной причине только этот вопрос не был вам задан. И я хочу, чтобы вы сейчас ответили на этот вопрос, что вы знаете о борьбе Кейтеля и вооруженных сил с грабительскими оперативными командами Розенберга, как называет их Кейтель?

H1197-0284

H1197-0285

ЛАММЕРС. Я знаю только то, что Розенбергу было поручено скупать произведения искусства, и что ему было поручено также доставлять из оккупированных областей Запада мебель, которой нуждались учреждения на Востоке. Это поручение он получил как имперский министр.

ПОКРОВСКИЙ. Свидетель, вы, очевидно, меня не поняли. Подождите минуту. Сейчас мы не говорим о Розенберге, я вас сейчас спрашиваю, что вы знаете о вооруженных силах в связи с заявлением Кейтеля, и об их борьбе с грабительскими отрядами Розенберга? Вы понимаете мой вопрос? Вы что-нибудь знаете по этому поводу или ничего не знаете?

ЛАММЕРС. Нет, об этом мне ничего неизвестно.

ПОКРОВСКИЙ. Хорошо. Я вполне удовлетворен. У меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Полковник Покровский, я хочу кое-что уточнить; как я понял, вы сказали по поводу этого документа от 22 июня 1941 года, который вы показывали только что свидетелю, что там не было ссылок на военные власти. Но второй абзац гласит: "Для того, чтобы достигнуть этой цели, он, т.е. Геринг, имеет право давать непосредственно приказы соответствующим военным властям на оккупированных территориях".

Таким образом, не совсем будет точно сказать, что в этом документе совсем нет ссылок на военные власти.

ПОКРОВСКИЙ. Я предполагаю, что Трибунал помнит показания, которые давались здесь по вопросу об обстоятельствах, в силу которых Кейтель подписывал общеимперские указы и законы.

Он об"яснял это тем, что все эти законы и указы носили оперативный характер, штабной характер. В данном же случае речь идет об общегосударственном значении документа и фактически не имеет отношения к военным вопросам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не хочу спорить с Вами. Я лишь хочу указать, что не совсем точно утверждать, что эти документы совершенно не/ касаются военных вопросов.

Доктор Нельте, Вы желаете задать дополнительные вопросы свидетелю?

НЕЛЬТЕ. Г-н Председатель, я буду очень благодарен полковнику Покровскому, если он яснее изложит мне свой последний вопрос, /в/ поставленный им свидетелю Ламмерсу. Он сказал, что Кейтель вызвал свидетеля Ламмерса для того, чтобы он дал показания о том, что Кейтель боролся в восточных областях с действиями эйнзацштаба Розенберга. Я верно его понял? Было ли так сказано, так как перевод с русского на немецкий, возможно, был не совсем удачным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не уверен, что я понял вопрос. Но мне ясно, что свидетель не мог на него ответить, но я не думаю, что этот вопрос является очень важным.

НЕЛЬТЕ. Нет. Мне только казалось, что представитель русского Обвинения хотел сказать, что д-р Ламмерс вызван в качестве свидетеля по этому вопросу, но я не задавал этот вопрос свидетелю. Я хочу подчеркнуть, что это не имело места, иначе это не было бы предметом моего дополнительного вопроса. Относительно подсудимого Кейтеля у меня больше нет вопросов к свидетелю доктору Ламмерсу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что Трибунал считает, что Вам не следует более касаться этой стороны вопроса. Вы уже задали достаточное количество вопросов. Доктор Нельте, у Вас есть еще какие-либо свидетели?

H1197-0286

H1197-0287

НЕЛЬТЕ. Завтра утром я займу еще полчаса, у меня нет больше свидетелей, которых я хотел бы допросить.

Г-н БИДЛЛ. Я хочу задать вам два-три вопроса относительно имперского кабинета. Вы сказали, что первое совещание состоялось 30 января 1933 года, а последнее - в ноябре 1937 года. Были ли какие-либо другие совещания в 1937 году?

ЛАМЕРС. Нет, заседания кабинета не были заменены другими заседаниями.

Г-н БИДЛЛ. Я не об этом спрашивал. Слушайте внимательно. Вы сказали, что первое совещание имело место 30 января 1933 года, а последнее-в ноябре 1937 года. Были еще какие-либо другие совещания в 1937 году?

ЛАМЕРС. Да, до этого были совещания. Было несколько заседаний кабинета, но не слишком много, в 1937 г. их было относительно мало.

Г-н БИДЛЛ. Сколько совещаний было в 1937 году?

ЛАМЕРС. Сколько? Заседаний кабинета в 1937 году было приблизительно 5 или 6, я не думаю, чтобы их было больше.

Г-н БИДЛЛ. Вы знаете, сколько совещаний было в ...

ЛАМЕРС. Возможно, что их было меньше.

Г-н БИДЛЛ. А знаете ли вы, сколько было совещаний в 1936 г.?

ЛАМЕРС. Число заседаний кабинета в то время было несколько больше, но, во всяком случае, их было не так много, как первоначально в 1933-34 г.г.

Г-н БИДЛЛ. Достаточно. Благодарю Вас.

(К микрофону подходит адвокат Латернзер - защитник генерального штаба).

ЛАТЕРИЗЕР. Господин председатель, у меня нет вопросов к свидетелю. Я только хотел сказать следующее. Коллега доктор Нельте отказался от допроса других свидетелей. В том числе он отказался и от допроса свидетеля генерал-полковника Гальдера. Это его право. Но, вследствие отказа от допроса свидетеля Гальдера, наносится ущерб моим правам, ибо Трибунал помнит, что при представлении письменного показания свидетеля Гальдера Трибунал...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Латеризер! Если доктор Нельте не вызывает генерала Гальдера,-вы можете подать ходатайство о его вызове, и мы рассмотрим это ходатайство. Повидимому, вы уже подали ходатайство и вам ответили, что этот свидетель вызывается доктором Нельте. Теперь доктор Нельте его не вызвал, и вы можете вторично подать ходатайство в письменном виде.

ЛАТЕРИЗЕР. Господин председатель, мне кажется,-это не совсем верная точка зрения, ибо, когда были представлены русским обвинением письменные показания Гальдера, ~~он~~ в ответ на возражение защиты было заявлено, что свидетель Гальдер должен быть вызван для перекрестного допроса. Это право я в согласии с другими коллегами использовал в той форме, что свидетель Гальдер должен был быть допрошен по делу Кейтеля. Я считаю, что отказ от этого свидетеля ущемляет мои права, и я прошу вызвать этого свидетеля и дать мне возможность допросить его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Латеризер! Мы рассмотрим вопрос о генерале Гальдере и завтра утром сообщим. Сейчас уже 5 часов.

Д-р ЛАТЕРИЗЕР. Хорошо.

H1197-0288

H1197-0289

(К микрофону подходит защитник Зайдль).

ЗАЙДЛЬ. Господин председатель, я охотно задал бы несколько вопросов свидетелю, которые становятся необходимыми вследствие перекрестного допроса и касаются...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сегодня, во всяком случае, вы этого не можете сделать. Мы рассмотрим этот вопрос и завтра утром вам сообщим. Сегодня вам не может быть предоставлено слово.

ЗАЙДЛЬ. Я хотел это сказать, чтобы свидетель остался здесь до утра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, он будет оставлен до утра.

ДОДД. Господа судьи, минуточку вашего внимания. Господин Джексон просил меня довести до сведения Трибунала следующие факты, помимо вопросов, обсуждавшихся сегодня утром: мы получили от полковника Дострта подлинник документа, представленный ему доктором Тома. В нем красным карандашом отчеркнут на полях абзац, который был переведен, размножен и включен в документальную книгу.

Доктор Тома сказал сегодня, что он не подчеркнул выдержку, и сказал, что при переводе была допущена ошибка, но полковник Достерт говорит, что ошибки в переводе нет и что выдержка была отчеркнута.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Итак, доктор Нельте, мы хотели бы знать, каковы Ваши намерения в отношении генерала Вестгофа и, кажется, Виленам и обергруппенфюрера или кого-то в этом роде?

Вам была предоставлена возможность вызвать этих двух свидетелей, но, насколько мы понимаем, Вы этого теперь не хотите?

НЕЛЬТЕ. Господа судьи, я думаю, что при перекрестном допросе было установлено, по моему мнению, что обвинение откажется от своего первоначального утверждения о том, что он издал приказ или передал дальше приказ Гитлера о расстреле 50-ти английских офицеров авиации. Сэр Дэвид Максуэлл Файф указал четыре пункта, которые он в связи с этим случаем инкриминирует подсудимому Кейтелю, и Кейтель сказал, что он признает их. Так как я хотел вызвать генерала Вестгофа лишь как свидетеля по вопросу о том, что Кейтель не отдавал этого приказа и не передавал его,- Вестгоф не присутствовал на совещании в Оберзальцберге, и, стало быть, лично, ничего не знает о нем, ~~то~~ я считаю, что отпадает необходимость вызывать этого свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Нельте, Вы, конечно, должны решить, будете ли Вы вызывать свидетеля или нет, поскольку сэр Дэвид Максуэлл Файф не говорит, что он снимает свое обвинение с Кейтеля; я не думаю, что Вы должны воздерживаться от вызова ~~Кейтеля~~ Вестгофа на основании того, что обвинение было снято; но никто здесь от обвинения не отказывался. И, независимо от того, что говорит сэр Дэвид Максуэлл Файф, мне кажется, нет достаточных оснований для того, чтобы не вызывать свидетеля; но это лично Ваше дело.

(Обращаясь к Дэвиду Файфу, который подходит к микрофону).

Да, сэр Дэвид!

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, никакого отказа от обвинения нет. Необорот, обвинение основывается на заявлении генерала Вестгоф, которое я передал подсудимому Кейтелю. Для обвинения, это является показанием, на котором ~~обвинение на этом~~ оно основывается, и которое оно представляет на рассмотрение суда.

8469

H1197-0290

H1197-0291

НЕЛЬТЕ. Разрешите спросить, утверждает ли Обвинение, что генерал Вестгоф дал показание о том, что Кейтель отдал этот приказ или передал его.?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Нельте! Вы видели документ, содержащий выдержку из показаний генерала Вестгофа, и поэтому Вам известно, что он сказал в этом заявлении. Трибунал готов выслушать стороны по этому поводу. И Трибунал в тоже время предлагает вызвать самого генерала Вестгофа в качестве свидетеля для того, чтобы выслушать его показания и установить, будет ли он придерживаться своих письменных заявлений. Трибунал также, считает, что следует вызвать Вилена, потому что показания Вилена целиком направлены против подсудимого Кальтенбруннера.

НЕЛЬТЕ. Тогда я прошу обвинение, чтобы аффидевит Вестгофа по этому делу был представлен для того, чтобы было ясно, что доклад...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда Вы говорите - аффидевит,-Вы подразумеваете под этим заявление?

НЕЛЬТЕ. Я подразумеваю аффидевит, а не показания без приведения к присяге. Обвинение представляло до сих пор протоколы, которые не были заверены под присягой. Но кроме этого, полковник Вильямс потребовал от свидетеля Вестгофа аффидевит и получил его. И этот аффидевит содержит категорическое утверждение Вестгофа о том, что он никогда не говорил и никогда не хотел сказать, что Кейтель издавал или передавал такой приказ.

Сэр ДЭВИД ФАЙФ. Милорд, у меня нет этого аффидевита. Я говорил с госпожой Роберте и установил, что мы не имеем этого аффидевита. Если мне память не изменяет, - было два допроса, + один более ранний и второй - 2 ноября. Оба они, один из которых я представил, имеются в папке документов д-ра Пельте. У нас никаких письменных показаний, данных под присягой, нет. Если бы они были, мы бы немедленно их представили. Я не знаю, откуда у доктора Пельте такие сведения, но мне, во всяком случае, ничего о данном аффидевите неизвестно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал имеет в своем распоряжении только лишь заявление генерала Вестгофа, и еще какого-то джентельмена, фамилию которого я забыл. Да, это бригадный генерал Шепс. Трибунал предлагает вызвать генерала Вестгофа и спросить его, подтверждает ли он свое заявление, сделанное в этом документе, и рассмотреть его.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Обвинение совершенно не возражает против этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Комендант суда обеспечит присутствие генерала Вестгофа, а также Вильдена в суде завтра в 10 часов утра.

КОМЕНДАНТ СУДА. Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Об"является перерыв.

(Об"является перерыв до 10 апреля до 10.00 утра).

Вв-нд,
ис-лт,
ап.

8471

H1197-0292

H1197-0293

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 10 апреля 1946 года.

/Утреннее заседание/

Встать! Суд идет!

ТОМА: Высокий Суд, господин председатель. Вчера я заявил что выдержка из Лабуша не была отчеркнута красным карандашем в моей книге документов и не должна быть зачитана. Мое утверждение было неверным. К этому своему утверждению я пришел следующим образом. Мой клиент г-н Розенберг переслал мне вчера, когда я выступал, следующую записку: "В книге документов нужные места отчеркнуты красным карандашем, а в остальном переводить не стоит". Указанные места французского текста не были предусмотрены. Из этого я заключил, что эти места не должны быть переведены. Это сообщение Розенберга, однако, имело другой смысл. Розенберг хотел сказать, что в отношении некоторых отчеркнутых мест он сделал отметку, которая должна была означать, что эти места не нужно зачитывать. К ним относилась и цитата из Лабуша. Из-за этого возникла эта ошибка.

Я вчера также сказал, что место, которые зачитал г-н судья Джексон, было неверно переведено. Это также было ошибкой, которая возникла, повидимому, из-за того, что меня шокировало подчеркивание слова "ублюдок". Я полагаю, что, пожалуй надо было бы сказать "смешение рас". Я прошу переводчиков извинить меня. Книга документов сама...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Тома, Трибунал понимает, что, видимо, произошла какая-то ошибка, и я надеюсь, что никто, и во всяком случае Трибунал, совершенно не обвиняет Вас в злом наме

рении. Трибунал понимает,что,вероятно,произошла какая-то ошибка или какое-то недоразумение.

ТОМА: Благодарю Вас.

НЕЛЬТЕ: Г-н председатель, разрешите мне задать Суду короткий вопрос, относящийся к процессуальному порядку разбора дела Вестгофа. Вчера я об'яснил по каким причинам я думал,что могу отказаться от свидетеля Вестгофа. После заявления представителя английского обвинения положение было выяснено, и мое предположение тем самым отпало. Я хотел бы спросить Суд: первоначальное положение восстанавливается автоматически,и свидетель, о вызове которого я ходатайствовал,будет вызван или же я должен снова подать официальное ходатайство о вызове его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, д-р Нельте, Трибунал не хочет,чтобы Вы представляли какое-либо официальное ходатайство. Вы можете допросить свидетеля по любым вопросам после того,как он ответит на все вопросы Трибунала,обвинение также,конечно,может задать ему вопросы.

НЕЛЬТЕ: Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зайдль, мне кажется,что Вы хотели допросить этого свидетеля по делу подсудимого Франка.Не так ли? Мы надеемся,что это не займет много времени.

Д-р ЗАЙДЛЬ /защитник подсудимого Франка/. Г-н свидетель представители обвинения задали Вам вчера вопрос в связи с мероприятием АБ, что означает "чрезвычайная операция по умиротворению". Она стала необходимой в связи с восстаниями,имевшими место в генерал-губернаторстве в 1940 г. В этой связи представитель обвинения зачитал Вам цитату из дневника Франка от 16 мая 1940 года.Сперва я хочу Вам зачитать еще одно предложение из той же цитаты,из той же запи-

H1197-0294

H1197-0295

си в дневнике, которое гласит: "Никаких самовольных действий ни коем образом не допускать. Во всех случаях прежде всего придерживаться необходимости защиты авторитета фюрера и империи. В остальном операция должна быть закончена 15 июня 1940 г." Обвинитель зачитывал Вам далее другую цитату от 30 мая. Из этого можно было заключить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что Вы не должны зачитывать свидетелю выдержки из дневника Франка. Вы должны задавать дополнительные вопросы, чтобы уяснить дело. Кроме этого, свидетель ранее не видел дневника.

ЗАЙДЛЬ: Я хотел бы задать ему вопрос, но сперва я должен зачитать короткую цитату, иначе он не сможет понять вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой вопрос? Вы можете представить дневник Франку, когда будете его допрашивать.

ЗАЙДЛЬ: Свидетель вчера допрашивался относительно операции АБ и ему была зачитана цитата, на основании которой можно было притти к заключению, что большое количество поляков было расстреляно без всякого судопроизводства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой вопрос Вы хотите задать?

ЗАЙДЛЬ: Я хочу спросить его, знает ли он советника доктора Вилле, какой пост занимал он в генерал-губернаторстве и каково было участие этого доктора Вилле, если он вообще имеет отношение к этой операции.?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если желаете, Вы можете спросить его, но дневник никакого отношения к этому вопросу не имеет.

ЗАЙДЛЬ: Да, но на этот вопрос можно дать правильный ответ, г-н председатель, лишь в том случае, если я зачитаю соответствующие места из дневника, ибо иначе ему не будет ясна вся связь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал также не видит никакой связи. Трибунал считает,что нет никакого основания для зачтения ему этого дневника.

ЗАЙДЛЬ: Г-н председатель,вы это увидите,и я прошу разрешения зачитать еще одно предложение из дневника,запись от 12 июня 1940 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет,доктор Зайдль,нет. Вы можете задавать ему вопросы, но Вы не можете читать дневник. Вы сказали,что Вы хотите спросить свидетеля относительно того, знал ли он кого-либо,кто занимал определенный пост в генерал-губернаторстве? Вы можете задать этот вопрос?

ЗАЙДЛЬ: Господин свидетель,известен ли Вам министерский советник доктор Вилле?

ЛАММЕРС: Нет,я не припоминаю такого.

ЗАЙДЛЬ: Вы также не знаете,что он был руководителем главного отдела юстиции в генерал-губернаторстве?

ЛАММЕРС: Нет,не знаю.

ЗАЙДЛЬ: Тогда первый вопрос уже решен. Второй вопрос, который я хотел бы задать свидетелю,относится также к записи из дневника Франка и именно,в связи с концентрационными лагерями. Но я могу задать и этот вопрос лишь после того, как я зачитаю свидетелю соответствующую цитату из дневника.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сформулируйте сначала вопрос.

ЗАЙДЛЬ: Вопрос гласил бы: верно ли намерение,изложенное в цитате из дневника Франка, и соответствует ли оно первому заявлению,сделанному в понедельник, или же верно мнение обвинителя,которое он выразил вчера в связи с другой выдержкой из дневника Франка,зачитанной вчера свидетелю?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал считает,что Вы можете задать этот вопрос в такой форме: - известна ли Вам позиция Франка в отношении концлагерей? В такой форме Вы мо-

H1197-0296

H1197-0297

жете задать этот вопрос.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, на этот вопрос свидетель уже ответил в ходе допроса. Он заявил, что Франк отрицательно относился к концлагерям. Вчера ему была зачитана цитата из дневника Франка, на основании которой можно сделать обратный вывод. Однако в дневнике Франка имеются десятки других записей, которые подтверждают мнение свидетеля и которые противоречат той записи, которая была зачитана представителем обвинения. Поэтому я могу задать свидетелю разумный вопрос лишь в том случае, если зачитаю ему цитату из дневника.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, все эти вопросы Вы можете выяснить, когда Вы будете допрашивать Франка. Вы сможете тогда указать на все относящиеся к делу выдержки из дневника и наиболее важные из них представить Франку.

ЗАЙДЛЬ: Третий вопрос относился бы к телеграмме...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, мы дали Вам, как защитнику Франка не обычную привилегию, разрешив задать дополнительные вопросы. Трибунал уже высказывал свое мнение, что по данному разделу Вы не имеете права задавать дополнительных вопросов. Только тот, кто вызывает свидетеля, может задавать дополнительные вопросы. В обычных случаях мы не можем разрешать всем защитникам задавать дополнительные вопросы.

ЗАЙДЛЬ: Тогда я отказываюсь от постановки дальнейших вопросов свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться.

Теперь Трибунал желает, чтобы в зал ввели генерала Вестгофа. /Пауза, вводят свидетеля/.

Сэр Дэвид, найдите, пожалуйста, для меня немецкий текст заявления генерала Вестгофа.

заявления генерала Вестгофа.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ.Я искал этот текст,но не смог найти его,милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Назовите Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Адольф Вестгоф.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги:"Я клянусь Богом,всемогущим и всеведущим,что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю".

(Свидетель повторяет слова присяги).

Вы можете сесть.Генерал Вестгоф,Вы сделали заявление в присутствии бригадного генерала Канкота или капитана Фарнеля,не так ли?

ВЕСТГОФ? Фамилии капитана я не знаю.Я сделал одно заявление в Англии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Да, 13 июня 1945 года?

ВЕСТГОФ: Да, это возможно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Вы английского языка,повидимому,не знаете?

ВЕСТГОФ: Нет .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я сейчас зачитаю Вам.Имеется у Обвинения еще одна копия этого документа?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да,есть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид,когда я буду читать,я попрошу Вас следить за мной и обращать внимание на те выдержки,которые действительно имеют отношение к делу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это очень большой документ и я не хочу зачитывать его полностью свидетелю.

Генерал Вестгоф,Трибунал хочет знать,подтверждаете ли Вы это заявление или же хотите внести какие-либо изменения в него. Я прочту Вам это заявление,чтобы Вы могли вспомнить его.Я оглашу наиболее существенные выдержки из этого заявления.

H1197-0298

H1197-0299

ВЕСТГОФ: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: "Я был начальником общего отдела,когда произошел расстрел английских летчиков-военнопленных,убежавших из лагеря № 3 "Шталаг Луфт".Это был первый случай, когда меня вызвал фельдмаршал Кейтель. Вместе с генералом фон Грэвениц мы должны были отправиться к фельдмаршалу Кейтелю. Группа офицеров убежала из лагеря в Сагане. Я не помню сколько,но мне кажется около 80 человек.

НЕЛЬТЕ: Г-н председатель,разрешите мне помочь суду и передать свидетелю немецкий перевод, который был представлен мне Обвинением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодарю Вас.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Я очень благодарен д-ру Нельте, за его помощь. /Пауза, свидетелю подносят документ на немецком языке/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Теперь,генерал Вестгоф, прочтите это заявление как можно скорее. Вы сами увидите, какие самые существенные места в этом заявлении, и скажите Трибуналу,подтверждаете Вы это заявление или нет.

ВЕСТГОФ: Хорошо./Пауза,свидетель читает заявление/.

НЕЛЬТЕ: Г-н председатель,здесь есть еще одна часть заявления, которую я также получил от Обвинения. Это было очень об'емистое заявление. Разрешите это также передать свидетелю?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать,что у него нет всего документа полностью?

НЕЛЬТЕ: Нет,у него еще нет всего документа. Я получил этот документ от Обвинения в трех частях и эти три части я хотел бы передать сейчас ему, если у него должен быть весь документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На английском языке это заявление напечатано на машинке на пяти страницах и удостоверено следующим образом: "Это приложение содержит правильный перевод устных заявлений, сделанных в моем присутствии генерал-майором Вестгофом 13 июня 1945 г. в ответ на вопросы относительно расстрела 50 офицеров королевских военно-воздушных сил, бежавших из лагеря "Шталаг Луфт" № 3. Подписано Парнеллом, капитаном разведывательной службы, 23 сентября 1945 г."

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, я не знаю, может быть, генерала Вестгофа допрашивали неоднократно. В этом документе он также говорил о всем управлении по делам военнопленных, не только о деле Саган. Речь идет о регулярных докладах, и свидетель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Единственный документ, который представлен в качестве доказательства, это документ, находящийся у меня в руках, и который является приложением к докладу бригадного генерала Канкотта.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Я видел документ, который имеется у д-ра Нельте. Мои знания немецкого языка достаточны, чтобы опознать его. Этот тот же самый документ. Посмотрите на вторую страницу: "Генеральному инспектору, генералу Реттиху". Это начало... Я также сверил и последний абзац: "Я не помню, получил ли я какие-либо доклады". Насколько я могу разобрать немецкий текст, это является последней частью того документа, который находится в Ваших руках.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Доктор Нельте и сэр Дэвид, возможно было бы лучше, если сэр Дэвид указал бы свидетелю на существенные места, а после этого можно было бы спросить свидетеля, действительно ли он их подтверждает.

СЭР МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Да.

H1197-0300

H1197-0301

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: После этого, д-р Нельте может задавать вопросы, какие он желает.

Свидетель, обвинитель будет задавать Вам вопросы по поводу этого документа и поэтому нет необходимости читать дальше.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Свидетель, Вы успели прочитать первый абзац этого заявления?

ВЕСТГОФ: Да, я прочел его.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Правильно ли это и соответствует ли действительности?

ВЕСТГОФ: Здесь есть несколько вещей, которые не совсем верны. Например, на первой странице написано...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Тогда я прочитаю и Вы скажите, с чем Вы не согласны.

"Я был начальником общего отдела, когда имел место расстрел военнопленных английских летчиков, убежавших из лагеря "Шталаг Луфт" № 3. Это правильно?

ВЕСТГОФ: Здесь отсутствует: "Если расстрел имел место".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: "Это был первый случай, когда меня вызвал фельдмаршал Кейтель. Я отправился к генералу фон Грэвениц, которого также вызвал Кейтель, и должен был его сопровождать". Это правильно?

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Группа офицеров бежала из лагеря в Сагане; я не помню, сколько их было, но мне кажется, - около 80 человек". Это тоже правильно?

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Я читаю следующую фразу: "Когда мы вошли, фельдмаршал был очень взволнован и нервничал. Он заявил: "Господа, это плохое дело".

Это правильно?

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: "Нас всегда винят, когда убегают военнопленные. Не можем же мы их пришить к себе". Это Ваши собственные комментарии. Потом Вы цитируете слова фельдмаршала:

"Сегодня утром Геринг упрекал меня в присутствии Гиммлера в том, что у меня убежало еще несколько военнопленных. Это неслыханно".

Потом опять идут Ваши комментарии. Это правильно, что фельдмаршал сказал: " Сегодня Геринг упрекал меня в присутствии Гиммлера в том, что у меня убежало еще несколько военнопленных"?

ВЕСТГОФ: В присутствии не Гиммлера, а Гитлера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Здесь должно быть сказано "в присутствии Гитлера"?

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Читаю следующую фразу: "Все немецкие лагери военно-воздушных сил подчинялись германским военно-воздушным силам, но инспектору лагерей для военнопленных подчинялись все лагери в вопросах инспектирования. В то время я еще не был инспектором". Это уже все было объяснено. И я думаю, что насчет структуры организации спора нет. Мы уже подробно разбирали этот вопрос. Поэтому, если только Трибунал сам не пожелает, ~~то~~ я не намереваюсь вновь беспокоить свидетеля вопросами об организации. Вы говорите: "В то время я еще не был инспектором. Инспектором был фон Грейвениц и все лагери подчинялись ему в вопросах инспектирования". Затем Вы пишете: "Геринг винил Кейтеля за то, что он дал возможность этим людям совершить побег и что эти постоянные побеги производят плохое впечатление. Затем вме-

H1197-0302

H1197-0303

шался Гиммлер. "Я могу сказать только то, что сказал фельдмаршал. Он жаловался на то, что он должен предоставить 60-70 тысяч человек в качестве ландвахен" и т.д. Это правильно.

Фельдмаршал говорил это?

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Читаю второй абзац: "Фельдмаршал Кейтель сказал нам: "Господа, все эти побеги должны прекратиться. Мы должны показать пример. Мы примем самые строгие меры. Я могу лишь сказать Вам, что лица, совершившие побег, будут расстреляны. Вероятно большинство из них уже мертвы".

Кейтель сказал это нам на совещании"? Это правильно?

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Далее Вы пишете: "Мы были удивлены, так как мы никогда не встречались с таким понятием ранее. Это вероятно произошло в марте. Мы были вызваны к фельдмаршалу в Берлин через несколько дней после побега, но совершенно по другому делу. Мы знали, что люди убежали, и были застигнуты врасплох заявлением об этом на совещании".

Затем Вы опять переходите к описанию происшедшего на совещании: "Генерал фон Гревениц выступил с возражением, заявив:

"Но, сэр, это невозможно. Побег не является позорным проступком. Это специально предусмотрено Женевской конвенцией.

Это правильно, что генерал фон Гревениц сказал эти слова?

ВЕСТГОФ: Генерал фон Гревениц возражал, ссылаясь на Женевскую конвенцию. Но здесь в докладе не говорится, что фельдмаршал сказал генералу фон Гревениц, что речь идет о приказе фюрера. Здесь это отсутствует.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Взгляните на следующую фразу, которую я как раз хотел прочитать Вам: "Он,то-есть генерал фон Гревениц",начал возражать,после чего Кейтель заявил: -"Мне наплевать. Мы обсуждали этот вопрос в присутствии фюрера и он не может быть изменен".

Это правильно?

ВЕСТГОФ: Нет, фельдмаршал сказал: " Мне это все равно".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Я думаю,что будет лучше,генерал,если Вы сейчас передадите Трибуналу, насколько Вы помните, слова,сказанные фельдмаршалом после того,как фон Гревениц высказал свои возражения.

ВЕСТГОФ: Об этом я дал Трибуналу письменные показания под присягой, которые разрешите мне зачитать: "Во связи с присутствием генерала фон Гревеница и меня фельдмаршал Кейтель в марте 1944 в главной ставке..."

СЭР МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Генерал Вестгоф,возможно,Трибунал позднее и захочет это заслушать,но лучше было бы,если бы Вы сейчас занялись именно этим заявлением,несмотря на то,правильно оно или нет,а позднее мы разберем и другие заявления. Вот обратите внимание на это. После того,как генерал фон Гревениц высказал свои возражения, как Вы уже сказали нам,на основании Женевской конвенции,что сказал фельдмаршал? Что он сказал по этому вопросу? Вы нам всем окажете большую помощь,если Вы дадите ответ на этот вопрос.

ВЕСТГОФ: Фельдмаршал сказал тогда; "Это сейчас все равно. Мы должны дать пример".

СЭР Дэвид МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Мне кажется,что Вы сказали,что он упомянул о фюрера каком-то декрете фюрера по этому поводу или о приказе фюрера.Действительно ли он упоминал об этом?

ВЕСТГОФ: Это он сказал уже в начале, совсем в начале,что речь идет о приказе фюрера.

H1197-0304

H1197-0305

СЭР МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: И в следующем абзаце Вы указываете... Я думаю, эту выдержку лучше прочитать, - это вторая фраза: "Но в данном случае никто из наших людей, то-есть из числа личного состава вооруженных сил Германии не расстреливал кого-либо из военнопленных. Я немедленно навел справки". И далее Вы говорите: " Никто из них не был расстрелян солдатами, а лишь гестаповцами или полицейской охраной. Это доказывает, что, вероятно, Гиммлер... предложил фюреру... Я не знаю, однако, как они устроили все это. Вероятно, это можно узнать от Геринга, который присутствовал на совещании. Естественно, я сам не знаю".

Вы помните, что Вы сделали это заявление?

ВЕСТОФ: Да, помню.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Далее, Вы вновь говорите: "Во всяком случае совершенно ясно, что никто из наших людей не расстреливал их. Они, вероятно, все были расстреляны полицейскими".

И в последней фразе вы указываете: "В данном случае только те из них были возвращены в лагерь, которые были схвачены нашими людьми, то-есть те, которые были схвачены солдатами".

В следующем абзаце Вы говорите, что Вы не имели полномочий давать приказы полиции, и повторяете, что военнослужащие их не расстреливали. И далее, в третьей фразе, Вы говорите: "Мне немедленно был послан доклад, и я сказал генералу фон Гревеницу: - сэр ~~Я~~, единственно, что мы можем сделать, это следить за тем, чтобы никаких грязных дел не творилось в тех местах, которые находятся у нас в подчинении".

Это правильно? Вы действительно это говорили, генерал?

ВЕСТОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Далее, через одну или две фразы,

Вы говорите, что Вы стоите перед совершившимся фактом и, повторив возражения генерала фон Гревеница фельдмаршалу Кейтелю, - "Это не возможно. Мы не можем расстреливать этих людей" - Вы продолжаете:

"То, как происходил расстрел, я узнал от господина Навиля, представителя Швейцарии, его державы, защищающей интересы воюющих стран". Это правильно?

ВЕСТГОФ: Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: А как же Вы узнали о расстреле?

ВЕСТГОФ: Я обратился в гестапо и потребовал документы о расстреле для министерства иностранных дел и эти документы я не получил. Представитель Швейцарии, господин Навиль, которого я послал в лагерь, на обратном пути зашел ко мне, и от него я узнал все то, что я вообще слышал об этом деле, а именно, что один военнопленный, вернувшийся в лагерь, видел, что бежавшие летчики в кандалах, под сильной охраной на грузовике были вывезены из Герлицкой тюрьмы. Это все, что я вообще узнал об этом деле. До сих пор я не мог узнать, каким образом эти летчики были уничтожены. Гестапо отказалось дать мне по этому поводу какие-либо сведения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Но правильно то, что те сведения, которые Вы получили, исходили от представителя державы, охраняющей интересы воюющих стран. Я не знаю, помните ли вы его фамилию и был ли это Навиль или кто-другой?

ВЕСТГОФ: Я не понял вопроса.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Те сведения, которые Вы получили причем Вы говорите, что они были очень краткими, - Вы получили их от представителя Швейцарии, державы, охраняющей интересы воюющих стран. Это правильно?

H1197-0306

H1197-0307

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Теперь коснемся другой части документа, где Вы говорите о том, что Вы пытались установить связь с министерством иностранных дел. В конце абзаца Вы пишете: "Во всяком случае, мы не получили никаких сведений, и фельдмаршалу было указано, что такое положение дел совершенно нетерпимо, и что нам нужно связаться с министерством иностранных дел. Затем он заявил, что запрещено устанавливать связь с министерством иностранных дел". Это правильно?

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Я еще прочитаю две фразы: "Этот вопрос был поднят в палате общин в Англии, а затем с нашей стороны последовала нота. После этого меня совершенно неожиданно вызвал адмирал Бюркнер из иностранного отдела ОКВ, который поддерживал связь с министерством иностранных дел. Он позвонил мне по телефону ночью и сказал: "Фельдмаршал приказал мне немедленно подготовить ответ Англии. О чем все это? Я вообще об этом деле ничего не знаю". Я ответил: "Господин адмирал, простите меня, но генерал фон Грэвениц получил строгий приказ ни с кем не разговаривать по этому поводу". Также не разрешалось ничего излагать в письменном виде. Помимо этого, мы стояли перед совершившимся фактом. Этот приказ, повидимому, был издан Гиммлером и положение было таково, что мы ничего не могли сделать по этому поводу".

Это изложение правильно?

ВЕСТГОФ: Здесь слово "Гиммлер" опять спутано со словом "Гитлер".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Должно быть Гитлер?

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Помимо этого, все остальное правильно?

В основном подобное изложение беседы между адмиралом Бюркнером и Вами является правильным?

ВЕСТГОФ: Да,да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Далее Вы пишете, что адмирал хотел,чтобы Вы проинформировали его по этому вопросу; но вы знали только то, что Вам сказал господин из Швейцарии.Однако Вы делали попытки навести справки в гестапо. А в конце абзаца Вы пишете: "Затем само министерство иностранных дел занялось этим вопросом,После чего один из моих подчиненных,старший лейтенант Крафт,отправился в Берхтесгаден в то время,как я был в поездке. Тем временем подготавливалась нота в Англию Когда мы прочли эту ноту в английской газете,~~кжхткко~~ мы все были до того поражены,что схватились за головы. Нам казалось это сумасшествием,но мы ничего не могли сделать".Это правильно? И Вы действительно это говорили?

ВЕСТГОФ: Затем дело было передано министерству иностранных дел,которое получило поручение составить ноту Англии.Для этого,повидимому, был привлечен подполковник Крафт,в качестве лица,хорошо знающего саганское дело,для выяснения возможных сомнений.Но не следует считать,что подполковник Крафт принимал какое-либо участие в составлении этой ноты.Это было делом министерства иностранных дел. А он был там только для того, чтобы сразу же раз'яснить что-либо в положении дел если будут какие-либо сомнения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Я не намеревался читать следующую часть заявления,если только Трибунал не пожелает этого, ибо здесь Вы ясно говорите о том,что,по Вашему мнению,генерал-инспектор~~,генерал~~ Ретиг~~ер~~ никакого отношения к этому делу не имел. И,если Вы согласитесь с тем,что об этом говорится в следующих двух абзацах,я не буду беспокоить Вас подробностями

H1197-0308

H1197-0309

этого вопроса. Вы говорите,что генерал Ретиг не имел отношения к этому делу? Это правильно?

ВЕСТГОФ: Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Простите. Посмотрите,пожалуйста,на первую фразу.В ней Вы ясно говорите об этом. "Генерал-инспектор Ретиг никакого отношения к этому не имел. Он был полностью устранен от этого дела,благодаря тому,что все эти дела были переданы другим ведомствам.Повидимому,это было решено на совещании с фюрером,утром. Здесь имеется в виду совещание,на котором присутствовали фюрер,Гиммлер,Кейтель и Геринг".Это правильно? По-моему,Вы здесь хотите высказать свою точку зрения о том, что генерал Ретихе никакого отношения к делу не имел. Правильно?

ВЕСТГОФ: Генерал-инспектор отвечал за воспрепятствование проведение мероприятий побегам,но в данном случае он не имел никакого отношения к этому делу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Я говорил то же самое.Сейчас, пожалуйста,посмотрите на следующий параграф.Здесь также говорится о генерале Ретиге. Далее,об'ясняя положение офицеров,Вы говорите следующее: "Я только знаю о существовании приказа о том,что лишь офицеры и,насколько мне известно, только те, которые были схвачены самой гестапо, должны были не передаваться "в ее распоряжение".

После этого Вы говорите о разведке, но мы этого не будем касаться. В следующем абзаце Вы говорите: "Я получил доклад из лагеря,в котором сообщалось о том,что столько-то и столько-то людей было расстреляно при попытке к бегству. От гестапо я ничего не слышал об этом. Все это происходит так: доклады посылаются в лагерь, затем лагерь сообщает нам, что столько-то людей было вновь схвачено и столько-то рас-

стреляно. И таким образом идет сообщение.Гестапо никаких сведений мне не посылало; в тех случаях,когда мы пытались навести справки,она как бы случайно сообщала,что ей было задержано такое-то количество лиц"..А сейчас внимательно посмотрите на следующую фразу: "Фельдмаршал дал нам подробные инструкции об опубликовании в лагере списка расстрелянных, который бы явился предупреждением. Это было сделано.Это был прямой приказ,который мы не могли не выполнить".

Это правильно?

ВЕСТГОФ: Нам было приказано,чтобы список всех расстрелянных был для устрашения вывешен в лагере.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: В следующей фразе говорится: "По видимому, тела были сожжены,а урны с прахом посланы в лагерь". Затем говорится о погребении и о затруднениях,возникших в связи с этим. Через одну или две фразы вы говорите о том,что "такие дела всегда передавались более высшим властям затем они направлялись в партийную канцелярию,а что следовало затем,сам чорт не разберет. Сжигать военнопленных запрещалось". Потом вы говорите,что вы подняли вопрос о том, что это противоречит конвенции,и сказали: "Всякий раз,когда я обращался к офицерам и говорил: "Господа,мы действуем только в соответствии с конвенцией", - на следующий день всегда появлялся кто-либо из представителей высшей власти или из партийной канцелярии и говорил: " Господа, конвенция - это кусок бумаги, который нас не интересует". Это правильно в основном?

ВЕСТГОФ: Это не совсем верно. Главное командование вооруженных сил старалось соблюдать конвенции. Но ОКВ лишь с внешней стороны имело какое-то отношение к военнопленным.На самом деле руководили партийные и экономические учреждения.На-

H1197-0310

H1197-0311

пример,всякое распоряжение,исходившее из моего учреждения, следовало представлять на утверждение представителю партийной канцелярии,и тот устанавливал, должно ли это распоряжение быть издано.Устанавливал это он,а не ОКВ.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Я не хочу вдаваться в подробности. Далее вы говорите о том,что у Вас состоялась беседа с заместителем Бормана Фридрихом в партийной канцелярии.А в следующем длинном абзаце,который начинается словами:"Лагери для военнопленных летчиков находились в подчинении управления военно-воздушных сил"..Господин председатель,мы уже подробно рассматривали этот вопрос о структуре и я не хочу повторять этого.

Теперь обратите внимание на абзац,который идет после того, как Вы говорите о передаче военнопленных организации Гиммлера."Нам было сказано,что все лица, совершившие побег, должны быть расстреляны". Возможно,это начало следующего параграфа.В английском тексте это-начало следующего параграфа.Вы нашли? Это идет после длинного абзаца о лагерях для летчиков.

ВЕСТГОФ: Простите,какая это страница?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: В немецком и английском текста номера страниц не совпадают,но это начинается словами: "Нам было сказано,что все лица, совершившие побег, должны быть расстреляны..." Это - третий абзац с конца документа.Если Вы посмотрите конец документа,то Вы увидите абзац,начинающийся словами: "Я не могу вспомнить",а перед ним другой абзац: "Мы договорились с фельдмаршалом". А предшествующий абзац как раз начинается словами:

"Нам было сказано,что все лица,совершившие побег,должны быть расстреляны. Фельдмаршал запретил излагать на бумаге

все, что имеет отношение к этому вопросу. И только лагерям нужно было сообщать об этом с тем,чтобы они были в курсе дела. Я вновь обсудил этот вопрос ~~в~~ с Грэвеницем.Сейчас я уже не могу установить подробности. Мы обратились в гестапо относительно вопроса о возвращении трупов. Мы должны были получить их обратно. После этого Грэвениц уехал на фронт". Сейчас обратите,пожалуйста,внимание на следующую часть: "После этого я сказал старшему лейтенанту Крафту :-Я так не буду поступать.Во что бы то ни стало я хочу защитить себя с тем,чтобы потом меня не обвиняли в этом.Правда, фельдмаршал запретил излагать это на бумаге, но я должен иметь это в написанном виде.Это должно быть подписано фюрером".

ВЕСТГОФ: Это не совсем верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Скажите,какие изменения Вы хотели бы внести?

ВЕСТГОФ: Я хотел иметь письменный документ,который бы был подписан фельдмаршалом,и на этом основании я передал записку,в которой излагалось это совещание.Таким образом, я получил на всякий случай подпись фельдмаршала,чтобы иметь какой-либо письменный документ. Это действительно верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Обратите внимание на следующую фразу,мне кажется,она полностью соответствует тому, что Вы сказали:"Вопреки приказам фельдмаршала,я сделал вид,что неправильно понял.Затем я изложил все это на бумаге и сказал старшему лейтенанту Крафту : - я хочу включить слово "расстрел" с тем,чтобы Кейтель смог увидеть это слово в написанном виде,возможно, тогда он займет другую позицию. Когда я получил бумагу обратно,то увидел, что он на полях написал следующее: "Я не сказал определенно "расстрел", я сказал -

H1197-0312

H1197-0313

передать полиции или гестапо".

ВЕСТГОФ: Это не совсем так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Какие изменения Вы хотите внести, генерал?

ВЕСТГОФ: Я ясно сказал в своем письменном показании, что фельдмаршал написал на полях: "Я сказал не "расстрелять", а "передать гестапо".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Но ведь ~~это~~ там сказано то же самое, что имеется и в заявлении, ~~вы говорите, что~~ не так ли? Оно гласит: „Он на полях написал: "Я не сказал определенно "расстрелять"; я сказал - передать полиции или гестапо"... ~~Это то же самое...~~

ВЕСТГОФ: Да, это верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Я хочу уяснить этот вопрос, генерал. Проект приказа или бумага, которую вы представили фельдмаршалу, содержали слово "расстрел"?

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Далее вы говорите: "Мы договорились с фельдмаршалом передать этот вопрос на рассмотрение фюреру. Мы чувствовали, что что-то было не так..." Потом Вы говорите о том, что Вы должны были обратиться к полиции, и. приблизительно десятью строчками ниже Вы говорите: "В конце концов, не добившись того, что я хотел, я сам лично отправился в Берлин. Это был единственный раз, когда я видел Кальтенбруннера и я сказал ему: "Этот вопрос еще не решен, он должен быть передан фюреру. Так более не может продолжаться. Рано или поздно решение должно быть принято. Кроме того, я считаю, что все это дело следует оставить. Это-безумие. Оно и так нам причинило массу неприятностей. Поэтому я все еще придерживаюсь такого мнения, что это дело нужно или прекратить каким либо образом, или попытаться разубедить фюрера". Является ли

это в основном правильным изложением того,что Вы сказали подсудимому Кальтенбруннеру.

ВЕСТГОФ: Здесь речь идет не прямо об этом случае,а о приказе,который в связи с этим должен был издать Вагнер и который должен был быть представлен фюреру двумя путями: сперва через начальника ОКВ,а другой раз через Гиммлера. Этот приказ был представлен в проекте фельдмаршалу Кейтелю и затем этот проект пошел в гестапо. Гестапо прочло его и не передало дальше. Я не мог узнать почему.По этому поводу я однажды говорил лично с г-ном Кальтенбруннером.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Являлось ли это окончательной формой приказа о том,что сбежавшие военнопленные должны передаваться гестапо или полиции?

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Таким образом,здесь дело шло о будущем,т.е. о том, что должно быть сделано в будущем?

ВЕСТГОФ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Милорд,мне кажется, что дальнейшие подробности не существенны и их не стоит касаться, если только их не пожелает заслушать Трибунал.

Милорд,в конце заявления говорится лишь о поведении английских военнопленных и по этому разделу у меня вопросов нет.

Милорд,возник один вопрос,который,возможно,Трибунал рассмотрит сейчас. Мой коллега полковник Покровский имеет несколько других вопросов относительно обращения с советскими военнопленными,которые он желал бы задать этому свидетелю. Может быть, Трибунал сочтет удобным разрешить ему сейчас задать эти вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вероятно, будет удобнее,если сначала доктор Нельте задаст вопросы свидетелю,а потом уже полковник

H1197-0314

H1197-0315

Покровский.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Да,милорд, я думаю,что будет лучше выяснить сначала этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если только вопросы полковника Покровского не связаны с делом подсудимого Кейтеля.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ: Без сомнения,они касаются позиции ОКВ в отношении военнопленных,но они не имеют никакого отношения к лагерю Саган.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте,Вы желаете задать какие-либо вопросы этому свидетелю?

НЕЛЬТЕ: Господин свидетель, то,что было вам только что зачитано,было представлено здесь,как "заявление".Когда-либо Вы давали это заявление в устной или в письменной форме полностью?

ВЕСТГОФ: Я был однажды допрошен и протокол этого допроса,который был мне представлен,является обобщением моих показаний.Поэтому здесь имеется несколько ошибок,так как он был составлен без учета формы вопросов.

НЕЛЬТЕ: Стало быть, речь идет об обобщении того,что Вы говорили в Ваших ответах на вопросы на различных допросах.

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: Была ли Вам когда-либо предоставлена эта обобщающая записка?

ВЕСТГОФ: Нет.

НЕЛЬТЕ: У меня такое впечатление,что абзацы,которые были Вам только что зачитаны,были иногда слишком длинными и что Вы,собственно, давали ответ лишь на последнюю часть этого абзаца. Я хотел бы Вас теперь спросить,не были ли Вы допрошены еще раз после этого допроса в Лондоне?

ВЕСТГОФ: Я был допрошен здесь,в Нюрнберге.

НЕЛЬТЕ: Господином полковником Вильямсом?

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: И что сказал Вам полковник Вильямс в конце этого допроса,о чем он просил Вас?

ВЕСТГОФ: В конце допроса г-н полковник Вильямс поручил мне в кратких чертах описать основные положения допроса и составить аффидевит.

НЕЛЬТЕ: И Вы принесли присягу г-ну полковнику Вильямсу в связи с этим аффидевитом?

ВЕСТГОФ: Да,принес.

НЕЛЬТЕ: Теперь я хочу разобрать допрос,который произвел господин полковник Вильямс и который изложен в документе I450-РФ. Я передаю вам этот документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы имеете в виду под документом I450?

НЕЛЬТЕ: РФ-I450,этот документ находится ~~в моей книге документов~~ под № 5 в моей книге документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду РФ-I450. Не так ли?

НЕЛЬТЕ: Да. рф. Этот документ озаглавлен "Резюме допроса генерала Адольфа Вестгофа полковником Кертисом Вильямсом от 2 ноября I945 г."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту,доктор Нельте.

Трибунал считает,что Вы можете спросить свидетеля,делал ли он заявление другого характера во время предварительного допроса. Но документ,на который Вы сейчас ссылаетесь,является документом,который Трибунал отказался принять,в силу Ваших собственных возражений. Когда французы представили этот документ,Вы возражали против него и поэтому мы не разрешили его представление. А сейчас Вы можете лишь задать вопрос в такой форме: "Говорили ли Вы полков-

H1197-0316

H1197-0317

нику Вильямсу то-то и то-то?"

НЕЛЬТЕ: Здесь у меня имеется сопоставление важнейших пунктов, которые содержатся в документу или в записке полковника Вильямса и, по Вашим данным, неверны. Я спрашиваю Вас, что сказали ~~Вы~~ Вы полковнику Вильямсу при своем допросе, и сказали ли Вы ему вообще...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Нельте, Вы не можете заявлять, что они различны - Вы должны спросить его самого об этом, а не делать своих заявлений.

НЕЛЬТЕ: Что вы ответили полковнику Вильямсу на его вопрос, были ли лагеря военнопленных в своей совокупности подчинены ОКВ и фельдмаршалу Кейтелю?

ВЕСТГОФ: Лагеря военнопленных подчинялись ОКВ лишь в том смысле, что ОКВ имело право контроля над ними и использовало Международный Красный Крест. ОКВ не имело права отдавать приказы, касающиеся лагерей, и налагать взыскания на заключенных этих лагерей.

НЕЛЬТЕ: Что Вы ответили полковнику Вильямсу на вопрос о праве ОКВ инспектировать лагери?

ВЕСТГОФ: Главное командование вооруженными силами имело право инспектирования; это следует из моих служебных указаний, в которых ясно сказано, что инспектор имеет право осматривать лагери.

НЕЛЬТЕ: Что ответили Вы полковнику Вильямсу на вопрос, кому подчинялся стационарный лагерь ВВС № 3 в Сагане /Шталаг Люфт/.

ВЕСТГОФ: Стационарный лагерь ВВС № 3 в Сагане подчинялся командующему ВВС, так как ~~т.к.~~ командующий ВВС по своему собственному желанию получил в свое подчинение все ла-

гери военнопленных летчиков уже в начале войны.

НЕЛЬТЕ: Сказали Вы полковнику на один из его вопросов:"Геринг, Гиммлер, Кейтель и Гитлер решили расстрелять офицеров, бежавших из Сагана".[2]

Вы

8497

H1197-0318

H1197-0319

ВЕСТГОФ: Нет,это ошибка.Господин полковник Вильямс спросил меня,что сказал фюрер фельдмаршалу Кейтелю.На это я ясно ответил,что об этом я ничего не могу сказать,так как я не участвовал в этом совещании.Я могу лишь сказать о совещании фельдмаршала Кейтеля с генералом фон Гревениц.

НЕЛЬТЕ:Ответили ли Вы полковнику Вильямсу,что фельдмаршал Кейтель на этом совещании с генералом фон Гревениц сказал: "Это-мой приказ " ?

ВЕСТГОФ: Нет, фельдмаршал не мог дать приказа о расстреле,так как вопрос о расстрелах находился в ведении не ОКВ, а гестапо.

НЕЛЬТЕ: Говорили Вы на допросе полковнику Вильямсу,что Вы никогда не получали приказа самого Кейтеля или приказа, который Кейтель передал бы Вам по приказанию свыше ?

ВЕСТГОФ: Речь шла об информации генералу фон Гревенице. Это очень хорошо изложено в моем аффидевите.

НЕЛЬТЕ: Если я Вас верно понимаю,Вы заявляете,что фельдмаршал Кейтель никогда сам не отдавал или никогда не говорил, что он намерен отдать приказ о расстреле этих офицеров ?

ВЕСТГОФ: Да,он этого и не мог сделать.

НЕЛЬТЕ:В предыдущих вопросах представителя Обвинения речь шла о докладе,который,якобы,представил Вам комендант лагеря Герлиц.Это записано также в протоколе.Требовали Вы от коменданта лагеря Герлиц какой-либо доклад и получили ли Вы его?

ВЕСТГОФ: Я лично никакой связи не имел с комендантом лагеря Герлиц.Очевидно, это перепутано с высказыванием г-на Навиля из Швейцарии.

НЕЛЬТЕ: Верно ли,что на совещании между фельдмаршалом Кейтелем,с одной стороны, и генералом фон Гревениц и Вами, с другой, речь шла о двух вещах:Во-первых,о деле бежавших офицеров королевского воздушного флота и,во-вторых, о том, как следует действовать в будущем,что предпринять,чтобы не допускать более побегов?

8498

ВЕСТГОФ: Да,это так.

НЕЛЬТЕ: Теперь я хочу задать Вам вопросы,на которые,если это возможно,я просил бы Вас отвечать только - да,или нет.

Верно ли,что разговор о 50 офицерах королевского воздушного флота сводилась лишь к передаче информации о том,что было решено в высших сферах?

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ:Не спросил ли Вас генерал фон Гревениц при возвращении из главной ставки,что вообще следует делать,если гестапо захватит кого-нибудь в свои руки?

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: Таким образом,из всей Вашей беседы с Кейтелем было ясно, что это был приказ Гитлера Гиммлеру ?

ВЕСТГОФ: В отношении расстрела - да.

НЕЛЬТЕ: Не сказал ли Вам профессор Навиль после посещения лагеря Заган,что у него такое впечатление,что там действовали высшие силы,против которых ОКВ ничего не может сделать ?

ВЕСТГОФ:Да,он сказал это.

НЕЛЬТЕ: Имело ОКВ право отдавать какие-либо распоряжения относительно бежавших летчиков,относительно их поимки и обращения с ними,или было ясно,что ~~с этим делом~~ в этом отношении ~~для~~ ОКВ,к сожалению, ничего не могло сделать ? ~~покончено?~~

ВЕСТГОФ:ОКВ не могло больше приказывать,так как все дело уже перешло в другие руки.

НЕЛЬТЕ: Следовательно,поэтому неверно,что после этой беседы Кейтеля, Гревениц и Вестгофа было созвано еще одно совещание в ОКВ ?

ВЕСТГОФ: Нет,совещания в ОКВ больше не было.

НЕЛЬТЕ: Был представлен один документ - это документ Д-731,г-н председатель, в котором полковник Вальде говорит, по крайней мере в начале,что он должен был восстанавливать

8499

H1197-0320

H1197-0321

все события по памяти и,насколько он помнит,он считает,что в ОКВ состоялось совещание ,которое проводилось на Принц-Альбрехтштрассе.Знаете ли вы что-нибудь об этом?

ВЕСТРОФ: Об этом совещании я знаю лишь от Вас самих. ОКВ не могло созвать этого совещания,так как тогда оно происходило бы в Торгау,но оно имело место без сомнения в Берлине,как Вы мне сказали и созвано оно было не ОКВ.

НЕЛЬТЕ: Верно ли,что бежавшие офицеры,пойманные подразделениями армии ,были переданы опять в лагерь Заган и остались там?

ВЕСТРОФ: Да,это верно.

НЕЛЬТЕ: Были эти вновь пойманные военнопленные,переданные в лагерь,в каком-либо случае снова выданы?

ВЕСТРОФ: Нет.

НЕЛЬТЕ: Верно ли,что Вы от имени ОКВ дали начальнику лагеря строгое указание ни в коем случае не выдавать вновь приведенных в лагерь бежавших офицеров?

ВЕСТРОФ: Это указание было дано мною не командиру лагеря,а начальникам отделов по делам военнопленных при военных округах.

НЕЛЬТЕ: А через них начальникам лагерей?

ВЕСТРОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: Тут также упоминался приказ об опубликовании имен бежавших и ~~не~~вернувшихся пойманных летчиков.Вы сказали для "устрашающего примера".Чтобы уяснить себе мотивы издания пришедшего сверху приказа,я хотел бы Вас спросить,не сказал ли фельдмаршал Кейтель в качестве обоснования, что он надеется,что военнопленные будут так напуганы,что они в будущем больше не будут пытаться бежать ?

8500

ВЕСТГОФ:Да,фельдмаршал сказал это.

НЕЛЬТЕ: Вы говорили или Вам было зачитано,что фельдмаршал Кейтель сказал Вам и генералу фон Гревеницу,что обо всем этом деле не следует ничего и нигде ни писать,ни говорить?

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: Верно ли,что об этом деле,т.е. об этом совещании,Вы написали записку и представили ее Кейтелю?

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: Верно ли,что фельдмаршал Кейтель не осудил эти факты,как собственно следовало бы ожидать,а сделал только в верхнем углу Вашей записки свою пометку "К" ?

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: Верно ли,далее,что Вы, который должен был докладывать,неоднократно связывались с главным управлением имперской безопасности,чтобы узнать что-либо о судьбе этих несчастных офицеров ?

ВЕСТГОФ:Не только я связывался с главным управлением имперской безопасности,но,так как я ничего не добился,я доложил об этом делеУправлению общих дел вооруженных сил,но,насколько мне известно,они тоже ничего не добились.

НЕЛЬТЕ: Верно ли далее,что в связи с этим делом Вы просили представителя Международного Красного Креста доктора Навиля посетить лагерь Саган ?

ВЕСТГОФ :Да,я был инициатором этого посещения.

НЕЛЬТЕ: Верно ли далее,что фельдмаршал Кейтель позвонил Вам по телефону и сказал Вам,что министр иностранных дел хочет знать все подробности этого дела для составления ответной ноты Англии?

8501

H1197-0322

H1197-0323

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: И что поэтому вы должны были представить министерству иностранных дел подробное описание всего дела?

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: Сказал ли Кейтель по этому поводу, что Вы должны что-либо замалчивать или неверно изложить?

ВЕСТГОФ: Нет.

НЕЛЬТЕ: Имело ли отношение ОКВ к составлению ноты в ее окончательной редакции?

ВЕСТГОФ: Нет.

НЕЛЬТЕ: Верно ли, что Ваш заместитель, подполковник Крафт, был вызван на совещание, созванное министерством иностранных дел в Берхтесгадене, лишь для того, чтобы правдиво отвечать на возможные вопросы представителя министерства иностранных дел?

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: И, в заключение, верно ли, что подполковник Крафт сообщил Вам, что министерство иностранных дел представило Гитлеру проект ноты, а Гитлер отбросил его и составил ноту сам?

ВЕСТГОФ: Насколько я помню, это соответствует действительности.

НЕЛЬТЕ: Теперь вторая часть совещания Кейтеля, Гревеница и Вестгофа. Речь шла о том, как следует действовать в будущем. Вы сказали, что был составлен проект приказа и что следовало обсудить некоторые вопросы подведомственности, о которых нужно было договориться с главным управлением имперской безопасности. Скажите, в этой связи, какое отношение вообще имело главное управление имперской безопасности или Гиммлер к военнопленным ?

ВЕСТГОФ: Гиммлер отвечал за безопасность империи, поэтому ведал делом поимки всех бежавших военнопленных.

НЕЛЬТЕ: Были у него вследствие этого конфликты с Вами, отделом ОКВ по делам военнопленных ?

ВЕСТГОФ: В той степени, что часто, когда бежали военнопленные и мы спрашивали, куда они девались, мы не получали никаких сведений, или-же получали такие сведения, что их нельзя было использовать.

НЕЛЬТЕ: Означает -ли это, что Гиммлер и его подчиненные не давали Вам никакой информации, если они даже находили бежавших военнопленных ?

ВЕСТГОФ: Конечно, очень может быть. Часто так оно и было.

НЕЛЬТЕ: Употребляли- Вы в разработке или в проектах приказов и распоряжений относительно обращения с бежавшими военнопленными слова " степень Ш " ?

ВЕСТГОФ: Нет.

НЕЛЬТЕ: Знаете Вы о том, было-ли значение этих слов, равноценных смертному приговору, вообще известно в ОКВ ?

H1197-0324

H1197-0325

ВЕСТГОФ : Мне они не были известны. Первый раз у меня об этом спросили в Лондоне и я уже тогда ответил, что я ничего не могу сказать по этому поводу.

НЕЛЬТЕ: Если Вы говорите, то это относится и ко всей организации , к которой Вы принадлежали в ОКВ ?

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: У меня здесь имеется документ № 1514-ПС. Это- приказ командира 6-го военного округа об обращении с бежавшими военнопленными. В этом приказе Вы видите целый ряд ссылок на приказы прежних лет до 1942 года. Я спрашиваю, как Вы, имея Ваш опыт и знания полагаете, не должен ли был ~~бы~~ быть здесь упомянут приказ, изданный 4 марта 1944 года и имевший по своему содержанию важное значение ?

ВЕСТГОФ: Если речь идет о секретном приказе,—нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Нельте, по моему, Вы очень далеко удаляетесь от того вопроса, в связи с которым был вызван этот свидетель. Его, ведь, допрашивали о беседе, которую он имел с фельдмаршалом Кейтелем, а Вы задаете ему вопросы по поводу вещей, которые никакого отношения к этому не имеют, насколько я понимаю.

НЕЛЬТЕ: Я об"ясню. Это касается второй части этого совещания, а именно- обращения с захваченными бежавшими военнопленными. Это подготовительные вопросы, которые я должен задать, чтобы выяснить, по моему мнению...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но вы слишком долго допрашиваете свидетеля, которого Вы даже вообще не хотели вызывать. Трибунал желает, чтобы Вы по возможности сократили свой допрос.

НЕЛЬТЕ: Я сделаю его настолько кратким, насколько это позволяют интересы подсудимого.

Было принято в Германии, ссылаясь в приказе на какой либо приказ внешних инстанций, указывать номер и дату последнего?

ВЕСТГОФ: Да, всегда.

НЕЛЬТЕ: Сообщали Вы когда - либо державам, представляющим Ваши интересы или международному Красному Кресту о том, что бежавшие военнопленные не пойманы, в то время как Вы знали, что они уже пойманы.

ВЕСТГОФ: Нет.

НЕЛЬТЕ: Теперь я представлю Вам последний документ - 1650-ПС; известно-ли Вам...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Зачем представлять ему документ 1514-пс. Ему вообще не задавали вопросов, имеющих отношение к этому документу.

НЕЛЬТЕ: Из этого документа я получил подтверждение показаниям подсудимого о том, что, если-бы 4 марта 1944 года был издан приказ, который здесь был представлен, то на него была-бы ссылка в этом документе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что это излишняя трата времени, доктор Нельте.

НЕЛЬТЕ: Через несколько минут я окончу, господин председатель.

Пожалуйста взгляните на страницу 3-ю этого документа, пункт 2-й там сказано: „В ОКВ была передана просьба дать указа-концентрационным лагерям указания в интересах маскировки не передавать пойманных бежавших пленных непосредственно в Маутхаузен, а соответствующим местным полицейским инстанциям."

H1197-0326

H1197-0327

Работая в ОКВ, знали-ли Вы о такой просьбе или о таком приказе ?

ВЕСТГОФ: Мне было это не известно. Это относится к тому времени, когда я не был начальником.

НЕЛЬТЕ: Но , вступая 1.IУ-1944 г. в должность , Вы должны были узнать о всех событиях ?

ВЕСТГОФ. Да, конечно.

НЕЛЬТЕ: Стало-ли Вам при этом известно, что существовал такой документ ?

ВЕСТГОФ: Нет.

НЕЛЬТЕ: И теперь последний вопрос. Взгляните на первую страницу этого документа. Это- телеграмма начальника полиции безопасности и СД от 4.3-44 г. В первой части имеется следующий текст: " ОКВ приказало следующее: всех пойманных бежавших военнопленных офицеров и т.д. передавать начальнику полиции безопасности и СД, обозначая этих лиц словами " степень Ш ".

Подсудимый Кейтель показал здесь, что он не знает такого распоряжения ОКВ. Я прошу Вас сказать мне, нашли-ли Вы в документах, которые были представлены Вам при ~~вас в~~ Вашем вступлении ~~Вами на Вашу~~ в эту должность 1 апреля 1944 г., такой приказ, такое распоряжение ?

ВЕСТГОФ: Такого распоряжения я не нашел, но подобный приказ, без сомнения, существовал.

НЕЛЬТЕ: Только?

ВЕСТГОФ: Насколько я помню, генерал фон Гревениц получил этот приказ или в главной ставке или в управлении общих дел.

НЕЛЬТЕ: Как получилось так, что этот приказ не находился в Ваших документах ?

ВЕСТГОФ: Так, как было указание, передавать этот приказ только в устной форме.

НЕЛЬТЕ: Скажите, пожалуйста, каков-же был порядок, если этот приказ был- лишь устным ?

ВЕСТГОФ: Он мог передаваться устно.

НЕЛЬТЕ: То-есть через Ваш аппарат ?

ВЕСТГОФ: Он был передан дальше через начальника отдела по делам военнопленных.

НЕЛЬТЕ: Начальника ?

ВЕСТГОФ: Да.

НЕЛЬТЕ: И Вы знаете, что подобный приказ был передан ?

ВЕСТГОФ: Генерал фон Гревениц привез такой приказ и, насколько я знаю, этот приказ был передан дальше.

НЕЛЬТЕ: Тогда, Вы должны были знать также, что означает " Степень Ш" ?

ВЕСТГОФ: Нет, этого я как раз не знаю, я ведь сказал, что я знаю только, что такой приказ о передаче пойманных бежавших военнопленных существовал , но я не могу вспомнить деталей, так как я никогда не видел письменного приказа.

НЕЛЬТЕ: Можете-ли Вы тогда сказать, приказ, который у Вас в руках, изжан ОКВ ?

ВЕСТГОФ: Нет, я этого не могу сказать.

НЕЛЬТЕ: Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Об"является перерыв.

/ перерыв на 10 минут /

H1197-0328

H1197-0329

КАУФМАН: (защитник подсудимого Кальтенбруннера). Господин председатель разрешите мне задать несколько вопросов, которые относятся к подсудимому Кальтенбруннеру. Господин свидетель , ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р КАУФМАН, после этого мы собираемся вызвать свидетеля Виллина. Вам известно об этом ?

КАУФМАН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но Вы хотите допросить этого свидетеля. Не так ли ?

КАУФМАН: Здесь упоминалось имя Кальтенбруннера, поэтому я хочу задать лишь несколько вопросов.

Господин свидетель, Вы говорили здесь о том, что Вы говорили с гестапо и что Вы не получили от него никаких сведений. Знаете-ли Вы, с кем Вы разговаривали ?

ВЕСТГОФ: Нет. Совещания с гестапо имели место все время. В тех случаях, когда у нас бежали пленные и мы не знали, где они, мы всегда запрашивали гестапо. Но я был один раз у Кальтенбруннера и при том по вопросу, совершенно не относящемуся к военнопленным союзников. Так, как я имел при этом возможность личного разговора с г-ном Кальтенбруннером, я сразу-же стал говорить об этом и попытался добиться отмены этого приказа . Присутствовали г-н Кальтенбруннер и Мюллер.

КАУФМАН: Позднее, в Берлине Вы говорили с Кальтенбруннером о Саганском деле ?

ВЕСТГОФ: Да.

КАУФМАН: Вы говорили о Сагане ?

ВЕСТГОФ: Да, я тогда говорил с Кальтенбруннером об этой истории в Сагане и я сказал, что такие дела совершенно недопустимы.

8508

H1197-0330

КАУФМАН: Скажите, когда это было ?
Сколько времени прошло после событий в Загане ?

ВЕСТГОФ: Я этого уже не помню, мне кажется, это было четыре недели спустя .

КАУФМАН: Скажите, а что Вам сказал по этому делу г-н Кальтенбруннер ? Как он отнесся к этой проблеме ?

ВЕСТГОФ: Кальтенбруннер сам почти совсем не говорил со мной, все время говорил Мюллер, и я ушел не получив в ответ ни " нет" , ни " да".

КАУФМАН: Мюллер принимал участие и во второй беседе в Берлине ?

ВЕСТГОФ: Я был только один раз в Берлине.

КАУФМАН: Предметом этой беседы был вопрос о том, как в дальнейшем упорядочить дело с военнопленными ?

ВЕСТГОФ: Нет.

КАУФМАН: Значит, Вы говорили только о случае в Загане ?

ВЕСТГОФ: Нет, не только о Загане. Я был вызван к г-ну Кальтенбруннеру по другому вопросу, а именно по вопросу о немецких военнопленных. Я воспользовался этим случаем и начал с ним говорить и об этом деле. Это единственный случай, когда я вообще говорил с Кальтенбруннером.

КАУФМАН: И в этой беседе Вы не получили ни отрицательного, ни положительного ответа ?

ВЕСТГОФ: Да.

КАУФМАН: Какое впечатление у Вас осталось от этой беседы ?

ВЕСТГОФ: У меня создалось такое впечатление, что нельзя многого сделать.

8509

H1197-0330

H1197-0331

КАУФМАН: Вы доложили своим начальникам об этой беседе ?

ВЕСТГОФ: Да, я в свое время сообщил об этом Управлению общих дел.

КАУФМАН: А что именно Вы сообщили ?

ВЕСТГОФ: Я сообщил, что я еще раз говорил об этом с г-ном Кальтенбруннером.

КАУФМАН: Но только этого ведь недостаточно г-н свидетель. В этом важном вопросе Вы затем, наверное, сообщили и о содержании беседы, а не только о самом факте ?

ВЕСТГОФ: Ну, конечно, я изложил и содержание беседы. Я сообщил, что я еще раз обсудил это дело и что гестапо заняло выжидательную позицию.

КАУФМАН: У меня больше нет вопросов, господин председатель.

/ К микрофону подходит защитник Штамер /

ШТАМЕР: / защитник подсудимого Геринга/.

Господин свидетель, о том факте, что на совещании между Гиммлером, Гитлером и Кейтелем, посвященном вопросу об этих 80 бежавших летчиках, присутствовал рейхсмаршал Геринг, Вы знали сами или-же Вы узнали об этом только через фельдмаршала Кейтеля ?

ВЕСТГОФ: Об этом я узнал только через фельдмаршала Кейтеля .

ШТАМЕР: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Латернзер, Вы кажется намереваетесь задать вопросы по делу верховного командования ?
Не так-ли ?

H1197-0332

ВЕСТГОФ: В какой связи ?

ЛАТЕРНЗЕР: После того, как ~~вы~~ Вы получили приказ наступать, как я полагаю, Вы, как командиру батальона, собрали своих командиров рот, обсудили с ними некоторые вопросы перед началом похода ?

ВЕСТГОФ: Я сказал им, как они должны себя держать в бою и как они должны были себя вести по отношению к русскому населению, а также по отношению к военнопленным.

ЛАТЕРНЗЕР: Да, какие указания дали Вы своим командирам рот ?

ВЕСТГОФ: В очень короткой форме я дал командирам рот указание обращаться с каждым военнопленным так, как он сам хотел, если-бы был на месте пленного.

ЛАТЕРНЗЕР: Вы требовали этого ?

ВЕСТГОФ: Да, это был приказ.

ЛАТЕРНЗЕР: Скажите, как вели себя солдаты во время наступления ?

ВЕСТГОФ: Мы дошли до Киева все время с боями и поэтому почти не соприкасались с гражданским населением.

ЛАТЕРНЗЕР: При наступлении в России, Вы видели большие разрушения ?

ВЕСТГОФ: Да, мы видели такие разрушения; были разрушены целые деревни и небольшие города.

ЛАТЕРНЗЕР: Железнодорожные сооружения ?

ВЕСТГОФ: Да, конечно.

ЛАТЕРНЗЕР: Промышленность ?

ВЕСТГОФ: Да, это я видел под Ленинградом позже.

ЛАТЕРНЗЕР: Выполнялся ли у Вас приказ, по которому русских советских комиссаров следовало расстреливать после взятия их в плен?

ВЕСТГОФ: Мы к этому не имели никакого отношения. Всех захваченных военнопленных мы отсылали в дивизию. Мы командиры частей, полков, батальонов не имели к этому никакого отношения, да и не имели возможности делать это.

ЛАТЕРНЗЕР: Г-н свидетель, вы неправильно ответили на мой вопрос. Я спросил у Вас, выполнялся ли у Вас этот приказ?

ВЕСТГОФ: Я ничего не знаю об этом.

ЛАТЕРНЗЕР: Вы получали когда-либо приказ действовать против еврейского населения в России?

ВЕСТГОФ: Нет.

ЛАТЕРНЗЕР: Скажите, Ваши солдаты издевались над гражданским населением и пленными в России, или расстреливали их?

ВЕСТГОФ: Нет. Был специальный приказ о поддержании дисциплины для того, чтобы этого не делали.

ЛАТЕРНЗЕР: Было ли разрешено грабить?

ВЕСТГОФ: Нет, это было категорически запрещено.

ЛАТЕРНЗЕР: Но были случаи грабежа?

ВЕСТГОФ: Нет, в моей части нет.

ЛАТЕРНЗЕР: Были ли случаи изнасилования со стороны солдат Вашей части?

ВЕСТГОФ: Нет, я не знаю ни одного случая.

ЛАТЕРНЗЕР: Скажите, гражданское население должно было полностью очищать дома, которые были заняты войсками?

ВЕСТГОФ: Нет, существовал приказ, по которому дома должны были быть освобождены только в том случае, если там размещались служебные помещения. Другие дома не нужно было осво-

H1197-0333

H1197-0334

бождать, как правило, если, например, я получал квартиру, я спал вместе с хозяевами в одной комнате.

ЛАТЕРНЗЕР: Производились ли такие разрушения, которые не были вызваны военной необходимостью?

ВЕСТГОФ: Нет.

ЛАТЕРНЗЕР: Скажите, вы давали иногда или часто еду из полевой кухни голодному гражданскому населению ?

ВЕСТГОФ: Полку было приказано, всю остающуюся пищу в обед и вечером отдавать гражданскому населению в том случае, если мы вообще соприкасались с ним.

ЛАТЕРНЗЕР: И последний вопрос, господин свидетель, считаете ли Вы возможным, что немецкие солдаты приглашали русских детей пить кофе, отравляя их при этом пирожными?

ВЕСТГОФ: Нет.

ЛАТЕРНЗЕР: У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Неужели Вы считаете, что этот свидетель является одним из свидетелей по делу ОКВ?

ЛАТЕРНЗЕР: Нет, нет, я хотел...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы считаете своей обязанностью допрашивать любого военнослужащего по делу ОКВ?

ЛАТЕРНЗЕР: Г-н председатель, насколько я понял, до сих пор, как правило, каждый свидетель мог быть допрошен защитником, этого правила я придерживался до сих пор, считая себя обязанным задать свидетелю те вопросы, которые у меня имелись.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я задал Вам очень простой вопрос, - считаете ли Вы своей обязанностью задавать вопросы по делу ОКВ любому военнослужащему, вызванному в качестве свидетеля?

ЛАТЕРНЗЕР: Да, господин Председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, что это было бы в высшей степени кумулятивно. Мы будем получать показания по делу ОКВ приблизительно от 30-40 свидетелей. Правда, это разрешалось ранее, но каждый из защитников по возможности был ограничен представлением только тех доказательств, которые не являлись совпадающими. Поэтому я и прервал Вас, ибо мне кажется, что Вы именно этим и хотели заняться. Вы требуете права опроса всех военнослужащих, но тогда Ваши доказательства будут в значительной мере кумулятивными.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин Председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Види-те ли, д-р Латернзер, вопросы, которые Вы задавали этому свидетелю, ставят своей целью показать, что полковые офицеры и солдаты германской армии вели себя прилично, да нельзя было и ожидать, что бы они вели себя неприлично. И это не имеет никакого отношения к вопросу о том, является ли Верховное командование преступной организацией или нет. Во всяком случае, по моему мнению, будут просто создаваться доказательства кумулятивного характера, если Вы будете проводить допросы подобным образом.

ЛАТЕРНЗЕР: Господин Председатель, в частности русское Обвинение представило настолько много обвинительного материала по делу ОКВ, что русское Обвинение само решило, что все эти приказы исходили от генерального штаба и ОКВ, и я хотел опросом этого свидетеля установить, были ли какие-либо последствия в низших инстанциях и эти показания подтвердили, что это не так. В ином случае я должен бы был...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но во всяком случае, д-р Латернзер, Трибунал теперь знает Вашу позицию и решит в какой степени Вам будет разрешено в будущем проводить подобные допросы.

ЛАТЕРНЗЕР: Хорошо.

8515

H1197-0335

H1197-0336

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Покровский !

(К микрофону подходит полковник Покровский).

ПОКРОВСКИЙ: Мне кажется, свидетель, что 28 декабря 1945 года Вы были допрошены представителем советского обвинения? Не так ли?

ВЕСТГОФ: Так точно.

ПОКРОВСКИЙ: Вы давали правильные показания?

ВЕСТГОФ: Так точно.

ПОКРОВСКИЙ: Не подтвердите ли Вы некоторые из Ваших ответов на те вопросы, которые Вам были заданы тогда, если я Вам напомню, о чем Вы говорите?

ВЕСТГОФ: Так точно.

ПОКРОВСКИЙ: Как Вы сказали, в Вашем отделе было шесть групп? Это правильно?

ВЕСТГОФ: Так точно.

ПОКРОВСКИЙ: Вы говорили, что первая группа отдела, т.е я имею в виду общий отдел по делам военнопленных, во главе которого стояли Вы с 1 марта 1943 года по 31 марта 1944 года, так, кажется?

ВЕСТГОФ: Так точно.

ПОКРОВСКИЙ: Так вот, первая группа этого отдела занималась в целом Xxxxxxx вопросами обращения с военнопленными, частности, вопросами о судебных делах и наказаниях. Эта группа получала доклады о настроениях и вела переписку с контрразведкой. Это правильно?

ВЕСТГОФ: Да, с контрразведкой...

ПОКРОВСКИЙ: Вот, в связи с Вашим ответом на этот вопрос я хотел бы, чтобы Вы сказали Трибуналу, что Вам было известно относительно обращения с советскими военнопленными самих лагерях и тогда, когда военнопленных переводили из одного лагеря в другой?

8516

ВЕСТГОФ: На сколько мне известно, с русскими военнопленными до 1942 года обращались, исходя из чисто политических принципов. С 1942 года это было изменено и с 1943 года, когда я был в ОКВ, с военнопленными обращались, согласно требованиям Женевской конвенции, т.е. это обращение было во всех отношениях таким же, как и с другими военнопленными. Снабжение было таким же, как и снабжение других военнопленных, их использование на работе во всех деталях совпадало с использованием на работах военнопленных других стран, за немногим исключениями.

ПОКРОВСКИЙ: Если я не ошибаюсь, четвертая группа Вашего отдела ведала специально вопросами питания, обмундирования военнопленных. Не так ли?

ВЕСТГОФ: Задачей четвертой группы были административные дела. Она, разрабатывала распоряжения о снабжении военнопленных вместе с министерством питания, а также рассматривала вопрос относительно обмундирования военнопленных.

ПОКРОВСКИЙ : Значит, если я Вас правильно понял, ~~во~~ Вы сказали, что до Вашего прихода в Ваш отдел по сведениям, которые Вы получали, с советскими военнопленными не обращались так, как это требовалось международным правом? Я правильно Вас понял

ВЕСТГОФ: Нет, я сказал, что в первые годы с военнопленными обращались согласно политическим принципам, которые определялись самим Гитлером, а не ОКВ.

ПОКРОВСКИЙ: То-есть, Вы что этим хотите сказать?

ВЕСТГОФ: Я хочу этим сказать, что с ними не обращались так, как того требовала Женевская конвенция, до 1942 года.

ПОКРОВСКИЙ: То-есть не в соответствии с требованиями международного права?

ВЕСТГОФ: Я не могу ничего более точно сказать об этом, так как я в то время был еще на фронте и не знаю в деталях этих

H1197-0337

H1197-0338

распоряжений.

ПОКРОВСКИЙ: Хорошо. Скажите, была ли в ОКВ специальная группа, которая занималась вопросами перевозок военнопленных по железным дорогам?

ВЕСТГОФ: ОКВ имело у меня группу, которая ведала перевозками военнопленных. Сами перевозки не были делом Главного командования, это было делом отдельных начальников лагерей.

ПОКРОВСКИЙ: Вам известно, в каких условиях происходили эти перевозки военнопленных?

ВЕСТГОФ: Приказы о перевозке военнопленных поступали из главного командования вооруженных сил. Сами перевозки военнопленных производились начальниками лагерей, которые получали на это приказы от начальников отделов по делам военнопленных при военных округах. К самим перевозкам ОКВ не имело никакого отношения.

ПОКРОВСКИЙ: Я задал Вам вопрос, известно ли Вам, в каких условиях происходили эти перевозки? Известно ли Вам, что во время эти перевозок гибли от холода и голода тысячи военнопленных? Вы что-нибудь об этом знаете или нет?

ВЕСТГОФ: Перевозки, при которых военнопленных умирали могли иметь место только в первые годы, когда я еще не был в ОКВ. Когда я был на этом посту, я не получал сведений о большой смертности. Те приказы, которые издавало ОКВ о перевозке военнопленных, были недвусмысленны и вся ответственность за перевозку была возложена на начальников лагерей, которые отправляли эти эшелоны.

ПОКРОВСКИЙ: Вы сейчас подтвердили, что Вам известно, что при перевозках военнопленные массами умирали. Сейчас я Вам пред'явлю документ за № 1021-ПС, 292-СССР. Это, господа судьи,

документальная запись доклада. Запись сделана управлением военной экономики ОКВ. 19 февраля 1942 г. в 10 часов утра. Этот документ Суду еще не пред'являлся.

В государственной экономической палате, заслушивался доклад министериального директора доктора Мансфельда, генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Те три строчки, которые меня особенно интересуют, отмечены в Вашем экземпляре красным карандашом. Посмотрите, свидетель, на этот документ. Там сказано: "Использование этих русских исключительно упирается в вопрос транспорта. Бессмысленно перевозить эти рабочие руки в открытых или нетопленных закрытых товарных вагонах, чтобы на месте прибытия выгружать трупы". Не так ли?

ВЕСТГОФ: Так точно.

ПОКРОВСКИЙ: Слышали ли Вы что-нибудь о таких перевозках, когда вместо эшелона живых людей выгружали на месте трупы, хотя бы такие факты происходили и до Вашего прихода в ОКВ? Вам никто не рассказывал о таких "порядках"?

ВЕСТГОФ: Об этих перевозках я ничего не слышал; так как это не входило в компетенцию ОКВ, а входило в компетенцию фронтовых инстанций, как это можно установить из этого документа. Компетенция ОКВ распространялась, главным образом, на Германскую империю и пограничные государства и только здесь ОКВ могло распоряжаться военнопленными, а не в районе операций и не в армейском тылу. В этом отношении это было делом, с которым ОКВ вообще не было связано. Мы получали военнопленных от сухопутных сил, нам докладывали - Вы получите столько-то военнопленных, и мы их принимали в свои лагеря. Мы не могли подробно проконтролировать того, что случалось

H1197-0339

H1197-0340

в прифронтовой полосе с этими людьми. Кроме того, эта история происходила в 1942 году, когда я еще был на фронте.

ПОКРОВСКИЙ: Посмотрите на левую сторону этого документа вверху. Там,кажется, сделана отметка, что документ исходит из управления военной экономики и промышленности ОКВ. Не так ли ? В левом углу, наверху, там где стоит № К 32/510.

ВЕСТГОФ: С управлением вооружения моя инстанция не имела никогда никакой связи.

ПОКРОВСКИЙ: Хорошо. Не кажется ли Вам, что этот документ подтверждает, что ОКВ знало об этих перевозках?

У меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Покровский, так как этот документ еще ранее не представлялся в качестве доказательства и не известно имеется ли перевод его, то не следует ли Вам огласить первый абзац этого документа. Там, повидимому, имеются существенные доказательства.

ПОКРОВСКИЙ: Сейчас я это сделаю. В первом абзаце этого документа, в том виде, как он имеется в русском переводе, сказано: "Документальная запись касательно доклада министериального директора д-ра Мансфельда, генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, по общему вопросу об использовании рабочей силы. Время: 19 февраля 1942 года, 10 часов. Место: Государственная экономическая палата. Присутствовали: от управления военной экономики и промышленности штаба вооруженных сил д-р Гротиус... Современные трудности в вопросе использования рабочей силы не возникли бы, если бы мы своевременно решились на использование русских военнопленных в больших масштабах". Это первый абзац, господин Председатель, дальше в этом документе меня интересовали вот эти три строчки:

"3,9 миллиона русских находились в нашем распоряжении. В настоящее время их осталось всего 1,1 миллиона. Только в ноябре 1941 г. - январе 1942 года умерло полмиллиона русских". Мне кажется, что дальше, очевидно, его можно и не оглашать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте...

ПОКРОВСКИЙ: "Вряд ли представится возможным увеличить количество занятых теперь русских военнопленных 400 тысяч. Если снизится цифра заболеваний тифом, то появится, вероятно, возаожность привлечь в хозяйство еще 100-150 тысяч русских; напротив, использование русских гражданских лиц получает все большее значение. В общей сложности, в нашем распоряжении находится 600-650 тысяч русских гражданских лиц, из которых 300 тысяч промышленных квалифицированных рабочих и 300 тысяч - 350 тысяч сельско-хозяйственных рабочих. Использование этих русских исключительно упирается в вопрос транспорта. Бессмысленно перевозить..." и т.д.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Остальное Вы уже читали.

ПОКРОВСКИЙ: Я еще раз прошу обратить Ваше внимание не то, что документ этот имеет штам "Управление военной экономики и промышленности штаба вооруженных сил". Это - в левом углу наверху.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Покровский, в нашем переводе этого нет. Но я думаю, что Вы правы. Во всяком случае, я не вижу этого в нашем экземпляре. Не можете ли Вы показать нам Ваш документ?

ПОКРОВСКИЙ: Подлинник сейчас передан Вам. Это написано в левом углу сверху.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имеете в виду, что эти буквы и цифры означают ОКВ? 8521

H1197-0341

H1197-0342

ПОКРОВСКИЙ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему вы считаете что это так?

Я вижу здесь просто буквы: РУ Ш З.С.Т. АЗ и К 32/310 ВИ, РУ АМТ/РУ Ш З. С.Т.

ПОКРОВСКИЙ: При расшифровке этих обозначений, которая была произведена нашими американскими коллегами, именно так и следует понимать эти буквы и цифры в соответствии с теми данными по структуре ОКВ, которыми располагает американское обвинение. Это обычная зашифровка цифрами и буквами - отделов и управлений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал хотел бы, чтобы Вы спросили свидетеля, известно ли ему что-нибудь о человеке, упомянутом немного ниже в правой стороне документа... доктор Гротиус... Впрочем, я сам спрошу его.

(Обращаясь к свидетелю): Свидетель, известно ли Вам, кто был доктор Гротиус и работал ли он в ОКВ или в штабе сухопутных сил?

ВЕСТГОФ: Нет, я никогда не слышал этого имени и никогда не имел с ним дела.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У Вас имеется перед Вами документ?

ВЕСТГОФ: Нет, у меня его сейчас нет (Передают документ).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Взгляните на буквы, которые имеются перед фамилией Гротиус; указывают ли они на то, что он был сотрудником ОКВ?

ПОКРОВСКИЙ: Я, господин Председатель, не задавал свидетелю вопроса о Гота, так как он ранее мне сказал, что в управление вооруженных сил он пришел значительно позднее - в 1943 году, а документ датирован 20 февраля 1942 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (обращаясь к свидетелю): Эти буквы перед фамилией Гротиуса указывают, что он работал в ОКВ?

ВЕСТГОФ: Я не знаю, какое значение имеют эти буквы. ОКВ никакого отношения к этому делу ведь не имеет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не знаете ли Вы, что означают буквы, имеющиеся сверху, в левом углу? Буквы, которые я только что прочел?

ВЕСТГОФ: Ри Ш?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

ВЕСТГОФ: Это, очевидно, означает III управление вооружения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это управление связано с ОКВ?

ВЕСТГОФ: Я не знаю этого, так как я никогда не имел никакого отношения к управлениям вооружения, ОКВ, по крайней мере, мой отдел, переписывался лишь с генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы и с министерством вооружения Шпеера. Как они там разделялись, я не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Знакомы ли Вы с доктором Мансфельдом или знаете Вы что-либо о нем?

ВЕСТГОФ: Я не понял вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Знали ли Вы доктора Мансфельда?

ВЕСТГОФ: Я не знаю его и никогда не слышал этой фамилии.

ПОКРОВСКИЙ: По вопросу о докторе Мансфельде, очевидно можно будет допросить Заукеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Покровский, формально говоря Трибунал, конечно, не может, лишь на основании Вашего заявления согласиться с тем, что эти буквы обозначают ОКВ. Возможно, это и правильно, но Вы сами не можете давать показаний по

H1197-0343

H1197-0344

этому поводу. Вы только можете доказать это каким-либо другим путем.

ПОКРОВСКИЙ: Здесь докладывалась Трибуналу схема ОКВ. Те лица, которые расшифровали эти буквы, в достаточной степени знакомы с этой схемой, и мне кажется, что утверждение свидетеля, сделанное здесь, устанавливает, что речь идет о третьем управлении вооружения. Он так назвал. Но вообще это очень легко, конечно, доказать, сопоставив со схемой. Мы это можем сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель может удалиться. (Свидетеля уводят). Сейчас будет об'явлен перерыв. Трибунал желает, чтобы в два часа был вызван другой свидетель-Вилен.

(Перерыв до 2-х часов).

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 10 апреля 1946 г.

Вечернее заседание.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я не знаю, желает ли Ваша честь ознакомиться с тем, что означают эти буквы. Они у меня имеются и если Ваша честь желает с ними ознакомиться, то следует обратиться к последнему документу I20I-ПС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, благодарю Вас.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, мне кажется, что Вам следует обратить внимание только на то место, где появляется имя др. Кротиуса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: "Ви Рю Амт", что означает управление экономики и вооружения, которое, как Ваша честь помнит, тогда в ОКВ возглавлял генерал Томас. Милорд, другие буквы "КУР" - советник по вопросам военной администрации.

Я не думаю, милорд, что спорно то, что этот документ исходил из управления ОКВ, которое возглавлял генерал Томас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

ЛАТЕРНЗЕР: /Защитник Генерального Штаба и ОКВ/. Г-н Председатель, я прошу разрешить мне дать раз"яснение по поводу этого документа. Я хочу обратить Ваше внимание на то, что совсем ясно ~~не совместно~~ следует установить, какому учреждению принадлежит заголовок, т.е. первая строчка, тогда как вторая строчка, на которую ссылался сэр Дэвид Файф,

H1197-0345

H1197-0346

начинается АЦег - это означает "шифр дела", т.е. ссылку на документ Управления экономики и вооружения ОКВ. Однако это не определяет еще автора этого документа, которого можно установить только на основании того, как истолковать первую строчку:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы это понимаете?

Д-р ЛАТЕРНЗЕР: Да, я понимаю это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

Д-р ЛАТЕРНЗЕР: Следовательно, автора этого документа можно найти только выяснив, что означает первая строчка, ибо вторая является только сокращением обозначения "шифр дела", что следует из букв А-Цег, что означает актенцейхен /т.е. шифр дела/. Здесь, очевидно, эта пометка находится в связи с документом Управления экономики и вооружения. Это все, что я хотел сказать в связи с этим.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не знаю, желает ли Ваша честь получить дополнительную информацию. Мне кажется, что этот вопрос вполне ясен. Этот документ взят из архива управления по делам экономики и вооружения, которое я упоминал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что это те же буквы?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Те же буквы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне сейчас об"яснили, что то, что сказал д-р Латернзер заключается в том, что буквы "АЦ 32/510 просто означают, что этот документ взять из архивов этого управления.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, милорд, для того, чтобы определить к архивам какого управления относится этот документ - следует посмотреть на обозначение "Ви Ру" это означает управление экономики и вооружения, отдел вооружения № 3.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, Трибунал считает, что было-бы гораздо лучше, если бы мы сейчас прямо приступили к допросу этого свидетеля со стороны обвинения и защиты.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Ваша честь, мой коллега г-н Роберте будет допрашивать этого свидетеля. Он подобрал краткие выдержки из заявлений, которые он зачитает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

/Мако Вилен, свидетель, подходит к пульту и дает следующие показания:/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель, как Ваше имя и фамилия?

СВИДЕТЕЛЬ: Мако Вилен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это Ваше полное имя?

ВИЛЕН: Да, Мако Вилен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги. Клянусь Богом...

ВИЛЕН: Клянусь Богом...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Всемогущим и всеведущим...

ВИЛЕН: Всемогущим и всеведущим...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что я буду говорить чистую правду...

ВИЛЕН: Что я буду говорить чистую правду...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ничего не утаю и ничего не прибавлю...

ВИЛЕН: Ничего не утаю и ничего не прибавлю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

Г-н РОБЕРТС: Мако Вилен, Вы дали два показания в Лондоне через полковника Кука?

ВИЛЕН: Да.

Г-н РОБЕРТС: У нас здесь имеются фотостаты этих двух показаний, данных Вами - первое - датировано 26 августа 1945 г., а второе - 6 сентября 1945 года. /Фотостаты передаются свидетелю/. Это фотостаты ваших письменных показаний? Подтверждаете ли Вы их подлинность? Видите-ли Вы вашу подпись в конце каждого из этих показаний?

8527

H1197-0347

H1197-0348

ВИЛЕН: Да.

Г-н РОБЕРТС: И в этих двух показаниях Вы говорили правду?

ВИЛЕН: Да, я говорил правду.

Г-н РОБЕРТС: Милорд, могу ли я сейчас огласить некоторые выдержки с тем, чтобы их можно было бы внести в протокол.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

Г-н РОБЕРТС: /к Вилену/. Возьмите вначале Ваше первое показание. Вначале этого показания имеется Ваше имя, а затем перечисляются те посты, которые Вы занимали в СС и в уголовной полиции. Это так неправда-ли?

ВИЛЕН: Да.

Г-н РОБЕРТС: Теперь следите за мной. Это в начале этого показания.

ВИЛЕН: Это заявление от 6/IX ?

Г-н РОБЕРТС: Я сейчас говорю о первом Вашем показании.

ВИЛЕН: О первом, хорошо.

Г-н РОБЕРТС: Следите за мной, я сейчас буду оглашать. Я хочу зачитать всю первую страницу. Старший правительственный советник и советник уголовной полиции, СС оберштурмбанфюрер.

ВИЛЕН: Старший правительственный советник и советник уголовной полиции, а не СС

Г-н РОБЕРТС: Я не хочу, чтобы Вы читали, я хочу чтобы Вы слушали меня. ...бывший начальник уголовной полиции в Бреслау.

"Я должен сказать в ответ на вопрос о том, известно ли мне что нибудь относительно расстрела английских военнопленных, офицеров военно-воздушных сил, находившихся в заключении в лагере для военнопленных в Сагане, что я кое-что знаю по этому поводу, и я хочу дать следующие показания.

"Расстрел производился на основании личных приказов бывшего фюрера организацией гестапо. Начальником управления гестапо в Бреслау в то время был оберегирунгсрат доктор Шарпинкель. Его непосредственными начальниками были: начальник полиции безопасности обергруппенфюрер СС доктор Кальтенбруннер и начальник АМТ-4, главного управления госуд. безопасности, СС группенфюрер Мюллер. Я не в состоянии сейчас перечислить фамилии начальников управления гестапо, которые производили расстрелы в подчиненных им районах. Я прилагаю небольшую таблицу, которая показывает схему организации полиции безопасности".

Теперь я перехожу к концу страницы 2-й английского текста. Цитирую, это в конце 3-й страницы того экземпляра, который имеется у свидетеля на немецком языке.

"В течение некоторого времени" - речь идет только о Шталаге № 3 - было вырыто 99 туннелей для организации побега. Все они были обнаружены военными властями. Работа по рытью ста туннелей в марте 1944 года оказалась успешной, т.к. 80 офицерам удалось совершить через них побег. Отправив телефонограмму от командования лагерем в адрес уголовной полиции, я дал приказ об"явить всеобщий розыск бежавших в соответствии с имеющимися чрезвычайными указаниями по этому поводу и согласно предложению доктора Абсалона, а также учитывая то, что прошло значительное количество времени. Более того, об этом было сообщено начальнику имперской уголовной полиции, который и дал свое согласие и подтвердил приказ о всеобщей тревоге.

Постепенно розыск, который проводился во всех частях Германии привел к тому, что все бежавшие английские офицеры, за исключением трех, были вновь арестованы. Большинство из них было схвачено в Силезии, некоторые сумели достиг-

H1197-0349

H1197-0350

нуть Киля, Страссбурга и Алгава. В один из этих дней я получил по телеграфу указание от генерала Небе прибыть немедленно в Берлин для того, чтобы ознакомиться с секретным приказом. Когда я прибыл в Берлин, я встретился с генералом Небе в его управлении на Вердентер Маркт 5-7: Я дал ему краткий отчет о положении вещей. Затем он показал мне напечатанный приказ, подписанный Кальтенбруннером, в котором говорилось, что по личному приказу фюрера более половины офицеров, совершивших побег из Сагана, должны быть расстреляны после того, как они будут схвачены. Начальник 4-го управления группенфюрер СС Мюллер получил подобное-же распоряжение и соответственно инструктировал государственную полицию. Военные власти были также поставлены об этом в известность. Сам генерал Небе, казалось, был чрезвычайно поражен этим приказом. Он был выведен из состояния равновесия. Позднее я узнал, что он несколько ночей подряд совершенно не ложился спать, а провел их в своем управлении.

Я также был чрезвычайно испуган тем, что будут приняты эти жестокие меры и выступил против их осуществления, заявив, что это будет противоречить законам ведения войны и приведет к репрессиям в отношении наших военнопленных, находившихся в английских лагерях для военнопленных и я категорически отказался нести за это какую либо ответственность. На это генерал Небе мне заявил, что в данном случае я не должен нести никакой ответственности, потому, что государственная полиция будет действовать совершенно независимо и, в конце концов, приказы фюрера должны выполняться безоговорочно.

Я хочу указать на то, что, когда я впервые отказался быть ответственным, я действовал согласно своим чувствам, но я знал, что я не смогу отстоять свою точку зрения, учитывая условия, которые сложились в системе полиции безопасности. Затем генерал Небе добавил, что я, со своей стороны должен сохранять абсолютную тайну по этому поводу и мне был показан оригинал приказа, для того, чтобы я не препятствовал никаким действиям государственной полиции.

Выполняемые мною функции в отношении перевозки военнопленных также были переданы гестапо. В связи с этим я хотел бы пояснить, что ответственность за перевозку военнопленных в лагерь была возложена на уголовную полицию. Уголовная полиция должна была либо доставлять их в лагерь своими силами, либо должна была содержать их в заключении до тех пор, пока их не забирала администрация лагеря. Я также заявляю, что д-р Пульц присутствовал во время беседы с генералом Небе. Он кивнул головой в знак согласия, когда я высказал свои возражения. Этим он ограничился.

По возвращении в Бреслау, я узнал от доктора Шарпвинкеля, что гестапо была дана соответствующая информация группенфюрером СС Мюллером. Меня не информировали о практических мерах. Я также не знаю, были ли аналогичный приказ дан другим начальником гестапо, или же эти приказы предназначались только для тех начальников, на территории которых должны были быть произведены аресты и экзекуции.

Согласно инструкции, в тех районах, где производились аресты, полиция должна была информировать немедленно имперское управление уголовной полиции по телеграфу или телетайту о том, что военнопленные офицеры взяты под арест. Об этом также должно было быть информировано уголовное управление полиции в Бреслау.

8531

H1197-0351

H1197-0352

Я не знаю, как в действительности производился расстрел, но я предполагаю, что гестапо отбирало из тюрьмы всех этих офицеров, затем их переводили в отдаленные от населенных пунктов места, - леса и тому подобные места, где их расстреливали из пистолетов работников гестапо.

В ответ на вопрос о том избивали-ли офицеров до смерти я заявляю, что я не верю этому, потому, что в приказе Фюрера специально говорилось о расстреле. В соответствии с инструкциями, полученными от четвертого отдела главного имперского управления безопасности, государственная полиция заявила, как я узнал от др. Шарпвинкеля, что расстрел произошел якобы при перевозе военнопленных с целью самообороны и предотвращения вторичного побега. Позднее главное управление уголовной полиции в Бреслау получило письмо от начальника 5-го отдела главного имперского управления безопасности, которое должно было быть передано коменданту лагеря с тем, чтобы текст этого письма был доведен до сведения английских военнопленных, для того чтобы запугать их. В письме об"яснялось, что расстрел был произведен по вышеупомянутой причине. Текст письма был передан полковнику Линдинеру или одному из офицеров администрации лагеря. Что касается списка офицеров, которые должны быть расстреляны, то этот список был составлен администрацией лагеря по требованию 5-го отдела главного имперского управления безопасности. В этом списке были особо отмечены те офицеры, которые рассматривались как беспокойный элемент, заговорщики, и организаторы побегов. Эти имена отбирались комендантом или одним из офицеров. Затем офицеры, которые были упомянуты и перечислены в списках по фамилии расстреливались в соответствии с распоряжением 4-го отдела и соответствующие инструкции были направлены государственной полиции того района, о котором шла речь.

8532

Я пропускаю следующий параграф и перехожу к концу 4-й страницы английского текста, что соответствует концу 7-й страницы немецкого текста, который имеется у свидетеля. Свидетель перейдите к стр. 7-й пожалуйста. Вы найдете там выдержку, отмеченную карандашом. Это в конце 7-й страницы. Вы нашли 7-ю страницу? Я очень медленно называю номера страниц.

ВИЛЕН: Нет, здесь я не вижу никакой пометки.

Г-н РОБЕРТС: Если Вы перевернете страницу, то Вы там найдете отмеченное карандашем место, о котором я сейчас говорю.

ВИЛЕН: На странице 7-й нет никакой пометки, пометка есть на странице 8-й.

Г-н РОБЕРТС: В самом конце страницы 7-й Вы найдете отметки, сделанные карандашем. Во всяком случае, найдите следующие слова: "возвращаясь вновь к вопросу о расстрелах". Вы нашли это место?

ВИЛЕН: Да, нашел.

Г-н РОБЕРТС: "Примерно, 40 английских офицеров, которые не были арестованы гестапо, а уголовной полицией, были тем временем возвращены обратно в лагерь".

Когда Вы говорили - отвечайте только на мой вопрос, свидетель, - что было примерно 40 офицеров, - Вы тогда не знали точно их числа. Не правда-ли?

ВИЛЕН: Это число неправильно. Их было не 40 человек. Я тогда этого не знал.

Г-н РОБЕРТС: Верно. Эта цифра неправильная. Я думаю, что их было человек 50.

ВИЛЕН: Да, я тогда ошибался.

H1197-0353

H1197-0354

Г-н РОБЕРТС: Правильно /цитирует/. До этого им не было нанесено никакого вреда и я заявляю:

ВИЛЕН: Было привезено еще дополнительно I5 человек.

Г-н РОБЕРТС: Не будете-ли Вы настолько любезны, чтобы послушать меня? "Я должен признать, что обращение с ними было совершенно правильным. Нельзя было избежать помещения их в полицейские тюрьмы, в связи с существовавшими в то время условиями. Я не знаю, кто допрашивал офицеров в полицейских тюрьмах. Я думаю, что это делали местные полицейские власти, так как допрос должен был немедленно следовать за арестом". Я не знаю фамилий чиновников гестапо или местной полиции, которые сотрудничали в этом отношении. Доктор Абсалон может дать ответ на этот вопрос. Если Ваша честь позволит мы перейдем к параграфу, начинающемуся словом "урны". "Урны, содержащие прах расстрелянных офицеров, были переправлены государственной полицией в уголовную полицию. Я не знаю какой крематорий был использован государственной полицией. Урны были переданы коменданту лагеря по приказу главного управления полиции безопасности для организации похорон в соответствии с военными обрядами.

Таким образом урны переправлялись через уголовную полицию для того, чтобы скрыть участие гестапо в совершении этих расстрелов.

Я пропускаю следующий параграф и читаю одно предложение:

"Я не знаю, почему 5 офицеров были допрошены в Берлине

Далее, Ваша честь, я перехожу к 6-й странице. Свидетель, взгляните на конец страницы I0-й имеющегося у Вас текст Переверните страницу, это в конце I0-й стр., я сейчас оглашу средний абзац, всего два параграфа, страница 6-я английского текста:

"Еще до моего от"езда в Берлин, комиссар уголовной полиции доктор Абсалон сообщил мне, что он слышал в лагере в Сагане, - ему сообщили об этом под большим секретом - что эти расстрелы должны были быть мерой предупреждения. Из этого можно сделать вывод, что администрация лагеря уже была осведомлена через военные каналы о приказе относительно расстрела, до того как он был издан доктором Кальтенбруннером.

Было-бы также полезно установить, что известно Герингу обо всем этом деле, потому что фюрер должен был без сомнения информировать его о приказе, поскольку это касалось лагеря, находящегося в ведении военно-воздушных сил".

Милорд, это все, что я хотел зачитать из этого показания. Я бы очень хотел сократить настолько, насколько это возможно чтение выдержек из второго показания, так как в нем очень много повторений.

Свидетель, обратитесь, пожалуйста, ко второму письменному показанию. Вижу, что оно не отмечено карандашем. Это на первой странице, милорд, 3-й и 4-й абзацы: "Что касается вопроса о том, когда гестапо начало производить расстрелы, то я не могу этого сказать, но я полагаю, что это произошло тогда, когда или розыски всего нескольких заключенных, оставшихся на свободе и когда их поимку уже можно было не принимать во внимание. Что-же касается того времени, которое прошло между изданием приказа о расстреле и тем моментом, когда этот приказ был приведен в исполнение, то оно могло исчисляться лишь несколькими днями. Я сейчас не в состоянии вспомнить точные даты. Однако, я, наверняка, знаю, что в то время, когда мне показали этот приказ, никакие расстрелы не производились".

H1197-0355

H1197-0356

Я думаю, что мне еще, может быть, следует огласить предпоследний параграф:

"До того, как имело место последний массовый побег, я никогда ничего не слышал о проекте применения более суровых мер в отношении заключенных. Я услышал об этом только лишь после последнего побега, но до этого мне был показан в Берлине приказ о расстрелах. Именно тогда доктор Абсалон сказал мне, что он слышал в лагере в Сагане, от кого точно, не знаю, но думаю, что от полковника Лидейнера - что в будущем будут производиться расстрелы.

Когда этот приказ был показан мне в Берлине, - мне это казалось просто доказательством того, что военные власти являлись инициаторами в применении такой жестокой меры наказания или по крайней мере им было известно об этом еще до того, как об этом узнали в главном управлении имперской безопасности. Что касается фразы, имеющейся в приказе Кальтенбруннера: "более чем половина", то именно эта фраза запечатлелась в моей памяти. Однако, вполне возможно, что там указывалось точное число, но что я бегло просматривая этот приказ интерпретировал эту фразу, как: "более чем половина".

Милорд, возможно я могу зачитать, опустив первые несколько абзацев, которые являются повторением предыдущих показаний параграф, который находится примерно в середине страницы. Он гласит следующее:

"Я не знаю, каким образом гестапо получало от местной полиции тех офицеров, которые должны были быть расстреляны. Однако, вполне возможно, что гестапо в таких случаях вступало в контакт с местной уголовной полицией".

"В нижней Силезии части, производившие расстрелы, были выделены начальником гестапо доктором Шарвинкелем или по его приказу. Я однако никогда не слышал, кто входил в состав частей производивших расстрелы".

И наконец последний абзац на этой странице:

"В ответ на заданный вопрос относительно того, почему уголовная полиция не производила расстрелов, я заявляю, что при исполнении своих обязанностей уголовная полиция была связана положениями уголовного права и уголовным кодексом, что личный состав уголовной полиции проходил подготовку в соответствии с этими положениями. С другой стороны, во время войны гестапо, воодушевленное Гиммлером стало менее щепетильным, они производили казни по приказу главного управления имперской безопасности или с разрешения этого управления, в тех случаях, когда это было необходимо. Именно в этом заключается причина того, почему всеобщая ненависть германских граждан в отношении гестапо не распространялась на уголовную полицию. Урны с пеплом были, очевидно возвращены в уголовную полицию исключительно для того, чтобы о вмешательстве гестапо не стало известно общественности, а именно, чтобы об этом не узнали английские офицеры в лагере".

Милорд, я окончил оглашение этих выдержек.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Желает-ли кто нибудь из защитников задать вопросы этому свидетелю?

НЕЛЬТЕ /Защитник подсудимого Кейтеля/. Господин свидетель, в Вашей деятельности, связанную с этим ужасным делом, были ли Вы связаны каким либо образом с ОКВ или фельдмаршалом Кейтелем и входили ли Вы в соприкосновение с ними?

H1197-0357

H1197-0358

ВИЛЕН: /свидетель/ Нет, ни с фельдмаршалом Кейтелем, ни с ОКВ, ни с кем либо другим из высших офицеров.

НЕЛЬТЕ: Правильно ли я Вас понял, когда Вы сказали, что приказ, о котором здесь идет речь, насколько Вы знали, прошел следующий путь по инстанциям: Гитлер - Гиммлер - Главное имперское управление безопасности и затем уже - в соответствующие низшие инстанции?

ВИЛЕН: Да, это правильный путь передачи по инстанции.

НЕЛЬТЕ: Кем были затребованы списки, о которых Вы говорили, т.е. списки, в которых содержались имена бунтовщиков?

ВИЛЕН: Главным имперским управлением безопасности.

НЕЛЬТЕ: Во второй части тех документов, которые сегодня зачитывались, содержится фраза, которая, примерно звучит так: "Начальник лагеря должен был заблаговременно, через посредство военных инстанций знать о предполагаемых расстрелах".

ВИЛЕН: Да, но я не хотел бы повторить это в такой сильной форме. Возможно, что в лагере говорилось о расстрелах, может быть, речь шла в более категорической форме о применении оружия против английских офицеров, в случае побегов. В этой связи мне не известны никакие подробности, т.е. по тому вопросу, в котором это замечание играло какую-то роль.

НЕЛЬТЕ: Значит Вы не настаиваете, что здесь речь идет о замечаниях, которые относились к периоду времени до побега?

ВИЛЕН: Нет, во всяком случае относительно этих расстрелов. Во всяком случае не в прямой связи с этим побегом.

НЕЛЬТЕ: Ведь нельзя же заранее знать, кто собирается бежать, и поэтому я спрашиваю - относятся ли эти замечания к какому либо совещанию, которое имело место в связи с этим побегом 80 офицеров и которое, может быть, могло иметь такое отношение к мерам против дальнейших побегов?

ВИЛЕН: Да, это было вполне возможно, ибо ежедневно имели место попытки к бегству в лагере Саган.

НЕЛЬТЕ: Тогда дайте пояснение в отношении замечания, согласно которому полковник Линдейнер якобы сказал, что военные инстанции были заблаговременно осведомлены об этом и имели отношение к этому. Таково было...

ВИЛЕН: Я не думаю, что я сказал именно так. Пожалуйста, повторите еще раз.

НЕЛЬТЕ: Вы сказали - как я записал, что полковник Линдейнер сказал, что военные инстанции имели отношение к этому мероприятию и ими заблаговременно были осведомлены о нем?

ВИЛЕН: Я не думаю, чтобы я мог сделать такое заявление.

НЕЛЬТЕ: Значит, Вы хотите сказать, что Вы не можете показать, что полковник Линдейнер сделал подобное заявление?

ВИЛЕН: У меня никогда не создавалось впечатления, что полковник Линдейнер лично был осведомлен об этом, во всяком случае у меня нет никаких оснований утверждать это.

НЕЛЬТЕ: Благодарю Вас, у меня больше нет вопросов. /К микрофону подходит доктор Штамер защитник подсудимого Геринга/.

ШТАМЕР: Господин свидетель, согласно протоколу, Вы заявили, что комиссар уголовной полиции Абзалон еще до Вашего отъезда в Берлин сообщил Вам, что он слышал в лагере Саган, что там имеют место расстрелы?

ВИЛЕН: Об этом я как раз только-что говорил.

ШТАМЕР: Это то, о чем вы только что...

ВИЛЕН: Это все тот же случай.

ШТАМЕР: Затем следующий вопрос. Во время совещания, которое Вы имели с генералом Небе в Берлине, Вам якобы, генерал Небе заявил, что военные инстанции осведомлены об этом, и дал Вам подробные сведения относительно того, о каких военных инстанциях идет речь.

8539

H1197-0359

H1197-0360

ВИЛЕН: Нет, этого мне не было сказано. И я не знаю, действительно-ли эти намерения были осуществлены, ибо фактически военные инстанции не осведомлялись, т.к. дело считалось секретным и сохранялось в тайне.

ШТАМЕР: Свидетель, Вы упоминали имя рейхсмаршала Геринга в своих показаниях. Есть ли у Вас какие-либо доказательства того, что рейхсмаршал Геринг знал об этих расстрелах или же ваше утверждение основано лишь на предположении?

ВИЛЕН: Нет, из моей фразы я прошу заключить, что я хотел оставить этот вопрос совершенно открытым. Поэтому я ведь и сказал, что я ничего не могу сказать с уверенностью по этому поводу, и что у меня нет никаких доказательств. Но так как речь шла о лагерях ВВС, то я прошу или предлагаю заслушать по этому вопросу рейхсмаршала, который может дать показания по этому поводу.

ШТАМЕР: Значит, этим выражением Вы только хотели сказать, чтобы допросили рейхсмаршала Геринга, осведомлен ли он об этом?

ВИЛЕН: Я сказал это только потому, что я должен был оставить этот вопрос открытым, я высказал лишь предположение, чтобы продвинуть это дело.

/К микрофону подходит защитник подсудимого Кальтенбруннера, адвокат Кауфман/.

КАУФМАН: Господин свидетель. Вы дали показания о том, что приказ был дан Кальтенбруннером и Мюллером. Я спрашиваю Вас, была ли это телеграмма или приказ и видели ли Вы этот приказ в оригинале с подписью.

ВИЛЕН: Мне кажется, я хорошо помню, что это была телеграмма.

КАУФМАН: Вы можете точно утверждать, что этот документ не имел собственноручной подписи Кальтенбруннера?

ВИЛЕН: Да, он не имел его собственноручной подписи, поэтому именно и возникло у меня потом сомнение. Вы понимаете, я сотни раз обдумал все, считая, что вполне вероятно...

КАУФМАН: Говорите медленнее...

ВИЛЕН: ... что подпись под этим документом могла быть подписью Гиммлера, но с точки зрения организации работы Кальтенбруннер должен был подписать этот документ.

КАУФМАН: Значит, насколько я понял, Вы не можете сейчас точно сказать, что под этим документом действительно имелась подпись Кальтенбруннера, Вы только предполагаете с точки зрения организационной, что это должно быть так?

ВИЛЕН: Содержание этого документа, последствия к которым он привел, а также те приготовления, которые были предприняты для осуществления этого приказа, произвели на меня такое впечатление, что я тогда очень мало придавал значения этим всем формальностям и поэтому столь плохо их запомнил, что не могу с полной уверенностью утверждать все это.

КАУФМАН: Благодарю Вас.

Г-н РОБЕРТС: У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетеля можно увести.

Доктор Нельте, означает ли это окончание представления материалов по защите подсудимого Кейтеля?

НЕЛЬТЕ: Этим заканчивается дело Кейтеля, поскольку речь идет о свидетелях.

H1197-0361

H1197-0362

Я должен буду сделать еще некоторые замечания в отношении представления доказательств. Суд принял афидевит доктора Кригера решением от 6-го апреля 1946 года. Я прошу Суд разрешить мне пред"явить этот афидевит в качестве доказательства. Я хочу представить этот документ под № К-15. Оригинал этого документа на немецком языке находится у меня. Я хочу огласить только ту часть афидевита, которая освещает отношение Гитлера к Кейтелю. Речь идет всего лишь о трех абзацах, которые очень кратки:

"Отношение Гитлера к бывшему фельдмаршалу Кейтелю было со служебной точки зрения корректным и со стороны Гитлера внешне полным доверия и уважения к Кейтелю как к усердному сотруднику. Со стороны Кейтеля оно было честным и солдатским. С обоих сторон не было дружеских отношений, основанных на взаимном доверии, за исключением официальных приемов и т.п., насколько я могу судить, Кейтель едва ли принимал участие в обедах у Гитлера или в непринужденных беседах с ним. Не наблюдалось также случаев вызова Кейтеля для бесед с Гитлером, помимо официальных бесед или во время отсутствия стенографисток. При подготовке решений или при формулировке текстов приказов и т.д. Кейтель выражал свою точку зрения даже тогда, когда существовали разногласия, в деловой, трезвой, солдатской форме. Очевидно, он знал по опыту своей долгой совместной работы с Гитлером, совершенно точно те границы возможного, которые существовали в отношении того влияния, которое можно было оказывать на его решение или мнение. Поэтому, в общем, он принимал решение Гитлера как приказ, как это подобает солдату. В

отдельных случаях он, однако, пытался и добивался путем убедительных аргументов изменения или по меньшей мере пересмотра какого-либо решения. Гитлер, по крайней мере, всегда питал некоторое недоверие к Кейтелю. Это я заключаю из одного замечания Гитлера...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Нельте, Трибунал считает, что нет нужды оглашать все это. Подсудимый Кейтель дал уже устное показание по этому поводу и это совпадает с тем, что Вы говорите. Кроме того, этот документ предоставлен в качестве доказательства и мы можем его прочесть сами.

НЕЛЬТЕ: Это не нужно, это лишь подтверждает то, что было уже сказано. Поэтому я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Достаточно того, что Вы нам сейчас сказали об этом.

НЕЛЬТЕ: Кроме того, я еще получил ответы на некоторые опросные листы, предоставление которых мне было разрешено Трибуналом. Во-первых, это ответы на опросный лист, посланный господину Ромилли. Это письменное показание, данное под присягой, которое я могу предоставить в качестве доказательства суду и не оглашать его. То же самое относится к ответам на опросный лист свидетельницы Ротрауд-Ремер, относительно клеймения советских военнопленных. Далее опросные листы посла г-на Скалини и профессора доктора Навиля не могут быть еще предоставлены. Я передам их, как только они будут получены.

Остаются....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите, обвинение располагает уже этими документами?

НЕЛЬТЕ: Да.

H1197-0363

H1197-0364

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть скажете, под какими номерами Вы предоставляете эти документы? Последний афидевит Вы предоставляете под № К-I5. Вы должны также сказать под какими номерами Вы предоставляете остальные документы?

НЕЛЬТЕ: Опросный лист Ромилли будет предоставлен как документ К-I6, опросный лист Ремера К-I7. Сейчас у меня остается еще письменное показание недавно умершего генерал-фельдмаршала фон Бломберга. Согласно решению суда от 25 февраля было получено согласие суда на посылку опросного листа генерал-фельдмаршалу фон Бломбергу. Я передал подлинник обвинению и я прошу эти ответы генерал-фельдмаршала фон Бломберга, заверенные под присягой, принять в качестве доказательства. Эти показания содержатся в книге документов № I, как у суда, так и у представителей обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

НЕЛЬТЕ: Тем самым я заключаю предоставление своих доказательств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодарю Вас... Доктор Нельте. Вы передаете оригиналы этих документов за № № К-I6, I7, I8 Генеральному Секретарю?

НЕЛЬТЕ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что эти документы уже переведены?

НЕЛЬТЕ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Доктор Нельте, мы не видели еще перевода документа, который Вы предоставили за № К-I6, но Вы уверены, что перевод уже имеется, не так ли?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд, я видел английский перевод этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы видели?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Перевод мне показывали, когда он был получен. Я помню, что я его читал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Я думаю, генеральный секретариат позаботится, чтобы нам представили копию этого перевода. Да, я думаю, что это именно этот документ. Я имею в виду К-16.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Конечно, я думаю Роммилли и есть К-16. Я видел этот документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Хорн, Вы помните, что уже об этих документах шла речь, когда обсуждали вопрос, можно ли их представлять в качестве доказательства.

ХОРН: Да, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Поэтому я думаю, потребуется немного времени для того, чтобы представить эти документы в качестве доказательства.

ХОРН: Я ограничусь минимумом, г-н председатель. Я попрошу Суд принять без доказательства документ Риббентроп № 75, содержащийся в книге документов № 3, на странице 191-й. Речь идет о договоре между союзными и присоединившимися державами и Польшей от 1919 г. Этот договор устанавливает права немецкого нацменьшинства в Польше. В статье 12-й этого договора, которая находится на 3-й странице этого документа, говорится, что Польша согласна с тем, что в той степени, в которой постановления вышестоящих статей касаются лиц, представляющих собой национальное, религиозное или языковое меньшинство, эти положения и обязательства обуславливаются международными интересами и на них распространяются гарантии Лиги Наций. В последующие годы этот до-

H1197-0365

H1197-0366

говор был неоднократно нарушен Польшей. Это следует из двух документов под № 82 на стр. 208, книги документов № 4. Здесь речь идет о юридической экспертизе постоянного Международного Суда. Это экспертиза от 10 сентября 1923 года. Чтобы с"экономить время, я зачитаю только конец, где говорится: "Суд считает, что положения, содержащиеся в разделах А и В этого решения относительно позиции польского правительства не соответствуют принятым ею на себя международным обязательствам". Конец цитаты.

Я прошу суд принять без доказательств и этот документ, а также следующий документ № 84 на стр. 212 и 212а в 4-й книге документов Риббентропа. Здесь также речь идет об экспертизе комитета юристов, который был создан Лигой Наций по вопросам национальных меньшинств. Я прошу Суд принять и этот документ в качестве доказательства.

Немедленно после перехода власти в руки правительства Гитлера это правительство попыталось восстановить хорошие отношения с Польшей. В качестве доказательства я сошлюсь на документ Риббентроп № 85, который находится на стр.213. Я оглашу выдержку из этого документа. Это - книга документов № 4. Этот документ находится на 213-й странице. Я буду оглашать выдержку на стр. 214, из средины последнего абзаца.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Это книга документов № 4?

Д-р ХОРН: Да.

"Он, канцлер, хочет только того, чтобы существующие между Германией и Польшей политические проблемы, в конце концов, были беспристрастно проанализированы и решены государственными деятелями обоих стран. Он убежден в том, что

на основании этого может быть найден выход из этого нетерпимого положения. Германия желает мира. Она не стремится к насильственному отторжению польских территорий. Но она оставляет за собой право, в любое время требовать выполнения тех прав, которые она имеет в соответствии с договорами".

Конец цитаты.

На основании пожелания польского посланника, об этих переговорах были составлены два официальных коммюнике. Это документ Риббентроп № 86. Это германское коммюнике. Я прошу Суд принять его в качестве доказательства, а также, документ 87 на странице 216 книги документов № 4, который представляет собой польское коммюнике. Для того, чтобы с"экономить время, я не буду зачитывать это коммюнике.

15 июля 1937 года истекал срок важных разделов германо-польского соглашения о Верхней Силезии, заключенного в 1922 году в Женеве. Поэтому необходимо было создать новые договорные отношения между этими двумя государствами, учитывая особенно то, что снова возникли трудности в области национальных меньшинств и обращения с германскими национальными меньшинствами. Для доказательства этого я ссылаюсь на документ Риббентроп № 117, на стр. 257 книги документов. Я зачитаю второй абзац, где говорится следующее: "Рейхсминистр указал польскому послу также на то, что мы не можем принять точку зрения Польши в отношении выселения национального меньшинства".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не могу найти эту выдержку на стр.254.

ХОРН: Это на стр. 257-й, г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я нашел.

H1197-0367

H1197-0368

ХОРН: Результатом этих переговоров между Польшей и Германией явился договор, который содержится в документе Риббентроп-123 и находится на стр. 263 книги документов. Он содержит в себе одинаковое заявление германского и польского правительства касательно охраны национальных меньшинств обоих сторон. Этот договор был опубликован 5 ноября 1937 года. Для того, чтобы с"экономить время я только укажу на то, что германскому национальному меньшинству были предоставлены права, принятые в отношениях между любыми цивилизованными государствами. Я хочу указать еще на то, что этот договор не содержит в себе ничего такого, что можно было бы принять, как санкционирование тех ущемлений прав, которые существовали до этого. Это утверждение выставлялось Обвинением.

Для того, чтобы устранить трудности, возникшие между Польшей и Данцигом в области экономической и в отношении национального меньшинства, 5 августа 1938 года было заключено соглашение, которое я предоставляю в качестве документа Риббентроп-№ 127 на стр. 270 книги документов. Я прошу Суд принять и этот документ в качестве доказательства. Так как, несмотря на эти договоры в области проблемы национальных меньшинств и проблемы Свободного Города Данцига, в отношениях между обоими государствами продолжали возникать трудности. Гитлер поручил подсудимому Риббентропу, в связи с решением судетской проблемы в октябре 1938 года, начать переговоры в отношении коридора, Данцига и национальных меньшинств. На этом основании тогдашний министр иностранных дел Польши полковник Бек был приглашен в Берхтесгаден.

H1197-0369

Соглашение, которое было заключено во время этого визита между Гитлером и Беком, содержится в документе Риббентроп 149, на странице 301-й книги документов № 5. Я оглашу выдержку со страницы 2-й этого документа, для того, чтобы показать, о чем в основном шла речь во время этих бесед. На странице 6-й говорится следующее:

"С германской стороны кроме Мемельской проблемы, которая будет урегулирована в германском духе /кажется, литовцы собираются принять участие в разумном разрешении этой проблемы/ для Германии существует еще необходимость решения очень трудной проблемы Данцига и коридора". Конец цитаты.

На странице 3-й этого же документа, это последняя строчка предпоследнего абзаца, говорится:

"Министр иностранных дел Бек обещал, что он охотно в спокойной обстановке обдумает эту проблему".

Это заявление Германия рассматривала как решение о начале переговоров.

На следующий день, 24 января, министр иностранных дел фон Риббентроп имел еще одно совещание с министром иностранных дел Польши Беком, во время которого снова обсуждался вопрос о национальных меньшинствах. Это совещание изложено в документе Риббентроп 150, на странице 304. Я прошу суд принять этот документ в качестве доказательства.

В ответ на приглашение министра Бека 24 января 1939 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп поехал в Варшаву. Там снова обсуждались все эти проблемы.

21 марта, после того, как был урегулирован вопрос о Чехии, стало необходимым подумать также о введении нового порядка и на востоке. Поэтому Риббентроп 21 марта 1939 г. пригласил к себе польского посла Липского. Содержание этой беседы изложено в документе Риббентроп - 154, на

H1197-0369

H1197-0370

странице 310-й книги документов. Я оглашу третий абзац, на странице второй, который отражает основное содержание этой беседы.

Цитирую: "В общем, такое урегулирование вопроса о коридоре рассматривается, как тяжелое последствие Версальского договора для Германии".

Через несколько строчек говорится:

"Риббентроп сказал, что предпосылкой для этого является возвращение чисто немецкого Данцига Германии, а также создание экстерриториальных железных дорог и автострады между империей и Восточной Пруссией. Он обещал, что Германия в ответ на это берет на себя гарантии в отношении коридора. Посол Липский обещал информировать об этом министра иностранных дел Бека и сообщить о результатах". Я прошу суд принять и этот документ в качестве доказательства.

Хотя тогдашнее германское правительство ожидало, что на основании этих переговоров и совещаний будет решен вопрос о национальных меньшинствах и вопрос о Данциге и коридоре, эти переговоры возымели совершенно обратное действие. Из документа Риббентроп № 155 на странице 313-й и документа Риббентроп № 156 на странице 314 книги документов следует, что Польша тогда приняла решение о проведении частичной мобилизации. Эта частичная мобилизация могла быть направлена только против Германии. Кроме того, разрешение чехословацкой проблемы 15 марта 1939 г. привело к изменению настроения в Англии. Премьер-министр Чемберлен под давлением оппозиции стал консультироваться с различными европейскими государствами. Для доказательства этого я ссылаюсь на документ Риббентроп № 159, который находится на странице 317-й книги документов. Речь идет о беседе между имперским министром иностранных дел Риббентропом и польским послом Липским в Берлине 26 марта 1939 г. Я зачитаю начало этого документа:

H1197-0371

"Британское правительство предложило 21 марта в Варшаве, Париже и Москве опубликовать "Формальную декларацию" английского, французского, русского и польского правительств".

Далее, я пропускаю несколько строк и зачитываю 7-ую строку снизу:

"Польское правительство, которое 23 марта дало распоряжение о проведении частичной мобилизации, вовсе не было удовлетворено этим предложением Англии о консультации, а потребовало от Англии конкретных обязательств по отношению к Польше. 23 марта Эдуард Рачинский, польский посол в Лондоне, получил инструкцию от польского министра иностранных дел Бека представить британскому правительству следующее предложение англо-польского союза. "Я ссылаюсь на английское предложение от 21 марта и прошу Вас, спросить лорда Галифакса о следующем:

1. Учитывая трудности и неизбежные осложнения и вытекающую из этого потерю времени...

Г-н ДОДД. Господа судьи, я не вижу никаких оснований для оглашения какой-либо части этих документов, все они уже представлены или будут представлены в качестве доказательства. Необходимо только указать под какими номерами они представляются. Я знаю, что мы зачитывали и комментировали выдержки из документов на той стадии процесса, когда мы представляли материалы Обвинения, но сейчас нет необходимости следовать этой системе, применяя ее в отношении к подсудимым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мистер Додд, Трибунал хотел бы знать, что это за система, о которой Вы говорите?

Г-н ДОДД. Хорошо. Я буду рад сообщить Вам об этом. Для Обвинения в то время было физически невозможно перевести все имеющиеся документы на все четыре языка, или на три языка в дополнение к тому, на котором был представлен оригинал документа. В настоящее время подсудимые имеют такую возможность. Если бы мы имели возможность сделать переводы

всех наших документов, то мы бы их просто представили, не комментируя. Но в тот период комментарии были крайне необходимы для того, чтобы все материалы вошли в протокол и звукозапись и если бы мы зачитывали огромное количество несвязанных друг с другом выдержек из документов, то мы бы не смогли представить Трибуналу доказательств.

Я утверждаю, что сейчас защита имеет возможность представить материалы в переводах целиком и как я понимаю, в соответствии с правилами и Уставом Трибунала, защитники будут иметь возможность обсуждать и комментировать эти документы как доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Додд, Вы вспомните, что этот вопрос уже обсуждался неделю тому назад и тогда доктор Диксе, если я не ошибаюсь, высказался за то, чтобы защитникам предоставили право зачитывать те выдержки, которые они считают необходимыми зачитать с соответствующими замечаниями. Мы будем придерживаться того же порядка.

Г-н ДОДД. Я не знал, что господа судьи уже приняли решение по этому поводу. Я помню, что заявление Диксе в принципе сводилось к тому, чтобы эта информация была доступна для прессы и общественности. В настоящее время все эти материалы доступны прессе. Пресса может получить их и нет необходимости зачитывать их перед микрофоном. Но я не хочу настаивать, если у Трибунала по этому поводу уже имеется решение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я так думаю.

/К микрофону подходит генерал Руденко./

РУДЕНКО. Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу предложения господина Додда. Я полностью поддерживаю...

H1197-0373

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, я только сейчас указал господину Додду, что по этому поводу уже было принято решение Трибунала, и, по мнению Трибунала, д-р Хорн добросовестно выполнит стоящую перед ним задачу.

РУДЕНКО. Я хочу сделать несколько замечаний в связи с выступлением господина Додда. Как помнит Трибунал, накануне допроса подсудимого Кейтеля, Обвинение дало полный список документов, представляемых защитником Хорном. Трибунал специально рассматривал каждый документ и вынес решение по существу каждого документа, какие приобщить к делу как доказательство, какие отклонить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, я могу только повторить то, что я сказал доктору Хорну, когда он начал свое выступление и я заявляю вновь, что, по мнению Трибунала, д-р Хорн совершенно правильно ~~принял~~ понял решение Трибунала и зачитывает очень кратко выдержки из документов.

РУДЕНКО. Я это понимаю. Но обвинение считает, что комментарии слишком обширны, ибо подсудимый комментировал их здесь слишком пространно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, я думаю, что Вы приложите все усилия к тому, чтобы по возможности больше сократить представление Вами материалов?

ХОРН. Господин Председатель, суд может быть убежден в том, что я собираюсь говорить очень кратко, буду зачитывать по-возможности мало, лишь то, что является самым необходимым для того, чтобы сделать понятным, для чего я представляю эти документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю лучше об"явим перерыв.

/Перерыв 10 минут./

H1197-0374

Встать! Суд идет!

ХОРН. Я в заключение прод"явил документ № 159 на странице 317-й книги документов. Я огласил некоторые места и хочу сделать общие замечания в отношении того, о чем говорится в этом документе.

Этот документ содержит желание польского правительства ввести практику консультаций с Англией на базе специального соглашения. Это соглашение было заключено между 21 и 26 марта между Англией и Польшей.

Параллельно с этим со стороны Англии проводилась коалиционная политика, о которой можно судить по документам 182-186 на странице 370-й и следующих книги документов № 5. Здесь речь идет, как вытекает, например, из документа № 182 о следующих державах - я оглашу цитату из документа № 182 на странице 6 снизу.

"Следующие государства должны по вопросу о гарантиях заявить о своей позиции: Россия, Польша, Турция, Югославия. Решено не запрашивать об этом Венгрию".

Далее говорится, что можно точно сделать заключение о том, что "Польше предоставляется право по собственной инициативе запросить Литву, Эстонию и Латвию". Тоже самое относится к действиям Турции в отношении Греции".

В доказательство этой коалиционной политики я перейду к документу 185 на странице 372 книги документов. В этом документе речь идет о телеграмме поверенного в делах Германии в Лондоне министру иностранных дел. Я прочту несколько коротких цитат из этого документа. Они гласят:

"Имеющиеся сведения показывают, что английская декларация, о которой говорилось в телеграмме, состоит из двух частей. В первой части говорится о гарантиях по отношению к Бельгии, Голландии и Швейцарии. Во второй части говорится о защите восточных государств от агрессии. Британскому кабинету военные круги сообщили, что Румыния в виду своего

H1197-0375

богатства нефтью должна быть гарантирована от агрессии со стороны Германии". Конец цитаты.

По этому же вопросу я представляю документ Риббентроп № 186. Я прошу суд приобщить этот документ к делу без его оглашения. Кроме того, я прошу приобщить к делу документ № 183 на странице 375 книги документов; ради экономии времени я не зачитываю его.

На основании этой коалиционной политики Англии, которая была направлена против Германии, был заключен пакт о дружбе между Германией и Италией от 22 мая 1939 г.", который я пред"являю в качестве документа Риббентроп № 187 на странице 376 книги документов. Этот документ я прошу приобщить к делу и не собираюсь оглашать из него каких-либо цитат.

Следствием гарантий, которые обещала Англия Польше, было то, что посол Липский 26 марта 1939 г. в связи с беседой с министром иностранных дел фон Риббентропом, заявил: /я ссылаюсь здесь на документ Риббентроп № 162 в третьем абзаце, в середине страницы/ -

"Господин Липский возразил, что он имеет неприятную обязанность указать на то, что всякое дальнейшее продолжение осуществления этих немецких планов, в особенности, поскольку это относится к воссоединению Данцига с германской империей, будет означать войну с Польшей".

Я прошу суд приобщить этот документ к делу так же, как и предыдущий документ Риббентроп № 160, который находится на странице 320 книги документов и в котором говорится о консультациях между Англией и упомянутыми ранее правительствами.

На основании этого заявления посла Липского, которое я только что огласил, относительно Данцига и Польского коридора, о том, что дальнейшее стремление изменить статус-кво Данцига и коридора будет означать войну,- министр иностранных дел 27 марта 1939 г. заявил польскому послу

H1197-0376

следующее: /я цитирую опять документ Риббентроп № 163, который находится на странице 335 книги документов/ -

"Эта позиция Польши не является базой для разрешения этого вопроса для Германии"...

Я цитирую предпоследний абзац на 2-й странице этого документа:

"В заключение г-н имперский министр иностранных дел заметил, что он более не может понять позиции польского правительства. На великодушное предложение, которое сделала Германия Польше, последовал отрицательный ответ. Во всяком случае предложение, которое сделал вчера польский посол, не может рассматриваться г-ном министром иностранных дел в качестве основы для урегулирования вопросов. Отношения обеих стран вследствие этого развиваются весьма катастрофически". Конец цитаты.

Я прошу суд приобщить этот документ к делу в качестве доказательства того, что гарантии Англии Польше были недвусмысленно направлены против Германии, и представляю Суду документ "Риббентроп 164", который находится на 338 странице книги документов. Я хочу процитировать следующие последние две строчки, в которых говорится:

"Соглашение вступит в силу только в случае нападения со стороны Германии. Польское правительство подтверждает, что это соответствует действительности". Конец цитаты. Я прошу приобщить этот документ также к делу.

Следствием англо-польского договора от 6 апреля 1939г., который был уже пред"явлен Обвинением, это документ ТС-72 и находится в моей книге документов на стр.337, было расторжение германско-польского договора от 26 января 1934 г., так как Германия была убеждена, что английские гарантии Польше находятся в противоречии с этим договором. В последующий период имел место целый ряд нарушений положения относительно немецких национальностей в Польше. Документы по этому вопросу находятся в моей книге документов

8556

под №№ от 165 по 181. Я прошу суд приобщить эти документы к делу, и ради экономии времени, хочу огласить лишь несколько цитат. Я укажу на документ 166, из которого можно сделать вывод, что имели место тяжелые инциденты в Поморье , Ньево и Быдгощи. Далее, я хочу сослаться на документ "Риббентроп 167", на стр. 353 книги документов. Из этого документа вытекает, что в последние дни в Варшаве было опубликовано воззвание, которое призывало к бойкоту немецкой торговли и немецкого ремесла.

Далее, я хочу в доказательство моего утверждения сослаться на документ "Риббентроп 180", который находится на стр. 368 книги документов Риббентропа. Я хочу огласить это краткое сообщение: "За последние месяцы в министерство иностранных дел непрерывно поступали отчеты германского консультства в Польше о жестоком обращении с немцами со стороны натравленных на них поляков, число которых непрерывно возрастает и которые в своем фанатизме переходят все границы". В приложении упомянуты 38 особенно ярких примеров такого обращения..." Конец цитаты.

Из документа 181 на стр. 369 книги документов вытекает, что эти инциденты происходили с ведома и при попустительстве польских государственных деятелей и высших чиновников. Я ссылаюсь в доказательство этого на документ 181 и из соображений времени я не оглашаю его , и прошу суд приобщить его к делу.

В начале августа 1939 г. в немецко-польских отношениях наступил период кризиса. В доказательство этого я пред"являю документ Риббентроп 188, который Вы найдете на стр. 381 моей книги документов. Повод к этому был весьма незначительный. Речь шла о споре относительно выполнении служебных обязанностей польского таможенного инспектора на данцигской границе. На основании этого спора, дипломатический представитель Польской республики в Данциге заявил протест президенту Сената свободного города Данцига. Этот протест помещен в

H1197-0377

H1197-0378

документе 188 книги документов. Он содержал ультимативное требование, о котором можно судить по третьему абзацу этого документа: "На это 7 августа президент Сената свободного города Данцига дал следующий ответ". "Это следует из документа Риббентроп-189. Я прошу этот документ также приобщить к делу в качестве доказательства.

В документе Риббентроп-190, на стр. 393 имперское правительство предупреждает Польшу о том, что она не должна пред"являть ультимативных требований. Я прошу суд также приобщить этот документ к делу, без оглашения цитат из него.

Следующий документ, который я пред"являю, является документом № 192, который находится на странице 385 книги документов. В нем содержится сообщение заместителя статс-секретаря польского министерства иностранных дел, поверенного в делах Польши в Германии, датированное 10 августа 1939 г. Из этого документа, из последних двух строк вытекает, что Польша будет рассматривать, как агрессивные действия всякого рода вмешательство имперского правительства, имеющее целью посягнуть на права Данцига. Это привело к новому обострению немецко-польских отношений. Имперское правительство и его органы в последующий период пытались ликвидировать причины конфликта.

В доказательство этого я пред"являю документ Риббентроп-193, который находится на странице 404 книги документов и прошу суд приобщить его к делу. Здесь речь идет о записи статс-секретаря министерства иностранных дел,- Вы найдете ее в книге документов № 6, на странице 404, относительно визита французского посла к статс-секретарю министерства иностранных дел Вейцзекеру. В этой беседе тогдашний статс-секретарь Вейцзекер подчеркивал, что Германия не желает ничего, кроме урегулирования немецко-польских отношений, особенно по вопросу о Данциге. Французский посол также заверил, что его правительство окажет помощь в этих усилиях. Я прошу суд приобщить этот документ Риббентроп-193,

а также следующий документ Риббентроп-194 на странице 406 к делу. В последнем документе речь идет о беседе статс-секретаря министерства иностранных дел с британским послом сэром Невилем Гендерсоном, в которой германский статс-секретарь подчеркивал серьезность создавшегося положения. На странице 1-й в 3-м абзаце , в 5-й строчке этого документа помещена следующая цитата, которая характеризует обстановку. "Данциг не занимается ничем другим, кроме защиты своего города от противника. В остальном статс-секретарь указал на то, что положение в отношении Данцига является весьма напряженным".

Следующий документ, на который я сошлюсь, это документ Риббентроп-195, который находится на страницах 408-415 моей книги документов. Этот документ касается переговоров, которые велись между Гитлером и послом Гендерсоном 23 августа 1939 г. Эта беседа помещена в документе № 199 на странице 422 книги документов. Я прошу суд приобщить также и этот документ к делу в качестве доказательства. Я хочу вкратце остановиться на содержании этой беседы на странице 4-й этого документа, где говорится:

"Гитлер еще раз указал на проблему Данцига и Польши в которой Англия придерживалась следующей точки зрения. "Лучше война, чем способствовать приобретению преимуществ Германией".

Пропускаю один абзац и цитирую следующий:

"Фюрер констатировал, что тот факт, что Англия в вопросе о Данциге выступила против Германии, глубоко потряс немецкий народ. Гендерсон возразил, что Англия выступила лишь против принципа насилия. В ответ фюрер спросил его - могла ли Англия пойти когда-либо на разрешение хоть одного из неленых условий Версальского договора путем переговоров. На это английскому послу нечего было возразить. Фюрер добавил, что, как говорит немецкая пословица: "Для любви нужны два любящих существа". /конец цитаты/

8559

H1197-0379

H1197-0380

Ввиду таких напряженных отношений, 22 августа 1939г. британский премьер-министр Чемберлен направил письмо лично Гитлеру. Это письмо я привожу в документе № 200, на странице 426 книги документов. Я прошу приобщить к делу этот документ в качестве доказательства.

Следующий документ Риббентроп-201 содержит ответ Гитлера британскому премьер-министру Чемберлену.

25 августа 1939 г. имело место еще одна встреча между Гитлером и послом, сэром Невилем Гендерсоном. Эта встреча описана в документе Риббентроп-202, который помещен на странице 431 книги документов Риббентропа. Я хотел бы процитировать пятый абзац, в котором Гитлер еще раз указал:

"Проблема Данцига и коридора должна быть решена".

И на следующей странице, в третьем абзаце /2-я страница/ фюрер заявил: "После разрешения этой проблемы, он принял ~~к~~ решение еще раз обратиться к Англии с большим и важным предложением". Это предложение подробно изложено в этом же документе № 202. Об этой встрече Гендерсон в своем дневнике, как это можно заключить из документа 195, на стр.415, записал следующее относительно только что упомянутой мною беседы от 25 августа 1939 г. "Моя беседа с Гитлером, - говорит Гендерсон, - на которой присутствовали г-н фон Риббентроп и д-р Шмидт, длилась свыше часа. Канцлер говорил спокойно и с заметной откровенностью. Он охарактеризовал свои предложения как последнее честное усилие обеспечить хорошие отношения с Англией и предложил, чтобы я сам полетел для этого в Лондон". И на этой же странице 415 в пункте "Гендерсон продолжает: "Каков бы ни был основной мотив этого окончательного предложения канцлера, он был таков, что его нельзя было оставить без внимания". Конец цитаты.

Следующий документ, который содержит подробное описание развития кризиса и событий, которые привели к началу войны, это документ № Риббентроп 208, на стр.451 книги документов.

8560

H1197-0382

Я прошу, поскольку я не ознакомлю этот документ

чтобы он был приобщен к делу без доказательств. Из первого абзаца этого документа, который представлят собой телеграмму лорда Галифакса сэру Кенарду в Варшаве, вытекает следующее. Я цитирую дословно:

"Предложенный нами г-ну Гитлеру ответ выяснил различие между тем путем, который может привести к соглашению по немецко-польским спорным вопросам и тем решением, к которому следует стремиться. Что касается пути, то мы хотим со всей ясностью заявить, что, по нашему мнению, самым правильным кажется путь непосредственных переговоров на равных началах между договаривающимися сторонами". Это предложение о непосредственных переговорах представляет собой важный этап в последующих событиях.

За № 5 того же документа на странице 252 книги документов далее говорится: "Так как польское правительство в своем ответе президенту Рузвельту одобрило мысль о прямых переговора правительство Его Величества надеется и выражает уверенность в том, что польское правительство учтет предложения и соображения, изложенные в предыдущем абзаце, и поручает ему известить Германию о том, что Польша готова немедленно начать непосредственные переговоры с Германией". Конец цитаты.

Следующий документ, который находится на той же странице книги документов под тем же номером, представляет собой телеграмму сэра Невиля Гендерсона лорду Галифаксу, отправленную 29 августа 1939 г. В этом документе еще раз подчеркивается посредничество Великобритании. В пункте 3-м этого документа говорится: "В ноте говорится, что германские предложения никогда не имели своей целью затронуть жизненные интересы Польши. Германское правительство заявляет, что оно принимает посредничество Великобритании, принимая во внимание прибытие польского уполномоченного в Берлин. Германское правительство, говорится в ноте, рассчитывает на прибытие

H1197-0381

H1197-0382

этого уполномоченного завтра, т.е. в среду 30 августа.

"Я заметил, что такое обращение звучит, как ультиматум, но после несколько замечаний г-на Гитлера и г-на фон Риббентропа, сделанных в возбужденном тоне, они заверили меня, что они лишь хотели подчеркнуть неотложность и важность разрешения вопроса, ибо две армии стоят друг против друга в полной боевой ~~ровтон~~ готовности". Конец цитаты.

Эти предложения, о которых я упомянул в особом документе, который я пред"явил, нашли следующие отклики в Англии. Я оглашаю на странице 453 книги документов Риббентропа телеграмму лорда Галифакса сэру Невилю Гендерсону от 30 августа 1939 года. В ней говорится:

"Мы тщательно обдумаем ответ германского правительства. Однако, было бы неразумным ожидать, что мы сегодня можем разрешить польскому представителю появиться в Берлине. Германскому правительству не следует ожидать от нас этого".

В это время обстановка стала настолько серьезной, что сэр Невиль Гендерсон не верил более в успех английского посредничества, что вытекает из того же документа на странице 454. Здесь речь идет о телеграмме сэра Невиля Гендерсона лорду Галифаксу. Я оглашу из нее, для экономии времени, небольшую цитату. Пункт третий: "Я, в частности, все еще стою за то, чтобы польское правительство должно сделать еще одну неприятную попытку и в последний раз постараться установить непосредственную связь с г-ном Гитлером, хотя бы для того, чтобы убедить мир, что оно было готово со своей стороны принести жертву для сохранения мира".

Польское правительство, очевидно, не было намерено в это время начать прямые переговоры. Это следует из того же документа на странице 454. Я прочту только первые три строчки. Это телеграмма британского посла в Варшаве

H1197-0383

лорду Галифаксу. В ней говорится:

"Я уверен в том, что невозможно заставить польское правительство послать сейчас же в Берлин г-на Бека или какого-либо другого представителя". В той же телеграмме английский посол в пункте 4 подчеркивает: "Я, конечно, не буду высказывать своей точки зрения польскому правительству и не сообщу ему ответа г-на Гитлера до тех пор, пока не получу соответствующую инструкцию, которая, я надеюсь, последует немедленно".

Вследствие того, что эти немецкие предложения не были переданы польскому правительству, непосредственные переговоры были сорваны. В доказательство того, что польское правительство также не имело намерений вести эти непосредственные переговоры, я сошлюсь на документ, помещенный на стр.465 того же документа. Это телеграмма лорда Галифакса сэру Кенарду в Варшаве, в которой он еще раз призывает польского посла к тому, чтобы он побудил польское правительство вести непосредственные переговоры с Германией. Я ничего не оглашаю из этого документа. Я только процитирую одно место из следующего документа, на стр.466. Это цитата из английской "Голубой книги". "Реакция Польши". Здесь речь идет о телеграмме сэра Кенарда лорду Галифаксу от 31 августа 1939 г. Я хочу огласить первые три абзаца этого документа. Из этих цитат ясно видна позиция Польши по вопросу о возможности этих переговоров. Там сказано дословно:

"Г-н Бек только что в письменной форме сообщил мне польский ответ на мой демарш, сделанный последней ночью".

Второй абзац:

"Я спросил господина Бека, какие шаги он намерен предпринять, чтобы установить контакт с германским правительством. Он ответил, что он поручит господину Липскому попытаться получить интервью от министра иностранных дел или от статс-секретаря, чтобы сообщить, что Польша приняла

H1197-0384

британское предложение. Я торопил его сделать это без всякого промедления.

Затем я спросил его, какую позицию займет польский посол, если г-н Риббентроп или какое-либо другое лицо, с которым он будет говорить, вручит ему текст германских предложений. Он сказал, что г-н Липский не будет уполномочен принимать такого рода документы, потому что, как следует из предыдущего опыта, подобные документы могут сопровождаться ультиматумом какого-либо рода". Конец цитаты.

Из этого отрывка из английской "Голубой книги" вытекает, что Польшей были отклонены все возможности выяснения вопроса относительно Данцига и нацменьшинств. Таким образом, германское правительство и английское правительство не могли больше вести переговоров с Польшей по этому вопросу.

В доказательство дальнейших усилий я пред"являю суду еще документ за № 209 на стр.494 этой книги документов. Я прошу приобщить этот документ к делу. Я не собираюсь оглашать какие-либо выдержки из этого документа. То же самое относится к документу 210, который я прошу суд приобщить к делу без его оглашения.

Следующий документ - Риббентроп - 213, который вы найдете на странице 504б моей книги документов. Этот последний документ является официальным немецким сообщением относительно содержания переговоров и базы для переговоров, которые происходили во время польско-немецкого кризиса. Вследствие того, что Польша не пожелала вести переговоров с Германией относительно вопроса о Данциге и вопроса о Коридоре, между обоими народами началась война. Далее я в своей защитительной речи обращусь к правовой стороне этой войны. Я подробно остановлюсь на международном правовом характере вопроса. Сегодня я только утверждаю, что отсутствие

H1197-0384

H1197-0385

эффективной международной организации, которая изменила бы ставшее невыносимым существовавшее положение, было последней причиной, которая привела к войне в 1939 году.

Затем я хочу передать суду в качестве следующего комплекса документов документы, связанные с оккупацией Дании и Норвегии Германией. Здесь речь идет о документах Риббентроп-216-а на странице 509 книги документов, Риббентроп 216-б и 217. Я прошу суд приобщить эти документы к делу в качестве доказательства. В остальном я буду ссылаться в отношении доказательств и событий на речи и документы, которые пред"явит Суду мой коллега, доктор Зиммерс - по делу Редера.

В качестве следующего комплекса документов я пред"являю суду документы, которые связаны с оккупацией Голландии и Бельгии. Здесь речь идет о документе № 218 и следующих, которые находятся на стр.518 и следующих книги документов. Эти документы помещены в книге документов № 7.

В обоснование немецкой позиции я хочу сослаться на документ Риббентроп № 218, который находится на странице 518 книги документов. Я оглашу кратко следующие абзацы. Абзац второй:

"Как давно уже известно имперскому правительству, истинной целью Англии и Франции является тщательно подготовленное и намеченное на ближайшее время нападение на Германию с Запада для того, чтобы пробиться к Рурской области через территорию Бельгии и Нидерландов. Германия признавала и уважала неприкосновенность Бельгии и Нидерландов при том обязательном условии, что обе эти страны будут соблюдать строжайший нейтралитет, в случае войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией - с другой. Бельгия и Нидерланды не выполнили этого условия".

На странице 2-й того же документа, в пункте 8-м указывается на доказательства, которые тогда уже были известны германскому правительству и которые я далее пред"явлю в доказательство утверждения, которое я только что огласил. Там написано следующее: "Данные, которыми располагает имперское правительство, доказывают, что приготовления Англии и Франции ,на бельгийской и нидерландской территориях к нападению на Германию зашли уже далеко".

"Так давно уже были тайно удалены все препятствия на бельгийской границе с Францией, которые могли бы встать на пути наступающей англо-французской армии. Аэродромы Бельгии и Голландии обследованы английскими и французскими офицерами и дополнительно укрепляются. Транспортные средства приготовлены уже на бельгийской границе, а за последнее время в различные пункты Бельгии и Голландии прибыли передовые отряды из штабов и войсковых частей англо-французской армии. Эти факты и другие сообщения, все чаще поступающие за последние дни, служат бесспорным доказательством того, что нападение Англии и Франции на Германию должно произойти в ближайшее время и что наступление на Рур будет вестись через Бельгию и Голландию".

В доказательство этих утверждений я сошлюсь на документы №№ 221-229, которые я прошу суд приобщить к делу в качестве доказательства. Они содержат англо-французские планы по подготовке к нарушению нейтралитета Голландии и Бельгии по согласованию с этими странами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, Трибунал должен прервать заседание в 5 часов, так как после этого состоится закрытое заседание. Трибунал надеется, что Вы закончите к этому времени представление этих документов?

ХОРН. Хорошо, господин Председатель.

H1197-0386

H1197-0387

Для того, чтобы сэкономить время, я лишь коротко охарактеризую содержание этих документов. В документе Риббентроп № 221 речь идет о доказательстве планирования интервенции в Бельгию. Это - отчет военного атташе французского посольства в Лондоне генерала Лолона начальнику французского главного генерального штаба по обороне страны. Документ имеет следующее содержание. Я оглашу небольшой абзац из него:

"Интервенция в Бельгию. Британская делегация сразу признала, насколько неопределенными являются условия нашей возможной интервенции в Бельгию. Было предусмотрено - с оговоркой о том, что следует избегать встречного боя на бельгийских равнинах - что мы должны планировать организацию нашей обороны по крайней мере на бельгийской Шельде и в лучше случае на канале Альберта. Пожелание британской делегации было учтено в следующем:

"1. Возможность вторжения с позиций Антверпен-Брюссель - Намир на случай, если будет возможным своевременно организовать эти позиции.

2. Значение обладания бельгийской и голландской территориями для перехода в наступление против Германии".

Конец цитаты.

Для того, чтобы сэкономить время, я далее не буду оглашать документов из этого комплекса вопросов, я лишь прошу суд приобщить к делу документ Риббентроп № 219 на странице 521 книги документов. Это меморандум немецкого имперского правительства люксембургскому правительству от 9 мая 1940 г., а также документ Риббентроп № 220.

Я прошу приобщить их к делу для того, чтобы я мог использовать их в моей защитительной речи.

Далее я прошу приобщить к делу документы № № 230, 230а, 231, 231а, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245. Здесь также речь идет о документах французского генерального штаба; они представляют собой неопровержимое доказательство того, что со стороны Англии и Франции уже перед маем 1940 г. составлялись подробные планы военного сотрудничества и что уже английские и американские передовые отряды находились на территории Голландии и Бельгии до того, как немецкие войска перешли границу.

Я заканчиваю этот комплекс вопросов и перехожу теперь к документам, которые я намерен пред"явить суду в связи с оккупацией Югославии и Греции. Здесь речь идет о документе № 272 и последующих, которые находятся на странице 604 и следующих книги документов. Здесь речь идет также о документах, которые частично относятся к документам французского генерального штаба. Первый

H1197-0388

H1197-0389

документ - документ № 272 - представляет собой ноту германского правительства югославскому правительству от 25 марта 1941 г. Здесь речь идет о присоединении Югославии к пакту трех держав. Из этого документа вытекает, что Германия и вообще страны Оси не намеревались во время войны пред"являть какие-либо требования Югославии, и прежде всего, в отношении прохождения или транспортировки войск через ее территорию.

Документы №№ 273, 274 содержат протокол о присоединении Югославии к пакту трех держав от 25 марта 1941 г. и ноту, которая в связи с этим была направлена германским правительством югославскому правительству.

Документ Риббентроп № 277 - это документ, представляющий собой ноту имперского правительства греческому правительству, которая была передана этому правительству после оккупации греческой территории английскими войсками. Я хотел бы огласить из этого документа следующее предложение на странице 3-й.

"Но в последние дни Греция явно стала районом операций английских войск".

Документ "Риббентроп-278" - это официальное заявление имперского правительства от 6 апреля 1941 года, направленное Югославии и Греции. В этой ноте излагаются основания, которые после путча Симоновича вынудили Германию к ведению военных операций против Югославии. Эти основания изложены на странице 4 документа.

В доказательство того, что утверждения, которые здесь имеются, справедливы, я ссылаюсь на так называемые акты Шерите. Это - акты французского генерального штаба.

Таким образом, я заканчиваю комплекс вопросов о Югославии и Греции и хотел бы заметить, что я буду ссылаться на другие документы, которые будет пред'являть мой коллега доктор Зиммерс, защитник Редера, также в отношении военных действий Германии против Греции.

Следующая группа документов относится к России. Это - документ "Риббентроп-279" и следующее на странице 619 и следующих страницах книги документов. Я прошу приобщить документы 279, 280, 282, 283, 284 к делу в качестве доказательств. В своей защитительной речи я буду ссылаться на эти документы.

Следующий и последний комплекс вопросов - это документы, которые относятся к обвинениям, выдвинутым против подсудимого фон Риббентропа в связи с антикоминтерновским пактом и его политикой по отношению к Японии и Соединенным Штатам Америки.

Первый документ в этой серии - документ 291 на странице 652 книги документов. Этот документ представляет собой текст антикоминтерновского пакта. Документ "Риббентроп-281" представляет собой расширение антикоминтерновского пакта, - пакт трех держав от 27 ноября 1940 года. Я представляю этот документ Суду в качестве доказательства того, что Риббентроп и имперское правительство старались этой политикой исключить Соединенные Штаты Америки из войны. Несмотря на эту политику, все же имела место активная поддержка наших противников

H1197-0390

H1197-0391

Соединенными Штатами Америки.

В доказательство этого я сошлюсь на документы "Риббентроп-306", "Риббентроп-308 на страницах 700 и 702, а также на следующих страницах книги документов. Это последние документы, которые я пред'являю Суду из числа относящихся к внешней политике периода пребывания подсудимого фон Риббентропа на посту министра иностранных дел.

В заключение я кратко остановлюсь на документе "Риббентроп-313". Здесь речь идет о данных под присягой показаниях легационного советника Бернда Годфридсена. Эти показания ничего общего не имеют с агрессивной войной. Однако они связаны с вопросом, который был поставлен Обвинением в связи с делом Риббентропа. Этот аффидевит содержит данные об имущественном положении подсудимого фон Риббентропа и его художественных коллекциях.

Я хочу обратить внимание на то, что легационный советник Годфридсен, как он указывает в своем аффидевите, ведал финансовыми делами министерства иностранных дел и, в частности, подсудимого. В связи с этим я хотел бы огласить небольшой отрывок из этого аффидевита, который представляет собой пятый абзац этого документа.

На вопрос, как обстоит дело с художественными коллекциями фон Риббентропа, Годфридсен ответил следующим образом: "Господин фон Риббентроп был зажиточным человеком, прежде чем он вступил еще на путь дипломатической карьеры. За время своей деятельности в референтуре он приобрел несколько картин, главным образом в самой Германии. Все эти картины были приобретены за умеренную плату, конечно, на частные средства министра иностранных дел. За время пребывания на посту министра иностранных дел господин фон Риббентроп для оборудования помещения министерства иностранных дел и немецких миссий за границей приобретал произведения искусства, которые становились госу-

H1197-0392

дарственной собственностью и находили соответствующее применение.Все эти произведения искусства были учтены, имелся специальный каталог.Никакие предметы искусства не были приобретены несправедливым образом,т.е. путем репрессалий или другим путем.Все предметы искусства, которые лично принадлежали Риббентропу,были также учтены, на них велся каталог,я следил за ними ."

Перехожу к последнему абзацу аффидевита.

"Во время войны господин фон Риббентроп не приобретал ни в одной из оккупированных германскими армиями областей какие-либо произведения искусства несправедливым образом ни для себя, ни для министерства иностранных дел,ни для империи."

Я хотел бы указать,что Годфридсен знает о личном имуществе Риббентропа и вместе с секретарем,который вел каталог,каждый год составлял отчеты относительно состояния его имущества.

В заключение я хотел бы также огласить абзац из аффидевита,который помещен в качестве документа № 317 на странице 749 книги документов и последующих страницах.

Это письменные показания жены фон Риббентропа, которые она дала нотариусу из Нюрнберга.Здесь речь идет об обвинении,которое было пред'явлено в связи с политикой, которую вел фон Риббентроп по отношению к России.

Я оглашу следующий абзац аффидевита.

"В 1940 году в министерстве иностранных дел ,где мы проживали,мы имели лишь весьма небольшое убежище.По распоряжению Адольфа Гитлера во время воздушных налетов мы направлялись в убежище имперской канцелярии,так как он придавал большое значение тому,чтобы мой муж,как министр

H1197-0392

H1197-0393

иностранных дел,и все документы министерства иностранных дел находились в безопасности от воздушных налетов."

Я ожидала тогда моего младшего ребенка,который родился 19 декабря 1940 года и поэтому хорошо помню об одном из налетов,имевшем место незадолго до этой даты,после начала которого мы начали ходить в бомбоубежище имперской канцелярии. Адольф Гитлер тогда также пришел в наше бомбоубежище. Он,мой муж и я сидели за столом в убежище.Во время нашего пребывания там мой муж долго говорил о своих попытках привлечь Россию к участию в тройственном пакте.Он показал возможности такого дипломатического акта и рассказал,как он мыслит себе их осуществление в случае заключения пакта.Я точно помню,что Гитлер закончил беседу словами:

"Риббентроп,почему мы не можем сделать и это после того,как мы уже так много сделали?"

Мой муж говорил с большим под'емом и убедительностью. Когда он окончил,мне пришло в голову,что Адольф Гитлер, слушавший высказывания моего мужа,принял их по существу без всяких возражений.Мне кажется,что он мысленно как-бы отсутствовал и у меня создалось впечатление,что доводы моего мужа не убедили его." Конец цитаты.

Я пред'явил эти показания под присягой для того,чтобы доказать, что Риббентроп в это время проявлял серьезные усилия в том отношении,чтобы избежать конфликта с Россией.

Я заканчиваю пред'явление документов защиты по делу подсудимого фон Риббентропа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид,не могли-ли бы Вы информировать нас о том,как Вы договорились с доктором Тома по поводу документов по делу Розенберга?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Милорд,американская,советская и французская делегации занимаются материалами по делу Розенберга.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Возможно господин Додд даст нам информацию по этому вопросу.

Г-н ДОДД: Капитан Кригер, член нашей делегации, консультировался с доктором Тома по этому вопросу, как и предложил Суд. И я хотел-бы информировать суд о том, что мы закончили наши переговоры с доктором Диксом и я думаю, что было бы необходимо, чтобы Трибунал заслушал некоторые наши возражения в суде, поскольку у нас имеются некоторые расхождения. Однако мы в основном согласились в отношении документов по делу Шахта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я хотел бы быть уверенным в том, что не будет никакого промедления с делом Кальтенбруннера. Что касается дела Розенберга, то, как мне стало известно, документы по делу Розенберга, которые как предполагалось, мы должны рассмотреть, чрезвычайно многочисленны и чем скорее мы приступим к их рассмотрению, тем будет лучше.

Г-н ДОДД: Мы сможем в любое время встретиться с доктором Тома, даже сегодня вечером, если он пожелает этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Было-бы желательно, чтобы Трибуналу заранее были бы представлены те документы, которые уже переведены, т.е. я хочу сказать, чтобы все документы не представлялись одновременно, поскольку имеется несколько томов этих документов.

Г-н ДОДД: Сейчас у нас имеется 3 тома и, как мне известно, будут получены еще документы. Мы будем совещаться с доктором Тома и постараемся ускорить, насколько это возможно, подготовку документов первого тома с тем, чтобы они были представлены Трибуналу для рассмотрения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома, не лучше ли было бы, если бы представили Трибуналу те тома документов, которые уже переведены, с тем, чтобы они могли быть рассмотрены заранее аналогично тому, как это было сделано с документами, представленными доктором Горном.

8574

H1197-0394

H1197-0395

Д-р ТОМА:Да,милорд,это возможно,документы уже готовы. В отношении моей 2-й и 3-й книги документов я сегодня беседовал с капитаном Кригер в 260 комнате и мы с ним договорились.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Да,Вы могли указать об этой договоренности в книге документов.Я считаю,Вы смогли-бы указать,какие документы Вы собираетесь из'ять.

ДОКТОР ТОМА: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В таком случае Вы как можно скорее передайте Генеральному Секретарю Трибунала эти книги документов,указав о договоренности,которую Вы достигли с капитаном Кригер.Хорошо?

Д-р ТОМА: Я с д-ром Кригер вел переговоры в отношении книг документов 2-й и 3-й.В них рассматривается вопрос об эйнзатцштабе и деятельности Розенберга в качестве министра по делам восточных областей.Я не говорил по поводу философских произведений Розенберга.Я это сделаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:Таким образом,речь идет о книге документов номер 1?

ТОМА:Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо,если Вы не сможете придти к соглашению,Вы должны указать об этом и мы этот вопрос рассмотрим.Возможно Вы могли бы завтра поговорить о капитаном Кригером заранее,для того,чтобы придти к соглашению по вопросу относительно книги документов № 1 и других книг.

Сколько у Вас книг?

Д-р ТОМА: Я пред'являю всего 4 книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Еще 4 книги?

ТОМА: Нет, всего 4 книги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И так, остается еще одна, которая должна мне быть переведена?

ТОМА: Да, последняя.

(Об'является перерыв до 10.00, 11 апреля 1946 г.).

8576

H1197-0396

H1197-0397

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от II апреля 1946 г.

Утреннее заседание.

Д-р ЗАУТЕР: /защитник подсудимого Функа/. Господин председатель, в предыдущую субботу, когда я по болезни не мог здесь присутствовать, был поставлен вопрос о том, в каком порядке должна вестись защита подсудимых д-ра Функа и д-ра Шахта. Господин председатель высказал тогда желание, чтобы я возможно быстрее сообщил суду о своей точке зрения по этому вопросу. Я обсудил этот вопрос с моим подзащитным и с защитником д-ра Шахта и я согласен и предлагаю, чтобы защита велась сначала по делу доктора Шахта, а защита по делу Функа, исходя из соображений целесообразности, проводилась после защиты Шахта. Я сообщаю Вам об этом, господин председатель для того, чтобы суд был в курсе дела. Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно.

/К микрофону подходит представитель американского обвинения Г-н Додд/.

Г-н ДОДД: Господа судьи, я хочу обратить внимание Трибунала на тот факт, что мы закончили обсуждение с доктором Тома некоторых документов Розенберга, но по ряду из этих документов мы не смогли договориться; они должны быть рассмотрены Трибуналом. Кроме того, как я уже говорил вчера, мы намереваемся выступить по ходатайствам доктора Шахта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, мы Вам дадим время для этого, а сейчас пожалуйста, доктор Кауфман.

КАЙМАН: Господин председатель. Я начинаю защиту по делу подсудимого Кальтенбруннера. Мне не нужно подчеркивать, как бесконечно тяжела эта защита, учитывая необычную тяжесть обвинений, выдвинутых против него. Я представляю себе опред"явление доказательств следующим образом: с разрешения Суда я из своей небольшой книги документов сначала зачитаю два небольших документа, затем с разрешения суда, вызову подсудимого Кальтенбруннера к свидетельскому пульту, а потом допрошу одного или двух свидетелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На более ранней стадии процесса Вы просили разрешения подвергнуть перекрестному допросу свидетелей, вызванных обвинением: Олендорфа, Шелленберга, Гвэльригера и Висленени. Тогда Трибунал постановил, что они могут быть вновь вызваны для перекрестного допроса, но при этом они должны быть вызваны до Ваших свидетелей. Поэтому Трибунал хочет узнать, желаете ли Вы вызвать кого-либо из этих свидетелей для перекрестного допроса. Вы не желаете?

КАУФМАН: Нет, господин председатель, ни Олендорфа, ни Висленени, ни Гельригеля, ни Шелленберга я вызывать не буду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

КАУФМАН: Теперь разрешите мне зачитать оба эти документа?

Сначала я предоставлю письменные показания под присягой, данные свидетелем доктором Мильднером. Я прошу вас принять его к сведению без доказательств. Номер этого документа КР-I. Я цитирую:

Аффидевит.

H1197-0398

H1197-0399

"Я, нижеподписавшийся, доктор Мильднер, находясь в настоящее время под арестом в г. Нюрнберге, даю под присягой, с целью предоставления Международному Военному Трибуналу в Нюрнберге, следующие ответы на вопросы адвоката доктора Кауфмана.

Первый вопрос: Сообщите о своей личности.

Ответ: Около десяти лет мне поручалось выполнение заданий по линии государственной тайной полиции. С 1933 г. по 1945 г. я находился в подчинении 4-го управления. Это управление представляет собой Государственную тайную полицию при Главном имперском управлении безопасности в Берлине. В самом Главном имперском управлении безопасности в Берлине я работал около 3 месяцев, а именно с марта по июнь 1944 г. В остальное время я занимал в основном должность начальника управлений тайной государственной полиции в провинциях.

Второй вопрос: Что вы можете сказать о личности Кальтенбруннера?

Ответ: На основании собственного опыта, я могу сказать следующее: Я лично знаком с подсудимым Кальтенбруннером. В своей личной жизни он был безупречным человеком. По моему мнению, на должность начальника полиции безопасности и СД он был назначен из-за того, что Гиммлер после смерти своего главного соперника Гейдриха в июне 1942 г. не хотел иметь около себя или в своем подчинении человека, который мог бы представлять для него какую-либо опасность по служебной линии. Кальтенбруннер без сомнения являлся для Гиммлера самым безопасным человеком. Кальтенбруннер не был честолюбив в такой мере, чтобы стремиться внушить к себе уважение с помощью каких-то особых мер и тем самым намереваться вытеснить Гиммлера. Нельзя говорить о наличии у него жажды к власти. Неверно называть его "маленьким Гиммлером".

Третий вопрос: Какую позицию занимал Кальтенбруннер по отношению к 4-му управлению /государственная тайная полиция/?

Ответ: Мне ничего неизвестно относительно формального круга компетенций подсудимого Кальтенбруннера в отношении управлений, находящихся в подчинении Главного имперского управления безопасности. С другой стороны, я могу сказать, что начальник 4-го управления Мюллер в силу своего большого опыта действовал совершенно самостоятельно, никого не знакомя с кругом задач и методов 4-го управления в том числе и начальника остальных управлений при главном имперском сообщении государственной безопасности. Он пользовался непосредственной поддержкой Гиммлера.

Четвертый вопрос, Видели ли вы когда-либо оперативные приказы Кальтенбруннера?

Ответ: Я никогда не видел ни одного подлинного приказа, т.е. приказа, подписанного рукой подсудимого Кальтенбруннера. Однако, я, знаю, что в приказах о превентивном заключении имелись его подписи-факсимиле или подписи напечатанные на машинке. Это была обычный порядок со времени деятельности Гейдриха.

Пятый вопрос: Кто издавал приказы об экзекуциях - Кальтенбруннер или Гиммлер? Кто был ответственным за создание и руководство концлагерями?

Ответ: Я знаю, что такие приказы исходили от Гиммлера. Насколько мне известно, без его санкции другие органы РСХА не могли издавать такие приказы. Я также знаю, что руководство концлагерей осуществлялось особым главным

H1197-0400

H1197-0401

управлением, а именно главным экономическим и административным управлением СС, начальником которого был Поль. Главное имперское управление безопасности ничего общего с концлагерями не имело. Это относится ко всем вопросам администрации, снабжению, обращению с заключенными, режиму в лагерях и т.д. Инспектором концлагерей был Глюкке. Инстанции шли в следующем порядке: Гиммлер, Поль, Глюкке, комендант лагеря.

Шестой вопрос: Отдавал ли Кальтенбруннер приказ об эвакуации каких-либо концлагерей?

Ответ: Мне ничего неизвестно о том, чтобы подсудимый Кальтенбруннер издавал какие-либо приказы относительно эвакуации концлагерей.

Седьмой вопрос: Издавал ли Кальтенбруннер приказ об аресте всех датских граждан иудейского вероисповедания и о размещении их в концлагерях Терезиенштадта?

Ответ: Нет. Я могу точно ответить на этот вопрос, потому что я, будучи сотрудником гестапо с сентября 1943 г., занимался этим вопросом в Дании. Командующий полицией безопасности и СД получил в сентябре 1943 г. приказ об аресте всех датских евреев и о доставке их в Терезиенштадт. Я вылетел в Берлин, чтобы добиться отмены этого приказа. Вскоре после этого в Данию пришел приказ Гиммлера, согласно которому следовало провести мероприятия против евреев. Таким образом Кальтенбруннер не издавал этого приказа. Я с ним о нем не говорил и вообще Кальтенбруннер не был в то время в Берлине. Прочел и нашел правильным, Нюрнберг, 29.III.1946 г. Подпись доктор Мильднер". Затем следует удостоверение.

Следующее письменное показание под присягой - дано доктором Гетелем.

Г-н ДОДД: Господа судьи, перед нами возникла новая проблема. Я не думаю, что бы мы с этим вопросом сталкивались ранее. Обвинение представило опросный лист свидетелю д-ру Мильднеру. Мы не знаем поэтому, с чего нам следует начать. Нужно ли сейчас предоставить ответы на эти вопросы обвинению или несколько позднее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нам кажется, что вы сейчас должны зачитать эти ответы.

Г-н ДОДД: Хорошо.

КАУФМАН: Разрешите мне, господин председатель, сказать еще кое-что об этом. Я в первый раз слышу о том, что со стороны Обвинения также ставились вопросы этому свидетелю и что этот свидетель на них ответил. Я думаю, что это первый случай такого рода, проходит перед Судом. Не было бы справедливее сообщить мне эти ответы после того, как я давно предоставил свои письменные показания Обвинению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, следовало так и сделать. Трибунал считает, что эти ответы следовало бы передать Вам немедленно после получения их Обвинением.

КАУФМАН: Ответы должны быть, все-таки зачитаны? Я должен формально протестовать против этого. Поэтому я прошу Суд решить этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Г-н Додд, почему ответы не были переданы д-ру Кауфману?

Г-н ДОДД: Эти ответы на перекрестный опросный лист обвинения были получены только вчера и материал был готов только сегодня утром. Мы сожалеем об этом, конечно, если бы материал был готов, мы бы передали его защитнику. Если он желает отложить оглашение документа с тем, чтобы ознакомиться с ним, мы, конечно, не возражаем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Кауфман, при данных обстоятельствах мы отложим оглашение ответов на вопросы обвинения с тем, чтобы Вы могли ознакомиться с этими ответами и, если нужно, высказать возражения против любого вопроса и ответа и только после этого мы их обсудим.

КАУФМАН: Благодарю Вас. Теперь разрешите мне зачесть второй и последний документ. "Письменное показание под присягой.

Я, нижеподписавшийся, д-р Вилльям Геттль, даю прд присягой следующее показание на поставленные мне адвокатом д-ром Кауфманом вопросы, в целях пред"явления этого показания Международному Военному Трибуналу в Нюрнберге:

H1197-0402

H1197-0403

I-й вопрос: Сообщите более подробно о своей личности. //

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту, не можете ли вы сказать, под каким номером вы представляете этот документ?

КАУФМАН: Да, № КР-2.

"Какую должность занимали вы в СД? Откуда вы знали доктора Кальтенбруннера?

Ответ: Я родился I9.III.I9I5 г. в Вене,по профессии я историк. До поражения Германии я занимал должность референта в УI-м управлении /заграничной информационной службы/ Главного имперского управления безопасности. После присоединения Австрии в I938 г. я добровольно вступил в СД. Будучи участником национально-католического движения молодежи, я поставил своей целью осуществить проведение для моей родины умеренного политического курса. С Кальтенбрунне ром я познакомился в I938 году. Он знал мою вышеназванную целеустановку. В I94I году я по личному указанию Гейдриха был предан суду СС и полиции"за любовь к церкви и недостаточную политическую благонадежность". После этого я служил в качестве простого солдата. После смерти Гейдриха я был помилован и в начале I942 года откомандирован в распоряжение Начальника УI-го отдела Главного Имперского управления безопасности - Шелленберга. Я стал старшим референтом по вопросам Ватикана и нескольких балканских стран.

С назначением Кальтенбруннера на должность начальника главного имперского управления безопасности в начале I943 года у меня с ним установился постоянный контакт по служебной линии, тем более, что он сам старался привлечь к себе поближе группу австрийцев, служивших в Главном имперском управлении безопасности.

2-й вопрос: Давали ли Вы в Берлине сведения о численном составе центральной инстанции - Главного имперского управления безопасности?

Ответ: В центральной инстанции в Берлине в IУ отделе /гестапо/ было занято около I.500 человек, в У отделе /уголовная полиция/ I200, в отделах Ш и УI /служба информации внутри страны и служба информации заграницей/ в каждом по 300-400 человек.

3-й вопрос: Что следует понимать под СД и каковы были ее задачи?

Ответ: Гейдрих организовал, так наз. службу безопасности /обычное название СД/ в I932 году. Задачи СД заключались в информировании верховного руководства Германии и отдельных имперских ведомств о событиях заграницей и

внутри страны. СД представляло собой чисто информационный аппарат и не имела никакой исполнительной власти. Для использования в так. наз. "оперативных командах" (эйнзацкоманд) откомандировывались лишь отдельные лица, принадлежавшие к СД, которым тем самым передавалась исполнительная власть и которые выбывали на это время из СД. Оперативные группы и оперативные команды являлись командами полиции безопасности и СД." Извините, я оговорился - "Эйнзацгруппы и эйнзацкоманды СД существовали до самого последнего времени. Также имелись они и в Африке, в Венгрии, а в 1944 году даже и в Словакии. Эти команды не имели ничего общего с проведением экзекуций. Их задачи приобрели со временем общий характер деятельности полиции безопасности. Насколько мне известно, экзекуции проводились лишь в России, в связи с изданным Гитлером приказом о комиссарах. Я не знаю, продолжали ли эти команды свою деятельность или прекратили ее после назначения Кальтенбруннера на должность начальника Главного имперского управления безопасности.

4-й вопрос: Известно ли Вам о мероприятиях Эйхмана, направленных на уничтожение евреев?

Ответ: Я узнал более подробно об этих мероприятиях лишь в конце августа 1944 года. В то время Эйхман сам сообщил мне подробные сведения относительно этих мероприятий. Между прочим, Эйхман заявил мне, что эти мероприятия являются тайной особой государственной важности, о которой известно лишь очень небольшому кругу людей. По моему мнению, общее число членов этих команд не превышало 100 человек.

5-й вопрос: Что Вам известно о взаимоотношениях Эйхмана с Кальтенбруннером?

Ответ: Их взаимоотношения по служебной линии мне неизвестны. Эйхман не имел, очевидно, непосредственного делового контакта с Кальтенбруннером. Он неоднократно просил меня устроить ему беседу с Кальтенбруннером, от чего Кальтенбрунне постоянно отказывался.

6-й вопрос: Каковы были взаимоотношения Кальтенбруннера с начальником государственной тайной полиции Мюллером?

8584

H1197-0404

H1197-0405

Ответ: Я не могу сообщить подробных сведений об их взаимоотношениях по служебной линии. Но совершенно неоспоримо, что Мюллер действовал совершенно самостоятельно. У него был большой долголетний опыт в области деятельности государственной тайной полиции. Он пользовался уважением Гиммлера. Кальтенбруннер не ценил его. Кальтенбруннер не имел специальной подготовки в полицейских делах и не питал к ним интереса. Главное его внимание, а также его весь интерес он отдавал службе информации, в особенности службе информации заграницей.

7-й вопрос: В чьем подчинении находились концлагери?

Ответ: Концлагери находились в подчинении исключительно Экономического и административного управления СС, т.е. не Главного имперского управления безопасности и, таким образом, не в подчинении у Кальтенбруннера. Таким образом, эта область не входила в круг компетенции Кальтенбруннера и он не имел исполнительной власти в этой области. Кальтенбруннер, согласно моей оценке его как человека, совершенно определенно не мог одобрительно относиться к чинимым в лагерях зверствам. Знал ли он о них - мне неизвестно.

8-й вопрос: Издавал или предлагал Кальтенбруннер издать приказ, согласно которому вражеские летчики, совершившие вынужденную посадку на территории Германии, не должны были охраняться от суда линча со стороны населения?

Ответ: Я ничего подобного никогда не слышал от Кальтенбруннера, хотя мне очень часто приходилось бывать с ним вместе. Насколько я помню, такой приказ был издан Гиммлером.

9-й вопрос: Издавал ли Кальтенбруннер приказы об убийстве евреев?

Ответ: Подобных приказов он не издавал. По моему мнению, он и не мог издать такого рода приказы, ибо в этом вопросе, т.е. в вопросе физического уничтожения евреев всей Европы,

он, по моему мнению, придерживался противоположной Гитлеру и Гиммлеру точки зрения.

IO-й вопрос: Каково было отношение Кальтенбруннера к церкви?

Ответ: Будучи референтом по вопросам Ватикана, я часто имел возможность говорить с ним на эту тему по служебной линии. Он сразу же согласился с моим предложением, сделанным весной 1943 года - добиться от Гитлера изменения политики в отношении церкви и использовать Ватикан в качестве посредника в мирных переговорах. Но Кальтенбруннер не добился успеха у Гитлера, так как против него самым резким образом выступил Гиммлер. Такую же неудачу потерпел и германский посол в Ватикане, с которым я обсудил этот вопрос. После этой неудачи Борман учредил надзор даже за германским послом в Ватикане бароном фон Вейцзеккером.

II-й вопрос: Вмешивался ли Кальтенбруннер во внешнюю политику в целях достижения мира?

Ответ: Да, в венгерском вопросе, например, ему удалось в марте 1944 года, когда германские войска заняли Венгрию, побудить Гитлера к сдержанности и предотвратить предусмотренное вступление румынских и словацких соединений на венгерскую территорию. Благодаря его поддержке мне удалось задержать намеченный приход к власти венгерского национал-социалистского правительства на полгода".

С разрешения суда я вызываю теперь к свидетельскому пульту подсудимого Кальтенбруннера.

8586

H1197-0406

H1197-0407

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы меня не слышите,доктор Кауфман ?

КАУФМАН: Нет,я вас не слышу.

(Об'является перерыв по техническим причинам).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман,желаете ли вы вызвать подсудимого?

КАУФМАН: Я совершил небольшую ошибку,господин председатель, я не зачитал страницы 5-й из моей книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подождите,повторите,что Вы сказали?

КАУФМАН: Я сказал,что я не зачитал страницы 5-й моей книги документов,а именно вопросов 12 и 13 письменных показаний. Попрошу извинить меня и разрешить зачитать эти вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста,зачитайте.

КАУФМАН: Я продолжаю зачитывать страницу 5.

"Кальтенбруннер хотел воссоздания Австрии и Венгрии по принципу федеративного государства.С 1943 года я высказывал свою точку зрения Кальтенбруннеру по вопросу о войне:Германия должна любой ценой попытаться закончить войну и заключить мир. Я сообщил ему о своих связях с одной американской инстанцией в Лиссабоне.Я также уведомил Кальтенбруннера о том,что я установил контакт с одной американской инстанцией в нейтральной стране по поводу австрийского движения сопротивления.Он заявил о своей готовности поехать со мной в Швейцарию и лично начать переговоры с американским уполномоченным,чтобы предотвратить тем самым дальнейшее бессмысленное кровопролитие".

Вопрос 12-й: " Знаете ли вы о том,что Кальтенбруннер дал указание коменданту концлагеря в Маутхаузене о передаче лагеря приближающимся войскам противника ?"

Ответ"да. Это правильно.Кальтенбруннер действительно издал такой приказ.Он в моем присутствии продиктовал его для дальнейшего препровождения начальнику лагеря".

Вопрос 13-й: "Можете ли вы вкратце сказать что-нибудь

о личности Кальтенбруннера?"

Ответ: "Кальтенбруннер был совершенно иным человеком, чем Гиммлер или Гейдрих. Поэтому-то между ними были сильные внутренние разногласия. Его назначение на должность начальника главного имперского управления безопасности последовало по той причине, что Гиммлер хотел избежать опасности иметь около себя соперника, каким был Гейдрих. Таким образом, неправильно называть его "маленьким Гиммлером." Это неправильная характеристика Кальтенбруннера. По-моему мнению, он по настоящему никогда не ведал Главным управлением полиции безопасности, мало интересовался его делами. Он значительно больше занимался вопросами службы информации и пытался через нее оказывать влияние на политику. Это была та область, которой он интересовался".

Затем идет подпись, дата и удостоверение в правильности копии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У Вас еще есть документы?

КАУФМАН: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Теперь Вы хотите вызвать подсудимого ?

КАУФМАН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Назовите Ваше имя и фамилию.

СВИДЕТЕЛЬ: Эрнст Кальтенбруннер.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги. Клянусь Богом....

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Клянусь Богом....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Всемогущим и всеведущим....

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Всемогущим и всеведущим...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что я буду говорить чистую правду...

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Что я буду говорить чистую правду....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ничего не утаю и ничего не прибавлю...

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Ничего не утаю и ничего не прибавлю. Да помоги мне Господь !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы можете сесть.

H1197-0408

H1197-0409

Прямой допрос.

КАУФМАН: В последние два года войны, с 1943 года, Вы были начальником Главного имперского управления безопасности, начальником СД и начальником полиции безопасности. Вам совершенно ясно, что против Вас выдвинуто особо тяжелое обвинение.

Представители Обвинения инкриминируют Вам следующее: участие в преступлениях против мира, участие в идеологической подготовке преступлений против обычаев войны и человечности. или в совершении их. И, наконец, Обвинение связывает Ваше имя с террором гестапо и ужасами в концентрационных лагерях. Я Вас спрашиваю теперь: берете ли Вы на себя ответственность в рамках этих широко изложенных и известных Вам пунктов обвинения ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Во-первых, я хотел бы заявить суду, что я полностью осознаю всю тяжесть пред'явленного мне обвинения. Я знаю, что на меня обрушилась ненависть всего мира, что, так как Гиммлера, Гейдриха, Поля и других нет в живых, я должен здесь, перед лицом всего мира и суда, давать ответ за всех их деяния. Я полностью сознаю, что я должен здесь сказать всю правду, чтобы весь мир и суд были в состоянии правильно и до конца понять все события, имевшие место в германской империи, правильно оценить их и вынести затем справедливый приговор.

В 1943 г., то-есть за два года до окончания войны, я был назначен на мою последнюю должность, о чем я буду говорить подробно впоследствии. Но я хотел бы уже сейчас, в самом начале, заявить, что я за все, что произошло со времени моего назначения на должность начальника Управления безопасности, за все то, что было совершено несправедливого в рамках деятельности моего управления, если это действительно все происходило под моим действительным руководством, то-есть в тех случаях, когда я знал обо всем том, или должен был знать, за все это я беру на себя ответственность.

Я прошу разрешить моему защитнику ставить мне соответствующие вопросы для изложения моего хода мыслей.

КАЛЬМАН: Расскажите коротко все важнейшие события Вашей жизни до начала Вашей политической деятельности в Австрии.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я родился в 1903 году. Мой отец и дедушка были видными адвокатами. Мои предки были крестьянами и купцами. Моя мать вышла из простой семьи. Она была взята на воспитание бельгийским посланником в Румынии, у которого она прожила 20 лет. Я провел свое детство в сельской местности. Поскольку я вырос в кругу семьи и был окружен заботами, я получил самое лучшее воспитание. С другой стороны, детство мое протекало в таких условиях, что я не был далек от жизни народа. Я окончил среднюю школу - реальную гимназию, получил аттестат зрелости и в 1921 году поступил в высшее учебное заведение в Граце. Сначала я изучал химию и другие технические науки в высшем техническом учебном заведении. После того, как мой отец вернулся с войны очень тяжело больным, я начал изучать юриспруденцию, так как я должен был унаследовать его адвокатскую практику.

Я закончил в 1930 году свои занятия и получил степень доктора юридических наук. Мне приходилось в то время очень тяжело. Я должен был сам зарабатывать, чтобы иметь возможность учиться. Я был студентом и рабочим одновременно. В течение двух лет я работал угольщиком в ночную смену. За это время я так хорошо познакомился с немецкими рабочими, как это редко удается человеку. За это я благодарен судьбе. Я имел возможность как...

КАЛЬМАН: Пожалуйста, говорите немножко более коротко. Придите, как можно скорее, к 1934 году.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, так я повторяю, что я имел возможность хорошо познакомиться с жизнью германских рабочих, как редко приходилось кому другому. После окончания высшего учебного заведения я,согласно

8-90

H1197-0410

H1197-0411

австрийским законам должен был отработать полагающиеся мне 7-8 лет в качестве кандидата в адвокаты. Один год я был адвокатом-стажером в суде, все остальное время работал у адвокатов в Зальцбурге и Линце.

КАУФМАН: Простите, что я Вас перебил. Правильно ли, что Вы в I932 году вступили в партию?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я вступил в партию в I932 году, после того, как я в течение нескольких лет принадлежал к внепартийному движению защиты родины в Австрии.

КАУФМАН: Вы в I932 году также стали членом СС?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Мне кажется, что это было или в конце I932 года или в начале I933 года.

КАУФМАН: Правильно ли, что Вы еще до I933 г. были районным пропагандистом и советником по правовым вопросам в одной из организаций СС?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это утверждение требует раз"яснения. Я действительно выступал на национал-социалистских собраниях в районах Верхней Австрии на своей родине, но я говорил там исключительно в целях осуществления "аншлюса". Советником по правовым вопросам я был в той степени, в какой им является любой другой адвокат, принадлежащий к какой-нибудь партии. В то тяжелое с экономической точки зрения время, я, как и любой другой адвокат, заявлял о своей готовности делать сообщения по правовым вопросам, об"яснять правовые моменты, давать советы по правовым вопросам в течение нескольких часов в конце дня людям, не имевших никаких средств, которые втто время были национал-социалистами. Причем это делалось мною без всякого денежного вознаграждения.

КАУФМАН: Правильно ли, что Вы уже позднее, в I934 г., были арестованы правительством Дольфуса и вместе с другими руководящими деятелями национал-социалистской партии были переведены в концентрационный лагерь

H1197-0412

лагерь Кайзер-Штейнбрух ? что было поводом к этому аресту.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, это правильно. Мне кажется, чт здесь необходимо вкратце обрисовать политическую ситуацию в Австрии в то время.

Правительство состояло из группы людей, которые име очень небольшую поддержку у народа. Кроме того имелись две другие большие группы, которые не участвовали в правительстве. В первую очередь это- левая группа: социал-демократов и авто-марксистов и вторая группа- это тогда очень незначительная группа национал-социалистов.

Среди арестованных в то время 1.800 национал-социа листов находился и я.

КАУФМАН: Скажите, этот конфликт все более усложнял В последующее время Вы были осуждены за участие в тай союзах, а затем выпущены из тюрьмы. Куда Вы были закл чены. Передайте в кратких чертах события этого времени

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это случилось значительно позже. В мае месяце 1935 г. я был арестован. Я должен предва рительно заметить, что в июле 1934 года в Австрии наци нал-социалистами был устроен путч. Этот путч, который несчастным образом вызвал смерть Дольфуса, был подавле после чего последовало самое тяжелое судебное пресле дование всех участвовавших в этом путче национал- социалистов. Особо строгие меры, принятые против на- ционал-социалистов, заключались в том, что несколько тысяч национал-социалистов потеряли свою работу. После этого возникла необходимость в определенном умиротворе то-есть необходимость определенного смягчения принцип по которым действовало правительство. Это было сделан с помощью двух людей: Лангота, тогда главного замести ля руководителя Верхней Австрии и инженера Рейнтр лер

H1197-0413

Эти меры по умиротворению начались в конце 1934 года, в сентябре или октябре. Я был приглашен на обсуждение их.

КАУФМАН: Я попрошу Вас, как можно скорее подойти к 1938 году.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Как известно, я не принимал участия в путче, поэтому меня эти два лица пригласили участвов в обсуждении мер по умиротворению. В рамках этого предприятия правительство само потребовало поддержания связи с партийным руководством, то-есть с СА, СС и т.д. Тогда запрещенными организациями с ведома и желания правительства и соответствующих руководящих инстанций, я установил связь с СС. В мае 1935 г. я был арестован по подозрению в нелегальной связи с СС, что являлось государственной изменой. В течение полугода я находился в следственной тюрьме. Военный Трибунал в Вельсе обвинял меня в совершении государственной измены, но я был оправдан, так как правительство само признало, что я выполнял это поручение с его ведома. Наказание за участ в тайном союзе- моя вина была признана в этом- было отбыто мной во время предварительного заключения.

КАУФМАН: Какое участие Вы принимали в перевороте в Австрии в марте 1938 года и какое принимали участие в этом войска СС ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Вскоре после этих мероприятий, о которых я говорил, я установил контакт, с кругами, которые пытались добиться " аншлюсса" и, во-вторых, с круга которые поставили себе целью путем эволюционного движения и развития изменить существующее положение в Австри добиться умиротворения и склонить правительство к " аншлюссу". В 1937-1938 годах, я пытался установить личный контакт с Зейсс- Инквартом, который стал затем

H1197-0414

министром и я полностью был согласен с его основной политической линией.

КАУФМАН: Скажите пожалуйста, считает ли Вы, что результаты плебисцита в Австрии в апреле 1938 г. соответствовали желанию народа ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Этот плебисцит полностью выразил желание австрийского народа; результатом плебисцита было, то, что 99,73 % высказались за присоединение к Германской империи.

КАУФМАН: Скажите, после аншлюсса Вам дали чин бригадефюрера СС и начальника " абшнитта" СС ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, это так. Но я хочу здесь сказать еще следующее относительно " аншлюсса". Изложение фактов и концепция. Обвинения совершенно неправильны, т.к. оно защищает ту точку зрения, что развитие национа социализма в Австрии в то время проходило тот-же путь, что и закончившееся развитие национал-социализма в германской империи. Путь австрийского национал-социализма был совершенно иной, чем в Германии. Исходным пунктом такого развития послужило исключительно тяжелое экономическое положение Австрии. Воплощением идеи "аншлюсса" явился национал-социализм. Этот путь-от тяжелого экономического положения через движение " аншлюсса" к национал-социализму проделали почти все национал-социалисты. Такой путь ни коим образом не являлся идеологией партийной программы того периода. Мне кажется, что здесь следует заметить и, особенно указать на то, что движение за " аншлюсс" в Австрии имело свою предисторию, а именно: состоявшиеся в 1925 г. и 1928 г. плебисциты в Тироле и Зальцбурге дали следующие результаты: Больше 90 % голосовали за присоединение Австрии к Германии. Это обстоятельство должно быть учтено.

8594

H1197-0415

Уже в 1928 году национальный союз Австрии и Австрийский союзный совет поставили свою подпись под решение Национального Совета, в котором говорилось о том, что оба эти института решили присоединиться к империи, что от этого своего решения они не отступят.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р КАУФМАН, мне кажется, что нет надобности подробно затрагивать вопрос о том, по каким причинам подсудимый выступал за "аншлюсс"

Попытайтесь, пожалуйста, чтобы свидетель не говорил так подробно, а касался только основных вопросов.

КАУФМАН: Мне кажется, что подсудимый так-же обвиняется в содействии при осуществлении"аншлюсса ", поэтому я хотел коснуться именно этого вопроса. Но теперь я готов перейти к другому комплексу вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель называл цифры различных плебисцитов проведенных задолго до аншлюсса, такие подробности, мне кажется совершенно излишними.

КАУФМАН: Затем в сентябре 1938 г. Вы получили чин группенфюрера СС, это правильно ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да. После " аншлюсса" мне было поручено руководство общими СС в Австрии. Я должен был взять на себя руководство общими СС в Верхнедунайском крае. Когда мне был дан чин бригаде-фюрера, он был дан мне, как внеочередной чин, без промежуточных ступеней. Приблизительно в сентябре месяце я получил чин группенфюрера для уравнения меня в чине со всеми остальными старшими областными фюрерами всей империи.

КАУФМАН: Расскажите, пожалуйста, о Вашей дальнейшей карьере в СС. В 1941 году Вы были назначены начальником СС и полиции в Австрии ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: В марте 1938 года я стал членом Австрийского правительства. Мне были поручены функции статс-секретаря по вопросам безопасности Австрии ,

H1197-0416

которые входили в компетенцию министерства внутренних дел. Это Австрийское правительство было распущено в 1941 году, прекратив свою деятельность, так как на Австрию были распространены компетенции административных управлений империи. Поэтому-же был распущен статс-секретариат по вопросам безопасности. Мне кажется в июле 1941 года по штатным соображениям , я получил чин начальника СС- и полиции .

КАУФМАН: 30 января 1943 года Вы стали начальником полиции безопасности и СД, т.е. начальником Главного имперского Управления безопасности. Какие обстоятельства обусловили Ваше назначение на эту должность ? У Вас были связи с Гиммлером ? Какие вопросы Вы обсуждали с Гиммлером в связи с Вашим назначением на эту должность ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я коротко опишу свою деятельность течение двух лет с 1941 по 1943 годы для того, чтобы об"яснить почему я был назначен на эту новую должность. Обвинение вменяет мне в вину руководство полицией безопасности в Австрии. Обвинение ошибается в данном случае, ибо государственная полиция, уголовная полиция и служба безопасности в Австрии руководились центральными инстанциями из Берлина и были полностью из"яты из компетенции министра Зейсс-Инкварта, занимавшего тогда соответствующий пост, и его заместителя Кальтенбруннера. Моя деятельность в качестве начальника СС и полиции в отличие от деятельности таких же лиц в империи ограничивалась чисто представительсткими задачами и задачами по руководству СС.

Таким образом, эта деятельность не занимала всего моего времени. Поэтому я, в соответствии со своими политическими установками, в течение этих двух лет организовал весьма обширную сеть политической информации из Австрии на Юго-восток. Я это делал потому, что очень сожалел о том, что Австрия в политическом и экономическом отно-

H1197-0417

шении не обслуживала империи, и прежде всего, всех германских территорий и что империя в своей близорукости не использовала возможностей Австрии играть роль посредника на Юго-востоке. Таким образом, мои отчеты такого рода вызывали в Берлине все возрастающий интерес

Гитлер беспрестанно упрекал Гиммлера в том, что он / т.е служба информации под руководством Гейдриха/ поставляет ему недостаточную политическую информацию. Через 8 месяцев после смерти Гейдриха ,Гиммлер увидел, что он вынужден найти такого человека, который мог бы действительно избавить его от этих упреков Гитлера за недостаточно хорошую организованную службу информации.

КАУФМАН: Каким образом Вы встретились с Гиммлером и о чем Вы с ним говорили ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Он вызвал меня к себе в декабре 1942 года в Берхтесгаден, где он пребывал в то время, т.к вблизи от Берхтесгадена в Оберзальберге находилась главная ставка фюрера. Вначале он сообщил мне об упреках Гитлера и потребовал от меня организации службы информации управляемой центральной имперской инстанцией. Мы подробно говорили по этому вопросу, причем он ссылался на ту информацию, которую я давал в прежние годы Он сказал,что самым правильным будет, если я возьму на себя руководство Главным имперским управлением безопасности, которое будет являться временным базисом для создания такой службы информации. Я отказался, обосновав свой отказ критической позицией наблюдателя, которую я занимал в Австрии , основанной на ходе внутриполитического развития империи. Я совершенно определенно и ясно заявил Гиммлеру, почему австрийские немцы были разочарованы. В этом я видел опасность, ибо все немцы, которые с восторгом четыре года тому назад приветствовали присоединение Австрии к империи, устали

H1197-0418

от империи. Я ...

КАУФМАН: / прерывая/: Скажите, пожалуйста, ведь правильно то, что Вы были назначены начальником Главного имперского управления безопасности. И что Вы этим хотите сказать , что исполнительной власти Вам при этом дано не было ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Сейчас я буду об этом говорить. Я хочу только обрисовать мою первую встречу с Гиммлером вторая встреча произошла две недели спустя. Во время этой второй беседы, я получил от него этот приказ , я имею ввиду первый приказ. Я хочу сейчас в этой связи об"яснить самое существенное, что проходит красной нитью через всю мою деятельность до конца войны, а именно, что я уже тогда заявил Гиммлеру, в каких существенных вопросах у меня имеются расхождения с национал-социализмом. В частности, я назвал вопросы внешней и внутренней политики. Идеологии и в отношении нарушений права в самом государстве. Я ему заявил тогда, что администрация в империи организована слишком централизованно и что в Австрии сильно критикуют такой централизм, говоря, что другим провинциям, например Баварии, предоставлено право на определенный федерализм. Я ему тогда также сказал, что создание нового германского уголовного права в намеченной форме я считаю неправильным и что германское уголовное право является казуистическим правом. Австрийское уголовное право имеет почти столетнюю давность и является хорошо проверенным и признанным за границей. Я заявил ему тогда, что в Австрии такие понятия, как концлагери или превентивное заключение не могут быть одобрены. Каждый человек в Австрии желает, чтобы правосудие отправлялось судом. Я также заявил ему, что антисемитизм в Австрии развился в принципиально иной форме и что на него в Австрии смотрят совершенно иначе

H1197-0419

В Австрии никто не думал перешагивать те границы антисемитизма, которые изложены в партийной программе. В Австрии не понимают Нюрнбергских законов, которые выходи за рамки партийной программы по этому вопросу. В Австри уже с 1934 г. наметилась мирная и деловая тенденция эммиграции евреев. Я сказал, что физическое и индивидуал преследование евреев совершенно излишнее. Я как раз хотел обратить Ваше внимание на один документ, который уже представлялся здесь суду. Этот документ представляет собой отчет президента полиции в Вене от декабря 1939 г. Там приводятся цифры, свидетельствующие о том, что с 1934 по 1939 г. мне кажется, 200 тысяч евреев , т.е. больше чем половина, эмигрировала из Австрии. Я беседовал тогда об этих проблемах с Гиммлером. Я заявил тогда Гиммлеру, о том, что ему хорошо известно , что я не имею должной подготовки по всех полицейских вопросах, что вся моя деятельность до того момента сводилась к работе области политической информации. Поэтому я не могу взять на себя руководство Главным имперским управлением безопасности с его управлениями, располагающими исполнительной властью / я имею в виду государственную тайную полицию и уголовную полицию/. Я сказал, что не хочу с этим иметь ничего общего , т.к работа в этих учреждениях буде мешать моей основной задаче, которую он хочет на меня возложить, я имел в виду расширение службы информации. Я также заявил ему, что между мной и Гейдрихом существую не только очень сильные личные разногласия, но что у мен с ним по служебной линии велись неоднократно самые резки споры. Гейдрих являлся специалистом по всем полицейским вопросам, чего я о себе сказать не могу. Я не мог взять на себя ответственность за то, что они / Гиммлер и Гейдрих/ наделали в империи, потому что мое имя, моя честь и моя семья являлись для меня слишком священными.

8599

H1197-0420

Гиммлер успокоил меня, заявив тогда: " Вы же знаете, что Гейдрих в 1942 г. был убит и что я со времени его смерти / а прошло приблизительно 6-7 месяцев/ я руково- вго управлением. Это должно оставаться также и в даль- шем, т.е. я буду и в дальнейшем руководить всеми отде- лами, имею и ме исполнительную власть."Далее он продолжал: для этого в моем распоряжении имеются старые, хорошо сработавшиеся специалисты, такие , как Мюллер и Небе. А Вы возьмите на себя лишь руководство III и IV отделами которые работают в целях информации и являются переход- ным базисом для дальнейшего руководства всей службой информации. Я сказал ему тогда, что, собственно, нальзя построить службу информации на одной СД. Служба информации, которая имела место при Гейдрихе, не была достаточно хорошо организована для получения необходимой информации. Я назвал руководство службой информации Гейдриха узколобым, ибо при нем служба информации все более приближалась к органу, располагаю- щему исполнительной властью, служба информации не пригодна для этого. Я считаю бессмыслицей разделение информации на политическую и военную, ибо все страны мира, кроме Германии и Франции, не имеют такого раз- деления. В этом отношении поэтому-же я потребовал, чтобы Гиммлер просил у фюрера приказ об об"единении службы информации: т.е. службы информации при управ- лении разведки и контрразведки и при СД. При таком об"единении необходимо было обеспечить хорошие и проверенные кадры для нового аппарата.

КАУФМАН: Простите, что я Вас перебиваю. Скажите, пожалуйста, в действительности произошло это об"едине- ние этих служб информации ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да. Это об"единение последовало по приказу Гитлера от 14 или 15 февраля 1944 года.

8 600

H1197-0421

КАУФМАН: Теперь я Вас хочу спросить, освободил ли Вас Гиммлер от исполнительной власти. Было-ли известно об этом Вашим начальникам отделов Главного имперского управления безопасности ? Было-ли каким-нибудь образом оформлено это освобождение Вас от исполнительной влас

КАЛЬТЕНБРУННЕР: После беседы с Гиммлером, в декабре 1942 г., мы расстались с ним, после того, как я заявил о своем несогласии взять на себя руководство Главным имперским управлением безопасности на предложенных им мне условиях, т.е. я не хотел взять на себя исполнительную власть, имевшуюся у некоторых отделов, которая находилась в то время в его руках. Он был до такой степени зол на меня, что на прощание не подал мн руки и в течение последующих недель проявлял свое недо вольство мною также и другими способами. 16 или 18 января я был вызван по телеграфу в его главную ставку но которая за это время переместилась в Восточную Пруссию. Я предположил, что мне будет предложена какая нибудь должность на фронте, о чем я его раньше просил. Я направился в ставку в полном боевом снаряжении, в надежде, что я наконец, смогу делать то-же, что и все мои братья и остальные родные, т.е. поехать на фронт. Но этого не случилось. Он заявил мне: я говорил с фюрером, он считает необходимым реорганизовать и централизовать службу информации. Он будет вести соответствующие переговоры с вооруженными силами, я же должен взять на себя задачу организации и расширения службы информации. Вместе с Мюллером и Небе я должен все таки взять на себя непосредственное руководство отделами, располагавшими исполнительной властью.

Если Вы меня сейчас спрашиваете, должно ли было стать заметным с внешней стороны такое разграничение,

H1197-0422

то я должен сказать, что об этом не было об"явлено. Поэтому формально обвинение вправе инкриминировать мне это сейчас восклицая: Ты-же не уведомил мир о таком разграничении. " Однако, в ответ на это я хочу сказать, что мне в то время казалось, что я могу положиться на своего тогдашнего начальника и на его заверения. Он заявил мне тогда в присутствии Небе и Мюллера , а им двум лично приказал, что они должны непосредственно обращаться по всем вопросам к нему и делать все сообщения лично ему, как это было за все 8 месяцев после смерти Гейдриха. Я заявляю здесь со всей ясностью, что специальных задач, которые имел Гейдрих, например, по решению еврейского вопроса мне дано не было и я не заявлял, что берусь за них.Я был только номинально начальником Главного управления имперской безопасности. Я, занимая эту должность, руководил в действительности лишь служб информации и ведал вопросами по расширению новой и реорганизации старой службы информации. Руководство гестапо и уголовной полицией осуществлялось Гиммлером, как и раньше. Причем,как я установил позже, это руководство осуществлялось от моего имени, т.е. от имени начальника Главного Управления безопасности, хотя я сам не знал и не видел этих приказов в тот момент, когда они издавались. Я сам числился в составе государственной тайной полиции. Уголовная полиция иногда исполняла приказы тайной полиции. Исполняя их, она подписывала эти приказы моей фамилией, т.е. фамилией начальника Главного имперского управления безопасности. Позднее я должен буду самым подробным образом показать, что тайная полиция предлагала практиковать те-же методы,которые имели место при жизни Гейдриха, ибо как известно, он располагал большой исполнительной властью, часть,

которой он передал в этой области Мюллеру и Небе. Я же с самого начала не имел таких полномочий, как Гейдрих и поэтому не мог этих полномочий кому либо передать. За то, что я может быть действительно мало беспокоился о том, что все приказы уголовной полиции имели мою подпись, за это я беру вину на себя.

КАУФМАН: Я хочу обратить Ваше внимание на показания, которые дал 3 января 1946 г. начальник 3-го отдела Олендорф здесь в суде. Я коротко зачитаю Вам эти показания, а Вы выскажите затем свою точку зрения. По этому поводу, эти вопросы относятся к полномочиям связанным с функциями исполнительными. На мой вопрос- располагал-ли Кальтенбруннер исполнительной властью, Олендорф отвечает:

H1197-0423

H1197-0424

Если мне поставят такой вопрос, я должен буду ответить - да. И если вы хотите сказать, что очень часто он в действительности не обладал такой властью, и что вместо него все делал Гиммлер и Мюллер, то я должен сказать, что Мюллер был подчиненным Кальтенбруннера и что те приказы, которые приходили к Мюллеру от Гиммлера были одновременно приказами и для Кальтенбруннера, которому Мюллер должен был о них докладывать". Затем он говорит: - "Я могу сказать, что мне известно высказывание Гиммлера о том, что разрешение абсолютно всех вопросов, даже если вопрос касается какой-нибудь прачки, он берет на себя. Но все же на вопрос о том, имел ли и Кальтенбруннер в этом отношении какую-нибудь власть я ответить не могу".

Правильны ли в основных пунктах показания Олендорфа?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Они требуют раз"яснений. Он прав в своем утверждении, что действительно в организации Главного Управления ничего не изменилось со времени Гейдриха. Поэтому он мог предположить существование порядка передачи приказов по служебной лестнице: Гиммлер -Кальтенбруннер-Мюллер. Это, однако, совершенно исключено в отношении совещаний, т.е. информаций о приказах, издаваемых Гитлером. Что касается его замечения относительно Гиммлера о том, что последний занимался всеми вопросами и решал даже вопросы самой последней важности, то я должен сказать, что это действительно правильно. Со времен Гейдриха изменилось лишь промежуточное звено между Гиммлером и Мюллером, так как все приказы от Гиммлера шли непосредственно к Мюллеру, но не через меня.

КАУФМАН. Я хотел бы сейчас рассмотреть с вами отдельные пункты обвинения. Я хочу обратить ваше внимание на документ, по поводу которого прошу вас вы-

сказаться. Это документ Л-38, США-517.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы имеете в виду документ 038-ПС?

КАУФМАН. Л-38, США-517. Я хочу спросить Суд, имеется ли этот документ в его распоряжении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он был представлен ранее, как документ 038. Вы имеете в виду Л-38. Не так ли?

КАУФМАН. Да Л-38. Но сейчас он также имеет номер КР-3. В этом документе речь идет о том, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кауфман. Если у этого документа уже имеется номер, то Вам не нужно давать ему второго номера.

КАУФМАН. Хорошо, я учту это. Если не нужно давать нового номера, то я отказываюсь от этого. Мой вопрос заключается в следующем: были ли все приказы о превентивном заключении подписаны вами, безразлично вашим ли факсимиле или ваша подпись была напечатана на машинке? Затем следующий вопрос - издавали ли вы лично такие приказы? Имеются ли подлинники этих приказов? И затем, если ни то, ни другое не соответствует действительности. ~~А также опишите~~ А также ответьте мне, были ли вы осведомлены о таких приказах. Найдите об"яснения по поводу этого документа.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я должен здесь заявить, что я за всю свою жизнь никогда не издавал и не подписывал ни одного приказа о превентивном заключении. Во время предварительного следствия, во время моего допроса мне был пред"явлен целый ряд таких приказов о превентивном заключении. На всех этих документах имелась моя подпись, т.е. моя фамилия была напечатана на машинке или заключала телеграфный текст, а в одном или двух случаях имелась моя подпись в виде факсимиле.

H1197-0425

H1197-0426

КАУФМАН. Признаете вы, что это заявление может казаться не особенно достоверным, так как совершенно невероятно, чтобы начальник управления не был осведомлен о том, что приказы о превентивном заключении издавались за его подписью. Об"ясните, каким образом вы ничего не слышали о существовании документов, которые имеют вашу подпись?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я уже об"яснил, как моя подпись появилась на всех приказах о превентивном заключении, т.е., что начальник отдела Мюллер подписывал эти приказы, ставя мою фамилию, т.е. фамилию начальника главного управления так же, как он это делал во времена Гейдриха. Затем он же сам давал соответствующие указания отделу превентивного заключения. Когда вместо Гейдриха его должность занял я, он очевидно продолжал делать то же. Если бы это было не так, эти приказы сейчас мне бы не пред"являлись. Но я могу сказать одно, что от меня полномочий такого рода он никогда не получал и никогда меня по этим вопросам не информировал. Наоборот, ему это, очевидно, казалось даже излишним, так как он был непосредственно подчинен Гиммлеру, от которого он и получал эти полномочия. Таким же образом он спокойно мог бы подписать вместо Кальтенбруннера - Гиммлер, или "по поручению Гиммлера". Я признаю, что Суду, очевидно, трудно поверить моему заявлению. Но дело обстояло именно так. Гиммлер не давал мне никакой возможности точно определить мое положение, ибо еще заранее он мне говорил, что я не должен буду брать на себя ответственности за руководство отделами, располагавшими исполнительной властью.

КАУФМАН. Таким образом, вы хотите сказать, что во всех этих случаях речь идет о злоупотреблении вашей подписью.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, потому что [illegible] Мюллер не был вправе это делать.

КАУФМАН. Скажите, известно ли вам, что превентивное заключение считалось вполне допустимой и часто применяемой мерой.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я еще в 1942 году говорил с Гиммлером о превентивном заключении. Мне кажется также, что по этому вопросу я имел с ним и с Тираком переписку. Я считаю, что превентивное заключение в той форме, в какой оно проводилось в германской империи, только в незначительном числе случаев являлось государственной необходимостью или, лучше сказать, мерой, оправдываемой войной. Я считаю его государственной необходимостью только в такой степени, в какой оно оправдывается состоянием войны. Во всем остальном я всегда был принципиально против этого превентивного заключения и неоднократно высказывал свою точку зрения по этому вопросу, основываясь на правовых нормах. Я несколько раз выступал с докладами по этому вопросу у Гиммлера и Гитлера. В 1944 г. я на совещании прокуроров публично высказывался против превентивного заключения, так как я всегда считал, что свобода человека принадлежит к числу его высших благ и что только суд, имперский предусмотренный конституцией, может отнять или ограничить свободу человека.

КАУФМАН. Я прошу вас высказаться по поводу того, что являлось основанием для превентивного заключения. В качестве оснований приводится: антигосударственная деятельность, распространение сообщений о зверствах, оскорбительные действия, отказ от работы, религиозная пропаганда. Как вы считаете, можно ли согласиться с такими обоснованиями?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я считаю эти обоснования недостаточными для превентивного заключения. Я придерживаюсь того мнения, что все перечисленные вами преступления должны караться государством с помощью судебного разбирательства, с помощью суда. Такие обоснования для превентивного заключения я считаю неправильными.

8607

H1197-0427

H1197-0428

КАУФМАН. Если я вас правильно понял, то я могу сделать вывод о том, что вы не знали о приказах о превентивном заключении, не имели полномочий издавать эти приказы и никогда эти приказы не подписывали. Но такие приказы издавались 4-м отделом, а таким образом, вы должны были знать о существовании этих приказов. Правильный я делаю вывод?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, это правильно.

КАУФМАН. Затем я хочу перейти к следующим вопросам. Обвинение утверждает, что вы, как начальник полиции безопасности и СД, должны отвечать за те зверства, которые чинились над гражданским населением так называемыми оперативными группами. Господин Олендорф 7 января 1946 г. давал здесь показания по этому вопросу. Заявление, сделанное Олендорфом, может быть истолковано только, как самое тяжелое обвинение против вас. Я просил бы высказаться вас по этому поводу. Олендорф сказал:

"Кальтенбруннер после своего прихода обязан был заниматься этими вопросами и поэтому должен был знать о существовании оперативных групп, которые подчинялись его ведоству. Таким образом, он обязан был знать и о мероприятиях, проводимых этими оперативными группами".

Дальше он заявляет по следующему вопросу: "У лиц, над которыми производилась экзекуция, отнимались очень часто ценные вещи. Эти вещи отсылались затем или в министерство финансов, или в Главное имперское управление безопасности.

Он заявляет дальше: "Офицеры, которые руководили этими оперативными группами, были взяты из руководящего состава Гестапо и в незначительной степени из СД".

Я хотел бы вас спросить, знали ли вы о существовании этих оперативных групп и об их значении?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я не имел никакого представления об этих, описанных Олендорфом, оперативных группах. О том, что они существовали, я узнал лишь позднее, спустя много месяцев.

Я должен здесь сказать следующее. Из показаний Олендорфа, которые здесь зачитывались, и из приказов Гитлера и Гиммлера суду известно, что приказы об убийстве тех или иных людей действительно были изданы. Но я должен сказать, что во время моей деятельности в Управлении оперативные команды никогда не создавались. Я должен сказать, что эти оперативные команды, действовавшие до моего прихода, до моего назначения на должность, были распущены или переведены в подчинение другим инстанциям. Я не знаю, говорил ли свидетель Олендорф в своих показаниях, когда он вернулся обратно из своей оперативной команды.

КАУФМАН: Это было в 1942 году.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: В 1942 г., т.е. до того, как я занял должность начальника Главного управления. Мне кажется, что эти оперативные команды позднее перешли в компетенцию начальников СС и полиции в оккупированных областях или же, что более вероятно, в компетенцию командира частей, предназначенных для борьбы с партизанами. Я не могу ответить на поставленный мне вопрос совершенно точно, так как в течение последнего года, когда я находился в тюрьме, я не мог проверить всю систему организаций в этом направлении.

Дальше вы меня спросили, известно ли мне то, что у лиц которые подвергались экзекуции, отнимались драгоценности и что эти драгоценности отсылались в министерство финансов или же в Главное имперское управление безопасности. О таких вещах я ничего не знаю. Я знаю только, что Гиммлер издал приказ всем инстанциям, т.е. не только полиции безопасности, но и всем другим организациям, действовавшим в оккупированных областях, т.е. полиции охраны порядка, частям, предназначенным для борьбы с партизанами, или тем частям вооруженных сил, которые подчинялись ему, что все вещи такого рода должны быть отправлены в распоряжение министерства финансов.

Вопрос: Были ли созданы эти оперативные команды по приказу Гитлера или по приказу Главного имперского

H1197-0429

H1197-0430

управления безопасности?

Ответ: Они могли быть созданы только по приказу Гитлера.

КАУФМАН. Я хочу вас спросить, когда вы узнали о существовании этих оперативных команд, поскольку вы заявили, что современем вы узнали и о существовании этих команд и об их значении?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я узнал, очевидно, об этом после своего визита к Гитлеру или на следующий день, во время моего посещения Гиммлера, т.е. в декабре 1943 года.

КАУФМАН. В 1943 году.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

КАУФМАН. Таким образом, если вы уже тогда знали о существовании этих оперативных групп и об их значении, то возникает следующий вопрос: как вы относились к существованию этих оперативных групп и в случае, если вы осуждали их деятельность, что вы предпринимали для того, чтобы расформировать эти группы? Существовала ли возможность их расформирования вообще?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я уже сказал, что во время моей служебной деятельности не было сформировано ни одной ~~ее~~ айнзацкоманды. Позже, осенью 1943 г. я узнал о существовании и о прошлой деятельности этих команд. Я понял, что мне следует защищаться и выступать против недоверия моих подчиненных Главному имперскому управлению безопасности, поскольку они не верили в то, что я не знал об этих командах. Я попытался поговорить об этом с Гитлером во время визита только что освобожденного Муссолини в сентябре 1943 г. Однако, моя попытка переговорить с ним, сорвалась из-за визита этого государственного деятеля. После неоднократных попыток Гиммлера отложить решение вопроса, в ноябре я должен был вновь поехать в главную ставку для официального отчета о моей деятельности. Во время этого визита я сделал фюреру подробный доклад, о ставшей мне известной деятельности оперативных команд, но не только об этом, при этом я смог впервые выступить с возражениями по еврейскому вопросу. Тут же впервые

мне стало ясно, что инициатором приказов по еврейскому вопросу были Гитлер и Гиммлер. Я попрошу разрешить мне подробно высказаться по этому вопросу, если вы хотите основательно разобрать эту проблему.

КАУФМАН. Сейчас я хотел бы...

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я хотел бы только дополнить, что оперативными командами я больше совершенно не занимался, потому что весь их личный состав, я даже точно помню этот день, это было в момент моего вступления на новую должность в Берлине, перешел в отряды по борьбе с партизанами или в компетенцию начальников СС и полиции. Насколько я помню, 30 января 1943 г. фон Бах-Целевский был назначен на должность начальника управления по борьбе с партизанами. В этом заключается причина того, что я не видел сам никаких отчетов о деятельности этих оперативных команд.

H1197-0431

H1197-0432

КАУФМАН: Я перехожу к следующему документу 521-США, Л-51. Это исключительно важный документ, по поводу которого прошу Вас высказаться. Это отчет Шукера, который был ад"ютантом начальника лагеря Маутхаузена. Он говорит здесь о приказе, в котором речь шла о проведении экзекуций по отношению к 12 или 15 прибывшим в 1945 году в лагерь американским парашютистам. Я прошу Вас посмотреть этот документ и сказать, действительно-ли Вы издавали этот приказ и входило-ли это в круг ваших компетенций ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, об этом документе мы говорили еще вчера. Мне знаком этот документ. Я заявлял, что об этом событии и об этом приказе до самого пред"явления мне этого документа, то-есть до пред"явления его мне военным следователем, я никогда ничего не знал.

КАУФМАН: Известен ли Вам Ширрейс ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я уже один раз заявлял, что у меня никогда не было полномочий издавать приказы об экзекуции, то-есть подписывать смертные приговоры. Такие полномочия кроме Гитлера, во всей империи имел лишь Гиммлер или имперский министр юстиции.

КАУФМАН: Я хотел бы здесь дополнительно заметить, что Обвинение пред"явило приказы об экзекуциях, подписанные Мюллером. Что Вы скажите по этому поводу ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Если какой либо приказ и имел подпись Мюллера, то, он издавая тот или иной приказ мог исходить только из указаний Гиммлера или из приговора Суда.

КАУФМАН: Да, но можно сделать такой вывод; что если Мюллер имел такие полномочия, то Вы тем более должны были иметь эти полномочия. Это правильно ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет это не так. Гиммлер никогда не давал мне таких полномочий. Государственная тайная полиция находилась в подчинении Гиммлера и после моего вступления на должность.

H1197-0433

КАУФМАН: Я хотел-бы Вас сейчас спросить о приказе относительно расстрела этих летчиков. Поскольку этот приказ касался иностранных парашютистов и имел очень большое значение, в Берлине, и , в частности , в Вашем управлении, должны были знать об этом приказе ? Не так -ли ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не знал об этом. Это событие не было доведено до моего сведения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы закончили с документом Л-51 ?

КАУФМАН: Я рассматриваю документ Л-51. Но я сейчас закончу его рассмотрение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не следует-ли обратить его внимание на отдельный случай, о котором упоминается в конце этого документа. Здесь говорится " относительно американской военной миссии, которая высадилась в тылу у немцев на территории Словакии или Венгрии в январе 1945 г. "Далее, кажется, адъютант лагеря говорит, что"теперь Кальтенбруннер издал приказ, разрешающий совершать казни". Этот приказ был секретным и был подписан Кальтенбруннером. По-моему Вам следует предоставить этот документ подсудимому.

КАУФМАН: Подсудимый знает об этом документе. Мне кажется, что подсудимый знает каждое слово этого документа. Но я предъявлю ему этот документ еще раз. Здесь говорится:

" Мне кажется, что число доставленных парашютистов составляло 12 или 15 человек.Они были в американской или канадской форме. Форма была цвета хаки. Пилотки на них были того-же цвета. Через 8-10 дней после их прибытия был получен по телеграфу приказ относительно проведения экзекуции над ними. Штандартенфюрер Ширрейс, начальник лагеря, пришел ко мне в кабинет и заявил о том, что Кальтенбруннер утвердил приказ об экзекуции. Это письмо его было секретным и имело подпись: "Кальтенбруннер". Эти лица были затем расстреляны, как это делается обычно,

по приговору полевого суда, а вещи переданы мне через обершарфюрера Ницермейера.

Скажите, Вы можете что-нибудь еще сказать по этому вопросу ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я заявляю о том, что я никогда не знал об этом расстреле и что я никогда, то-есть что я не мог таким образом принимать какое-либо участие в этом расстреле. В данном случае речь идет не только о преступлении против международных правил, а о событии, которое могло и должно было повлечь за собой очень тяжелые внешнеполитические последствия В таких делах совершенно исключена возможность, чтобы Мюллер или я выносили какие-то решения. В таком важном случае, как этот, весь вопрос должен был обсуждаться самым подробным образом между Гиммлером и Гитлером. Следует предположить, что предварительно было заслушано мнение компетентного лица из отдела международного права по этому вопросу, после чего было вынесено решение или самим Гитлером или Гиммлером. Кто-нибудь из этих двух лиц должен был приложить свою руку к этому делу. Точно мне об этом ничего неизвестно. Если Путтер здесь заявляет, что приказ был за моей подписью, то я заявляю, что здесь моя фамилия поставлена без моего ведома, как и в ряде других случаев, о которых уже раньше говорил. Я уже говорил, что я никогда не имел полномочий подписывать такого рода приказы. Такой приказ должен был бы иметь подпись Гиммлера или "Мюллера по поручению Гиммлера".

КАУФМАН.. Таким образом, это было просто злоупотреблением со стороны Мюллера или какого-нибудь другого лица ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Мне кажется, что здесь не может быть и речи о моей подписи. Мне кажется, что Гиммлер подписал этот приказ, и Ширрейс должен был говорить именно о Гиммлере. Нельзя предположить, чтобы этот приказ подписал Мюллер или что он поставил там мою фамилию.

КАУФМАН. Сейчас я хочу перейти к другому доку-

8614

H1197-0434

H1197-0435

менту В-1063, США-492. Этот документ представляет собой письмо Главного имперского управления безопасности, от 26 июля 1943 года за подписью "и.о." Кальтенбруннера. Это письмо направлено начальникам СС и полиции. В нем речь идет о создании воспитательно-трудовых лагерей. Я прошу Вас посмотреть это письмо и попрошу Вас дать мне необходимые раз"яснения относительно этого письма, действительно-ли Вами было написано это письмо и какое отношение Вы имели к этим лагерям ? Обвинение ставит Вам в упрек создание вышеуказанных трудовых лагерей.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я должен заявить следующее. Из того обстоятельства, что на письме имеется моя подпись, причем эта подпись напечатана на машинке, я заключаю, что этот документ не был пред"явлен мне до его отправки, ибо в противном случае я -бы сам подписал его собственноручно.

КАУФМАН: Известен-ли Вам приказ Гиммлера по этому вопросу ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Насколько я помню, после того, как этот приказ был уже издан , о нем мне было доложено.

КАУФМАН: Скажите, пожалуйста, здесь ведь речь идет о воспитательно-трудовых лагерях. Это-одно и тоже, что концентрационные лагери ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет в воспитательно-трудовых лагерях находились лица, которые уклонялись от трудовой повинности. В данном случае речь идет о немцам. Там также находились иностранные рабочие, которые без разрешения оставили место своей работы, а затем были пойманы вновь. Там также находились рабочие, которые были пойманы во время облав на железнодорожных-станциях и на дорогах, как не имевшие постоянного места работы.

Срок заключения в этих трудовых лагерях был обычно от 14 до 56 дней. Так, во всяком случае, было предусмотрено.

H1197-0436

КАУФМАН: В этом письме написано, что эти исправительные трудовые лагери подчиняются учреждениям гестапо, начальникам полиции безопасности и СД. Вы знали об этом ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нарушение трудового договора или нарушение закона о трудовой повинности германским гражданином, считалось в империи преступлением, которое могло также караться судом. В уголовном кодексе имелись соответствующие статьи. Но в-виду того, что в Германии в то время находилось исключительное большое количество рабочих, при чем не только своих-немецких, но и большое количество иностранных рабочих / около 8 миллионов, общее число равнялось 15-20 миллионам/ было невозможно при всех случаях уклонения от работы / а их было сотни тысяч/, нарушения трудового договора или злостного оставления места работы осуществлять судебное разбирательство. У полиции нехватало-бы просто тюрем для содержания всех таких лиц в краткосрочном заключении. По этой причине и были созданы такие исправительно-трудовые лагери.

КАУФМАН: Таким образом, Вы в принципе одобрили создание этих лагерей ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да. Я в принципе одобрял создание таких лагерей. Правда, участия в издании этого приказа я не принимал.Я об этом приказе узнал после его издания и нашел его правильным, ввиду царивших тогда условий в Германии - т.е. тяжелого положения на рынках труда.

КАУФМАН: Что Вам известно об обращении с заключенными в этих лагерях. Каков был режим лагеря, каково было обращение с заключенными, на какой срок они туда поступали и т.д.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я уже сказал, что там заключение должно было длиться самое большое 56 дней. Обычно такой срок отбывали люди, которые уже до этого по той-же причине имели три судимости. Обычно-же пребывание

H1197-0437

в этих лагерях...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы спросили, было ли ему известно об условиях в концлагерях, а он отвечает совершенно не на этот вопрос?

КАУФМАН (Обращается к Кальтенбруннеру): Может быть, Вы ответите сейчас на поставленный мной вопрос. Я Вас спросил, известно-ли Вам было, каково было обращение с заключенными в этих исправительно-трудовых лагерях.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я знаю, что они должны были использоваться на государственных работах, на строительстве дорог, ремонте железных дорог и на устранении повреждений, после воздушных бомбардировок. Очень часто во время работ этих заключенных видело живущее по близости население, так, что впечатление...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это все еще не ответ на вопрос.

КАУФМАН: Я хотел бы слышать точный ответ на мои три вопроса. Знали ли Вы об обращении, о снабжении и о том, чем занимались заключенные в этих исправительных лагерях ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я, по моему, сказал, чем занимались заключенные.

КАУФМАН: Таким образом, Вам было известно об этом?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, было известно.

КАУФМАН: Скажите - Вы получили отчет от 4-го отдела относительно деятельности этих лагерей ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: От 4-го отдела? По этому вопросу сообщения сделала служба внутриполитической информации. Она делала сообщения об использовании этих заключенных на срочных работах и при устранении различных повреждений.

КАУФМАН: Скажите, таким образом у Вас не было никакого повода выступать против того, что говорилось об этих лагерях?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Поскольку я не знал о злоупотреблении этими заключенными, у меня не было никакого повода

H1197-0438

выступать против того,что там говорилось,а также против существования этих лагерей.

КАУФМАН: Я перехожу сейчас к следующему документу 489-США, ПС-2542 - это письменное показание Линдена, который свидетельствует о том, что до начала 1943 года, согласно приказу Гиммлера,все советско-русские политические комиссары и солдаты еврейской национальности должны быть увезены из обычных лагерей и направлены для расстрела в концентрационные лагери. Он также здесь говорит о том,что Мюллер,начальник 4-го отдела,подписал приказ об экзекуции над этими лицами.Если Суду угодно,я зачитаю несколько строчек из этого показания. Что Вы можете сказать по поводу этого документа?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Мне не было известно о существовании этого приказа Гиммлера. Ведь этот приказ существовал в 1941 - 1943 г.г.,т.е. в то время, когда я еще не занимал должности начальника управления.

КАУФМАН: Я хотел бы привести абзац,содержащий особенно отягчающие Вашу вину обстоятельства и попросить Вас раз'яснить,относятся ли эти события к 1943 году или к еще более позднему времени ?

"В лагере восточных военнопленных существовали оперативные команды,которые руководились чиновниками гестапо. Эти команды были приданы начальнику лагеря. Их задачей было выделять тех лиц,относительно которых поступали приказы об экзекуции и докладывать о них управлению гестапо.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Об этом..

КАУФМАН: Одну минуточку.В абзаце 2-м я зачитаю следующую фразу:

"Эти пленные вначале формально отпускались,а затем переводились в концлагери для осуществления экзекуции над ними"Что Вы знаете об этом?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я ничего не знаю об этом.Совершенно исключено,что я знал о существовании этих

приказов. Эти приказы и декреты, которые издавались в 1941 году и действовали до середины 1943 года не могли дойти до моего сведения своевременно, чтобы я при этом имел возможность задержать издание приказа или сделать что нибудь в этом роде.

КАУФМАН: Но ведь нельзя же оспаривать того, что внутри самого имперского управления безопасности существовал реферат 1У "А". Этот реферат, который находился в непосредственном подчинении у 1У управления, действительно издавал подобного рода приказы. Таким образом, можно предположить, что Вы знали о существовании этих очень суровых, бесчеловечных приказов, которые противоречили нормам международного права.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я ничего не знал об этом.

КАУФМАН: Я хотел-бы еще коснуться вопроса о концлагерях и об ответственности Кальтенбруннера в этой области.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас лучше сделать перерыв.

/ Об"является перерыв до 14.00 /

H1197-0439

H1197-0440

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 11 апреля 1946 г.

/Вечернее заседание/

Г-н ДОДД. Доктор Кауфман сказал, что у него была возможность ознакомиться с 2-мя опросными листами, посланными в порядке перекрестного допроса, которые мы хотим сейчас представить. Это опросные листы доктора Мильднер и д-ра Гоеттл. Я сказал д-ру Кауфман, что было бы лучше зачитать эти показания до того, как он закончит свой допрос, чтобы не беспокоить подсудимого Кальтенбруннер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Согласны ли Вы с тем, что было бы лучше зачитать эти показания, данные во время перекрестного допроса,сейчас, чтобы подсудимый смог иметь дело с тем вопросом, с каким он захочет.

КАУФМАН. Да, тогда можно будет огласить сейчас.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Первый документ, господа судьи, - это письменные показания, данные под присягой доктором Рудольфом Мильднером:

"Я, нижеподписавшийся, д-р Рудольф Мильднер, дал следующие письменные показания под присягой в ответ на вопросы перекрестного допроса, заданные мне представителями Обвинения США, относительно моего письменного показания, данного под присягой 29 марта 1946 г., в ответ на вопросы доктора Кауфмана, для представления Международному Военному Трибуналу.

"Вопрос 1: Подтвердите или уточните следующие биографические даты ..."

"Ответ: В декабре 1939 г. я стал начальником отделения гестапо в Хемнице. В марте 1941 года я стал начальником отделения гестапо в Катовицах. В сентябре 1943 г.я стал начальником полиции безопасности и СД в Копенгагене. В январе 1944 года я стал инспектором полиции безопасности и СД в Касселе. 15 марта 1944 г. меня назначили заместителем начальника групп 4А и 4Б Главного Имперского Управления Безопасности. В декабре 1944 г. я стал начальником полиции безопасности в Вене. В декабре 1944 года я стал заместителем инспектора полиции безопасности в Вене. Назначения на все должности после января 1943 г. я получал от Кальтенбруннер, главного начальника полиции безопасности и СД".

"Вопрос 2: Правда ли, что Вы, будучи начальником гестапо в Катовицах, часто посылали заключенных в Освенцим на казнь или заточение; что Вы имели связь с Политическим Отделом в Освенциме, который давал вам сведения о заключенных, доставленных из района Катовиц; что Вы лично несколько раз посетили Освенцим; что очень часто в Освенциме заседал суд гестапо и СД и что Вы иногда присутствовали на судах над заключенными; что в 1942 и в 1943 году, согласно приказам группенфюрера Мюллера, начальника Гестапо, комендант Освенцима показывал Вам фабрики смерти; что Вы знали о фабриках смерти, поскольку Вы должны были посылать евреев с Вашей территории в Освенцим для истребления?"

"Ответ: Да, эти утверждения соответствуют действительному положению вещей".

8621

H1197-0441

H1197-0442

"Вопрос 3: В связи с Вашим ответом на вопрос 5, в Вашем письменном показании, данном под присягой 29 марта 1946 года, возникает вопрос, действительно ли все приказы об аресте, наказаниях и казни отдельных лиц в концентрационных лагерях исходили из имперского Управления безопасности? Поступали ли обычно приказы об индивидуальных казнях от Гиммлера через Кальтенбруннера к Мюллеру, а затем к комендану лагеря? Осуществляло ли Главное Административно-хозяйственное Управление надзор над всеми концентрационными лагерями, с точки зрения их местной организации, использования рабочей силы и поддержания дисциплины?"

"Ответ: Ответ "да" относится к каждому из 3-х вопросов".

"Вопрос 3-а: Действительно ли имело место совещание обергруппенфюрера СС Кальтенбруннер с обергруппенфюрером СС Поль, начальником Главного Административно-Хозяйственного Управления и начальником концентрационных лагерей? Был ли Кальтенбруннер знаком с условиями в концентрационных лагерях?"

"Ответ: Да, и в результате этих совещаний и бесед с двумя начальниками управления - группенфюрером Мюллер, начальником 4 отдела, и группенфюрером Небе, начальником имперского Управления Безопасности и начальником Полиции Безопасности и СД, обергруппенфюрер СС д-р Кальтенбруннер должен быть знаком с условиями в концентрационных лагерях."

"Я знал от обергруппенфюрера СС Мюллер, начальника 4 отдела, что регулярно происходили совещания Главного имперского Управления Безопасности и отдела группы "Д" Главного Административно-Хозяйственного Управления".

8622

"Вопрос 4: Действительно ли в июле или в августе 1944 г. был отдан приказ начальникам и инспекторам ЗИПО и СД Гиммлером через Кальтенбруннера, как начальника ЗИПО и СД, о том, что члены англо-американских групп Командос должны были быть переданы ЗИПО вооруженными силами; что ЗИПО должно было допрашивать их, а после допроса расстрелять; о том, что вооруженные силы должны были быть извещены об этих убийствах посредством коммюнике, в котором сообщалось бы, что группа командос была уничтожена в бою, и о том, что этот декрет был бы отнесен к числу совершенно секретных и должен был быть уничтожен немедленно по прочтении."

Ответ. Да.

"Вопрос 5: В связи с Вашим ответом на вопрос 7 Вашего письменного показания, данного под присягой, от 29 марта 1946 г., я хочу спросить Вас, соответствует ли действительности тот факт, что:

а/ после того, как Вы послали телеграмму Мюллеру с просьбой прекратить преследование евреев, Вы получили от Гиммлера приказ о том, что "еврейские операции" должны проводиться в жизнь;

б/ что после этого Вы полетели в Берлин для личной беседы с начальником ЗИПО и СД Кальтенбруннер, но, так как он отсутствовал, Вы беседовали с его заместителем Мюллером, начальником 4-го отдела главного имперского управления безопасности, который в Вашем присутствии написал письмо Гиммлеру, в котором изложил Вашу просьбу о том, чтобы преследование евреев в Дании было приостановлено?

8623

H1197-0444

в/ что вскоре после Вашего возвращения в Копенгаген Вы получили приказ непосредственно от Гиммлера, посланный через Кальтенбруннера, как начальника ЗИПО и СД, где говорилось, что "антиеврейские операции должны быть начаты немедленно";

г/ что с целью проведения в жизнь этого мероприятия "особая команда Айхмана", которая находилась в ведении гестапо, была послана из Берлина в Копенгаген с целью отправки евреев на двух судах, зафрахтованных ею.

Ответ: Ответ "да" относится ко всем вопросам: а,б, в и г.

Вопрос 6: Действительно ли деятельность"особой команде" не была успешной, и приказал ли Вам Мюллер подготовить доклад, объясняющий причины неуспеха депортации евреев, и что Вы послали этот доклад непосредственно начальнику ЗИПО и СД Кальтенбруннеру?

Ответ: Да, это правильно.

"Я читал вышеизложенные вопросы и ответы, данные под присягой, и утверждаю, что они соответствуют истине", и т.д.

Господа судьи, сейчас я перейду к письменному показанию, данному под присягой Вильгельмом Гоеттл.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы желаете что-нибудь сказать?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я хотел просить Высокий Суд о разрешении высказаться по поводу показаний Мильднера сразу же после оглашения, чтобы я ....

H1197-0445

H1197-0446

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы будете иметь эту возможность через несколько минут. Зачитывание в настоящее время этих документов заключается в том, чтобы Ваш защитник мог задавать Вам любые вопросы, связанные с этими письменными показаниями; и затем Вы сможете делать любые замечания, какие пожелаете.

Полковник Эймен продолжит чтение протокола другого перекрестного допроса, а затем Ваш защитник будет продолжать Ваш допрос. Вам это ясно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, я понимаю. Я хотел только предложить, чтобы эти 2 вопроса рассматривались отдельно, т.к. они затрагивают две совершенно различные области, и чтобы я вначале высказал свое мнение по одному вопросу, а затем ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, мы не можем таким образом прерывать этот вопрос. Вы будете иметь возможность коснуться его несколько позднее. Продолжайте, пожалуйста, полковник Эймен.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Письменное показание, данное под присягой Рудольфом Мильднер 9 апреля 1946 г.,я представляю в качестве доказательства под № США-791,а письменное показание, данное под присягой Вильгельмом Гоеттл, от 10 апреля 1946 г.,которое я сейчас буду зачитывать, представляется под № ПС-792.

"Я, нижеподписавшийся, доктор Вильгельм Гоеттл даю следующее письменное показание под присягой в ответ на перекрестный допрос касательно письменного показания,данного мною под присягой 30 марта 1946 г.,отвечающего на вопросы, поставленные доктором Кауфманом для предоставления Международному Военному Трибуналу.

8625

H1197-0445

H1197-0446

"Первое. Относительно вопроса 3, пожалуйста, сообщите следующие сведения: а) Об'ясните основания для Вашего заявления о том, что когда лица, принадлежавшие к СД, переводились в эйнзацкоманды Зипо и СД, они выходили из СД. Я обращаю Ваше внимание на тот факт, что Олендорф - глава СД дал обратные показания.

б) Об'ясните основания для Вашего заявления о том, что эйнзацкоманды не имели никакого отношения к казням. Я обращаю Ваше внимание на тот факт, что Ваши показания в этой связи находятся в прямом противоречии с показаниями Олендорфа - главы СД.

в) Что собой представлял так называемый приказ о комиссарах Гитлера и когда Вы впервые узнали об этом приказе?"

"Ответ на "1 а": В моем письменном показании я не говорил о постоянном отделении от СД, а только об освобождении на время деятельности в эйзацкомандах; это означало, что они не выполняли функций СД в течение этого времени и что эти функции были пассивными.

Относительно вопроса 1-б: мое письменное показание, данное под присягой, касающееся этого пункта, очевидно,

неправильно было понято.Я не утверждал того,что эйнзацкоманды не принимали никакого участия в казнях;я только хотел сказать,что не все эйнзацкоманды участвовали в казнях.Я упомянул для примера эйнзацкоманды в Африке, Венгрии и Словакии.В связи с этим я сказал,что эти эйнзацкоманды не имели никакого отношения к казням; я имел ввиду,что они непосредственно не производили эти казни.

Относительно вопроса 1-в: я лично не знаю так называемого приказа Гитлера о комиссарах.Д-р Шталекер,командовавший эйнзацкомандой Зипо и СД в России,сказал мне летом 1942 года,что казни комиссаров и евреев производились, согласно "приказу о комиссарах",в котором говорилось об уничтожении евреев на основании того,что они являлись носителями большевизма.

"2. Относительно вопроса 4-го.Действительно ли,что Гейдрих,как начальник Зипо и СД,дал первоначальные инструкции Эйхману касательно истребления евреев; что в Главном Имперском Управлении Безопасности непосредственным начальником Эйхмана был Мюллер,начальник гестапо,и что Мюллер был сначала заместителем Гейдриха,а позднее Кальтенбруннера?

Относительно вопроса 2. Да,я слышал от Эйхмана,вероятно,в августе 1944 года,что Гейдрих дал ему эти директивы.Также правильно/и то/,что Мюллер,начальник гестапо,был непосредственным начальником Эйхмана. Насколько мне из-

8624

H1197-0447

H1197-0448

вестно, Мюллер был заместителем Гейдриха, а позднее Кальтенбруннера только по сектору гестапо, подобно другим начальникам отдельных секторов.

"Третье. В отношении вопроса 5. Действительно ли, что из Ваших бесед с Кальтенбруннером и Эйхманом Вы узнали о том, что они из одного и того же района в Австрии и были исключительно близкими друзьями; что Эйхман всегда имел свободный доступ к Кальтенбруннеру и что они часто совещались друг с другом; что Кальтенбруннер был чрезвычайно доволен теми методами, которые использовал Эйхман при исполнении своих обязанностей; что Кальтенбруннер очень интересовался работой по истреблению, проводившейся Эйхманом; что Вы лично знаете о том, что Кальтенбруннер поехал в Венгрию с целью обсуждения программы истребления людей в Венгрии с официальными лицами из Венгерского правительства, с Эйхманом и другими членами его штаба в Венгрии? Пожалуйста, подтвердите или внесите поправки в эти заявления, и сделайте какие-либо другие замечания, необходимые для уточнения Вашего ответа...

В отношении вопроса 3. Я слышал от Эйхмана, что он знал Кальтенбруннера по Линцу и что они там вместе служили в 1932 году в пехотных войсках СС. Я не знаю, были ли они исключительно близкими друзьями или что Эйхман всегда имел свободный доступ к Кальтенбруннеру и что они часто вместе совещались. Я не знаю подробностей относительно их служебных взаимоотношений. Я также не знаю

H1197-0450

о том, обсуждал ли Кальтенбруннер вопрос относительно истребления евреев в Венгрии во время своего пребывания там весной 1944 года. Винкельманн, бывший начальник СС и полиции в Венгрии, должен знать точно об этом, ибо, насколько мне известно, он посещал некоторых лиц из венгерского правительства вместе с Кальтенбруннером.

Четвертое. В отношении вопроса 6. Не известно ли Вам, что Мюллер, начальник гестапо, всегда совещался с Кальтенбруннером по важным вопросам, касавшимся функций его учреждения, в особенности по вопросам, связанным с казнями особых заключенных?

б) Знали ли Вы о том, что Кальтенбруннер был высшим начальником СС и полиции и статс-секретарем по безопасности в Австрии после аншлюсса и вплоть до его назначения на пост начальника главного имперского управления безопасности? Это период, охватывающий пять лет, в течение которого все его внимание было направлено исключительно на вопросы полиции и безопасности?

с) Что является основанием для Вашего утверждения, что служба в разведке поглощала в основном все внимание Кальтенбруннера и интересовала его более всего?

В отношении вопроса 4-а. Детали касательно официальных взаимоотношений между Мюллером и Кальтенбруннером мне неизвестны. Однако я могу сказать, что несколько раз Мюллер был вместе с Кальтенбруннером, когда отчиты-

8629

H1197-0449

H1197-0450

вался о работе своего отдела.

Относительно вопроса 4-б: - Кальтенбруннер не был исключительно занят вопросами полиции и безопасности в период своей деятельности на посту высшего начальника СС и полиции в Австрии или статс-секретаря безопасности. Несомненно, кроме этого он интересовался и политическими вопросами, поскольку высшие начальники полиции и СС являлись представителями рейхсфюрера СС Гиммлера по всем вопросам.

В отношении вопроса 4 -с.- Я могу заметить, что благодаря моим официальным взаимоотношениям с ним, члены других отделов также часто выражали мнение, что он особенно благожелательно относился к 3-му отделу и особенно к 4-му отделу и МИЛ 5.

В отношении вопроса 7: ответьте на следующие вопросы: а) Какое отношение Вы лично имели к концентрационным лагерям и что является основанием для Вашего ответа на этот вопрос?

б) Было ли Вам известно, что все приказы о заключении в концлагери, освобождении из них, или о казнях исходили от Главного Имперского Управления Безопасности? Знаете ли Вы, что Главное Управление Безопасности непосредственно комендантам концлагерей? Укажите, какие-либо подобные приказы, о которых Вам лично известно.

г) Какие зверства совершались в концлагерях, о которых Вы упоминаете в Вашем ответе на этот вопрос;

8630

H1197-0451

H1197-0452

Когда и каким образом Вы узнали о том, что в концентрационных лагерях имели место зверства?

В отношении пункта 5-а. Я лично не имел никакого отношения к концлагерям. Однако, я освободил из них ряд лиц, и поэтому я знаю трудности, которые создавались персоналом концлагерей, всегда придерживавшимся приказов Главного административно-хозяйственного Управления СС в подобных случаях, ибо заключенные были нужны для военной промышленности.

В отношении вопроса 5-б. Мне известно, что приказы о заключении в концлагери и об освобождении из них исходили от Главного Управления Безопасности. Но я не знаю, все ли подобные приказы исходили от Главного Имперского Управления Безопасности. Мне неизвестны приказы о казнях, которые исходили бы от Главного имперского Управления Безопасности.

В отношении вопроса 5-с: Я не знаю никаких подробностей и не знаю лично никаких приказов касательно этого. В тех случаях, когда я хотел освободить отдельных лиц, я обращался непосредственно к Кальтенбруннеру или в 4-й отдел. Когда этот вопрос решался слишком долго, то я неоднократно получал ответы от официальных лиц 4-го отдела о том, что трудности возникали благодаря Главному административно-хозяйственному отделу СС.

В отношении вопроса 5 "д" Когда в марте 1944 года Венгрия была оккупирована германскими войсками, несколько моих венгерских знакомых были направлены в концлагери. После того, как я добился их освобождения, они рассказали мне о плохом обращении и зверствах в концлагере Маутхаузен.

8631

H1197-0451

H1197-0452

В то время я послал официальное заявление по этому поводу начальнику гестапо в Линце с просьбой расследовать этот вопрос и допросить по этому поводу коменданта концлагеря Цирейса. Однако Цирейс отрицал это, как мне сообщили в ответ на мое заявление. В августе 1944 года Эйхман сказал мне, что кроме концлагерей были также лагери истребления.

6. В отношении вопроса 9. Что является основанием для Вашего мнения о том, что Кальтенбруннер выступал против Гитлера и Гиммлера в вопросе программы физического истребления еврейского населения Европы?

В отношении вопроса 6, Кальтенбруннер сказал мне после своего совещания с представителями Международного Красного Креста в марте 1945 года о том, что он был против программы Гитлера и Гиммлера в вопросе истребления еврейского населения Европы. В моем ответе на вопрос 9 о том, что Кальтенбруннер не давал приказа об убийстве евреев, пропущены слова: "насколько мне известно".

7. В отношении вопроса 11-го: кто был тот американец, с которым Вы были связаны в нейтральных странах в 1943 году и о котором Вы говорили Кальтенбруннеру? Согласился ли Кальтенбруннер поехать с Вами в Швейцарию для того, чтобы встретить там представителя союзных держав, с которым Вы были связаны через австрий-

ское движение сопротивления? И, если это так, то кто это был?

В отношении вопроса 7-го: американец, выполнявший поручения по связи, в 1943 году, был членом миссии Соединенных Штатов в Лиссабоне. В настоящее время я не помню его фамилии. Связь с американской организацией через движение сопротивления Австрии установилась только с осени 1944 года. Кальтенбруннер согласился поехать туда со мной, примерно, 20 апреля 1945 года.

8. В отношении вопроса 12-го: Когда именно Кальтенбруннер приказал коменданту концлагеря Маутхаузен передать лагерь приближающимся войскам, по чьему настоянию и по какой причине Кальтенбруннер издал этот приказ?

В отношении вопроса 8-го. Я не могу точно указать дату приказа Кальтенбруннера коменданту концлагеря Маутхаузен о передаче лагеря приближающимся войскам. Это, вероятно, было в последние дни апреля 1945 года. Мне неизвестно, по чьему настоянию и по какой причине он отдал этот приказ. Возможно, это было связано с его беседами со штандартфюрером СС Вехером, которого я встретил вместе с ним в то время"..

" Данные выше показания верны; я сделал это заявление добровольно и без принуждения" и т.д.

8633

H1197-0453

H1197-0454

КАУФМАН. Желает ли суд, чтобы подсудимый высказался сейчас по поводу этих двух документов?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, я прошу об этом. Я хотел бы высказаться сейчас об этом.

КАУФМАН. Вы скажите сначала свое мнение о показаниях Мильднера. Я позволю себе указать на второй вопрос, который мне кажется очень важным. Там сказано: " Вопрос второй. Правда ли, что в 1942 и в 1943 году во второй раз комендант Освенцима показал Вам устройство для уничтожения по приказу группенфюрера Мюллера?" Отсюда следует, что группенфюрер Мюллер из Управления 1У был ориентирован по этому вопросу.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Г-н доктор Кауфман, разрешите мне Вас прервать. Высокий Суд, насколько я мог установить на последних заседаниях, по отношению ко мне самому применяется метод внезапности при представлении письменных показаний. Эта внезапность здесь применена впервые по отношению ко мне. Все же я очень рад и благодарен, что я могу высказать здесь свое мнение относительно всего аффидевита и по каждому отдельному вопросу, хотя я и не имел перед этим возможности в какой-то степени познакомиться с ними.

Опросный лист доктора Мильднера, вопрос первый. Здесь его спросили о тех должностях, которые он занимал в полиции безопасности. Он рассказывает о своих должностях, которые он занимал с 1939 по 1944 г. Во время моего

H1197-0455

пребывания в главном имперском управлении он был инспектором полиции безопасности в Касселе и заместителем начальника группы в управлении 1У; в 1944 году он был заместителем инспектора в Вене и в том же году командиром полиции безопасности в Вене. Он говорит, что все назначения на должности, имевшие место после 1943 г., производились Кальтенбруннером, как начальником полиции безопасности и СД. Это неверно. На такие высокие должности, какие занимал Мильднер, мною никто никогда не назначался. Если бы Мильднера спросили об этом здесь в зале Суда, он должен был бы подтвердить это. Но обвинитель не спросил его, очевидно, об этом. При каждом таком назначении на должности в полиции безопасности и СД меня уведомляли и спрашивали об этом лишь потому, что инспектор полиции безопасности и СД в силу своего служебного положения имел у себя широко разветвленную службу информации, которая являлась подотделом управлений Ш и У1. Служба информации при инспекторах находилась в моем распоряжении. Я, как начальник службы информации, должен был знать, кто работал на должности инспекторов и возглавлял подотделы в Касселе, Вене и Копенгагене, например. Кроме того, инспекторы получали от меня приказы, касавшиеся вопросов службы информации, для своих групп,

8635

H1197-0455

H1197-0456

которые разрабатывали вопросы информации. Это была единственная причина, по которой меня должны были уведомлять о назначениях такого рода.

КАУФМАН. Вы должны говорить медленнее.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Но я не должен был производить назначения на должности в полиции безопасности. Благодаря этим письменным показаниям могло бы возникнуть недоразумение такого рода.

По второму вопросу. Здесь говорится, что он во время своей работы в Хемнице и Катовицах в 1939 и 1941 г.г. должен был отправить пленных в Освенцим для их заключения там и совершения экзекуции над ними. Это имело место в то время, когда меня еще не было в главном имперском управлении безопасности. Далее: "эти оперативные мероприятия проводились по приказу учреждений", которыми мне никогда не было поручено руководить и которыми я не руководил. На этой своей должности он никогда не мог действовать, как мой уполномоченный.

По третьему вопросу. Обвинением говорится здесь, что в Освенциме часто собирался особый суд (штандгерихт) гестапо и СС и "что Вы присутствовали несколько раз при разбирательстве дел заключенных; другими словами, Вы присутствовали при казнях. Это было в 1942 г. и помимо того еще один раз". По-немецки это значит:

8636

"комендант Освенцима показал Вам в 1943 году по приказу Мюллера, начальника гестапо, устройство для уничтожения; что Вам, т.е. Мильднеру, было известно об устройствах для уничтожения в Освенциме, что Вы должны были посылать евреев из различных районов в Освенциме". По моему мнению, в этих письменных показаниях только одно обстоятельство может явиться отягчающим. Это—следующий вопрос:

"Видел ли Мильднер в 1943 году такие устройства или своим присутствием при расстрелах по Вашему приказу он принял участие в них?"

Во-первых, Обвинение не установило, к какому времени относится присутствие при казнях. Обвинение не установило, было ли это во время моей деятельности в главном имперском управлении или до этого времени.

8637

H1197-0457

H1197-0458

КАУФМАН. Будьте кратки. Концентрируйте свое внимание больше на ответе. Не говорите так пространно.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Простите, г-н доктор, но я должен опровергнуть каждое слово, в противном случае меня будут обвинять в том, что я не принял и не обсуждал их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кауфман, мы не хотим, чтобы свидетель вступал в обсуждение этого документа. Если он хочет сказать что-либо относительно фактов,—он может это сделать, но он не должен обсуждать их.

КАУФМАН. Я придерживаюсь такого же мнения. Сейчас я спрашиваю Вас. Особенно отягчающим мне кажется вопрос № 3. Если Вы хотите его коснуться, то я оглашу его. Там сказано: "Если все приказы о казнях исходили от имперского управления безопасности, то обычный служебный путь был/ следующий: Гиммлер - Кальтенбруннер - Мюллер - комендант лагеря". Ответ на этот вопрос: "Да". Выскажитесь кратко по этому поводу!

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я уже заявил сегодня, что полномочия такого рода и возможности производить казни находились в руках Гиммлера и в меньшей мере в руках министра юстиции. Кроме них ни у кого во всей империи не было таких полномочий и возможностей. По служебному пути Гиммлер-Кальтенбруннер-Мюллер ко мне приказ Гиммлера такого рода никогда не поступал для дальнейшей/ передачи, такие приказы поступали от Гиммлера к Мюллеру. Неправильно задавать Мильднему такой вопрос, хотя бы по той причине, что этот человек никогда не был со мной. Он совершенно не может знать, получал ли я когда-нибудь от Гиммлера приказ такого рода. В данном случае этот человек делает лишь вывод из обыкновен-

условий в концлагерях. Свидетель ответил: "Да."

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Г-н д-р Кауфман, Вы оставляете здесь без внимания очень важную фразу, это-последнее предложение в третьем вопросе. Обвинение задает следующий вопрос: "Осуществляло ли надзор над концентрационными лагерями главное экономическое и административное управление в области управления, использования на работах и поддержания дисциплины?" Эта фраза имеет чрезвычайно важное значение, т.к. обвинение хочет свалить всю вину за уничтожение людей с главного экономического и административного управления на главное имперское управление безопасности. Если Высокий Суд, однако, желает установить истину...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту. Это опять речь, изобилующая аргументацией. Мне кажется, что в отношении вопроса 3-А нужно спросить лишь одно: "Имели ли место совещания Кальтенбруннера, Поля и начальника концлагерей?" Если он скажет, что таких совещаний не было, то это будет соответствовать ответу, который он дал в письменном показании под присягой. Это-единственный вопрос по существу.

КАУФМАН. Да, это не ответ, по моему мнению, также. Ответьте, пожалуйста: "Да" или "Нет" на только что поставленный Вам вопрос. Состоялись ли такие совещания между Полем, Мюллером и Вами?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. У меня никогда не было таких совещаний с Полем и Мюллером. Я должен был иметь один раз в полгода совещания с Полем, так как он, как начальник главного экономического и административного управления, был министром финансов всех СС и полиции и так как моя служба информации получала все средства из рук Поля, если эти средства

H1197-0459

H1197-0460

-ной схемы организации.

КАУФМАН. Делать такие заявления - дело защиты. Она впоследствии выскажется по этому поводу. Вам же об этом говорить не нужно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы невнимательно прочли эти слова. "Каким обычно путем...?" Здесь говорится: Вопрос таков: каким обычно путем поступали приказы от Гиммлера к вам и Мюллеру"?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Милорд, я уже давал один раз раз"яснения по вопросу о том, как сам Гиммлер определял наши компетенции. Представьте себе июнь 1942 года, смерть Гейдриха. С этого момента, согласно приказу, ставшему известным и общественности, Гиммлер руководит всем главным имперским управлением безопасности, взяв на себя лично все задачи Гейдриха. В январе 1943 года происходит мое назначение на должность начальника главного имперского управления безопасности после того, как было установлено, что исполнительные полномочия управлений государственной полиции и уголовной полиции остаются у Гиммлера, что в этих управлениях все остается по прежнему и что начальники управлений 1У и У - Мюллер и Небе; по этой причине схема организации, которая существовала во время Гейдриха, не распространялась во время моей деятельности на управления 1У и У.

КАУФМАН. Я перехожу к вопросу 3-А. Там сказано: "Д-ру Кальтенбруннеру были известны условия в концлагерях? Здесь ничего не говорится о том, что следует понимать под "условиями" в концентрационных лагерях. Но здесь, очевидно, следует понимать то, что показал свидетель относительно

не предоставлялись мне имперским министром финансов.

КАУФМАН. Ответьте, пожалуйста, теперь еще на один вопрос - кто занимался вопросами управления концентрационных лагерей, их снабжения и установления режима в них?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. С того момента, как заключенный переступал порог концлагеря, и до его освобождения или до его кончины в концлагере, или возьмем третий случай - до момента окончания войны, когда он был освобожден, - он попадал в полную власть главного экономического и административного управления.

КАУФМАН. Еще один вопрос для внесения полной ясности. Я исхожу из того, что всеми этими вопросами занималось исключительно это особое главное управление и что главное имперское управление безопасности не имело с ними ничего общего. Ведь правильно, что те или иные лица могли доставляться в лагери на основании приказов о превентивном заключении, которые издавались в ходе деятельности государственной полиции, и на основании результатов этой деятельности? Я хотел бы провести здесь это ясное разграничение. Правильно ли это?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет никакого сомнения в том, что это правильно. ~~были отдельные приказы, кото~~ Это правильно в отношении отдельных распоряжений об отправке на основании отдельных приказов о превентивном заключении. Эти отдельные приказы содержали - я это признаю и сегодня (я уже говорил об этом) - содержали частично даже противозаконное обоснование. В основной своей части такие распоряжения об отправке приходили не из главного имперского управления безопасности, а из оккупированных областей. В них

H1197-0461

H1197-0462

речь шла, например, о крупных эшелонах, как об этом говорится в первом документе.

КАУФМАН. Но ведь не подлежит сомнению, что там эти распоряжения об отправке исходили от полицейских инстанций, от инстанций гестапо или руководящих инстанций гестапо?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Но не только от них одних.

КАУФМАН. Но они также принимали в этом участие?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это были не только эти инстанции. Те или иные лица доставлялись в лагери или на основании приказа гестапо о превентивном заключении, или на основании приказа уголовной полиции о превентивном заключении, или на основании постановления суда.

КАУФМАН. Необходимо еще одно раз"яснение. Дайте, пожалуйста, раз"яснение по 5-му вопросу. Здесь речь идет о мероприятиях в Дании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы уже касались вопроса 4?

КАУФМАН. Нет еще, господин председатель. Вопрос четвертый - не является ли важным тот факт, что в июле или августе 1944 года через Кальтенбруннера, начальника главного управления безопасности, Гиммлер издал приказ о том, что все члены англо-американских "коммандос" должны быть переданы полиции безопасности вооруженными силами?

Господин председатель, я хотел подробно коснуться этого вопроса на основании документов при другом случае, но я могу затронуть этот вопрос и сейчас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Меня не касается, каким образом Вы будете освещать этот вопрос. Я думал, что Вы хотите допросить его по данному документу.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Высокий Суд! Я позволю себе ответить на этот вопрос сейчас же. Ответ на этот вопрос очень прост. Обвинение само посредством одного документа выдвинуло в совершенно иной форме утверждение, что государственная полиция совершила преступления, извратив сущность дела. В этом документе само обвинение говорит о том, что это было разрешено Мюллером; здесь же говорится свидетелю: издано Гиммлером через Кальтенбруннера, как начальника полиции безопасности и СД. Насколько я помню, этот документ подписан Мюллером, номер документа я уже забыл.

КАУФМАН. Я сейчас предъявлю Вам этот документ . Это-документ № 1650-ПС и США-246.

№ 1650-ПС, США-246. Заголовок документа гласит: "Управление гестапо в Киле, и орган гестапо в Аахене; датировано 4 марта 1944 года . Телеграмма: Секретно, государственной важности. По вопросу о мероприятиях по отношению к пойманным беглым пленным офицерам и неработающим унтер-офи-церам за исключением английских и американских военнопленных."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Без сомнения, этот документ не имеет никакого отношения к данному вопросу. Документ, на который Вы сейчас ссылаетесь, - это документ датирован мартом, а документ, относящийся к данному вопросу, датирован июлем или августом 1944 года.

КАУФМАН. Я не слышу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Документ, который Вы представляете, датирован мартом 1944 г. А вопрос 4 касается документа от июля или августа 1944 года.

H1197-0463

H1197-0464

КАУФМАН. В июле или августе 1944г.? У меня нет такого документа, господа судьи. Может быть, подсудимый об"яснит сейчас, существовал ли такой приказ Гиммлера и передавал ли он другим инстанциям такой приказ? Да или нет?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я впервые услышал об этом приказе здесь и я думаю, что здесь имеет место недоразумение, допущенное обвинением в вопросе к Мильднеру относительно июля или августа. Мне кажется, что обвинение имеет в виду документ от 4 марта 1944 года.

КАУФМАН. Таким образом, Вы говорите, что вам неизвестен приказ от июля?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, этот приказ мне не был известен во время моего пребывания в главном управлении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кауфман, совершенно очевидно, не правда ли, что документ, на который Вы ссылаетесь, не имеет никакого отношения к данному вопросу, поскольку документ от марта касается мер, применявшихся против пойманных сбежавших военнопленных офицеров и унтер-офицеров, за исключением американских и английских военнопленных. Вот каков этот документ.

КАУФМАН. У меня нет документа от июля-августа 1944г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не знаю, имеется ли вообще документ от июля или августа 1944 года. Я Вам говорю только то, что документ, который Вы сейчас представляете свидетелю, как документ от марта 1944 года, не может иметь отношения к вопросу 4, ибо он касается совершенно другого вопроса.

КАУФМАН. Да, это правильно, господин председатель. Я думаю, что я могу раз"яснить этот вопрос. Я предполагаю, что

эти показания свидетеля относятся к так называемому приказу о "коммандос" Гитлера от 18 октября 1942 года и что здесь мы имеем место с последствиями этого приказа от 1942 года. Дело обстоит, очевидно, так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Эймэн, не можете ли Вы сказать нам, ссылалось ли Обвинение при обсуждении этого вопроса на документ от марта 1944 года или на документ от июля или августа 1942 года?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЭН. Милорд, мы не ссылались ни на один из документов, о которых говорил свидетель. Но на основании другого документа, лежащего сейчас на столе, мы подтверждаем, что ссылка может быть сделана на данный документ, или на документ от той же даты. Свидетель, кроме того, утверждает, что тот документ был уничтожен после прочтения. Но тот факт, что подобный приказ существовал, подтверждается другим документом, который находится сейчас перед нами, но который не был еще совсем представлен Трибуналу. Другими словами, этот документ представлен впервые самим свидетелем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но имеет ли документ от марта 1944 года, на который ссылался д-р Кауфман, какое-либо отношение к этому делу?

ПОЛКОВНИК АМЕН. Это не тот документ и он не имеет абсолютно ничего общего с ним.

КАУФМАН. Итак, я перехожу к следующему вопросу. Здесь речь идет о преследовании евреев в Дании. Можете ли Вы дать раз"яснение по этому вопросу?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Заявление, содержащееся в аффидевите Мильднера, которое было зачитано здесь сегодня утром, является единственно верным.

H1197-0465

H1197-0466

КАУФМАН. Это - Ваше заявление?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я никогда не имел ничего общего с вывозом евреев из Дании. Такой приказ мог быть издан только Гиммлером и Мильднер подтверждает, что это был прямой приказ Гиммлера.

КАУФМАН. В пункте "в" пятого вопроса сказано: "Вскоре после Вашего возвращения в Копенгаген Вы - имеется в виду свидетель Мильднер, - получили от Гиммлера прямой приказ, который поступил к Вам через Кальтенбруннера, как начальника главного Управления".

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Такой приказ никогда не проходил через мои руки и я никогда не получал такого приказа от самого Гиммлера. Это является совершенно невозможным, т.к. в Дании был свой высший полицей - и СС-фюрер, являвшийся там непосредственным представителем Гиммлера и подчинявшийся последнему, но не главному имперскому управлению безопасности. Этот высший полицей - и СС-фюрер был там также командующим полиции безопасности. Я не мог дать такого приказа в Данию в силу существовавшей тогда организации и порядка подчинения.

КАУФМАН. Относительно шестого вопроса. Правильно ли, что мероприятия Эйхмана не увенчались успехом и что Мюллер приказал Мильднеру составить соответствующий отчет и что этот доклад был послан непосредственно начальнику полиции безопасности и СД Кальтенбруннеру? На этот вопрос свидетель ответил: - Да.

Известно ли Вам что-нибудь об этом отчете из Дании?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Мне не только ничего неизвестно об этом отчете, но я еще наверняка знаю, т.к. я не один, а десятки раз говорил с Гиммлером по этому вопросу, о том, что непосредственно он сам получал все отчеты и доклады от Эйхмана,

H1197-0467

причем Мюллер в основном не принимал в этом участия.

КАУФМАН. Тогда я попрошу Вас перейти к письменным показаниям Хетля. Насколько я успел познакомиться с этим документом, в нем не содержится существенно иных заявлений по сравнению с показаниями, снятыми мною. Желает ли Суд, чтобы я поставил вопрос по поводу этого документа? Тогда я обращусь к вопросу 5, пункту б. "Мне известно, что приказы о заключении в концлагери и освобождении оттуда приходили из главного имперского Управления безопасности. Но мне не известно, что все подобного рода приказы приходили из главного имперского управления безопасности. Я ничего не знаю о том, поступали ли приказы о совершении казней из главного имперского управления безопасности." Какова Ваша точка зрения относительно этого пункта?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Приказы о совершении казней могли приходить из главного имперского управления безопасности только в том случае, если Гиммлер или Мюллер приказывали препровождать такие приказы, передавать их дальнейшим инстанциям. Но мне кажется, что это случалось очень редко и в большинстве своем в тех случаях, когда Мюллер сообщал перед этим о приговоре Гиммлера судебным порядком.

КАУФМАН. Господин председатель, несколько минут тому назад подсудимый просил меня дать ему возможность высказаться относительно документа 1063-ПС. Он оспаривал подлинность своей подписи. Мне кажется, что он сейчас хочет сказать, что эта подпись принадлежит ему. Это-документ главного имперского управления безопасности от 26 июля 1943 г. Вам нужен этот документ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кауфман, это документ 1063-ПС? У Вас имеется подлинник документа?

КАУФМАН. Подлинник? У меня есть только фотокопия документа; подлинника у меня нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Итак, в чем заключается Ваш вопрос?

КАУФМАН: Вы готовы?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да. Доктор Кауфман, Вы сделали ошибку. Я не оспаривал подлинности своей подписи. Я заявил только, что мне следует предположить, что я был уведомлен об этом приказе после того, как он был издан, и что в первоначальной редакции этого приказа, моей подписи, кажется, не было. Вот что я сказал. Сейчас по удостоверению в подлинности: "Правильность заверяет чиновник такой-то" я вспоминаю, что это был, очевидно, подписанный мной в подлиннике указ. По первым словам этого указа:"рейхсфюрер СС разрешил" и т.д. я вспоминаю, что этот указ основывался на моем личном докладе, с которым я должен был выступить перед Гиммлером. Во время этого доклада, насколько я помню, это было 26 июля 1943 года, я впервые поставил вопрос у Гиммлера о смягчении или изменении положения, существовавшего в деле отправки в концлагери, т.е. не следовало бы посылать в концлагери, если имеет место легкий проступок. Таких людей следует посылать в исправительно-трудовые лагери. Здесь я впервые говорил о необходимости строго разграничать концлагери и исправительно-трудовые лагери. По моему мнению, это было результатом моего первого выступления у Гиммлера относительно системы концлагерей. В третьих, я хотел бы указать на то, что этот указ имеет номер II в, т.е., по сути дела, данный документ не является указом, который исходил от полицейско-исполнительных управлений, т.е. гестапо или уголовной полиции; этот указ был издан административными инстанциями.

КАУФМАН: Для раз"яснения вопроса этого вполне достаточно. Обвинение возлагает на Вас ответственность за отправку в концлагери нежелательных с расовой и политической точек зрения лиц.

H1197-0468

H1197-0469

О каком количестве концлагерей Вам стало известно, после назначения Вас на должность начальника главного имперского управления безопасности?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: В момент моего назначения я знал о 7-х концлагерях. К концу моей деятельности во всей империи их имелось 12.

КАУФМАН: Скажите, сколько было концлагерей всего?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Имелся еще один, 13-ый концлагерь. Это был исправительный лагерь СС около Данцига. Всего их в империи было 13.

КАУФМАН: Скажите, как Вы об"ясняете себе карту, которую Вы видели здесь, с большим количеством красных точек, которые должны изображать концлагери?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Такое изображение вводит в заблуждение. Я видел эту карту, когда она висела здесь. Здесь, должно быть, в качестве концлагерей представлены все те военные предприятия, фабрики и места общественных работ, где заключенных из концлагерей использовали на работах. Как-нибудь иначе я не могу об"яснить себе это море красных точек.

КАУФМАН: Вы делаете различие между этими менее крупными концлагерями и действительными концлагерями и, если делаете, то почему?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, различие между ними бросается в глаза. Это происходит по следующей причине: каждый заключенный, который был занят на работах в военной промышленности, работал так же, как и все остальные иностранные и немецкие рабочие, на этих предприятиях и заводах. Разница заключалась лишь в том, что немецкий рабочий по окончании рабочего дня отправлялся до-

мой, а заключенный из трудового лагеря должен был возвращаться в лагерь.

КАУФМАН: Вас обвиняют в том, что Вы основали лагерь Маутхаузен и что Вы неоднократно посещали этот лагерь. Свидетель Хельригель, выступавший здесь, в зале Суда, заявил, что он видел Вас в этом лагере; далее, он показал, что видел Вас осматривающим газовые камеры в действии. Имеется аффидевит Цуттера, которого сегодня здесь уже упоминали. В своем аффидевите Цуттер утверждает, что он, якобы, видел Вас в концлагере Маутхаузен. Обвинение делает из этого заключение, что Вы должны были точно знать о всех недостойных человека условиях в концлагерях. Я спрашиваю Вас сейчас: правильны эти заявления или нет? Когда Вы делали эти осмотры лагерей и что Вы могли там наблюдать?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Эти заявления неверны. Я, работая до 1942 года в Австрии, не основал там ни одного концлагеря. С 1942г. я, работая в империи, также не создал ни одного лагеря. Как мне сегодня доподлинно известно, и как это было заявлено со всей определенностью здесь,-все концентрационные лагери империи были созданы Гиммлером, который отдавал соответствующие приказы на это поле. Я особенно подчеркиваю, что это в равной мере относится и к лагерю Маутхаузен. Ни одна австрийская служебная инстанция не только не принимала участия в создании этого лагеря, но и была очень неприятно поражена, так как в Австрии понятие концлагеря было неизвестно. Кроме того, в Австрии не было никакой необходимости в создании таких лагерей.

КАУФМАН: Ну, а как обстоит дело с Германией, со старой империей?

H1197-0470

H1197-0471

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Что вы имеете в виду?

КАУФМАН: Я имею в виду следующее: что Вы знали об условиях в концлагерях в Германии?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Постепенно я все больше и больше слышал об условиях в концлагерях. Само собой разумеется, что я должен был слышать об этих вещах по линии внутриполитической службы информации в самой Германии.

КАУФМАН: Скажите, правильно ли утверждение Хельригеля, что Вы видели в действии газовую камеру?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я никогда не видел ни одной газовой камеры - ни в действии, ни в каком-либо другом виде.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы слишком быстро задаете вопросы. Пожалуйста, делайте паузы между вашими вопросами и ответами и не говорите слишком быстро. Он сказал, что он постепенно через разведку узнавал о концлагерях империи. Это верно?

КАУФМАН. Да. /обращается к Кальтенбруннеру/. Вы постепенно узнавали об условиях жизни в концлагерях? Вы так сказали?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

КАУФМАН: Вы помните мой последний вопрос?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет.

КАУФМАН: Вы видели работу газовых камер?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я уже ответил на этот вопрос. Я никогда не видел газовой камеры вообще и в действии в частности. Я ничего никогда не знал о существовании такой газовой камеры в Маутхаузене. Заявление в отношении камеры совершенно неверно. В самом помещении для заключенных, в самом концлагере Маутхаузен, я никогда не был. Я был в Маутхаузене, но не в самом концлагере, а в трудовом лагере.

Насколько я помню, весь комплекс лагерей в Маутхаузене занимает территорию в 6 километров. Из этих 6-ти километров на 4 1/2 или, может быть, 5 километров производилась работа. Там находятся самые крупные каменоломни по добыче гранита в Австрии. Они являлись собственностью города Вены.

КАЛЬМАН: Здесь показывалась фотография, где Вы изображены вместе с Гиммлером и с Диррейсом?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Об этом я как раз собирался говорить. Эти каменоломни принадлежали городу Вене и Вена была очень заинтересована в получении гранита для замощения улиц. Как мне стало позднее известно, эта большая каменоломня была отчуждена у городского управления Вены главным экономическим и административным управлением с Полем во главе на основании имперского закона о трудовой повинности. Вследствие этого Вена в течение длительного времени не получала никакого гранита. Городское управление Вены попросило меня обратиться к Гиммлеру. Во время инспекционной поездки Гиммлера по южной Германии он не оставил без внимания Австрию и Маутхаузен, куда он вызвал и меня. Вот каким образом получилось, что я был с Гиммлером в этих каменоломнях. Был ли я там сфотографирован или нет, я не знаю. Я еще не видел этой фотографии и поэтому не могу установить своей личности.

Позвольте мне сказать еще кое-что в дополнение. Ни при этом случае и ни при каком другом я не посещал вместе с Гиммлером сам концентрационный лагерь, Гиммлер также никогда не предлагал мне осматривать какой-нибудь концлагерь. Как я узнал позднее, он не делал этого из определенных соображений. Я сам никогда не принимал участия в таких инспекционных поездках,

H1197-0472

H1197-0473

так как мне доподлинно было известно, что для меня, как и для других лиц, которых он приглашал посетить лагерь, выстраивались "потемкинские деревни" и что никто, кроме горсточки людей из главного экономического и административного управления, не имел никакой возможности видеть концлагери такими, какими они были на самом деле.

КАУФМАН: Позвольте мне задать один вопрос по этому поводу. Вы говорите о горсточке людей, разве Вы к ней не принадлежали?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, я не принадлежал. К ней относились Гиммлер, Поль, Мюллер, Глюкс и коменданты лагерей.

КАУФМАН: Относительно лагеря Маутхаузена есть один документ, по поводу которого я попрошу Вас высказаться. Это документ, датированный 4 марта 1944г., который уже представлен Трибуналу под № 1650-ПС. Этот документ содержит в себе приказ о пуле /"кугельэрлясс"/. "Мероприятия, проводимые в отношении пойманных бежавших пленных офицеров и неработающих унтер-офицеров за исключением американских и английских военнопленных". Содержание этого документа уже известно Трибуналу, и я не думаю, что мне следует зачитывать этот документ. Я хочу, чтобы подсудимый Кальтенбруннер сделал заявление по поводу того, насколько он знаком с этим вопросом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не слышал номера этого документа.

КАУФМАН: Это документ - 1650-ПС и США-246.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас об"явим перерыв на десять минут.

/Перерыв на 10 минут/.

МАРШАЛ СУДА: Господа судьи! На этом заседании ввиду болезни отсутствует подсудимый Геринг.

КАУФМАН: Прочитали ли Вы документ 1650-ПС, США-246?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, я прочитал этот документ.

КАУФМАН: Как уже упоминалось, здесь говорится о пресловутом приказе о пуле /"кугельэрлясс"/. Когда Вы узнали об этом приказе?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я лично не знал этого приказа. Это, очевидно, был приказ, который был издан задолго до того, как я занял мой пост. Я его также не видел, этого документа, который предъявлен мне здесь и который представляет собой копию телеграммы.

КАУФМАН: Я прошу Вас обратить внимание на подпись. Подпись гласит: "Мюллер".

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Если такой приказ вообще существовал, то данное лицо само по себе имело право на такую подпись. Здесь я хотел бы сказать в дополнение, что на исходе 1944 или в начале 1945 г.г. я во время представления сведений в главной ставке, которая тогда находилась уже в Берлине, услышал от связного между Гиммлером и Гитлером, Фегелейна, впервые о приказе о пуле /"кугельбереле"/. Для меня это было совершенно непонятным и неизвестным. Я поэтому спросил у него, что это такое. Он сказал мне, что это приказ фюрера. Больше он ничего не знал. Он знал только о том, что в этом приказе речь шла об особого рода военнопленных. Я, однако, не удовлетворился такими данными и в тот же день послал Гиммлеру телеграмму с просьбой разрешить мне ознакомиться с приказом фюрера, который называется "приказ о пуле" /кугельэрлясс"/.

Я тогда не знал, что государственная полиция сама была занята вопросом проведения в жизнь этого приказа. Еще через несколько дней по поручению Гиммлера ко мне прибыл Мюллер, который дал мне ознакомиться с приказом, изданным не Гитлером, а

H1197-0474

H1197-0475

Гиммлером. В этом приказе Гиммлер заявляет, что он передает мне здесь устный приказ фюрера. В ответ на это я заявил Гиммлеру, что этот приказ фюрера является для меня новым подтверждением того, что нарушаются самые элементарные принципы Женевской конвенции. Правда, эти нарушения имели место до того, как я занял свой пост, и после ряда других нарушений. Я просил Гиммлера сделать соответствующее представление фюреру. К этому письму Гиммлеру я приложил проект письма Гиммлера фюреру по этому вопросу, в котором Гиммлер должен был просить фюрера: во-первых, отменить этот приказ, и во-вторых, освободить /при всех обстоятельствах/ подчиненные инстанции от подобных действий, которые должны лечь тяжелым бременем на душу участвующих в исполнении этого приказа лиц. Каков был результат моих действий?

Результат был положительным. Правда, приказ о пуле, как и целый ряд других подобных по своим тяжким последствиям приказов не был отменен. Но действия мои имели успех в том отношении, что в феврале 1945 года Гитлер впервые разрешил установить контакт с Красным Крестом, поддерживать который до этого времени было запрещено самым строжайшим образом.

КАУФМАН: Скажите, мероприятия, проведенные Красным Крестом, имели место благодаря Вашей инициативе? Не заключались ли эти мероприятия в осмотре концлагерей ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Тут я должен сказать и "да" и "нет", ибо в то же самое время со стороны Красного Креста поступила просьба о немедленном установлении прямого контакта. Эта просьба исходила от председателя правления общества Красного Креста Буркхардта. Я хотел бы здесь выразиться следующим образом: мы в одно и то же время предприняли одинаковые действия. Я прошу не понять меня превратно. Само собой разумеется, что и до этого времени имели место многочисленные попытки установить контакт с Красным Крестом, причем это делалось даже за спиной Гитлера. В качестве примера я могу сослаться на постоянную связь министерства иностранных дел с Красным Крестом.

КАУФМАН: Если я Вас правильно понял, то Вы хотите сказать, что направленная профессору Буркхардту просьба относительно посещения концентрационных лагерей может быть приведена как обстоятельство, смягчающее Вашу вину? 8655

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, конечно. Но я прошу остановиться на этом более подробно при другом случае, т.к. сейчас мы обсуждаем другой вопрос.

КАУФМАН. Обвинение утверждало, что в тот период, когда Вы занимали пост начальника главного имперского управления безопасности, были созданы два новых концентрационных лагеря — в Люблине и Герногенбуш. Что Вам было известно по этому поводу? Кто мог издать приказ о создании этих новых лагерей?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я не осведомлен о том, в какое время были созданы эти 2 лагеря. Лагерь в Люблине и другой - в Герногенбуш - подчинялись в административном отношении внешним полициай - и СС - фюрерам соответствующих оккупированных областей. Таким образом, главные управления в Берлине не имели ничего общего с этим.

КАУФМАН. Теперь ответьте мне на вопрос только: "да" или "нет". Скажите, лагерь Освенцим был Вам известен как таковой?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет. Я узнал о нем лишь в ноябре 1943 года.

КАУФМАН. Скажите, в то время, когда Вы узнали о существовании этого лагеря, Вы одновременно узнали также о том, что собой представляет этот лагерь? Вы узнали тогда, что в этом лагере производится уничтожение евреев, которых поставлял туда Эйхман?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет, конечно, это было никому ~~этого~~ не известно. Когда Гиммлеру задавали вопрос, почему там создан такой большой концентрационный лагерь, он всегда отвечал, что это об"ясняется тем, что вблизи находятся большие военные предприятия. Мне кажется, что он называл при

H1197-0476

H1197-0477

этом Витковитц и др. Во всяком случае он, это нужно особенно подчеркнуть, настолько изолировал Освенцим от внешнего мира и держал в строгом секретаре все, что касалось этого лагеря, что отрицательные ответы подсудимых и любого другого лица, которого американское обвинение здесь спрашивало о том, что им было известно об условиях в концлагерях, — следует считать достоверными.

КАУФМАН. Самые ужасные злодеяния имели место в этом лагере Освенцим. Освенцим находился под духовным и идеологическим руководством пресловутого Эйхмана. Я спрашиваю Вас, когда Вы познакомились с Эйхманом?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. С Эйхманом я познакомился в своем родном городе Линце. Обвинение утверждает и сегодня оно пыталось обосновать свое утверждение с помощью моих письменных показаний, что я был другом или, по крайней мере, близким знакомым Эйхмана. В связи с этим, я, ссылаясь на свой долг говорить правду, хотел бы возразить следующее. У меня существует иное представление о дружбе или близком знакомстве. Я узнал в Линце о существовании Эйхмана только потому, что его отец, как директор электростроительной компании, юридическим консультантом которой являлся мой отец, был известен в Линце. Сам Эйхман учился в той же гимназии, где учились и мои братья. Утверждение Хеттля, что я познакомился с ним в штурме СС, также неправильно, ибо, когда я вступил в войска СС, Эйхман уже давно бежал в империю, как я позднее об этом слышал.

Во-вторых, этого же Эйхмана, как утверждает обвинение, я видел в первый раз в 1932 году, во второй раз-в феврале или

марте 1945 года, т.е. в течение 13 лет я вообще его не видел, после этой последней встречи я также его не видел. На основании этих двух встреч с Эйхманом я не могу сделать вывода, что я был с ним близко знаком или дружен. Правильно, что во время второй встречи он подошел ко мне и сказал: "Я - обергруппенфюрер Айхман, я происхожу из Линца". В ответ на это я ему заметил: "Очень рад, как идут дела на родине?" По службе, во всяком случае, я с ним не соприкасался.

КАУФМАН. Вчера свидетель Ламерс показал, что в главном имперском управлении безопасности состоялось совещание по вопросу окончательного решения еврейского вопроса. Вы знали об этом?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет. Мне кажется, что Ламерс и другой свидетель заявили, что в феврале или марте 1943 года Айхман от моего имени созвал в главном имперском управлении безопасности совещание, так называемое совещание референтов различных ведомств. По этому поводу я должен сказать, что номинально я занял свой пост в Берлине вечером 30 ноября, но за отдельными исключениями, когда я наносил визиты в связи с вступлением на новую должность, меня ко мне в Берлине не было. Я был в Вене и расширял свою службу информации для того, чтобы позднее перевести весь аппарат целиком в Берлин.

КАУФМАН. Еще один вопрос по этому поводу. Когда Вы впервые узнали о том, что лагерь Освенцим является лагерем уничтожения?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Об этом мне сказал Гиммлер в феврале или марте 1944 года. Это значит, что он не сказал мне, а подтвердил это.

8658

H1197-0478

H1197-0479

КАУФМАН. Каково было Ваше отношение к этому после того, как Вы узнали об истинном положении вещей?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Не понимаю.

КАУФМАН. Как Вы вели себя после того, как узнали об этом факте?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. О приказе Гитлера Гейдриху относительно окончательного решения еврейского вопроса я не знал, в то время, когда я занял свой пост.

Летом 1943 г. я узнал из зарубежной прессы, а также радиопередач противника...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это не является ответом на Ваш вопрос. Вы спросили его, что он сделал, когда он узнал о том, что Освенцим был концлагерем. А он произносит длинную речь о Гейдрихе. Вы спросили, каково было его отношение к этому? Мне кажется, что этим вы имели в виду узнать, как он реагировал, когда он впервые в феврале или в марте 1944 г. узнал о том, что Освенцим был лагерем истребления. А он вместо ответа рассказывает нам длинную историю о чем-то, имеющем отношение к Гейдриху.

КАУФМАН. По возможности, давайте прямой ответ на вопрос. Каково было Ваше отношение к этому факту, когда Вы о нем узнали? Отвечайте ясно и кратко.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я немедленно, как только узнал об этом факте, сделал тоже самое, что делал раньше. Я боролся против подобного разрешения еврейской проблемы. По этой причине я хотел об"яснить, каким образом я вообще был подведен к еврейской проблеме в результате своей работы в службе информации и в чем я был против такого решения проблемы.

КАУФМАН. Да, но мы еще не знаем, что Вы действительно

сделали. Что Вы тогда сделали, я Вас в последний раз спрашиваю?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Прежде, чем об"яснить, что я тогда сделал, я должен рассказать, когда я об этом узнал и как я на это реагировал.

КАУФМАН. Вам следует рассказать о той реакции, которую вызвало это сообщение.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я сделал сначала представления Гитлеру, а день спустя после посещения Гитлера я сделал соответствующее представление у Гиммлера. При этом я указывал не на свою личную точку зрения в этом вопросе и не на то, что я придерживаюсь совершенно иного мнения, которое сложилось у меня еще в Австрии, и не только на соображения гуманного порядка. Я немедленно в первый же день и затем в почти каждом докладе об обстановке в данный момент во все последующее время, вплоть до окончания войны, всегда утверждал, что не может быть ни одной враждебной нам державы, которая могла бы вступить в переговоры с германской империей после того, как последняя возложила на себя такое бремя вины. Это я высказывал в последующих представлениях Гитлеру, Гиммлеру и другим инстанциям. Таким образом, все эти представления исходили из сектора службы информации, т.е. оттуда, где может быть создана подходящая атмосфера для подготовки и ведения переговоров с враждебной державой.

КАУФМАН. Когда прекратилось преследование евреев?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. В октябре 1944 г.

КАУФМАН. Не хотите ли Вы утверждать, что эти преследования прекратились благодаря Вашему вмешательству?

H1197-0480

H1197-0481

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я твердо убежден в том, что эти преследования прекратились, главным образом, благодаря моим действиям, хотя и целый ряд других лиц действовали в этом направлении. Но я не думаю, что был еще один такой человек, который прожужжал бы Гиммлеру все уши, как это сделал я, и который бы с такой откровенностью и с таким самоотречением беседовал с Гитлером по этому вопросу.

КАУФМАН. Скажите, поручение Эйхману было поручением, которое от Гитлера и Гиммлера поступило сначала в главное имперское управление безопасности, или это поручение было частным поручением, находящимся вне пределов компетенции главного имперского управления безопасности.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я могу лишь частично восстановить это в памяти. Меня не было в то время, когда издавались эти приказы. У меня есть основания предполагать, что приказы такого содержания шли следующим путем: Гитлер - Гейдрих - Эйхман. После смерти Гейдриха Гиммлер очень часто сотрудничал, вероятно, непосредственно с Эйхманом, обходя при этом Мюллера.

КАУФМАН. Допрошенный здесь свидетель Вислицени показал 3 января (я вам предъявлю соответствующий документ), что окончательное решение еврейского вопроса осуществлялось практически в период с апреля 1942 г. до октября 1944 г. Вислицени сообщил о личном приказе Гиммлера и далее о том, что Эйхман был личным уполномоченным. Однако далее он заявил по этому поводу следующее: "Уничтожение евреев производилось при Кальтенбруннере без ослабления и без каких-либо изменений".

Соответствующие отчеты шли регулярно через определенные промежутки времени через Мюллера к Кальтенбруннеру.В.1944 г: Эйхман лично был у Кальтенбруннера". Вислицени заявляет, что он видел подписи Кальтенбруннера под отчетами, которые шли Гиммлеру. Это-показания Вислицени. Мой вопрос состоит в следующем: Скажите, соответствуют ли эти показания действительному положению вещей в основных своих пунктах?

КАЛЬТЕНБРУННЕР.Эти показания неправильны. Но я могу дать раз"яснения по поводу этих показаний. ~~Он~~ Вислицени мог увидеть лишь одну мою подпись, но не под отчетом, который посылался Гиммлеру и который я якобы получал от Эйхмана и Мюллера. Он мог видеть эту подпись под письмом, написанным мною Гиммлеру, копию которого я передал Мюллеру и Эйхману для осведомления. В этом письме я ссылался на посланный мною Гиммлеру доклад по еврейскому вопросу. Тогда же я впервые услышал, что Эйхман работал в этом направлении. Чтобы дать Эйхману раз"яснения по тому поводу, что я лично ничего не имел общего с этим делом, я послал ему через Мюллера копию письма Гиммлеру. В этом письме я просил от Гиммлера указаний в связи с тем, что фюрер снова просил меня сделать доклад ему. В этом докладе я хотел сделать ясные сообщения относительно деятельности Гиммлера и в связи с этим я просил его дать своевременно решение.

КАУСМАН. Свидетель Хеттль в своих письменных показаниях, данных под присягой, показал, что он слышал от Эйхмана, что в целом было уничтожено 4 или 5 миллионов евреев. Из этого числа в Освенциме было уничтожено примерно 2 миллиона человек. Вы когда-либо слышали о подобных цифрах?

8662

H1197-0482

H1197-0483

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я никогда не слышал подобных цифрах. Я беседовал с Гиммлером по поводу того, имеет ли он общее понятие о тех преступлениях, которые были совершены до сих пор. Этот вопрос я задал для того, чтобы он смог осознать масштабы катастрофы, которая должна последовать. Он заявил мне, что он не располагает цифровыми данными. Но я этому не верю. Мне кажется, что он располагал какими-то данными.

КАУФМАН. Скажите, берете ли Вы на себя ответственность в этом пункте или Вы отрицаете свою ответственность?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я должен отрицать свою ответственность в этом отношении, так как я надеюсь, что я смогу доказать с помощью Бургхардта, что не было ни одного человека, который подвергал бы себя большей опасности, чем я в этом вопросе, для того, чтобы решение еврейского вопроса было иным.

КАУФМАН. Я сейчас перехожу к документу Р-135, США-280. Это письмо рейхскомиссара из Риги от 18/VI-43г. касается мероприятий против евреев, содержавшихся в минской тюрьме и, в частности, касается письма начальника тюрьмы в Минске, направленного генеральному комиссару Белоруссии в Минск. Дайте, пожалуйста, разъяснения по поводу этого документа.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. На основании подписи и адресата можно сделать вывод, что я не мог быть уведомлен об этом письме. Я также ничего не знаю и о его фактическом содержании. Это, вероятно, было событие, которое произошло до того, как я занял свою должность. Замешанное в этом деле лицо сообщает о них в июне 1943г. Таким образом, здесь речь идет о событиях, которые произошли раньше. Нужно было, чтобы прошло некоторое время, пока о них поступили сообщения.

КАУФМАН. Сейчас я перехожу к следующему документу Д-473, США-542. Это-письмо начальника полиции безопасности и СД от 4 декабря 1944 года. Обвинение дает из содержания этого письма вывод, что на подсудимого Кальтенбруннера ложится тяжелая ответственность. В документе речь идет о борьбе с преступностью среди польских и советских гражданских рабочих. Как мера наказания, к которой могла прибегать уголовная полиция, здесь упоминается заключение в тюрьму и концлагери всех асоциальных и общественно-зрелых элементов. Это рассматривается как предохранительная мера. Документ подписан д-ром Кальтенбруннер. Какова Ваша точка зрения относительно этого документа?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я не помню, чтобы я когда-то подписывал подобный документ.

КАУФМАН. Вы оспариваете, что Вы вообще подписали этот документ? Вернее, Вы утверждаете, что Вы ничего не знали о том, что говорится в этом документе?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет.

КАУФМАН. Тогда я пред"являю документ 1276-ПС, США-525. Обвинение ссылается также и на этот документ. Этот документ был вызван к жизни приказом Гитлера от 18 октября 1942 года. В соответствии с этим приказом, пойманные отряды, диверсанты и парашютисты должны быть уничтожены, а "командос" должны быть переданы в распоряжение СД. В письме за подписью Мюллера от 17 сентября 1944 г., адресованном верховному командованию, говорится о том, что с парашютистами, одетыми в английскую форму, следует поступать, согласно приказу Гитлера. Я хочу спросить Вас, знаете ли Вы что-нибудь об этом письме от 17 июня, подписанном Мюллером, и знаете ли Вы что нибудь вообще о том, что положено в основу этого документа?

H1197-0484

H1197-0485

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я ничего не знал ни о документе, ни о том, что положено в основу этого документа. Но в этой связи я хотел бы сказать следующее. Об этом приказе Гитлера, а также, как и о его принципиальном отношении к этому вопросу, я узнал позднее. Мне кажется, что это было в главной ставке фюрера в феврале 1945 г. Там при свидетелях, я совершенно открыто заявил, что я не только против подобного обращения с солдатами и военнопленными, но что я не буду выполнять ни одного приказа Гитлера, подобного содержания. Мне кажется, что здесь выступал один свидетель, по фамилии Коллер, который был вызван одним из подсудимых. Я прошу Вас спросить этого свидетеля, который тогда был начальником штаба ВВС, о том, каково мое отношение к этому вопросу, о котором мне стало известно впервые в 1945 г. Мне кажется, что я заявил тогда еще в присутствии Гитлера о своей точке зрения по этому вопросу. Я не мог сделать больше того, чем я сделал перед лицом того властного и всемогущего человека, равного которому никогда никого не было в империи. Этот человек заявлял: "Всякий, кто не подчиняется моему приказу, будет расстрелян независимо от его ранга". Я не мог сделать большего, чем заявить в его присутствии начальнику штаба ВВС и другим офицерам: "Я не буду выполнять подобных приказов".

КАУФМАН. Далее я перехожу к документу 2990-ПС, США-526. Это - письменное показание, данное под присягой свидетелем Шелленбергом. Согласно этому показанию, в январе 1944 года в связи с совещаниями в управлении между Кальтенбруннером и Мюллером состоялась беседа. Кальтенбруннер, согласно этим показаниям, заявил, что не следует предпринимать что-либо против мероприятий местного населения, направленных против летчиков-террористов. Наоборот, следует всячески поддерживать

и стимулировать враждебное настроение. Сейчас я оглашу несколько фраз из протокола допроса свидетеля Шелленберга 3 января 1946. Свидетель говорит: "В 1944 году при других обстоятельствах, но также в ходе совещания в управлении, я услышал отрывок из беседы между Кальтенбруннером и Мюллером. Я очень хорошо помню следующее замечание Кальтенбруннера: "Все служебные инстанции полиции безопасности и СД должны быть поставлены в известность о том, что против действий местного населения, направленных против английских и американских летчиков - террористов, не следует ничего предпринимать. Наоборот, следует всячески стимулировать враждебное настроение..."

Вы знакомы с Шелленбергом?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Относительно личности Шелленберга я должен...

КАУФМАН. Пожалуйста, будьте кратки.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Относительно личности Шелленберга и достоверности его показания в связи с этим документом я должен сказать следующее: Шелленберг был протеже Гейдриха.

Когда я занял свой пост, он руководил 6-м управлением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он спрашивает Вас, знаете ли Вы Шелленберга. На этот вопрос Вы можете ответить. Вопрос был следующий: „Вы знаете Шелленберга?", а он разразился длинной речью, не отвечая на вопрос.

КАУФМАН. Знали ли вы Шелленберга или нет?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Конечно знал. Он был руководителем 6-го управления.

H1197-0486

H1197-0487

КАУФМАН. Второй вопрос. Каковы были Ваши отношения с этим начальником 6 управления? Считаете ли вы его показания правдивыми?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Его показания неправильны. Я хотел бы это обосновать для того, чтобы суд мог определить ценность этого показания. Шелленберг был ближайшим другом Гиммлера. По приказу Гиммлера он до самых последних дней оставался при нем. Он был тем человеком, который посредничал между Гиммлером и шведским графом Бернадоттом. Он был тем человеком, который в последнюю минуту через господина Мюзи установил связи в Швейцарии, с помощью которых небольшое количество заключенных евреев было выпущено из концлагерей. Затем им было позволено отправиться в Швейцарию и др. государства. Г-н Гиммлер и г-н Шелленберг желали (это) для того, чтобы быстренько заручиться добрым именем за-границей. Это был человек, который вместе с другим другом Гиммлера предпринял меры для того, чтобы на логопорных началах через организацию раввинов Северной Америки добиться опубликования в ряде крупных газет Америки статей о личности Гиммлера, последний был бы представлен в лучшем свете. Эти махинации я критиковал перед Гитлером и перед самим Гиммлером и дискредитировал их, заявляя, что в таком важном вопросе недостойно империи и поставленной задачи применять методы, которыми пользуются здесь Гиммлер и Шелленберг. Единственно правильным путем я считал немедленное установление контакта с Красным Крестом. Поэтому я своевременно связался с Буркхардтом и вынудил последнего принять другую точку зрения в этом вопросе, обратившись к нему с просьбой

посетить концлагери.

КАУФМАН. Я задал Вам совершенно другой вопрос.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Но я должен был предпослать это для того, чтобя Вы смогли понять, каким должны были быть разочарованы моей деятельностью Гиммлер и Шелленберг, для того, чтобы показать, что Шелленберг заинтересован теперь в том (это действительно проявилось в его письменных показаниях), чтобы обвинять меня в нарушении данного перед всем миром слова.

КАУФМАН. Таким образом, Вы хотите сказать, что между Вами и Шелленбергом были несогласия и противоречия и что он теперь Вас несправедливо обвиняет?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

КАУФМАН. Далее, в этом документе Шелленберг упоминает о событии, происшедшем с 50 летчиками. Шелленберг говорит, что у Вас было совещание с Мюллером и Небе, где Вы пытались придумать какую-либо оттоворку, чтобы скрить от общественного мнения подлинные события. Я спрашиваю вас, когда вы впервые узнали о расстреле 50 летчиков?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это-случай "Саган".

КАУФМАН. Когда Вы о нем услышали? Вопрос совсем прост.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Впервые я узнал об этом через шесть недель после того, как это случилось.

КАУФМАН. Мой следующий вопрос, не хотите ли вы этим сказать, что вы ни в коей мере не принимали участия в расстреле и что, более того, Вы занимались этим вопросом после того, как летчики были расстреляны?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, именно это я хочу сказать.

H1197-0488

H1197-0489

КАУФМАН. Не хотите ли вы далее сказать, что Беллонберг ссылается исключительно на эту позднейшую попытку затемнить все дело?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, он может ссылаться только на это.

КАУФМАН. Далее, я перехожу к документу № 833-ПС, США-527. Этот документ пред"является обвинением как отягчающий подсудимого Кальтенбруннера документ. Имеется в виду так называемый приказ "Ирак и туман", приказ Гитлера от 7 декабря 1941 года. Вам приказ "Ирак и туман" был хорошо известен? Когда вы впервые услышали об этом приказе?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Впервые я узнал об этом в июне 1945 г. в Лондоне.

КАУФМАН. Этот документ, который я пред"явил Вам для ознакомления, представляет собой письмо ОКВ от 2 сентября 1944 года, направленное в германскую комиссию по перемирию и подписанное доктором Леманом. Здесь говорится следующее: "Согласно соответствующим приказам, все негерманские гражданские лица в оккупированных областях, которые причинили ущерб безопасности или боеспособности оккупационных властей путем террора или актов диверсии или каким-либо другим образом, должны быть переданы в распоряжение полиции безопасности и СД". Поскольку данный вопрос имеет очень важное значение, кажется невероятным, чтобы вы не знали о нем. Кажется невероятным, что вы ничего не знали о приказе "Нахт унд небель" ("Ирак и туман").

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я ничего о нем не знал и прошу раз - решения объяснить это. При этом я позволю себе предпослать следующее. Не из одного документа не явствует лучше, чем из этого документа, что СД несправедливо приписывается испол - нительная власть.

На странице 4-й говорится: "... или каким-либо дру - гим образом должни быть переданы в распоряжение полиции безопасности и СД".

Во-первых, бессмысленно утверждать, что одно и тоже дело поручается двум совершенно различным организациям, т.е. и полиции безопасности и СД. Одно дело должно было быть пе- редано либо полиции безопасности, либо СД.

Эта ошибка в немецком языке проникла даже в приказ фюрера по следующей причине: начальник полиции безопасности и СД Гейдрих вкратце назывался начальником СД. Но это прос- то ошибка. Я, видит бог, ни в коей мере не хочу тем самим снять всю ответственность с СД за другие действия, которые СД совершила, но я хочу сказать, что в этой связи полномо - чия констатируются неправильно.

КАУФМАН. Да, но здесь речь идет не только об СД, здесь речь идет также и о полиции безопасности.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. По этому поводу я хочу сказать следую- щее. Этот приказ фюрера от 1941 года был мне неизвестен. Прошу поставить себя в мое положение. В начале февраля 1943 года я приехал в Берлин. За исключением немногих визитов в связи с назначением меня на новую должность я начал свою деятельность в мае. На 4-й год войны на столах и в шкафах чиновников скопилось много тысяч приказов и декретов герман-

H1197-0490

H1197-0491

ской империи в области исполнительной власти. Одному человеку было совершенно немыслимо прочитать хотя бы до конца все эти документы даже в течение года. Даже, если бы я чувствовал себя обязанным узнать о существовании всех этих документов, я не мог бы этого сделать. Но я вовсе не был обязан это делать.

Далее я прошу, чтобы Вы учли следующее: Я приступил к деятельности 1 февраля 1943 года. 2-го февраля был сдан Сталинград. Крупнейшая военная катастрофа ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это - пространная речь в ответ на вопрос о том, видел ли он это письмо или нет. Он говорит, что он не видел письма, а затем стал произносить эту про - странную речь.

КАУФМАН. Теперь я ставлю Вам следующий вопрос: Когда Вы узнали о том значении, которое имел приказ "мрак и туман"? Как Вы понимали, какое обращение требовалось в этом приказе с соответствующими лицами? Пожалуйста, давайте точные ответы.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Г-н д-р Кауфман! Я уже сказал,что я ничего не знал о существовании этого приказа. Если бы я знал, что мне будет предъявлен этот документ, то я ходатайствовал бы своевременно о вызове соответствующего свидетеля из Лондона, находившегося со мной вместе в плену,-он мог бы доказать, что я даже там не имел никакого представления об этом приказе. Мы даже сами говорили об этом в камере.

КАУФМАН. Значит, конечный результат следующий: Вы ничего не знали?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, я ничего не знал об этом приказе фюрера.

КАУФМАН. Сейчас я перехожу к документу, предъявленному Обвинением под № США-502, ПС-526. Здесь речь идет о высадке десанта с катера противника в Норвегии 30 марта 1943 года. Донесение содержит в себе следующую фразу: " Приказ фюрера был выполнен СД". Подпись под этим документом отсутствует. Документ имеет дату "10 мая 1943 года". Это совершенно секретный документ. Заголовок озаглавлен: "Запись".

Пожалуйста, выскажитесь относительно фразы:"приказ фюрера выполнен СД".

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Мне ничего неизвестно об исполнении подобного приказа фюрера. Я хочу указать на то, что эта запись является, очевидно, записью какой-то военной инстанции и касается событий, которые имели место вскоре после того, как я занял свой пост. Во всяком случае, это относится к тому времени, когда меня еще не было в Берлине. Я и не мог ничего знать об этом.

КАУФМАН. В конце документа сказано: "В сводке вооруженных сил от 6 апреля 1943 года об этом говорится следующее: "На севере Норвегии при приближении к берегу заставили принять бой и уничтожили группу диверсантов противника".

Скажите, было ли Вам что-либо известно о содержании этой сводки вооруженных сил и если известно, то что Вы знали о самом приказе фюрера?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет. Я, конечно, читал все или почти все поступавшие ежедневно сводки вооруженных сил. Но на основании этой сводки я не мог сделать вывода, что какая-то военная служебная инстанция моего ведомства принимала в этом участие.

H1197-0492

H1197-0493

КАУФМАН. Далее я перехожу к документу США-506, Л-37 который рассматривается обвинением как отягчающий подсудимого Кальтенбруннера материал. Речь идет о заключении родственников, то-есть о преступлениях, которые были совершены по отношению к родственникам виновных на самом деле лиц. В документе речь идет о письме командира полиции безопасности и СД в Радоме от 19 июля 1944 года. В письме говорится о том, что родственники виновников покушения и диверсантов мужского пола должны быть расстреляны, а родственники женского пола должны быть отправлены в концентрационные лагери.

Какое пояснение Вы можете дать по этому вопросу и по этому документу?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Донесение начинается следующими словами: "Высший полицай и СС-фюрер на Востоке приказал" или "издал следующий приказ". Высший полицайфюрер на Востоке возглавлял служебную инстанцию, которая, как служебная инстанция в оккупированных областях, подчинялась непосредственно рейхсфюреру СС, а не какому-либо центральному управлению в Берлине. Поэтому я ничего не мог знать об этом приказе. Полицайфюрер[И] в оккупированных областях подчинялись непосредственно Гиммлеру.

КАУФМАН. Я перехожу к дальнейшим обвинениям, которые касаются концентрационного лагеря Дахау. Здесь был предъявлен документ 3462-ПС, США-528. Этот документ представляет собой показания руководителя управления при штабе гау Гердес. Обвинение инкриминирует подсудимому следующее обстоятельство:

Вы хотели бомбардировками и отравлением газами уничтожить концентрационный лагерь Дахау и два прилегающих к нему концентрационных лагеря Мольдорф и Ландсберг. Я оглашу несколько фраз из этого документа. Это находится на второй странице немецкого перевода, почти в конце.

"В декабре 1944г. или январе 1945г. в рабочем кабинете гаулейтера Гиплера, в Мюнхене /Людвигштрассе, 28/, я имел возможность узнать о секретном распоряжении Кальтенбруннера. Гаулейтер Гиплер получил этот приказ в моем присутствии от курьера. После того, как я получил разрешение прочесть его, документ был порван в соответствии с пометкой на документе: "После ознакомления уничтожить!" Приказ, подписанный Кальтенбруннером, гласил приблизительно следующим образом:

"В согласии с рейхсфюрером СС я указал всем высшим полицейским инстанциям на то, что каждый немец, который впредь будет принимать участие в преследовании и уничтожении выбросившихся с парашютом членов экипажа вражеских самолетов, должен оставаться ненаказанным".

"Гиплер рассказал мне, что Кальтенбруннер поддерживает с ним постоянную связь, что он высказывал опасения в отношении поведения иностранных рабочих и прежде всего в отношении поведения заключенных в концентрационных лагерях Дахау, Мольдорф и Ландсберг, ввиду того, что к ним приближались армии союзников.

В один из вторников в середине апреля 1945г. Гаулейтер позвонил мне и сообщил, что я должен присутствовать на ночном совещании. В ходе нашей беседы с ним в этот вечер Гаулейтер Гиплер сказал мне, что он получил указание от обергруппенфюрера Кальтенбруннера немедленно разработать план ликвидации концент-

H1197-0494

H1197-0495

рационного лагеря Дахау и двух других еврейских трудовых лагерей в Ландсберге и Мольдорфе. Это было поручением фюрера. Указание предусматривало разрушение обоих еврейских трудовых лагерей в Ландсберге и Мольдорфе путем воздушных бомбардировок, так как места строительных работ в этих лагерях часто в последнее время неоднократно подвергались бомбардировкам со стороны авиации противника. Это мероприятие получило закодированное название "Вольке А.Л." /"Облако А.Л."/.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Разрешите мне высказаться по этому вопросу?

КАУФМАН: Пожалуйста, ответьте вначале на вопрос: знаете вы Гердеса?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, я не знаю Гердеса, я его никогда не видел.

КАУФМАН: Знаете ли вы Гиглера?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: В последний раз я видел Гиглера в сентябре 1942 года.

КАУФМАН: Существовал ли приказ Гитлера, в котором говорилось об уничтожении концлагерей?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, такого приказа не было.

КАУФМАН: Какое разумное об"яснение вы можете дать по поводу этого документа?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Дать разумное об"яснение относительно этого документа совершенно невозможно, так как он с начала до конца является вымыслом. Я характеризую этот документ как сплошную ложь господина Гердеса. В этой связи я могу сослаться на показания барона фон Оберштейна, ответственного полицай и СС-фюрера в Баварии. Эти показания подтверждают мои заявления. Оберштейн характеризует показания Гердеса как абсолютно не-

достоверные. Но я хотел бы опровергнуть эти обвинения в деталях следующим образом. Здесь говорится-в один из вторников, в середине апреля 1945г., гаулейтер позвонил мне и пригласил на ночное совещание. Он сказал мне, что он получил указание от Кальтенбруннера. Это указание основывалось на поручении фюрера, незамедлительно ~~произвести~~ которое необходимо было выполнить, и т. д.

Никто в империи не мог знать лучше Гитлера того, кто является ответственным за концлагери и кому следует отдавать приказы. Он никогда бы не дал мне такого поручения, больше того, он не мог мне дать его, так как я с 28 марта до 15 апреля по поручению самого Гитлера находился в Австрии. С 10-го апреля до 8-го мая, т.е. до моего пленения, я занимался делами, о которых я могу подробно доложить. В течение небольшого количества дней я находился в Берлине. Я занимался такими делами, что получение мной приказов в этом направлении представляется совершенно невероятным. Но эти приказы были, должно быть, изданы раньше, чем в середине апреля, как он это говорит, то-есть он должен был говорить с Гитлером по этому вопросу раньше середины апреля, так как в противном случае ему не нужно было бы являться на совещание в середине апреля. Я ничего не знал о существовании в Баварии филиала Дахау - еврейских трудовых лагерей. Ведь мне кажется безумным, чтобы я в апреле 1945г. оказывал содействие осуществлению такого приказа, когда я в марте 1945г. с президентом Красного Креста Буркхардтом вел переговоры относительно выдачи всех евреев, поддержки евреев и оказания им помощи с его стороны. Как известно, эти переговоры были успешными.

КАУФМАН: Имели ли Вы возможность оказать какое-либо воздействие на ВВС в этом отношении?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не имел возможности приказывать ВВС, в лучшем случае я мог бы это сделать через командующего ВВС. Вполне естественно, что я получил бы отказ; Вы подумайте, как ВВС могли согласиться на совершение такого вопиющего преступления в тот момент, когда все знали, что войне конец.

H1197-0496

H1197-0497

КАУФМАН. С разрешения суда я оглашу еще несколько фраз из этого документа, поскольку документ содержит в себе ужасное обвинение и поскольку Обвинение также оглашало эти фразы для запротоколирования их. Далее говорится: "Мне было совершенно ясно, что я не буду выполнять этого поручения". Это говорит Гердес. "Так как мероприятие "Волькe А-1" ("Облако А-1") уже давно должно было быть осуществлено, курьеры Кальтенбруннера осаждали меня. Кроме того я должен был обсудить с обоими крейслейтерами мероприятия в отношении ~~австрийского~~ еврейского лагеря Мюльдорф и лагеря Ландсберга. Курьеры, которые были в большинстве случаев офицерами СС в чине унтерштурмфюреров СС, передавали мне краткий и жесткий приказ, который я должен был прочесть и подписать. В приказах говорилось, что в случае неисполнения их будет угрожать тягчайшее наказание, в том числе смертная казнь. Проволочку я об'яснял всегда нелетной погодой, отсутствием горючего и запасов бомб. Поэтому Кальтенбруннер приказал перевести евреев пешком в лагерь Дахау и подвергнуть их там отравлению. Мероприятия по отношению к евреям из лагеря Мюльдорф должны были быть осуществлены гестапо. В лагере Дахау Кальтенбруннер приказал провести мероприятие "Волькенбрандт", которое предусматривало отравление всех заключенных концлагеря Дахау, за исключением арийских граждан из западных держав.

Гаулейтер Гисслер получил этот приказ непосредственно от Кальтенбруннера и в моем присутствии он с руководителем отдела здравоохранения д-ром Гарфельдом обсуждал вопрос о доставке нужного количества отравляющих веществ. Доктор Гарфельд обещал доставить нужное количество в соответствии с приказом. Ему было дано указание ожидать моих дальнейших приказов. Так как я при всех условиях хотел воспрепятствовать проведению этих мероприятий, я не давал никаких дальнейших указаний д-ру Гарфельду. Едва заключенные были доставлены в Дахау, как через курьера поступило указание от Кальтенбруннера немедленно осуществить мероприятие, известное под условным обозначением "Волькенбрандт". Я воспрепятствовал проведению этого мероприятия, заявив Гиссслеру, что фронт находится слишком близко от лагеря, и просил сообщить об этом Кальтенбруннеру. Кальтенбруннер распорядился тогда о том, чтобы все заключенные западно-европейских наций были погружены в грузовики и перевезены в Швейцарию; все прочие должны были прибыть пешком в Этцталь (Тироль), где и должно было быть произведено уничтожение всех оставшихся заключенных".

Об'ясните в нескольких словах, не говоря о деталях, соответствует ли этот документ действительному положению вещей или нет?

8678

H1197-0498

H1197-0499

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Этот документ полностью противоречит действительному положению вещей.

КАУФМАН. Он противоречит?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Г-н доктор! Я же должен иметь возможность высказаться в отношении этого документа. Мне нужно дать дополнительные раз'яснения.

КАУФМАН. Вы уже высказывались по этому поводу. Если Вы еще помимо этого можете прибавить что-либо существенное, тогда говорите.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Мне кажется, что важно упомянуть следующее. Согласно данным показаниям, я должен был располагать по крайней мере дюжиной курьеров в то время, когда я был в Австрии. Меня сопровождали только два человека: мой шофер и мой адъютант, занимавшийся административными вопросами и не имевший ничего общего с информацией и полицейскими делами, по фамилии Шейтлер. Нас было трое.

(Медленнее, пожалуйста).

~~КАЛЬТЕНБРУННЕР~~. У меня не было никакой возможности посылать столько курьеров. Далее. Я не имел никакого повода принимать какие-либо меры в Баварии, даже если бы Гиммлер оказывал нажим. Почему это было так? В тот день, когда я получил все полномочия в Австрии, все полномочия в Баварии были предоставлены обергруппенфюреру Бергеру. Таким образом, у меня не было никаких оснований действовать таким образом. Далее, ~~я~~ не мог вынашивать в своем сердце таких безумных приказов, если я в то же самое время в другом месте отдавал приказ противоположного содержания в отношении лагеря Маутхаузен. Я отдал приказ в Маутхаузен о передаче лагеря наступающему противнику. Это составляет полную противоположность тому, в чем меня здесь обвиняют, и противоположное тому, чего хотел Гиммлер. В Маутхаузене находились крупные преступники, в Дахау менее крупные преступники и вообще невиновные лица. Но если бы даже такой приказ, который вменяется мне сегодня в вину, был необходим и если бы необходимо было согласиться с Гиммлером, то уже по вышеизложенным причинам было бы безумием предполагать, что я принимал в этом участие.

КАУФМАН. Наконец, Обвинение возлагает на Вас ответственность за то, что Вы, будучи начальником полиции безопасности и СД, терпели преследование церквей и, в частности, католической церкви со стороны гестапо. В связи с этим я обращу Ваше внимание на тот факт, что отдел Б-2 в управлении IУ занимался вопросами воспитания и религиозной жизни, а отдел I в управлении IУ - занимался вопросами политического католицизма.

8680

H1197-0500

H1197-0501

Знаете ли Вы что-либо о том, что это управление проводило двойную политику в отношении церкви? Существовала политика "дальнего прицела" и политика "ближнего прицела". Под выражением "политика ближнего прицела" следует понимать политику, при проведении которой церковь не должна заполучить какой-либо прочной основы.

Под выражением "политика дальнего прицела" следует понимать политику, которая должна проводиться после окончания войны и которая должна привести к окончательному уничтожению церкви в Германии.

Что Вы знаете о подобных устремлениях?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. В отношении этих устремлений я могу сказать только следующее: мне эти теоретические изложения были неизвестны. В 1943 году я должен был признать, что политика империи в вопросах церкви была совершенно иной. В 1943 году Гитлер придерживался мнения, что на время войны с церковью следует пребывать в состоянии гражданского мира и воздерживаться от каких-либо нападок на церковь. Принимать меры против тех или иных духовных лиц следует лишь в том случае, если налицо имеются промахи со стороны данных лиц, причем только с официального разрешения.

КАУФМАН. Позвольте, я Вас еще прерву. Я спрашивал Вас, Вы весной 1943 года ....

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я еще к этому приду.

КАУФМАН. Выступали у Гитлера и каков был результат?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я хочу сказать о том, что я нашел в 1943 году, когда я занял свой пост.

H1197-0502

Я застал положение вещей в следующем порядке: Борман, несмотря на эту установку Гитлера, продолжал активно выступать против церкви. По этой причине я уже в марте обратился в письменном порядке к Гитлеру, а позднее устно, заявляя о необходимости полного изменения политики в церковных вопросах, о необходимости сотрудничества с церковью и прежде всего о необходимости изменения политики в отношении Ватикана.

КАУФМАН. Мне кажется, что Вам не следует вдаваться в такие детали.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Но я встретил на своем пути самые тяжелые препятствия. Во-первых, Гиммлер выступил против меня у Гитлера. Во-вторых, Борман стал оказывать мне сильное сопротивление. Он дошел до того, что окончательно подорвал авторитет германского поверенного в делах в Ватикане Вейцзаккера, послав к последнему человека, который осуществлял надзор за всеми его действиями.

КАУФМАН. Этого достаточно. Господин председатель, разрешите мне продолжать, или мы окончим допрос? Ведь уже 5 часов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если это займет немного времени, то можете продолжать. Сколько времени займут Ваши вопросы?

КАУФМАН. Мне понадобится еще час, так как я хочу рассмотреть те документы, которые были представлены обвинением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде, чем объявить перерыв, я хочу сказать, что в субботу состоится заседание Трибунала до часу дня.

/Объявляется перерыв до 10 ч.утра 12 апреля 1946 г.

ВВ-мс-ид,
лт-ан.

8682

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 12 апреля 1946 г.

/Утреннее заседание/

Встать! Суд идет!

КАУФМАН: Господин председатель.

Вчера подсудимый Кальтенбруннер говорил о случае в лагере Саган. О том, что касается его участия в этих событиях, он сказал всего несколько слов. Обвинение исходит из того, что он непосредственно участвовал в этих событиях, в частности, еще до расстрела летчиков. Оба свидетеля - Вестгоф и Виден, по-моему мнению, дали показания в пользу подсудимого.

Я прошу суд сообщить мне: должен ли подсудимый давать еще показания по этому вопросу - каким образом он активно участвовал в этих событиях, или суд считает, что этих показаний достаточно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что, если подсудимый знает об обстоятельствах, связанных с этим делом, то он должен изложить их. Нет надобности слишком подробно останавливаться на этом деле, но в связи с показаниями свидетеля Виден следует все-таки остановиться на этом вопросе.

КАУФМАН: Вы вчера показывали, что вы узнали о событиях в Сагане уже после того, как они произошли. Вы сегодня также настаиваете на этом?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

H1197-0503

H1197-0504

КАУФМАН: В какой степени вы тогда, позже, ознакомились с событиями в Сагане, и что Вы сделали, узнав об этих событиях?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я ничего не знал о событиях в Сагане. Только, примерно, через 6 недель после событий я узнал о них. Я во время побега летчиков, т.е. во время отдачи приказа не был в Берлине, я находился в Венгрии, проездом в Германию, часто делал остановки и узнал об этих событиях в Далеме от министра Шпеера. Издание приказа прошло, мне кажется, по линии Гитлер - Гиммлер - Мюллер - Небе, а может быть, по линии Гиммлер - Фогельзайн - Небе. Я прибыл в Берлин 2 или 3 апреля, к этому времени мне никто не сообщил об этом. Я впервые узнал об этой афере, когда министр иностранных дел потребовал от Мюллера или от Небе дать раз"яснение по этому вопросу с тем, чтобы ответить на ноту, которую направила одна из держав, представлявших интересы воюющих сторон, министерству иностранных дел. Показания свидетеля генерала Вестгофа, по моему мнению, неправильны. Он говорил, что спустя 4 недели после расстрела он во время разговора со мной также упоминал о событиях в Сагане. Это было, мне кажется, 6 недель спустя после этого события. Он должен вспомнить, когда министр иностранных дел сделал запрос. Тогда можно было бы точно установить время нашего разговора.

КАУФМАН: Когда вы позже разговаривали с Мюллером и Гебелем, что обсуждалось во время этих переговоров в качестве маскировочных мер?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: В нашем управлении не было предусмотрено никаких маскировочных мер и они также не обсуждались. Мюллер и Небе заявили, что необходимо дать сведения в министерство иностранных дел и в первый раз сообщили мне об этом ужасном приказе. Я их спросил, кто дал этот приказ, на что они мне ответили - Гиммлер. Я им сказал, что они поэтому немедленно должны обратиться к нему, поскольку он издал этот приказ и должны спросить, что следует предпринимать в дальнейшем. Я не хотел иметь никакого отношения к этому делу. Я не знал о нем, и оно было вообще грязным делом.

КАУФМАН: Не говорилось ли тогда о том, что хотят заявить, что летчики погибли в результате бомбардировки или были расстреляны во время побега. Что вы знаете об этом событии?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Свидетель Шелленберг дал свидетельские показания о подобных разговорах. Возможно, что такие слова и были произнесены. Здесь говорилось о последовавшей облаве. Во время этой облавы были произведены расстрелы. Были расстреляны также и немцы. В Эльзасе был застрелен оберфюрер СС, когда он попал в засаду и не остановился после того, как ему было приказано остановиться. Как мне сообщили, из этого числа летчиков 2 или 3 летчика также погибли во время бомбардировки. Мне кажется, это было в одном из городов на побережьи Балтийского моря, в Киле или в Штеттине. При этом обстоятельстве также погибли 2 чиновника уголовной полиции, жены которых получили пенсии. Это также

8685

H1197-0505

H1197-0506

можно установить. В этой связи также, безусловно, говорили о бомбардировках и о потерях в результате бомбардировок, но о маскировке этих событий в нашем управлении не говорилось. Во всяком случае, ответ был составлен Мюллером и Небе в резиденции Гиммлера. Мюллер и Небе по получении запроса немедленно отправились в резиденцию Гиммлера. Это мне хорошо известно.

КАУФМАН: Вы хотите сказать, что заявление о том, что летчики погибли в результате бомбардировки или были расстреляны во время побега, исходит не от Вас?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, оно не исходило от меня.

КАУФМАН: Обвинение в связи с политикой 1У отдела в отношении церкви инкриминирует Вам следующее: так называемые исследователи библии часто приговаривались к смертной казни и только из-за того, что они, исходя из своего собственного внутреннего убеждения, отказывались от какой-либо военной службы. Я спрашиваю вас, знаете ли вы об этом и в какой степени вы принимали участие в разрешении этого вопроса?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Немецкое правосудие считало основанием для возбуждения дела против секты исследователей библии, насколько я знаю, закон о защите военной мощи немецкого народа. По этому закону каждый, кто наносит вред военной мощи немецкого народа, отказываясь от военной службы, приговаривается к лишению свободы или смертной казни. На основании положений этого закона, как военные, так и гражданские суды также выносили смертные приговоры по отношению к

исследователям библии. Смертные приговоры при этом не выносило гестапо. Естественно, в этой связи неоднократно говорилось о жестокости по отношению к обусловленной религиозными воззрениями позиции исследователей библии. Я указывал на это как партийной канцелярии, так и министерству юстиции, Гиммлеру и во время моего доклада Гитлеру, и я неоднократно требовал на многих совещаниях от Тирака, чтобы было прекращено вынесение подобного рода приговоров. Результаты были двоякие. Немедленно после первых переговоров, после переговоров Тирака с Борманом и Гитлером, было дано указание государственной прокуратуре о том, что те приговоры, которые уже вынесены, должны быть отменены. На втором совещании был сделан еще один шаг, а именно в том отношении, что государственной прокуратуре было дано указание вообще не выносить более смертных приговоров и, в-третьих, вообще не привлекать к суду исследователей библии. Я считаю это исключительно результатом моего личного нажима на Тирака, и потом об этом говорилось у Гитлера, т.е. о том, что вообще отменено вынесение приговоров по отношению к этой секте.

КАУФМАН: Я пред"являю сейчас документ за № 1063.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я хочу в дополнение к этому сказать еще следующее. Эти события и эти изменения в немецком правосудии тогда уже были известны заграницей. Я хорошо помню, что один швед, известный профессор медицины, благодарил меня и заявил мне, что в Швеции очень благоприятно относятся к этому делу.

8687

H1197-0507

H1197-0508

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман! В самом деле, это совершенно никому ненужные подробности о том, что произошло с каким-то шведским подданным вне пределов Германии, и о том, что об этом думали другие.

КАУФМАН: Да.

Я пред"являю документы за № 1063-Д, доказательство США № 219. Это - распоряжение начальника полиции безопасности от 17 декабря 1942 года. Этот секретный документ направлен всем командующим полиции безопасности и СД и, конечно, Полю, высшим чиновникам СС и полиции и инспекторам концентрационных лагерей. Этот документ касается распоряжения, согласно которому не менее 35 тысяч работоспособных людей не позднее, чем к концу 1943 года должны быть направлены в концентрационные лагери. Это отношение подписано Мюллером. Я спрашиваю вас, в связи с этим, известно ли вам об этом документе, или вообще об этих событиях?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Мне ничего неизвестно, ни об этом документе, ни об этих событиях. Однако, из даты можно заключить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторите номер еще раз.

КАУФМАН: Документ № 1063-Д, США доказательство № 219.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Из даты этого документа видно, что эти события имели место до моего назначения на последнюю должность. Но мне также и потом ничего не сообщалось об этом. Документ подписан Мюллером, который подписал его, как видно из 2-й строки, по поручению Гиммлера. Это, однако, типичный случай доказательства того, что Мюллер пользовался

неограниченными правами и доверием, если он имел право подписывать такие распоряжения. Из всех обстоятельств дела я также заключаю - здесь указан срок - конец 1943 года - что мне не докладывали и не могли докладывать об этих событиях.

КАУФМАН: Обвинение делает вас ответственным за следующее: имелось соглашение между прежним министром юстиции Тираком и Гиммлером от 18 сентября 1942 года, согласно которому евреи, поляки и т.п. должны подвергаться полицейскому судопроизводству вместо обычного пути правосудия. Я спрашиваю вас: известно ли вам о таком соглашении и если да, то какие попытки вы предпринимали для того, чтобы восстановить, насколько это возможно, обычный путь правосудия?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: О таком соглашении между Гиммлером и Тираком мне ничего неизвестно. Как вы сказали, оно было заключено осенью 1942 года. Я неоднократно и часто работал в том направлении и предлагал, чтобы устранить полицейскую подсудность и ввести обычный путь правосудия.

Я сам юрист и, вследствие этого пользовался большим авторитетом у судов, чем Гиммлер. Это было одной из основных причин того, что мы никогда не понимали друг друга. И это было одним из самых главных пунктов разногласий еще во время первых переговоров в Берхтесгадене в 1942 г. Я также не понимаю, почему Тирак заключил такое соглашение с Гиммлером, так как позже, как мне известно, он неоднократно выступал против всякой подсудности полиции.

H1197-0509

H1197-0510

КАУЛМАН: Я теперь перехожу к вопросу о том, знали ли Вы об уничтожении Варшавского гетто, которое имело место в 1943 г. У нас имеется донесение начальника полиции и СС в Варшаве Штробе генералу полиции Крюгеру относительно разрешения еврейского вопроса в Галиции. Я задаю вам вопрос, когда вы узнали об этом решении еврейского вопроса в Галиции и использовали ли вы все возможности для того, чтобы по возможности воспрепятствовать подобному решению вопроса.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я должен в связи с этим вначале заявить, что здесь действовал, возможно, слишком мало мне известный гигантский аппарат Гиммлера, который он создал путем прямого подчинения себе высших руководителей СС и полиции в оккупированных областях. Высшим руководителям СС и полиции в этом случае, например, в Польше-Крюгеру подчинялись руководители СС и полиции, т.е. Штробе, и таким образом, о действиях, о которых дал распоряжение Гиммлер через Крюгера и Штробе не знало ни одно имперское учреждение ни до их проведения, ни после. О таком приказе Берлин наверняка не знал. Сколько времени прошло с тех пор, - я не могу сказать, но после много говорилось и писалось о варшавском гетто как в Германии, так и заграницей и в связи с этим заграницей выдвигалось серьезное обвинение. Я уже вчера начал давать показания по поводу того, что я в этой связи представил первые документальные основания рейхсмаршалу Гиммлеру после доклада фюреру в ноябре 1943 года. При этих обстоятельствах я также, конечно, говорил с ним о Варшаве; как об одном из обвинений, которое выдвигается против него в связи с решением еврейского вопроса.

КАУФМАН: Другой вопрос, когда вы докладывали об этом Гитлеру в связи с событиями в Галиции?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не знаю, когда проводилась эта кампания, но я докладывал сначала Гитлеру, а потом Гиммлеру в ноябре 1943 г.

КАУФМАН: Я перехожу к документу, который уже упоминался обвинением, это-документ Л-43, доказательство США № 291. Обвинение инкриминирует подсудимому, как начальнику службы полиции безопасности и СД, что он был ответственным за чистку в концентрационных лагерях и в лагерях СД и полиции безопасности. Здесь в этом документе речь идет о письме начальника полиции безопасности и СД в Радоме от 21 июня 1944 г. После этого письма начальник полиции безопасности и СД генерал-губернаторства дал распоряжение о том, что все нижеуказанные тюрьмы должны быть очищены и заключенные в них уничтожены. Посмотрите на этот документ, на то учреждение, которое его издавало, на подписи и затем выскажитесь по этому поводу, а главным образом, дайте ответ на мой вопрос - знали ли вы об этих событиях.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я укажу на то, о чем вы только что говорили. Этот приказ был направлен высшим руководителем СС и полиции в оккупированных областях. В этом случае путь: Гиммлер, высший руководитель СС и полиции, его эксперт, командующий и начальник полиции безопасности и СД этой области - не имел никакого отношения к центральному руководству в Берлине.

КАУФМАН: Таким образом, вы хотите сказать, что эти высшие руководители полиции и СС непосредственно подчинялись

H1197-0511

H1197-0512

Гиммлеру?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

КАУФМАН: Вы хотите также сказать, что вы, как начальник Главного управления безопасности, не имели возможности вмешиваться в приказы и распоряжения этих высших руководителей СС и полиции?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это было невозможно. Они подчинялись непосредственно Гиммлеру. Я мог другим путем действовать против этих руководителей, как это непременно выяснится из допроса подсудимого Франка. Я неоднократно получал сообщения от информационной службы о перегибах и преступлениях во время исполнения этих приказов. Я, например, в отношении Крюгера в генерал-губернаторстве занимал резко отрицательную позицию. По моей инициативе также Крюгер был снят со своей должности в Варшаве. Это должно вытекать из дневника Франка.

КАУФМАН: Я перехожу к другому документу, 1573-ПС, это документ США № 4989.

/Предъявляют документ Кальтенбруннеру/.

Обвинение инкриминирует подсудимому как начальнику Главного управления безопасности то, что он во изменение прежних методов, направлял рабочих на принудительные работы на предприятия военной промышленности. Документ, который я предъявляю, является секретным приказом, подписанным опять-таки Мюллером. Он направлен всем органам полиции. Этот документ датирован 18 июня 1941 года. Он касается мероприятий против эмигрантов и гражданских рабочих, приехавших из России. Согласно этому приказу, для того, чтобы воспрепятствовать самовольному возвращению этих лиц на родину и воспрепятствовать попыткам саботажа, эти лица должны быть арестованы.

Они в дальнейшем не имели права изменять место жительства без разрешения полиции. За оставление рабочего места без разрешения соответствующее лицо подвергалось аресту. Вам известно о таких распоряжениях?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, в этом случае я, опять-таки, хочу указать на то, что это - приказ Мюллера, который был издан за полтора года до моего назначения. Он, непосредственно подчиняясь Гиммлеру, имел огромные полномочия и никогда не считал необходимым информировать меня даже пост фактум.

КАУФМАН: Как следует об"яснить то, что Мюллер вообще мог иметь такие полномочия, и сохранил их за собой во время Вашего пребывания на посту с 1943 по 1945 г.г., причем, вы не могли воспрепятствовать этому. Поэтому я вас спрашиваю - вы в принципе знали о том, что Мюллер имел такие полномочия? В этой связи скажите суду, какова была роль 4-го отдела - гестапо и как можно об"яснить то, что вы не знали об этих сотнях и тысячах приказов и распоряжений?

КАЛЬТЕНБРУННЕР : Мюллер был начальником отдела гестапо. Когда он был назначен на эту должность, я не знаю. Я предполагаю, что это было уже в 1943/1944 г.г. или самое позднее в 1945 г. Но уже намного раньше, как я теперь знаю, он имел тесные связи с Гиммлером и позже с Гейдрихом. Он пришел из баварской полиции, где с ним познакомился Гиммлер. Он имел к нему личное доверие, по крайней мере, в течение 12 или 15 лет. Он обсуждал с ним все действия, которые Гиммлер проводил в своем стремлении к власти или для достижения своих целей в области государственной полиции как начальник германской

H1197-0513

H1197-0514

полиции. Он участвовал в этих мероприятиях. Это отношение доверия друг к другу продолжалось 12 или 15 лет и оставалось непоколебимым до последних дней войны. Мюллер остался в Берлине, после того как он получил приказ оставаться при Гиммлере. Гиммлер опирался на него, как на слепое орудие доверия. Он являлся инструментом в его руках.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кауфман, вопрос, который вы ему задали или вопрос, который вы ему задаете, включает в себя несколько вопросов. Основной вопрос был, но он на них не отвечает. Знали ли он об этих действиях Мюллера. Он сейчас произносит длинную речь о том, какое доверие Гиммлер питал к Мюллеру. Больше он еще ничего не сказал.

КАУФМАН: Господин председатель, я считаю, что как раз этот вопрос должен быть подробно освещен, потому что то, что инкриминируется гестапо и Мюллеру, также инкриминируется подсудимому, как начальнику гестапо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я указал вам, доктор Кауфман, на то, что вы задали ему несколько вопросов в одном вопросе и основной из этих вопросов заключался в том, известно ли ему было об этих полномочиях Мюллера и использовал ли он их.

КАУФМАН: /обращаясь к подсудимому/. Пожалуйста, немедленно ответьте кратко и ясно на этот вопрос.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Отношения между Гиммлером и Мюллером были настолько преисполнены доверия, что он никогда не имел повода к тому, чтобы делать мне какие-либо донесения. Я ничего не знал о них. Гиммлер уже в декабре 1942 г. заявил Мюллеру, что начальники 4-го и 5-го отделов непосредственно подчиняются попрежнему ему, как это имело место после смерти Гейдриха.

КАУФМАН: Далее, вам инкриминируется, на основании показаний некоторых свидетелей, как это вытекает из других доказательств, что имели место совещания между начальниками отделов, вами и Мюллером и что кажется невероятным, что вы не знали в общих чертах относительно того, что делал Мюллер. Не кажется ли вам это обвинение справедливым?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Оно кажется справедливым, однако, на самом деле оно не является справедливым. То, что здесь называется совещаниями начальников отделов, было нечто иное, как совместные обеды 3 или 4 раза в неделю, а не каждый день, на которых присутствовали начальники отделов, адъютанты и гости, случайно находившиеся в Берлине. Таким образом, сам круг участников исключал возможность обсуждения каких-либо тайных событий.

КАУФМАН: Вы все время были в Берлине в 1943 и последующие годы? Я иначе задам вопрос: были ли вы в это время главным образом в Берлине или ваши обязанности, в качестве начальника службы информации, заставляли вас часто выезжать из Берлина?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я очень часто уезжал из Берлина. Мне кажется, будет правильным, если я скажу, что больше половины всего своего рабочего времени я проводил не в Берлине. Я стал постоянно находиться в Берлине, когда главная ставка была переведена в Берлин.

КАУФМАН: Когда это было?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это было в феврале - марте 1945 года: и в апреле 1945 г. Я не был два продолжительных периода в Берлине: один раз с 28 марта по 15 апреля и затем с 19 апреля до последних дней войны. Что касается периода 1943-44 г.г.

H1197-0515

H1197-0516

то фактически лишь в мае 1943 г. я переехал в Берлин, так как до этого времени я должен был реорганизовать мой аппарат в Вене и организовывать его переезд в Берлин. Мне кажется, что я пробыл в Берлине первую или вторую неделю февраля 1943 г., чтобы сделать первые визиты, и в период , начиная с середины февраля 1943 г. до февраля 1945 г., по крайней мере, половину этого времени я провел в путешествиях. Я, в связи с моей информационной деятельностью, пролетел и проездил на автомашине свыше 400 тыс. км.

КАУФМАН: В чем заключалась ваша деятельность в период вашего пребывания вне Берлина? В это время у вас не было непосредственного контакта с Мюллером?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: С Мюллером, конечно, не было. Во время всех моих поездок по всей территории империи я никогда не посещал никакой инстанции гестапо. Исключение составляет только отделение гестапо в городе Линц, где временно находилась моя семья и откуда я мог направлять телеграммы в Берлин, т.е. ма я был там из чисто технических соображений. У меня не было другой возможности отослать телеграмму.

КАУФМАН: Я теперь перехожу к событиям, которые вменяет вам в вину Обвинение. Здесь речь идет о следующем. Во время подавления Варшавского восстания в 1944 г. жители Варшавы были заключены в концентрационные лагери. Количество их определяется Обвинением в 50-60 тысяч. Дальнейшая высылка населения была прекращена, а именно, вследствие воздействия подсудимого Франка на Гиммлера. Вы лично участвовали в этом лишь постольку, поскольку подсудимый Франк и его статс-секретарь Бюлер просили вас о том, чтобы вы освободили этих людей

из концентрационных лагерей и отправили бы их на родину. Я задаю вам один вопрос: имело ли место такое совещание, на котором обсуждался этот вопрос?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Состоялось совещание между мной и Бюлером. На нем обсуждался, однако, совсем другой вопрос, чем тот, о котором вы говорите. Я прошу разрешить мне внести раз"яснение. Так называемое Варшавское восстание было подавлено чисто военным порядком. Мне кажется, что это подавление проводилось под руководством Бах-Зелевского - начальника отрядов по борьбе с партизанами. Какие отряды у него имелись я не знаю. Но я полагаю, что это были смешанные войсковые части, в которых участвовала как армия, так и полиция. Участие моих органов в этих чисто военных действиях было исключено. Что Гиммлер и войска делали с заключенными, об этом мне, конечно, не сообщалось. Бюлер пришел ко мне совсем по другому делу. Франк, мне кажется, уже за 1 - 1 1/2 года до этого, пытался добиться у Гитлера проведения другой политики в генерал-губернаторстве. Франк выступал за предоставление большей автономии польскому народу. В октябре 1944 г., мне кажется, в связи с польским национальным праздником, Франк планировал об"явить о предоставлении большей автономии. От Гитлера, при содействии Гиммлера и ряд других событий был очевиден. Он послал Бюлера ко мне с тем, чтобы я, по пути информационной службы, сделал предложение в том же направлении, а именно в отношении участия поляков в областной администрации и в центральном правительстве. Я обещал Бюлеру и то, и другое. Далее он сказал мне: "В этом случае Франк хочет добиться амнистии для поляков". Сюда относилось также осво-

H1197-0517

H1197-0518

дение участников Варшавского восстания, заключенных в концлагери. "Не можете ли вы помочь нам в этом" - спросил он меня. Я спросил: "Где находятся эти заключенные?". Он ответил мне, что Гиммлер поместил их в концентрационные лагери. Я мог лишь ответить: "Тогда он, во всяком случае, использует, очевидно, их в военной промышленности, их трудно будет освободить. Однако, я также буду выступать за амнистию". По моему, так обстояли дела.

КАУФМАН: Вы имели возможность использовать все ваше влияние, чтобы добиться освобождения этих участников?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет. Во время своей деятельности/я неоднократно об этом заявлял во время предварительного следствия/ я получил, по крайней мере, тысячу ходатайств об освобождении и в каждом отдельном случае докладывал о них Гиммлеру. Обычно я их собирал в свою папку докладов и затем во время периодических докладов Гиммлеру говорил о них устно. Я, мне кажется, в 2/3 случаев имел успех в этом отношении,-он давал распоряжения об освобождении. В том смысле, в котором Франк хотел добиться этого от Гиммлера через Бюлера, я никогда бы не имел полной возможности или вообще возможности добиться полного решения этого вопроса. Решение его зависело целиком и полностью только от Гиммлера и от той политики, которую он вел вместе с Гитлером по отношению к Польше.

КАУФМАН: Я теперь перехожу к предъявлению показания свидетеля Шелленберга. Этот свидетель 3 января здесь, в зале заседаний, заявил, что эвакуация концлагеря Бухенвальд была произведена по приказу подсудимого Кальтенбруннера. Кальтенбруннер, якобы, заявил, что это правильно. При эвакуации

лагеря речь идет о приказе фюрера, который также был подтвержден ему, Кальтенбруннеру, фюрером. Вы можете дать по этому поводу об"яснения?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Показания, безусловно, неправильны. Они неправильны уже потому, что Гитлер совершенно определенно никогда не отдавал приказов об эвакуации или оставлении на месте концлагерей. Такое распоряжение могло исходить только от Гиммлера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это что - письменное или устное показание Шелленберга?

КАУФМАН: Это - устные показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Оно было дано в качестве доказательства?

КАУФМАН: Это-показания свидетеля от 3 января.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте.

КАУФМАН: Кто не давал такой приказ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Этот приказ мог дать только сам Гиммлер. Путь осуществления приказа совершенно ясен - Гиммлер - Поль - Глюк - начальник лагеря. Не исключено, что Гиммлер давал приказы и другим начальникам лагерей. Этого я не знаю.

КАУФМАН: Еще один вопрос. Вы знали об этом приказе?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет. Я не только не знал об этом приказе, но этот приказ вообще не должен был поступить лично ко мне, потому что я давал совершенно противоположные приказ в отношении лагеря Маутхаузен. Почему я мог дать только единственный приказ о концлагере Маутхаузен, об этом я расскажу позже; это находится в связи с моими полномочиями от 19 апреля 1945 г.

H1197-0519

H1197-0520

До тех пор я не имел полномочий издавать приказ/и/ от имени Гитлера.

КАУФМАН: В той же связи я упоминаю показания свидетеля Бергера от 3 января. Я зачитаю одно или два предложения. В этих показаниях он говорит:

"Начальник (лагеря) Дахау или его заместитель телефонировал мне, примерно, в 12 часов и заявил, что он получил от Кальтенбруннера приказ относительно эвакуации лагеря после того, как он был вызван гауляйтером Мюнхена рейхскомиссаром. Я спрашиваю вас, знаете ли вы что-либо об эвакуации лагеря Дахау?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет. Показания Бергера очень сомнительны так как именно он получил от Гиммлера полномочия по линии Баварии и всех лежащих западнее областей и именно в тот же день, когда я получил полномочия на Австрию. Для меня было бы поэтому...

КАУФМАН: Находился ли концлагерь Дахау в областях, на которые распространялись полномочия Бергера или этот лагерь находился в ваших областях?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Дахау находится под Мюнхеном в Баварии и поэтому на него распространялись полномочия Бергера.

КАУФМАН: Этот лагерь был эвакуирован?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Этого я не знаю. С 19 апреля я больше никогда не был в Баварии.

КАУФМАН: Свидетель как раз ссылается на 23 апреля 1945 г. Он говорит, что это было может быть немного позднее.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, я это забыл.

КАУФМАН: Где вы были в это время?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: 19 апреля, в 3 часа утра, я выехал из Берлина через Прагу в Линц с целью встретиться в Инсбруке с представителем Брукгардта. С этого момента я не имел никаких связей с Берлином и никогда не приезжал в Баварию и не отдавал приказов, касавшихся Баварии. Круг моих обязанностей не выходил за границы Австрии.

КАУФМАН: Как вы об"ясняете такие показания свидетеля?

КАУФМАН: Ничем иным я не могу это об"яснить, как тем, что здесь речь идет о недоразумении. Если бы была устроена моя очная ставка с Бергером, то я твердо уверен, что можно было бы все выяснить.

КАУФМАН: Этот приказ был за подписью Гиммлера?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Безусловно.

КАУФМАН: Кроме всего прочего Обвинение инкриминирует вам преступления против мира. Скажите суду, что вы сделали и делали ли вы что-либо для того, чтобы во время вашего пребывания на вашем посту приложить все силы к тому, чтобы окончить войну?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я получил свое новое назначение 1-го февраля 1943 г. Положение, которое тогда было в империи, было таковым, что с этого дня или, точнее, с 2 февраля 1943 г., в связи с поражением под Сталинградом, война, по моему убеждению, была безусловно проиграна для Германии. Положение, которое я застал, придя совершенно из другой атмосферы, из Австрии, безусловно подтвердило это мое убеждение. Я помню, что, кажется, 2 или 3 февраля я сделал визит в министерстве иностранных дел статс-секретарю Лютеру. Ничего не подозревая, я беседовал с ним с половины 12-го до 2-х часов дня относитель

8701

H1197-0521

H1197-0522

но совместного получения информации из заграницы. В четыре часа дня этот статс-секретарь Лютер был арестован гестапо и отправлен в концентрационный лагерь. Мне кажется, что я более ярко не могу об"яснить, в какое я попал тогда положение и как такие события...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На какой вопрос вы отвечаете? На какой вопрос вы должны отвечать?

КАУФМАН: Вы должны быстрее перейти к тому вопросу, который я вам задал: что вы сделали для того, чтобы как можно скорее привести к окончанию войны.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: В этом направлении я могу привести еще много фактов. Моим первым актом было то, что уже в феврале 1943 года - мне кажется, это было уже в феврале 1943 г.- я настаивал на изменении политики по отношению к церкви, чтобы иметь в Ватикане посредника для достижения мира. Это было моим первым актом в этом направлении.

КАУФМАН: Я назову фамилию г-на Даллеса. Имели ли вы с ним непосредственную или косвенную связь и какую цель преследовало установление этой связи?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, я находился в связи с Даллесом, через Геттля. В мае 1943 года я постепенно завоевал на свою сторону Геттля и других представителей оппозиционных кругов Австрии и познакомился с их попытками зондажа заграницей для заключения мира. Таким образом, мне доложили об уполномоченном президента Рузвельта в Швейцарии по центральной Европе - мне кажется, это был уполномоченный по экономике, мистер Даллес.

КАУФМАН: У меня есть промежуточный вопрос. Что бы произошло, если бы Гитлер и Гиммлер узнали об этой вашей позиции?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Мой приказ Геттлю и то, что я знал о его деятельности, если строго рассматривать это, граничили с государственной изменой, так как мне тогда была известна позиция фюрера, которая заключалась в том, чтобы ни в коем случае не предпринимать попыток мирного зондажа и переговоров. Это мнение Гитлер изменил, о чем он сказал мне в присутствии некоего Вольфа, только 5 апреля 1945 года.

КАУФМАН: Во время проведения этой описанной вами мирной политики были предприняты какие-нибудь поездки полномочного представителя в Швейцарию для установления связи с упомянутым мистером Даллесом?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, было предпринято очень много поездок и не только Геттлем, но и другими лицами. Я, например, сошлюсь на один разговор, который я вел с графом Потоцким, - я просил его связаться с этими кругами и передавать эту же информацию англо-американским кругам в Швейцарии.

КАУФМАН: Мне кажется, что мы можем оставить эту тему о переговорах в Швейцарии. Это не самое важное.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Были не только эти попытки, но и другие.

КАУФМАН: Однако, это не самое важное. Я теперь перехожу к вашим отношениям с председателем правления Красного Креста профессором Буркхардтом. Я спрашиваю вас, правильно ли, что вы в 1945 году имели переговоры с профессором Буркхардтом о цепью разрешить Красному Кресту доступ в лагери военнопленных и концентрационные лагери, с тем, чтобы туда были доставлены медикаменты?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, я долго пытался установить связь с президентом Буркхардтом и этому способствовало то обстоятельство, что он сам просил о встрече с Гиммлером. Гиммлер, однако

H1197-0523

H1197-0524

не получил от Гитлера разрешения на такую встречу, а именно потому, что он в то время был командующим фронтом на северной Висле и встреча с Буркхардтом могла произойти только в этой фронтовой полосе. Поэтому я пытался организовать встречу Буркхардта с одним из важных лиц из состава германского правительства. После долгих переговоров, несмотря на большие трудности, мне это удалось.

12-го марта я лично встретился с Буркхардтом.

КАУФМАН: Вы заключили какое-либо соглашение и была ли оказана какая-нибудь фактическая помощь в связи с этим соглашением и какая именно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, была оказана большая помощь, а именно, было достигнуто соглашение, в результате которого все иностранные интернированные лица с помощью Красного Креста должны были быть направлены из всех лагерей империи на родину. Однако я в первую очередь во время этих переговоров достиг того, что соглашение с Буркхардтом оказало большое влияние на руководящие круги империи, так что они должны были придерживаться этого соглашения. В этом я видел наибольший успех деятельности Буркхардта.

КАУФМАН: Правильно ли, что вы для того, чтобы переправить через линию фронта 3.000 французских и бельгийских интернированных, установили связь со ставкой генерала Кессельринга?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я в радиограмме просил Кессельринга, поскольку имелось разрешение с англо-американской стороны, дать также и с немецкой стороны разрешение репатриировать этих интернированных, переправив их через линию фронта.

КАУФМАН: Этого достаточно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман, он сказал: -12 марта, но не назвал год?

КАУФМАН: Я не понял вашего вопроса. Да, 12-го марта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Так какого года?

КАУФМАН: 1945 года. Сколько всего людей в результате вашего вмешательства было возвращено на родину?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Здесь необходимо различать два периода времени: первый период - перед личной встречей с Буркхардтом - 12 марта и затем - позже.

КАУФМАН: Вы можете ответить, мне кажется, на этот вопрос коротко. Здесь не важно о каких периодах идет речь.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Было репатриировано по меньшей мере 6.000 интернированных гражданских лиц - подданных Франции и Бельгии, а также многих восточно-европейских держав и Балканских государств, которые были включены в переговоры. Это были также 14.000 евреев, которые в Гу[illegible]ркирхен были переданы Красному Кресту. Это относится ко всему лагеря в Терезиенштадт.

КАУФМАН: Далее я прошу вас коротко ответить положительно или отрицательно на вопрос: правильно ли, что вслед за вашими переговорами, - что в результате вашего содействия в Констан[illegible] на Боденском озере был организован специальный пункт связи Красным Крестом с целью облегчения дальнейшего выполнения этой программы?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Такой пункт я организовал в Линдау и в Констанце.

КАУФМАН: Достаточно. Обвинение считает вас виновным в том, что вы, якобы, послали Шелленбергу радиограмму. В этой радиограмме, якобы, написано: "Я прошу доложить рейхсфюреру о том, что сегодня мною приняты все мероприятия по отношению к евреям, политическим заключенным и заключенным в концентра

H1197-0525

H1197-0526

ционных лагерях в протекторате".

Я спрашиваю вас: вы отправляли такую радиограмму?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Эта радиограмма не была передана, так как не была установлена связь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой номер это?

КАУФМАН: Господин председатель, я не назвал никакого номера. Этот документ не пред"явлен Суду, однако, эта радиограмма содержится в судебных выдержках на странице 14-й.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: По-моему, это 2519-ПС. Он пред"являлся Суду.

КАУФМАН: Да, совершенно точно.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Эта радиограмма была составлена - текст ее составил сопровождавший меня ад"ютант, а не лично я. Однако, как я уже сказал, эта радиограмма не была отослана. 19 апреля 1945 года я получил полномочия вести переговоры с Брукхардтом, а именно в отношении иностранных интернированных гражданских лиц и в отношении разрешения Красному Кресту посещать все лагери. В связи с этим я заявил в присутствии Гитлера и Гиммлера, что я еду через Прагу в Линц и Инсбрук и проеду через Терезиенштадт. И сказал, что там находятся не только заключенные евреи, которые переданы Красному Кресту, но также и чешские политические заключенные. Я предложил, чтобы и их также освободили, и в связи с этим была составлена данная радиограмма. Но только 19 апреля в 6 часов вечера я получил соответствующие полномочия.

КАУФМАН: Обвинение могло совершенно справедливо сделать из этого заключение, что вы также ведали концлагерями. Я спрашиваю вас, прошу вас ответить на вопрос - да или нет, правильно ли, что упомянутые вами полномочия от 19 апреля 1945 г. являются вообще первыми полномочиями в этой области?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да. Ранее мне не были нужны эти полномочия, если бы я их даже и имел.

8706

КАУФМАН: В речи Гиммлера от 3 октября 1943 г. в Познани перед высшими руководителями СС и полиции вы были названы преемником Гейдриха. Обвинение видит в этом подтверждение того, что вы имели исполнительную власть и верховные чрезвычайные полномочия в этой области. Соответствует ли это формальное выражение действительности?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет. Я категорически протестую и я об этом заявлял во время предварительного следствия, - против того, что меня называют преемником Гейдриха. Если Гиммлер в мое отсутствие назвал меня преемником, или когда-либо ранее опубликовывал в прессе подобное об"явление или заметку, то это было сделано без моего ведома и против моей воли. И тогда, когда эти сообщения появились в прессе, я категорически возражал против них и заявил об этом Гиммлеру. И в то время, о котором вы говорите, заболел воспалением вен и лежал в Берлине в гипсовой повязке, и поэтому не мог лично явиться на это совещание. Меня нельзя было сравнить с Гейдрихом ни по об"ему полномочий, ни по внешним данным. Я хочу кратко сказать, что до последних дней своей деятельности я получал жалование генерала полиции охраны порядка - 1.820 марок, а Гейдрих, будучи на своем посту, получал свыше 30.000 марок, не в качестве старшего по чину, а вследствие тех полномочий, которые он имел. Никакого сравнения с ним быть не может.

КАУФМАН: Далее я спрашиваю вас, - правильно ли, что Гиммлер боялся Гейдриха, и именно потому, что Гейдрих обладал слишком большими полномочиями и что он поэтому, назначив вас на вашу должность, думал, что он нашел как раз того человека, который был бы для Гиммлера совершенно без опасным? Обвинение в этой связи проводит параллель между вами и Гейдрихом и, как

H1197-0527

H1197-0528

я только что сказал, называет вас вторым Гейдрихом.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Отношения между Гиммлером и Гейдрихом можно охарактеризовать коротко следующим образом. Гейдрих был гораздо умнее Гиммлера, он был сначала чрезвычайно покорным и послушным...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман, нас не интересует вопрос о способностях Гейдриха. Свидетель неоднократно утверждал, что он не был преемником Гейдриха.

КАУФМАН: Тогда разрешите повторить вопрос, который я задал перед этим. Хотел ли Гиммлер при назначении вас на вашу должность иметь человека, который был бы совершенно безопасным?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Он никогда не хотел упускать из своих рук такой исполнительной власти, которую захватил Гейдрих. В тот момент, когда умер Гейдрих, Гиммлер взял на себя всю полноту власти и никогда не выпускал исполнительной власти из своих рук. Он уже знал как опасен может стать начальник полиции безопасности типа Гейдриха и он не хотел рисковать во второй раз.

КАУФМАН: Таким образом Вы хотите сказать, что после смерти Гейдриха Гиммлер хотел иметь в своих руках всю исполнительную власть и имел ее?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Он хотел этого и осуществил это.

КАУФМАН: Теперь я перехожу к другому вопросу. Вчера вы заявили о том, что вы только позднее узнали о так называемом окончательном решении. В действительности соответствующие распоряжения давались Гиммлером Гейдриху и Эйхману в 1941 или в 1942 г.г. Правильно ли, что Вы часто встречались с Гиммлером? Были ли вы в хороших отношениях с Гиммлером?

H1197-0529

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, совершенно неправильно считать, что между мной и Гиммлером существовали дружеские отношения. Ко мне, как и ко всякому другому чиновнику он относился очень холодно и сдержанно. Он не был таким человеком, который бы хотел иметь личный контакт с кем-либо из чиновников.

КАУФМАН: Если встать на точку зрения обвинения, можно предположить, что вы должны были знать об окончательном решении, если вы часто встречались с Гиммлером. Я поэтому еще раз спрашиваю вас, - Гиммлер никогда не говорил вам относительно этого окончательного решения?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, в такой форме нет. Я вчера заявил, что я, на основании всех документов, которые скопились у меня летом и осенью 1943 г., а также сообщений иностранного радио и донесений из-за границы убедился тогда, что утверждение относительно уничтожения евреев правильно. Я, убедившись в этом немедленно пошел к Гитлеру и затем через 24 часа к Гиммлеру, рассказал им об этом и заявил, что я ни на одну минуту не предоставлю себя в распоряжение для участия в этом деле. Начиная с этого времени...

КАУФМАН: Вы это вчера говорили, вам не нужно повторять этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Кауфман, он нам это говорил раньше и вы сказали, что вам еще потребуется один час, а прошло уже полтора.

КАУФМАН: У меня осталось еще два или три вопроса. В досье обвинения упоминается показание Шелленберга, которое заключается в следующих словах: "Как мне поступить с Кальтенбруннером? Он тогда полностью заберет меня в свои руки". Это показание сделано Шелленбергом под присягой. Он сказал, что об этом заявил Гиммлер.

H1197-0529

H1197-0530

Дайте краткое раз"яснение по поводу того, считаете ли вы вообще возможным, подобное заявление со стороны Гиммлера.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не считаю возможным такое заявление. Если он и сказал это, то только в связи с....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман. Трибунал считает, что такого вопроса не следует задавать свидетелю.

КАУФМАН: В досье пред"явлен такого рода документ, который вменяется вам в вину. Но если суд не желает этого, то я откажусь от этого вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это просто спорный вопрос и вы не можете критиковать этот аффидевит, если он представляется в качестве доказательства.

КАУФМАН: Я перехожу к последнему вопросу.

Я спрашиваю вас, существовала ли для вас возможность после постепенного ознакомления с событиями в гестапо, в концлагерях и т.д. вызвать изменение условий? Если эта возможность существовала, то можете ли вы сказать, что ваше пребывание на этой должности вызвало улучшение условий в этой области?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я неоднократно подавал рапорты с просьбой отправить меня на фронт. Однако, самый важный вопрос, который необходимо было решить, с моей точки зрения, это вопрос о том: улучшит ли это или изменит ли это вообще положение или же ты должен сделать на своей должности все для того, чтобы изменить те условия, которые здесь были изображены. После того, как неоднократно отклонялась моя просьба

H1197-0531

об отправке на фронт, я не мог поступить иначе, я мог только делать все для того, чтобы изменить эту систему, в идеологической и законной основе которой, как это доказали пред"явленные здесь документы, я ничего не мог изменить. Я мог лишь попытаться смягчить эти методы, для того, чтобы помочь в дальнейшем окончательно устранить их.

КАУФМАН: Считаете ли вы совместимым с вашей совестью, что вы, несмотря на это, оставались на своем посту?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: С моей точки зрения я мог использовать возможность для воздействия на Гитлера, Гиммлера и других лиц и поэтому я не мог совместить со своей совестью отказ от выполнения этого в дальнейшем. Я считал своим долгом, лично выступить против несправедливости.

КАУФМАН: У меня нет больше вопросов, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Суд об"является перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

H1197-0531

H1197-0532

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли кто-нибудь из защитников допросить подсудимого ?

ДИКС. Господин свидетель, знаете ли Вы, что Шахт, прежде чем он был арестован державами-победителями, сидел в концлагере ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ДИКС. С каких пор Вы это знаете ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. С тех пор, как его жена написала мне письмо, кажется, с просьбой помочь освободить ее мужа.

ДИКС. Когда это было ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я полагаю, что это было в рождество 1944 года.

ДИКС. Знаете ли Вы или имеете ли Вы какое-либо представление о том, по чьему указанию Шахт был заключен в концлагерь ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это письмо супруги Шахта, мне кажется, я в тот же день отправил с курьером в ац"ютентуру Гитлера, и я думаю, что через Фегелейна или через ац"ютанта Гитлера я узнал, что нужно узнать мнение Гитлера. Через некоторое время я узнал, что Шахт был арестован по приказу Гитлера и именно потому, что он подозревался в том, что состоял в связи с Герделером или, по крайней мере, одним из участников плана государственной измены и покушения на Гитлера 20 июля.

ДИКС. Недавно я получил письмо от одного бывшего заключенного в концлагере, который пишет, что он узнал от оберштурмбанфюрера Ставицкого ... Вы знаете его ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет.

ДИКС. Он был последним начальником концлагеря в Флоссенбурге. В этом письме он сообщает мне, что этот Ставиц-

кий сказал ему, что он получил приказ уничтожить Шахта вместе с некоторыми другими заключенными, которые там были, например, Канарисом и другими. Знаете ли Вы что-нибудь о подобном приказе относительно убийства Шахта ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет.

ДИКС. Считаете ли Вы возможным, чтобы Ставицкий мог решиться на это по собственной инициативе ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет.

ДИКС. Разрешите мне понять Ваш ответ в том смысле, что подобное распоряжение могло быть дано лишь высшими инстанциями, т.е. Гитлером или Гиммлером ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, это Вы можете полагать. В отношении Шахта мог дать распоряжение только сам Гитлер.

ДИКС. Благодарю Вас.

Д-р МЕРКЕЛЬ /защитник гестапо/. У меня есть несколько вопросов к свидетелю. Господин свидетель, в обвинительном заключении утверждается, что государственная тайная полиция имела в 1943-1945 гг. 40-50 тысяч членов. Можете ли Вы вспомнить эту цифру ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я думаю, что эта цифра несколько преувеличена.

МЕРКЕЛЬ. Какую цифру Вы считаете верной ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. 35-40 тысяч.

МЕРКЕЛЬ. Сколько чиновников гестапо работало в оккупированных областях ? Назовите приблизительную цифру.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я не могу сказать Вам об этом даже приблизительно, но мне кажется, что я слышал, например, для оккупированных районов Франции, - 800 человек.

МЕРКЕЛЬ. Знаете ли Вы, кому подчинялись эти чиновники в

8713

H1197-0533

H1197-0534

оккупированных областях ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. В оккупированных областях они подчинялись командующему полиции безопасности, а он сам - высшему чиновнику СС и полиции в оккупированной области.

МЕРКЕЛЬ. Знаете ли Вы что-нибудь о том, что в аппаратах начальников полиции безопасности и СД чиновники уголовной полиции выполняли задания государственно-политического характера ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это вполне возможно.

МЕРКЕЛЬ. Как велико было число чиновников гестапо в оперативных командах от "А" до "Г", находившихся на Востоке ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Этого я не знаю.

МЕРКЕЛЬ. Знаете ли Вы что-нибудь о том, уходили ли эти чиновники после их перевода в оперативные группы из гестапо или же они использовались как особое формирование в оперативных группах, задачи которых не имели ничего общего с задачами гестапо, как таковой ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Мне кажется, что это можно предположить, хотя жалованье они и продолжали получать от гестапо, но командная власть, право отдачи приказов находились в других руках.

МЕРКЕЛЬ. А как приблизительно делились в процентном отношении члены гестапо по роду их использования ? Во-первых, сколько имелось чиновников с чисто административными задачами ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. По меньшей мере их было 20 %.

МЕРКЕЛЬ. А чиновников, имевших исключительно задачи полиции безопасности ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Приблизительно столько же, либо больше

H1197-0535

всего их входило в подчиненные инстанции, т.е. технический персонал.

МЕРКЕЛЬ. Я как раз хотел об этом спросить. А технический персонал, т.-е. шоферы, рацисты, телеграфисты, часто канцелярский персонал, сколько их было всего ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Если первую группу в 20% назовем группой административных чиновников, а следующую группу, составляющую 20%, назовем группой оперативных чиновников, то остальные 60% следует разделить на две равные группы: технический вспомогательный персонал - 30% и персонал канцелярии - 30%.

МЕРКЕЛЬ. Расскажите коротко о целях и задачах государственной тайной полиции ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Этот вопрос уже неоднократно здесь обсуждался. Государственная тайная полиция имела в первую очередь, как и во всяком ином государстве, обязанности по охране государства и его учреждений от нападения врагов государства внутри самого государства.

МЕРКЕЛЬ. Обвинение утверждает, что членство в гестапо было добровольным. Что Вы можете сказать по этому поводу ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Мне кажется, что это утверждение ни в коей мере не может быть доказано. Я хочу сказать, что аппарат чиновников, существовавший уже в 1933 году, мог состоять только из тех чиновников, которые уже тогда были чиновниками полиции.

МЕРКЕЛЬ. Каким образом Вы попали в гестапо ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Был командирован.

МЕРКЕЛЬ. Командирован или переведен ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Государственная полиция существовала и раньше. Правда, она не называлась государственной полицией, а

H1197-0535

H1197-0536

в отделом политической полиции.

МЕРКЕЛЬ. Таким образом личный состав государственной полиции в последующее время пополнялся точно так же, как личный состав любого государственного учреждения, т.-е. на основании положения о правах чиновников.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Безусловно.

МЕРКЕЛЬ. Имел ли силу в Главном Управлении имперской безопасности приказ фюрера № 1 о сохранении тайны ? Вы ведь знаете о том, что никто не должен знать о секретных материалах больше, чем это необходимо для выполнения его задач? Имел ли этот приказ силу и в работе гестапо ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Этот приказ предназначался не только для инстанций вооруженных сил, но и для всех исполнительных органов, для всех административных учреждений и был вывешен во всех служебных помещениях империи. Это предписание, конечно, очень строго соблюдалось в рамках полиции.

МЕРКЕЛЬ. Знаете ли Вы что-нибудь о том, что с 1 октября 1944 г. вся таможенная охрана, подчинявшаяся до того министерству финансов, была включена в 4-й отдел, т.-е. в отдел гестапо Главного управления имперской безопасности ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Таможенная охрана по приказу Гитлера осенью 1944 года, мне кажется, в сентябре, была передана Гиммлеру из министерства финансов.

МЕРКЕЛЬ. Знаете ли Вы, о каком количестве персонала идет в этом случае речь ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Таможенная пограничная охрана имела первоначально около 50.000 чел, но к этому времени она стала насчитывать приблизительно на 10.000 чел. меньше, так как неоднократно производился призыв их в армию, т.-е. люди помоложе посылались в действующую армию.

8716

H1197-0537

МЕРКЕЛЬ. Можете ли Вы коротко обрисовать задачи пограничной таможенной охраны ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Таможенная пограничная охрана, согласно своему названию, должна гарантировать финансовые суверенные права империи с помощью охраны границ.

МЕРКЕЛЬ. Можно ли сказать, что эти 40.000 чиновников добровольно вступили в гестапо ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет, по приказу.

МЕРКЕЛЬ. Чем-то другим, по сравнению с пограничной таможенной полицией, является пограничная полиция. Знаете ли Вы, что она с 1935 года стала частью гестапо ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да. И Мюллер был генеральным инспектором границ империи.

МЕРКЕЛЬ. Обрисуйте коротко задачи пограничной полиции

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Пограничная полиция должна была проверять паспорта на пересекающих границу дорогах, железных дорогах, аэродромах и т.д., т.-е. несла самую нормальную пограничную инспекционную службу.

МЕРКЕЛЬ. Эти задачи были иными, чем до 1933 г. ? В них что-нибудь изменилось ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет.

МЕРКЕЛЬ. Эти задачи отличались от задач пограничной полиции других стран ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет, это неверно.

МЕРКЕЛЬ. Каково было отношение членов гестапо, т.е. чиновников и служащих, к СС ? Вступали ли они большей частью добровольно в СС или же согласно приказу ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Добровольное вступление в СС имело место в очень незначительных масштабах. Я знаю, что Гиммлер позже осторожно повышал в звании чиновников,

которые не были членами СС, и они вступали в СС, если не по желанию, то для того, чтобы продвигаться по служебной линии.

МЕРКЕЛЬ. То-есть большинство ...

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, это об"ясняется системой повышений Гиммлера.

МЕРКЕЛЬ. Члены гестапо, особенно чиновники, имели какую-нибудь возможность уйти из полиции по собственному желанию ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет.

МЕРКЕЛЬ. Большое число членов гестапо были так называемыми служебнообязанными. Можете ли Вы очень кратко об"яснить это понятие суду ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это не относится к части оперативных чиновников, к остальному персоналу в значительно большей степени и тем больше, чем дольше продолжалась войне, так как потери были, естественно, очень большими, как и во всех частях полиции и в вооруженных силах, так что к концу персонал приходилось пополнять за счет служебнообязанных. Во всяком случае, это относится к персоналу канцелярий и техническому персоналу.

МЕРКЕЛЬ. Эти служебнообязанные добровольно вступали в гестапо ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это решение они не могли изменить по договоренности с соответствующим трудовым бюро, они назначались на место работы по приказу империи.

МЕРКЕЛЬ. Что случалось с членами государственной полиции, которые недопустимо вели себя во время допросов или не совершали преступления против собственности ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Последствия были такими же, как и в

8718

H1197-0538

H1197-0539

отношении всех других организаций, подчиненных Гиммлеру, на которых было оставлено собственное суверенное право СС и полиции. Это можно коротко охарактеризовать таким образом, что выносились значительно более строгие приговоры, чем в гражданских судах.

МЕРКЕЛЬ. Один подавший ходатайство утверждает, что он за проступок, а именно за то, что он отобрал у заключенного несколько незначительных предметов, был приговорен к каторжным работам на большой срок. Было ли это нормальным явлением ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

МЕРКЕЛЬ. Знаете ли Вы, кто направлялся в концлагерь СС Данциг-Матцау ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Этот лагерь, который назывался не концлагерем, а лагерем для наказания членов СС, заключались лица, которые приговаривались к лишению свободы судами полиции и СС.

МЕРКЕЛЬ. Мог ли член гестапо, даже высшего ранга, посетить концлагерь ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Только с разрешения Поля или Глюка.

МЕРКЕЛЬ. Относится ли то же самое к высшим начальникам СС и полиции в отношении находящихся в их зоне лагерей ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я не могу это сказать с определенностью, но, во всяком случае, я полагаю, что и они испрашивали или должны были испрашивать разрешения.

МЕРКЕЛЬ. Известны ли Вам так называемые "строгие допросы" ? Существуют ли они также в других государствах ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я был председателем международной комиссии уголовной полиции. Как таковой, я осенью 1943 г. имел возможность на одном заседании говорить на эту тему. На

H1197-0540

только на основании этого совещания, но и на основе долголетнего изучения иностранной прессы я могу заявить, что все виды полиции постоянно пользуются методом строгого допроса.

МЕРКЕЛЬ. Мог ли чиновник государственной полиции ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Меркель, то, что произошло на какой-то международной полицейской комиссии, никакого отношения к делу не имеет.

МЕРКЕЛЬ. Я только хотел его спросить, применялись ли строгие допросы имевшие место в Германии, а также в других государствах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По моему, это нас не касается.

МЕРКЕЛЬ. Строгие допросы инкриминируются, однако, государственной полиции в разделе обвинительного заключения о гестапо, господин председатель.

Мог ли чиновник гестапо, который должен был выполнить приказ о непродолжительном превентивном аресте, нанести какие-либо физические повреждения или убить заключенного при помещении его в лагерь ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. При непродолжительном заключении, конечно, нет.

МЕРКЕЛЬ. Имело ли силу так называемое постановление о проверке тюрем также и в отношении заключенных концлагерей?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. В мирное время заключенные проверялись по нескольку раз в год, а в военное время - два раза в год. Но здесь проверка не носила характер только полицейской проверки. Эта проверка производилась начальником лагеря, который должен был сам делать доклад о поведении заключенных. Эти доклады передавались начальником лагеря инспектору концлагерей, и гестапо должно было рассматривать их.

МЕРКЕЛЬ. Обвинение привело доказательства пыток и истязаний, имевших место при допросах в оккупированных западных

8720

H1197-0540

H1197-0541

странах, в особенности в Норвегии, Франции, Бельгии, Голландии. Были ли изданы какие-либо приказы главного управления имперской безопасности о применении пыток ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет, определенно нет.

МЕРКЕЛЬ. Как Вы об"ясняете факт истязаний ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. О таких зверствах, как они здесь инкриминируются государственной тайной полицией, я ничего не слышал. По моему мнению, речь может идти об эксцессах отдельных лиц. Приказы о подобных действиях во всяком случае не издавались.

МЕРКЕЛЬ. Известно ли Вам, что в оккупированных областях члены национального движения и движения сопротивления, а также преступные элементы выдавали себя за чиновников гестапо, чтобы легче добиться своих целей ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это неоднократно утверждали, но я не могу вспомнить, чтобы я видел какой-либо документ по этому поводу.

МЕРКЕЛЬ. Благодарю Вас.

Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

/К микрофону подходит защитник СС - д-р Гензель/.

ГЕНЗЕЛЬ. Господин свидетель, Вы сказали, что в 1932 году Вы вступили в австрийскую организацию СС. Имелась ли различие между австрийской организацией СС и германской СС или это была единая организация ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Известная унификация организационного характера этих двух групп произошла лишь после аншлюса. До аншлюса СС в Австрии едва ли можно было отличить от партии или СА.

ГЕНЗЕЛЬ. Укажите в общем в цифрах численность австрийской СС, членом которой Вы были ? Вначале до австрийского аншлюса-

ся 1938 года, а затем в то время, когда Вы в нее вступили. Как приблизительно происходило развитие на основании цифровых данных ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы говорите слишком быстро.

ГЕНЗЕЛЬ. Как можно в цифрах представить развитие австрийских СС, к которым Вы принадлежали, с 1932 по 1938 гг. ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Мне кажется, что к моменту аншлюса Австрии основное количество членов составляло 7500 человек.

ГЕНЗЕЛЬ. Играла ли эта группа роль пятой колонны в Австрии ? Ясно ли Вам понятие "пятая колонна" ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, пятая колонна стала для меня понятием уже на основании утверждений противника. Однако нельзя назвать пятой колонной австрийских СС. Это наверно. Они никогда не имели заданий по шпионажу, или по проведению диверсионных актов, или что-либо подобного.

ГЕНЗЕЛЬ. Чувствовалось ли в австрийских СС, к которым Вы принадлежали, намерение силой произвести присоединение Австрии к Германии, или это об"единение должно было произойти по решению народа, т.е. легальными мерами ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Такого плана у СС, а именно добиться насильственным путем аншлюса, не существовало. Это не соответствует также и фактическому политическому развитию. Никогда не было для этого необходимости, так как движение за аншлюс и без таких внешних толчков было достаточно сильным.

ГЕНЗЕЛЬ. Утверждалось, что 86-й полк СС - это был, кажется, полк в Вене ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Вы имеете в виду во время путча Дольфуса?

ГЕНЗЕЛЬ. Правильно. Можете ли Вы сказать что-нибудь об этом ? Существует ли связь между этим полком и убийством австрийского канцлера Дольфуса ?

8722

H1197-0542

H1197-0543

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я считаю, что это неверно. Я должен уточнить, что позже этот полк имел номер не 86, а 89. Кроме того, та группа, которая 21 июня 1935 года проникла в помещения канцлера, была группой не СС, а группой бывших членов австрийской армии, которые были уволены из армии за национал-социалистскую деятельность. Подробностей я не знаю, но тогдашний внешний начальник австрийской полиции ц-р Скубль, который, как я знаю, будет допрошен и здесь в качестве свидетеля по другому делу, может дать показания по этому поводу. Я прошу Вас спросить его.

ГЕНЗЕЛЬ. Вспомните вступление войск в ночь с 11 на 12 марта 1938 года. Можете ли Вы вспомнить, какие войска вступили тогда в страну, были ли это соединения СС или другие соединения ? Были ли это соединения сухопутных сил или из войска СС ? Что Вы помните относительно этого ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Насколько я помню, в первую очередь, это были соединения вооруженных сил, конечно, соединения военно-воздушных сил и один полк из войск СС, я уже не помню какой, кажется полк "Германия".

ГЕНЗЕЛЬ. Какое было численное соотношение между соединениями вооруженных сил и полком "Германия", приблизительно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Полк "Германия" имел тогда около 2800 человек. Сколько было соединений вооруженных сил - я не знаю.

ГЕНЗЕЛЬ. Как велико, по Вашему представлению, было общее количество членов, если говорить об СС ? Я хочу Вам помочь. В одной записи, которую я видел, было сказано, что в общем в различное время проходили через СС от 750 тыс. до миллиона человек. Верна ли эта цифра ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Миллион - это, конечно, слишком много. Все части СС в общем, включая общие СС и войска СС, включая всех членов СС во всех видах полиции, я думаю, можно исчислить цифрой от 720 до 750 тысяч человек. Из них, по крайней мере, 320-350 тыс. человек погибло. Может быть, потери были еще больше, но, мне кажется, что точные цифры можно узнать у подсудимых из вооруженных сил. Я точно не знаю.

ГЕНЗЕЛЬ. Из всех этих лиц, сколько , по Вашему мнению, по Вашим сведениям, имели отношение к концлагерям, включая охрану, администрацию и т.д. ? Сколько, приблизительно, в цифрах ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это вопрос для меня очень неожиданный и я не могу ответить на него тотчас же. Нужна бумага и карандаш, чтобы вычислить это. Это, конечно, очень небольшая часть всех членов.

ГЕНЗЕЛЬ. Те члены СС, сколько бы их там ни было, которые не имели отношения к управлению концлагерями, могли ли они знать что-либо о том, что происходило в концлагерях

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Конечно, нет.

ГЕНЗЕЛЬ. Из чего Вы заключаете это с такой определенностью ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Из того, что мне лично стало известно о строжайшей изоляции концлагерей со стороны Гиммлера и его организации.

ГЕНЗЕЛЬ. Чиновники руководимого Вами управления, например, главного управления имперской безопасности, состояли в основном из членов СС ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет, ни в коем случае. Если говорить только об информаторах и сотрудниках аппарата службы без-

8724

H1197-0544

H1197-0545

опасности внутри страны, то число членов СС относится к числу лиц, не состоящих в СС, как 5 к 100.

ГЕНЗЕЛЬ. То-есть на 100 чиновников имелось пять, которые были членами СС ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ГЕНЗЕЛЬ. Существовали ли, насколько Вы знаете, предписания, исключавшие меры физического воздействия на заключенных в концлагерях, и были ли эти предписания известны в СС ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Они содержались почти в каждом распоряжении рейхсфюрера СС и начальника германской полиции. Они были сообщены каждому члену СС, как закон, и вносились строжайшие наказания, если становилось известно о нарушениях этих предписаний. Я не знаю, в каком об"еме и состоянии попал в руки врага штрафной лагерь СС Данциг-Маугау. Я убежден, что все, находившиеся в лагере Данциг-Маугау, могут дать показания о строгом указании в связи с имевшими место истязаниями.

ГЕНЗЕЛЬ. Я кончил, господа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Желает ли обвинение подвергнуть перекрестному допросу данного подсудимого ?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Подсудимый, для того, чтобы в максимальной степени сократить этот перекрестный допрос, я хочу быть уверенным в том, что мы друг друга понимаем по вопросу о вашей позиции по некоторым пунктам.

Во-первых, Вы признаете, что Вы были начальником Главного имперского управления безопасности и начальником полиции безопасности и СД с конца января 1943 года до конца войны? Это правильно ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, это верно. С тем ограничением, ко-

торые я указал вчера относительно моего права давать приказы государственной и уголовной полиции.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И когда Вы говорите об этих ограничениях, Вы ссылаетесь на это взаимное понимание, которое якобы существовало между Вами и Гиммлером ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это же было личным соглашением с Гиммлером, это было фактом, существовавшим с первого дня. Было предусмотрено, что мне будет поручено создание аппарата центральной информационной службы, а он удержит в своих руках власть в других секторах.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Во всяком случае Вы признаете, что Вы занимали такой пост, но Вы отрицаете, что пользовались некоторыми полномочиями ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Этот пост, который Вы занимали, был тем же, который занимал Гейдрих, умерший 4-го июня 1942 года ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. В названии поста изменений не произошло ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И Вы показали, что Вы берете ответственность за все акты, совершенные Вами лично или о которых Вы знали лично ? Это правильно, не так ли ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да. Разрешите мне дополнить. Мое звание было настолько изменено 14 февраля 1944 года, когда военный отдел информации в наш отдел разведки и контрразведки ОКВ был передан Гитлером Гиммлеру, тогда моя должность - начальник всей имперской центральной службы информации была настолько изменена. Следует, пожалуй, еще добавить,

8726

H1197-0546

H1197-0547

что поручение какому-либо лицу задач в этой сети информационной службы, которая опутывала всю Германию и распространялась на заграницу, не могло быть опубликовано, и я могу при этом указать на Англию, где начальник секретной службы ...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Обвиняемый, пытайтесь ограничиваться ответами на мои вопросы и по возможности отвечайте да или нет. Делайте только краткие об"яснения, потому что мы об остальном потом поговорим тоже. Попытайтесь это сделать.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, хорошо.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Было ли Вам лично известно или имели ли Вы какое-либо личное отношение к каким-либо зверствам, совершенным в концлагерях во время войны ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Таким образом, Вы на берете на себя никакой ответственности за такие зверства. Правильно это ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, в этом отношении я не беру на себя никакой ответственности.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И в этой связи те показания, которые были даны Гельригелем, например, относительно того, что Вы присутствовали при казнях в Маутхаузене, Вы тоже отрицаете, да ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Вчера меня обвинили в том, что сказал Гельригель. Я считаю неверным утверждение о том, что я когда-либо видел газовые камеры в действии или в какое время.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Очень хорошо. Лично Вам не было известно и Вы лично не участвовали в проведении программы уничтожения евреев ? Это правильно ? То-есть Вы только выступали против них ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, за исключением того, что я был против

мне;в тот момент, когда я узнал об этом факте и убедился в достоверности его, я заявил свой протест по этому поводу Гитлеру и Гиммлеру и в конечном результате эти действия были прекращены.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Таким образом Вы не берете на себя ответственность за действия, совершенные в связи с программой по уничтожению евреев, верно, да ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И то же самое относится к плану принудительного использования рабочей силы ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И то же самое относится к уничтожению варшавского гетто ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И то же самое относится к казни пятидесяти летчиков в лагере № 3 ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И то же самое относится к различным приказам об убийстве союзных летчиков, правильно ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И, собственно говоря, Вы во время предварительного допроса тоже отрицали все это ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И Вы придерживаетесь этого мнения ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Так точно, но относительно допросов разрешите мне еще раз высказаться перед судом в конце перекрестного допроса.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Когда мы дойдем до соответствующего места, Вы нам скажете. Действительно ли гестапо, 4-е управле-

H1197-0548

H1197-0549

ния, Главное имперское управление безопасности составляли доклады о концлагерях, которые представлялись Вам на подпись, а потом пересылались Вами Гиммлеру ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет, я не могу вспомнить подобных докладов. Обычно Мюллер непосредственно докладывал Гиммлеру.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы также отрицаете ...

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Разрешите мне добавить. Это были, конечно, такие вопросы, по которым я должен был быть проинформирован и по иным соображениям, например, такое крупное политическое событие, как покушение 20 июля 1944 г. Об этом я, конечно, был информирован, но не 1У отделом, а ...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я говорю об общей деятельности, а не о каких-либо исключениях.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы также возражаете против того, что Мюллер в качестве начальника 4-го отдела всегда совещался с Вами по любым важным документам ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я не только оспариваю это, но и факты говорят против этого; он имел непосредственные полномочия для этого от Гиммлера. Он не имел никакого повода заранее обсуждать этот вопрос со мной.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Прошу показать подсудимому документ Л-50, который представляется под номером США-793.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разве этот документ еще не представлялся?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Нет, милорд. Между прочим, знакомы ли Вы были с Куртом Линдов, который дал это письменное показание от 2 августа 1945 года ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Несмотря на то, что он был чиновником главного имперского управления безопасности до 1944 года ?

Давайте вместе с Вами прочитаем абзацы второй и четвертый. Только эти два абзаца, я не хочу тратить время Трибунала на чтение первого и третьего абзацев. Второй абзац, как Вы видите, гласит:

"На основании общего опыта, а также на основании отдельных случаев я могу подтвердить, что гестапо, отдел 4-й, составлял доклады относительно действий административных властей в концентрационных лагерях и что эти доклады передавались начальником 4-го отдела начальнику главного управления полиции безопасности на подпись, а потом передавались рейхсфюреру Гиммлеру.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Разрешите мне сейчас же сказать по этому поводу ? Может быть, было бы важно зачитать и пункт 1-й

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Только кратко, пожалуйста, делайте об"яснения как можно более краткими.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Пункт первый важен в том отношении, что из этого пункта я заключаю, что свидетель Линдов с 1938 по 1940 год находился в том отделе, в котором составлялись эти доклады. В 1940-1941 гг. он был в отделе по борьбе со шпионажем. В 1942-43 гг. - в отделе по борьбе с коммунизмом, затем в отделе по информации. Мне кажется, что его показания в пункте втором, когда он говорит об обычаях в государственной полиции, а именно, что через начальника 4-го отдела и начальника полиции безопасности передавались донесения Гиммлеру о событиях в концентрационных лагерях, это относится только к периоду 1938-1940 гг. В более поздний период времени, по его собственным словам, у него не было никаких сведений.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Другими словами, он не говорит правду?

8730

H1197-0550

H1197-0551

Во всяком случае в отношении того периода, когда Вы участвовали в Главном имперском управлении безопасности, правильно ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Об этом я еще ничего не читал. Он утверждает, что ...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я лишь обращаю Ваше внимание на два абзаца. Второй абзац мы уже прочли, читаем 4-й:

"Насколько я знаю, ни один из начальников или чиновников главного управления безопасности не имел права подписывать документы, имевшие большое политическое значение, без согласия начальника полиции безопасности, даже во время его временного отсутствия. На основании собственного опыта я могу заявить, что, в частности, начальник 4-го отдела Мюллер был очень осторожен при подписании документов, имевших общий характер, и особенно в случаях особой важности, и что он откладывал подписание этих документов до возвращения начальника полиции безопасности, хотя из-за этого пропадало много времени. Подписано: Курт Лицов".

КАЛЬТЕНБРУННЕР. По этому поводу следует сделать два замечания. Во-первых, это показание противоречит показаниям различных свидетелей, которые свидетельствуют о необычайных полномочиях и самостоятельности Мюллера. Во-вторых, это описание Лицова относится к тому времени, когда председательствовал Гейдрих, т.- е. когда Лицов мог собирать сведения, в период 1938-1940 гг. Это не относится к тому времени, когда Гиммлер оставил за собой право прямой отдачи приказов Мюллеру, так как мои обязанности были настолько велики, что одному человеку почти невозможно было с ними справляться.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Я не хочу тратить слишком много времени,

последующий. Но абзацы, которые я прочел Вам, соответствуют показаниям Олендорфа на этом суде ? Не правда ли ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Показания Олендорфа по этому поводу были мне представлены вчера моим защитником. Но из показаний Олендорфа, я думаю, ясно, что право отдавать всякий оперативный приказ, то-есть и приказ о превентивном заключении, которым, как он сказал, касается "последней причины", находилось в непосредственном ведении Гиммлера, который мог передать это право только Мюллеру.

Во всяком случае он добавил: он не знает, имелись ли такие ограничения моих полномочий и имел ли я такие права. Но с определенностью он не мог сказать этого точно и его остальные показания говорят против того, что я имел такие полномочия.

ПОЛКОВНИК ЭЛЬМАН. Все мы знаем, что показал Олендорф. Я лишь хочу спросить Вас, признаете ли Вы показания Олендорфа ?

В ходе предварительного допроса Вы сказали, что Вы имели самую тесную связь с Олендорфом и что Вы можете надеяться, что он скорее, чем кто-либо другой из Ваших коллег, скажет правду. Правильно это ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это последнее замечание я не помню. Первое утверждение, что он был одним из моих основных сотрудников, оправдывается и показывается уже тем, что он был начальником управления внутригерманской информационной службы, которое составляло часть моего информационного аппарата, то-есть все сведения внутриполитического характера, и сведения о всех германских внешних областях я получал большей частью именно из этого 3-го отдела, исключая те сведения,

H1197-0552

H1197-0553

которые я получал из своего, лично мною созданного, дополнительного аппарата.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вскоре после пасхи 1934 г. Вы находились под арестом в лагере Кайзерштейнбрух ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Пожалуйста, скажите, в каком году ?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. В 1934 г.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, с 14 января по начала мая.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Совместно с другими чиновниками СС Вы когда-либо обследовали концентрационный лагерь Маутхаузен?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. С другими чиновниками СС нет. Насколько я знаю, я послал туда одного из своих для того, чтобы явиться к Гиммлеру, который, как я уже рассказал вчера, находился в этот момент в поездке по Южной Германии.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. И Вы осмотрели только каменоломню ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы знакомы были с Кернмайром, статс-секретарем в кабинетах Дольфуса и Шушнигга с сентября 1933г. по октябрь 1935 г. ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я видел однажды Кернмайера. Я думаю, что он посетил нас во время нашей голодной забастовки в лагере Кайзерштейнбрух. Больше я его никогда не видел. Возможно, что это был один из его представителей. Этого я не знаю.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Попрошу показать подсудимому документ 3843-ПС, который представляется под № США-794. Я хотел бы сказать членам Трибунала, что в этом документе довольно неприличный язык. Но, мне кажется, что в силу обвинений, выдвинутых против подсудимого, следует все же огласить его.

Обратите внимание на 3-ю страницу, подсудимый.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. На странице 3-й имеется лишь несколько

строчек. Разрешите мне сначала прочесть весь документ?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Нет, это займет слишком много времени, подсудимый. Меня интересует только абзац, который имеется на 3-й странице английского текста. Начиная со слов: "Вскоре после пасхи...". Нашли, нет ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, нашел.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. "Вскоре после пасхи 1934 г. мне было сообщено, что заключенные в лагере Кайзерштейнбрух об"явили голодовку. Поэтому я сам туда отправился, чтобы узнать, каково положение дел. В то время как в большинстве бараков поддерживалась дисциплина, однако, в одном из бараков был большой беспорядок. Я заметил, что высокий человек был зачинщиком всего этого беспорядка. Это был Кальтенбруннер, который был в то время кандидатом в адвокаты и ~~[illegible]~~, который был арестован за его противозаконную деятельность в Австрии. В то время, как все остальные заключенные отказались от голодовки после того, как я побеседовал с ними, бараки, в которых командовал Кальтенбруннер, продолжали голодовку.

Я вновь увиделся с Кальтенбруннером в лагере Маутхаузен, когда я был очень серьезно болен и лежал на гнилой соломе совместно с сотнями других, тяжело больных, умиравших заключенных. Заключенные, больные самыми серьезными желудочными болезнями, страдали от истощения и находились в неотапливавшихся бараках в самый разгар зимы. Не было оказано никакой даже самой элементарной санитарной помощи. В течение многих месяцев нельзя было употреблять умывальники и уборную, которая была испорчена. Тяжело больные вынуждены были оправляться в маленькие ведра из-под мармелада. Загаженная

8734

H1197-0554

H1197-0555

солома в течение многих недель не менялась, так что образовалась зловонная жидкость, в которой ползали черви и насекомые. Не было никакой медицинской помощи, ни лекарств. Положение было таково, что от 10 до 20 человек умирало каждый вечер.

Кальтенбруннер прошел через барак со свитой блестящих чиновников СС, видел все - должен был видеть все. Нам показалось, что эти нечеловеческие условия теперь будут изменены. Но, повидимому, Кальтенбруннер согласился с ними, так как ничего после этого не произошло".

Это правда ? Или это неправда, подсудимый ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Этот документ, который, повидимому, пред"явлен мне с целью застать меня врасплох, может быть мною полностью опровергнут. Во-первых ...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Одну минуточку. Во-первых, я Вас спросил - это правда или неправда, что там написано ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это не соответствует действительности и может быть полностью опровергнуто мною во всех деталях.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Дайте самое краткое об"яснение, которое возможно.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я не могу это сделать короче, чем это делали Вы, господин обвинитель. Мне приходится здесь останавливаться на каждом слове, которое вменяется мне в вину. Карвинский утверждает здесь ...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Одну минуту. Подсудимый, может быть, Вы подождете, пока я прочту два других документа по этому же вопросу и, может быть, потом Вы сразу все три документа об"ясните. Это Вас удовлетворит ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Как Вы желаете.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Прошу показать подсудимому документ

8735

3845-ПС, которая представляется под номером США-795. Вы видели, что Вы отрицаете, что Вы посещали и обследовали крематорий в Маутхаузене ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы знакомы с Альбертом Тафельбахер ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. У Вас есть документ. Он был заключен в концлагере Маутхаузена 1938 года до 11 мая 1945 г. Он работал в крематории в Маутхаузене в течение 3-х лет - он перенесил трупы. Вы видите это ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. В конце первой страницы имеется вопрос :

"Вопрос : Вы помните Айгрубера ?

Ответ : Айгрубер и Кальтенбруннер были из гор. Линца.

Вопрос : Вы когда-либо видели их в Маутхаузене ?

Ответ : Я очень часто видел Кальтенбруннера.

Вопрос : Сколько раз ?

Ответ : Он время от времени приезжал и осматривал крематорий.

Вопрос : Сколько раз ?

Ответ : 3 или 4 раза.

Вопрос : Когда он приезжал, Вы слышали, что он говорил что-нибудь кому-нибудь ?

Ответ : Когда приезжал Кальтенбруннер, большинство заключенных должно было исчезнуть и только некоторые лица были представлены ему".

Это правильно или нет ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это абсолютно неверно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Теперь третий документ Вам покажем, а

H1197-0556

H1197-0557

потом вкратце Вы об"ясните. Прошу показать документ подсудимому 3845-ПС, который представляется под номером США-796. Между прочим, Вы когда-либо видели исполнение трех различных видов казней в Маутхаузене, одновременно. Три различных вида казней ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет, это неправда.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Вы знали Иогана Канцута, который писал это показание ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Нет.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН. Из его показания Вы увидите, что он жил в Линце. Он был заключен в концлагере Маутхаузен 21 марта 1939 года до 5 мая 1945 года и, помимо того, что он работал на кухне, с 9 мая он еще работал также при крематорской печи истопником. Теперь посмотрим на начало второй страницы.

/Читает/

"Вопрос: Вы когда-либо видели Кальтенбруннера в Маутхаузене ?

Ответ: Да.

Вопрос: Помните, когда это было ?

Ответ: В 1942 - 1943 гг.

Вопрос: Можете более точно определить ?

Ответ: Я не помню даты.

Вопрос: Вы помните только это одно посещение в 1942 или 1943 гг. ?

Ответ: Я видел Кальтенбруннера три раза.

Вопрос: В каком году ?

Ответ: В 1942 и 1943 гг.

Вопрос: Скажите нам вкратце, что Вы думали об этих посещениях Кальтенбруннера, т.-е. что Вы видели, что Вы

8737

вы делали и когда вы увидели, что он присутствовал или не присутствовал при казни?

Ответ: С Кальтенбруннером приехали Айгрубер, Шульц, Зейферс, Штрейтвизер, и Бакманер и некоторые другие лица. Кальтенбруннер вошел со смехом в газовую камеру. Затем людей привезли из барака на казнь и потом были продемонстрированы все три вида казни - повешение, расстрел в затылок и отравление газом. После того, как улеглась пыль, мы должны были оттащить трупы.

Вопрос: Когда вы видели эти различные виды казней, - Это было демонстрирование способов казни или обычные казни?

Ответ: Я не знаю были ли это обычные казни или же демонстрирование. Во время этих казней присутствовали, помимо Кальтенбруннера, начальники бараков и хауптшарфюрер Зейдель и Дюпен также присутствовали, последний повел заключенных вниз.

Вопрос: Известно ли вам - были ли казни об"явлены на этот день или же это был показ для приехавших?

Ответ: Да, эти казни были назначены на этот день.

Вопрос: Откуда вам было известно, что эти казни были назначены на этот день? Кто-нибудь сообщил вам о том, что казни назначены?

Ответ: Мне сказал об этом начальник крематория хауптшарфюрер Рот, он всегда меня звал к себе в комнату и говорил мне : "Кальтенбруннер сегодня приедет и нужно все подготовить для казни в его присутствии. Затем нам нужно было затопить и прочистить печь".

H1197-0558

H1197-0559

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Могу я отвечать?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Это правда или неправда, подсудимый?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Ссылаясь на данную мною присягу, я торжественно заявляю, что ни единое слово из этого утверждения не является правдой. Разрешите мне начать с первого документа?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Заметьте, подсудимый, что ни один из этих аффидевитов не был написан в Нюрнберге, все они были написаны вне Нюрнберга, в связи с совершенно другим процессом, другим расследованием. Вы это заметили?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, это совершенно не относится к показанию как таковому. Разрешите мне остановиться на этом документе?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Да, пожалуйста.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Свидетель Карвинский заявляет, что он видел меня в 1934 г. по случаю голодной забастовки в лагере Кайзер-Штайнбрук. Он описывает барак, в котором был страшный беспорядок, и говорит, что в этом бараке находился человек высокого роста, т.е. я. Я, якобы, был арестован за мою подпольную деятельность в Австрии. Что касается этого заявления, то оно совершенно неверно. Во-первых, я был арестован не за национал-социалистскую деятельность, а в документе об аресте, который был представлен в письменной форме, и о котором Карвинский должен был знать, как бывший начальник службы безопасности в Австрии, было написано дословно: "В целях предотвращения национал-социалистской деятельности", т.е. в данный момент не было никакой запрещенной деятельности, которая могла бы быть мне инкриминирована.

Далее, когда Карвинский прибыл туда, то голодная забастовка продолжалась девятый день. Мы...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Разрешите мне прервать вас, подсудимый. Я вполне буду удовлетворен, если вы заявите, что это заявление не соответствует действительности. Если для вас этого достаточно, то для меня также достаточно. Мне не нужно это об"яснять по абзацам, потому что мы не можем проверить, правильно ли то, что вы говорите.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Г-н представитель обвинения, я не могу довольствоваться этим. Если вы зачитываете Высокому суду и всей мировой общественности целые страницы показаний, о которых вы утверждаете, что они достоверны, и которые выдвигают против меня чудовищное обвинение, то должна иметься возможность отвечать больше, чем "да" или "нет". Я не могу просто, как какой-либо тупой преступник...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Эймен, пожалуйста лучше ему разрешить дать об"яснение. Мы не хотим об этом спорить. Продолжайте, продолжайте, какие у вас есть комментарии по этому документу.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Карвинский прибыл, когда голодная забастовка продолжалась уже 8-й день. Он не пришел в наш барак, а мы были на носилках перенесены в административный барак этого австрийского лагеря. Из нас тогда никто уже не мог ходить. Об этом может сказать большое количество свидетелей, а именно 490 заключенных, которые находились в этом лагере вместе со мной. В этом административном бараке Карвинский говорил с нами и заявил, что если голодная забастовка будет прекращена, то правительство приступит к обсуждению вопроса об отпуске всех заключенных. Правительство уже ранее

8740

H1197-0560

H1197-0561

трижды давало это обещание отпустить нас т.к. мы все без исключения были арестованы без всякого повода , но оно ни разу не сдержало этого обещания. При этом посещении мы поэтому заявили Карвинскому, что мы просим письменное заявление от его имени или от имени самого канцлера, чтобы мы в конце-концов могли поверить, и в таком случае мы были готовы прекратить забастовку. Он отказался. Забастовка продолжалась и мы были отправлены в венскую больницу. На 11-й день забастовка была прекращена в результате того, что нам запретили давать воду. Это истинное положение вещей и никак нельзя утверждать, что мы поднимали шум...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда я сказал, что вы можете дать об"яснение, я не имел в виду, чтобы вы излагали подробности этой голодовки. Это не относится совершенно к делу.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Ваша честь, этим я хотел только опровергнуть то, что утверждает этот свидетель, что я был вожаком забастовки и что я все еще находился в своем бараке. Меня на носилках перенесли через весь лагерь. Из нас никто не мог уже ходить.

И во-вторых: я после неоднократно говорил с двоюродным братом этого Карвинского, он был руководителем отдела по делам инвалидов в Линце, и он сказал мне, что его двоюродный брат /этот свидетель/ никогда не был в Маутхаузене, а начиная с первого дня своего ареста был в Дахау. Существует большая разница, между Дахау и Маутхаузеном, ибо он, как бывший член австрийского правительства, который был виновен в преступлениях против национал-социализма, был арестован

главным управлением имперской безопасности, которое тогда, кажется, существовало, Гейдрихом, в Берлине, а вовсе не какой-либо австрийской инстанцией. Я и после никогда не видел этого человека. Дахау я тоже никогда не посещал. Поэтому легко установить, находился ли этот человек с первого дня заключения в Дахау или в Маутхаузене. Если это мое утверждение о том, что он был в Дахау, верно, то все это ложь! Если он был в Маутхаузене, то он должен, во всяком случае, доказать, не путает ли он меня с каким-нибудь другим человеком. Но этого первого доказательства о том, что он путает меня с кем-нибудь, мне не нужно приводить, если высокое Обвинение потрудится и установит, что этот человек с первого дня заключения был в Дахау. Я знаю, что он был в Дахау, потому что он был арестован в Инсбруке при попытке совершить побег в Швейцарию, о чем сообщил мне его двоюродный брат, и он просил меня заступиться за него, но я не мог ничего сделать, так как он непосредственно из Инсбрука через Миттенвальд был отвезен в Дахау и тем самым он был из"ят из ведения австрийских властей, и я не мог вмешаться в это дело, как статс-секретарь по вопросам безопасности при австрийском правительстве.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Об"является перерыв до 14 часов 10 минут.

/Перерыв до 14ч.10м./

нн, тн

H1197-0562

H1197-0563

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 19 апреля 1946 года.

/ Вечернее заседание /

Встать ! Суд идет !

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Эйман, я полагаю, что подсудимый хочет кое-что сказать по поводу этих документов. Он ответил в отношении одного, не так ли ?

ПОЛКОВНИК ЭЙМАН: Я не знаю, закончил ли он, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Закончили-ли Вы, подсудимый , свои об"яснения по поводу письменных показаний или заявления Карвинского ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я еще не совсем закончил, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте в таком случае.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: У меня больше нет этого документа под рукой. Я прошу возвратить его мне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Сейчас Вы его получите

/ свидетелю вручают документ /

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Этот документ не был мне показан во время предварительного следствия и, если бы он мне был тогда пред"явлен, я немедленно подал ходатайство о вызове двоюродного брата этого свидетеля Карвинского, начальника управления по делам инвалидов в Линце, носящего ту-же фамилию. Я-бы

ходатайствовал о том, чтобы он в моем присутствии категорически заявил о том, что этот Карвинский находился в Дахау и никогда не был в Маутхаузене. В дополнение я хотел-бы сказать что свидетель доктор Скубль, который еще будет давать здесь показания по другому делу, также, очевидно, сможет сообщить относительно этого дела и, прежде всего, о том, что этот свидетель Карвинский был во время своего побега в Швейцарию / после " аншлюса"/ задержан на Швейцарской границе и оттуда доставлен в Дахау. Причин, по которым он тогда был отправлен в Дахау, я тоже не знаю, а д-р Скубль сможет, очевидно, дать показания и по этому вопросу. По моему, это делалось для того, чтобы воспрепятствовать всякому вмешательству Австрии в дела этого бывшего члена австрийского правительства, т.к. Гиммлер придерживался того мнения, что новое австрийское правительство вступится за Карвинского. Исходя из этого, также кажется неправдоподобным.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ваш защитник может ходатайствовать о вызове любого свидетеля, которого Вы захотите, для дачи опровергающих показаний. Он может ходатайствовать об этом. Нет необходимости Вам сейчас заниматься этим вопросом.

H1197-0564

H1197-0565

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Хорошо, господин председатель. Что касается остальных 9-х документов, то я хотел-бы сказать следующее: все их содержание совершенно не соответствует действительности, они мне не были пред"явлены во время предварительного следствия. Если бы они мне были пред"явлены, то я, как и во всех других случаях, тотчас-же просил бы вызвать сюда этого свидетеля / я напомню, например, о свидетеле Путтере/. В отношении свидетеля Путтера я просил господина обвинителя, майора, который сейчас сидит здесь за столом, около полковника Эймена, по крайней мере, двадцать раз о вызове этого свидетеля, который выставил против меня такое тяжелое обвинение, в зал суда. Полковник Эймен, который сегодня представляет обвинение, также присутствовал в то момент, когда я просил о вызове этого свидетеля, когда шла речь о Маутхаузене. Эти господа, удалившись, беседовали на английском языке с каким-то третьим офицером о том, можно ли будет доставить в зал суда Цирейса и Путтера, которые находятся в местной тюрьме. Я повторяю еще раз, что в этих документах нет ни слова правды.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я уже сказал Вам, что защитник может ходатайствовать о вызове любых свидетелей, которых Вы захотите, для дачи опровергающих показаний.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Тогда - я буду просить своего защитника ходатайствовать о вызове этих обоих свидетелей в зал суда.

/ Продолжение перекрестного допроса /

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Подсудимый, кто является ответственным за приказ об убийстве всех заключенных в концентрационном лагере Маутхаузене незадолго перед концом войны ?

/ К микрофону подходит защитник Кальтенбруннера Кауфман . /

КАУФМАН: Можно мне высказаться по поводу этих 2-х документов ? Прежде всего, о существовании этих документов стало известно на процессе только сейчас. Поэтому я только сейчас смог побеседовать с подсудимым относительно этих весьма тяжелых обвинений, выдвинутых против него. Он заявил мне, что в этих документах нет ни одного слова правды. Я считаю своим долгом защитника просить заслушать этих свидетелей. Возможно, что обвинение позднее....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Кауфман, с какой целью Вы сейчас затягиваете процесс ? Я только - что сказал, что Вы можете ходатайствовать об этом, и Вы прекрасно знаете, что это ходатайство должно быть подано в письменном виде.

Я уже дважды сказал подсудимому, что Вы, доктор Кауфман, его защитник, можете ходатайствовать о вызове

8746

H1197-0566

H1197-0567

любых свидетелей, которых Вы захотите вызвать для дачи опровергающих показаний. Какая польза от того, что Вы сейчас излагаете устно ходатайство по этому вопросу.

КАУФМАН: Я далек от мысли затягивать процесс. Я хотел-бы лишь заявить о том, что я хочу ходатайствовать о вызове этих свидетелей. Я подам ходатайство в письменном виде.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы поняли вопрос, подсудимый ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да. Вы меня спросили, кто издал приказ об убийстве заключенных в Маутхаузене в конце войны; на это я ответил, что мне о существовании этого приказа неизвестно. Я издал один единственный приказ, содержание которого было следующее: весь лагерь со всеми заключенными следует передать противнику, причем дурное обращение с ними не должно иметь место. Этот приказ был мной продиктован в присутствии доктора Геттля и затем был послан с офицером связи в Маутхаузен. Я хочу обратить Ваше внимание на показания доктора Геттля, где он подтверждает этот факт. Моим защитником был послан опросный лист еще одному человеку, который присутствовал при этом, причем я просил его сделать аналогичное заявление, но ответ еще не получен.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я не спросил Вас о том приказе. Я спросил Вас о приказе убить всех заключенных в концентрационном лагере в Маутхаузене незадолго до конца войны.

Кто является ответственным за этот приказ ? Вы ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы знакомы с человеком, который рассказал об этом- с Цирейсом ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, я был знаком с Цирейсом.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Имеется Ваша фотография, на которой Вы сняты с ним и с Гиммлером; она здесь предоставлена перед трибуналом в качестве доказательства. Вы припоминаете это ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не видел этой фотографии, она, очевидно, пред"являлась в суде в то время, когда я находился в госпитале.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо. Тогда оставим эту фотографию. Я прошу, чтобы подсудимому показали документ за № ПС-3870, который представляется в качестве доказательства США-797.

Господа судьи ! Это довольно длинный документ, который я не намериваюсь зачитывать здесь полностью, но это один из очень важных докумнтов по этому делу и я надеюсь, что Трибунал прочитает его полностью, хотя сегодня, в интересах экономии времени, я не буду оглашать его полностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это новый документ ?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Да, это новый документ, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он на немецком языке ?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Да.

/ свидетелю вручают документ /

H1197-0568

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Подсудимый , здесь речь идет о предсмертной исповеди Цирейса в том виде, как о ней рассказали лицу, давшему это письменное показание. Я прежде всего обращаю Ваше внимание на два последних абзаца на первой странице, которые мы сейчас прочтем вместе.

"Один член СС приходился на каждые десять заключенных. Самое большое количество заключенных составляло около 17 тысяч, не считая тех, которые находились в ~~каких~~ филиалах лагеря. Самое большое количество заключенных в лагере Маутхаузен, включая филиалы лагеря, составляло около 95 тысяч человек.

Общее количество заключенных, которые умерли, достигало 65 тысяч. Штат лагеря состоял из соединений " тотенкопф" /" мертвая голова"/-, всего 5 тысяч человек, включая охрану и командный состав".

И затем в середине следующей страницы абзац начинается:

" Согласно приказу Гиммлера, я должен был ликвидировать всех заключенных по указанию обергруппенфюрера СС Кальтенбруннера; заключенных должны были ввести в туннели фабрики Бергкристал в Гузене и только один выход должен был быть оставлен открытым."

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не нашел места, которое Вы сейчас оглашаете.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Это в середине второй страницы, Вы нашли сейчас ?

8749

H1197-0569

H1197-0570

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕР: " Затем этот выход я должен был взорвать при помощи каких-то взрывчатых средств, что, таким образом, привело-бы к смерти заключенных. Я отказался выполнить этот приказ. Это означало истребление заключенных так называемого основного лагеря Маутхаузен, а также лагерей Гузен-1 и Гузен-2. Подробности этого дела известны г-ну Вольфрам и оберштурмфюреру СС Эккерману.

" Газовая камера, замаскированная под баню, была построена в конце лагере Маутхаузен по приказу бывшего гарнизонного врача Кребсбахера. Заключенных умерщвляли газом в этой камере, замаскированной под баню. Кроме того, имелся специально сконструированный автомобиль, совершавший рейсы между Маутхаузеном и Гузеном, в котором заключенных умерщвляли газом во время пути. Мысль о создании такого автомобиля принадлежит доктору Вазики- унтерштурмфюреру СС и фармацевту. Я сам никогда не включал газ в этом автомобиле, я только вел его, но я знал, что заключенных там умерщвляли газом. Умерщвление заключенных газом производилось по требованию гауптштурмфюрера СС доктора Кребсбахера.

" Все что мы выполняли, производилось по приказу Главного имперского Управления безопасности Гиммлера или Гейдриха, а также обергруппенфюрера СС Мюллера или д-ра Кальтенбруннера; последний являлся начальником Полиции

безопасности".

Затем далее, переходим к 5-й стр.; чуть ниже середины страницы имеется абзац, который начинается словами: "Ранним летом 1943 г...." Вы нашли это место ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: " Ранним летом 1943 года обергруппенфюрер СС д-р Кальтенбруннер посетил концентрационный лагерь Маутхаузен. Комендант лагеря Цирейс, гауляйтер Эйгрубер, начальник лагеря превентивного заключения Бахмейер и несколько других лиц сопровождали д-ра Кальтенбруннера. Я видел доктора Кальтенбруннера и сопровождавших его лиц своими собственными глазами. Согласно показаниям тогдашних " носильщиков трупов"_ бывших заключенных Альберта Тифенбахера, чье письменное показание зачитывалось и который сейчас находится в Зальцбурге, и Иоганна Польстера, который сейчас находится в Потендорфе вблизи Винер Нейштадт, в Австрии, около 15 заключенных из категории имевших ~~место~~ взыскания, было отобрано унтершарфюрером Винклером для того, чтобы показать д-ру Кальтенбруннеру три метода умерщвления: выстрелом в шею, через повешение и умерщвление газом. Среди предназначенных к экзекуции были женщины; им отрезали волосы и убили выстрелом в шею. Вышепоименованные" носильщики трупов" присутствовали при казни и должны были отнести тела в крематорий. После казни д-р Кальтенбруннер отправился к рематорий, а позднее в каменоломню".

8751

H1197-0571

H1197-0572

" Бальдур фон Ширах посетил лагерь осенью 1944 года. Он также был в карцере и в крематории". Вы все еще говорите, что Вы не имели никакого отношения к приказу, на который здесь имеется ссылка, или к вопросам, изложенным в письменном показании под присягой?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я утверждаю это со всей ревительностью и хотел-бы прежде всего указать, что Вы, г-н обвинитель, заявили, что эти показания были даны умирающим Пирейсом, но не сказали, что то, что Вы зачитали на 7 и 8 страницах, сказано не Пирейсом, а Гансом Марзалекеом . Этого Ганса Марзалека я, разумеется, никогда в жизни не знал; он , как и оба вышеназванных свидетеля, был заключенным в лагере Маутхаузен. Я уже высказался относительно ценности показаний заключенного концлагеря обо мне и о невозможности переговорить с этим свидетелем. Я через моего защитника ходатайствовал и сейчас прошу устроить мне очную ставку с этим свидетелем. Марзалек не может вообще ничего знать о подобном приказе; несмотря на это он утверждает, что он знал об этом приказе.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Подсудимый, Марсалек является лишь лицом, которое приняло предсмертную исповедь от Пирейса, Вы понимаете это ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, я этого не понимаю. Для меня было новостью, что Обвинение использовало заключенных из

H1197-0573

концлагерей для опроса смертельно раненого 3-мя выстрелами в живот Цирейса. Я думал, что такие показания снимаются имеющими юридическое образование представителями Обвинения, которые могут оценить должным образом такие свидетельские показания.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Да, возможно, подсудимый, если-бы Вы руководили обвинением Вы бы это сделали по другому; но, во всяком случае, Вы утверждаете, что все изложенное в зачитанном Вам письменном показании является ложью. Это правильно ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, это ложь. Я никогда не издавал приказ по лагерю Маутхаузен, за исключением уже упомянутого мной приказа, на издание которого я имел особые полномочия и относительно содержания которого, я представил исчерпывающие свидетельские показания. Маутхаузен никогда не был в моем подчинении. Таких приказов я издавать не мог. Обвинение прекрасно знает из десятков свидетельских показаний, что я никогда не мог отдавать приказов по этому лагерю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый, очевидно, Вы не поняли, что представляет собой этот документ. Это- письменное показание Ганса Марсалека, данное под присягой; во втором абзаце говорится, что он допрашивал Цирайса, который был при смерти, в присутствии командира ~~бронетанковой~~

бронетанковой дивизии; затем он излагает то, что сказал Цирейс, и далее дополнительно излагает то, что содержится в третьем абзаце. Трибуналу совершенно очевидно, что, что говорится в третьем абзаце-это не слова Цирейса, а слова Марсалека, лица, которое составляло письменное показание под присягой.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Милорд, я могу сказать здесь следующее. Будучи заключенным этого лагеря, Марсалек не мог знать того, что Цирейс никогда не находился у меня в подчинении. Таким образом, совершенно ясно, что, снимая показания с Цирейса, Марсалек не мог знать всей связи событий. Я уже доказал суду и обвинителю, что полномочия на издание приказов я полу ил только 9 апреля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я знаю, это только вопрос, подлежащий обсуждению. Я лишь обращаю Ваше внимание на тот факт, что совершенно очевидно из самого документа, что то, что зачитал полковник Эймен, было заявлением Марсалека , а не Цирейса в противоположность выдвинутому Вами положению.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Подсудимый, припоминаете ли Вы, что Вы приказали коменданту концентрационного лагеря в Маутхаузене 27 апреля 1945 года, чтобы, по крайней мере, тысяча человек умерщвлялись в Маутхаузене каждый день ? Это правда или ложь ?

8754

H1197-0574

H1197-0575

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я никогда не издавал такого приказа. Вы знаете, что я.....

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Были-ли Вы знакомы с полковником СС Пирайсом, о котором мы только - что сейчас говорили ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: А были-ли Вы знакомы с Куртом Бехером или Беккером, бывшим полковником СС ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я ет.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я прошу, чтобы подсудимому показали документ 3762-ПС/, который предоставляется в качестве доказательства США - 798.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Господин Обвинитель ! Вы спросили у меня, знал-ли я полковника СС Беккера. Я ответил, что нет. Этого человека звали Курт Бехер.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Тем лучше. Итак Вы знаете его, не так ли ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, я знал его.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Очень хорошо

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Эймен, были ли эти документы переведены на все языки ?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я полагаю, что каждый из них был переведен на все языки. Нет, мне сказали что не все переведены, а только некоторые документы. Этот документ имеется на английском и немецком языках, милорд.

1755

H1197-0576

У нас не было времени перевести на русский и французский, хотя в данный момент это делается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. В таком случае, это будет сделано ?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕР: Да, сэр. Это уже сейчас делается, сэр.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Разрешите мне сказать....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Для того, чтобы все было занесено полностью в записи суда, Трибунал хотел-бы, чтобы обвинение выступало с заявлениями тогда, когда сделан перевод, для того, чтобы дело было в полном порядке.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕР: Хорошо.
Подсудимый сейчас мы вместе с Вами зачитаем этот документ.

" Я, Курт Бехер, бывший полковник СС, родившийся 12-го сентября 1909 года в Гамбурге, заявляю под клятвой следующее:

" Между серединой сентября и серединой октября 1944 года по моей просьбе рейхсфюрер СС Гиммлер издал следующий приказ, который я получил в двух оригинальных экземплярах: подлинники для генералов СС Кальтенбруннера и Поля, и копию под копирку для меня самого".

" Этим приказом, который подлежит немедленному исполнению, я запрещаю какую-либо ликвидацию евреев и, наоборот, приказываю оказывать медицинскую помощь слабым и больным. Назначаю Вас / здесь подразумевались Кальтенбруннер и Поль/ лично ответственными за строгое соблюдение этого приказа

H1197-0577

низшими инстанциями".

" Я лично передал Полю предназначенный для него экземпляр в его бюро в Берлине и оставил экземпляр для Кальтенбруннера в его бюро в Берлине.

По моему мнению после этого дня Кальтенбруннер и Поль несут полную ответственность за какие либо дальнейшие убийства заключенных евреев ".

" Во время моего посещения концентрационного лагеря в Маутхаузене 27 апреля 1945 года, в 9 часов утра, комендант лагеря полковник СС Цирейс сообщил мне под строжайшим секретом, что " Кальтенбруннер дал мне приказ, чтобы, по крайней мере, тысяча человек должна была умирать в Маутхаузене каждый день ".

" Вышеупомянутые факты являются правдой. Это заявление сделано мною добровольно и без принуждения. Я прочитал свои показания , подписал их и подтвердил свое заявление клятвой".

Это правда или ложь, подсудимый ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Частично это правильно, а частично неправильно. Я буду говорить относительно каждой отдельной фразы.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕР: Нет. Пожалуй, просто скажите нам, что Вы считаете ложью, поскольку мы должны с этим закончить.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я верю, что Вы хотите сэкономить время. Но здесь речь идет о том, виновен я или нет.

Поэтому я должен во всех деталях высказать свое мнение по этому вопросу, иначе ни Вы, ни суд не сможет узнать, как в действительности обстояло дело. Я очень рад, что найден этот свидетель Бехер и что у меня находится в руках его заявление, которое доказывает, во 1-х, что Гиммлер в сентябре или октябре 1944 года был вынужден издать такой приказ, тот самый Гиммлер, относительно которого установлено, что он с 1939 г. или с 1940 г. в широких масштабах занимался преступными убийствами евреев. Теперь следует поставить вопрос, почему Гиммлер в сентябре или октябре 1944 года издает такой приказ; еще не зная этого документа, я вчера и сегодня заявил, что соответствующий приказ был издан Гитлером на основании моего представления, а приказ Гиммлера совершенно очевидно явился следствием того приказа, который он получил от Гитлера. Во вторых, мне ясно, что Гиммлер передал этот приказ Полю, который был ответственен за те лагери, в которых содержались евреи. В третьих, Гиммлер мне сообщает об этом приказе, как своему противнику. Что-же касается самого Бехера, то я могу сказать следующее: Гиммлер делал через Бехера самые ужасные вещи, о которых здесь говорилось . Он через Бехера и Хайниккомитет в Венгрии и Швейцарии освобождал евреев за поставку предметов вооружения, а позднее за сырье и девизы. Я узнал об этом через службу информации и сразу же выступил

8758

H1197-0578

H1197-0579

против этого, но обратился не к Гиммлеру / это было-бы напрасно/ , а к Гитлеру. В этот момент весь личный авторитет Гиммлера в глазах Гитлера был уничтожен, так как эти мероприятия могли сильнейшим образом подорвать авторитет империи за границей. Одновременно с этим начались мои мероприятия в Букгарде. Вы теперь понимаете, почему свидетель Шелленберг заявил о том, что Гиммлер ему сказал: " я боюсь, я теперь целиком в руках у Кальтенбруннера". Это значит, что Кальтенбруннер раскрыл его все махинации в Венгрии, сказал о них Гитлеру и стал выступать против них. Этим приказом он хотел лишь замаскировать все дело, вывернуться из создавшегося неприятного положения и переложить всю ответственность на Поля или Кальтенбруннера. Согласно этому документу, ответственным в данном случае является Гиммлер и Поль. Кальтенбруннер же должен был получить об этом документе сведения, чтобы оказаться причастным ко всему дело, а то иначе он непрерывно жаловался на все Гитлеру; вот в чем смысл этого документа.

Я прошу Вас, господин Обвинитель, вызвать этого свидетеля Бехера во что бы то ни стало сюда. Я знаю, что он здесь, в Нюрнберге. Я вполне могу, путем личной ставки с этим свидетелем перед лицом всей общественности показать, как, начиная с этих, так называемых "дел" в Венгрии и до того дня, Гиммлер вместе с Полем, Бехером и обоими комитетами

в Венгрии и Швейцарии проводили все эти мероприятия и как я выступал против них.

Но в этом документе содержится еще одно обвинение против меня, а именно , будто бы я издал 27 апреля строго секретный приказ Пирейсу уничтожать каждый день тысячу евреев. Я прошу Вас немедленно вызвать сюда свидетеля, Роттля и спросить его, какого числа я продиктовал приказ относительно передачи лагеря со всеми заключенными противнику и отослал его с офицером связи в Маутхаузен. Свидетель подтвердит, что этот приказ был издан за несколько дней до 27 апреля и что, таким образом, я не мог издать 27 апреля приказа противоположного содержания. Я прошу Вас не пред"являть мне документов, в которых говорится о самых неожиданных для меня вещах. Вы думаете, что меня это сломит. Господин Обвинитель, это меня не сломит, я клянусь и уже поклялся помочь Вам установить правду.

ЭЙМЕН: Подсудимый , Вы слышали на этом процессе показания, связанные со значением выражения " особое обращение", не так ли ? Вы слышали такие показания в этом зале суда ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, выражение " особое обращение" упоминалось по несколько раз в день в моем присутствии во время предварительного следствия.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы знаете, что оно означает ?

8760

H1197-0580

H1197-0581

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Следует предположить, что это значило смертный приговор, который выносился не судом, а определялся приказом Гиммлера; я понимаю это только в таком смысле.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕС: Подсудимый Кейтель дал показание о том, что это было общеизвестно. Не было-ли Вам всегда известно, что означало это выражение " особое обращение" ? Ответьте -"да" или " нет", пожалуйста.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, я Вам уже говорил об этом, Был приказ Гиммлера,- могу указать также на приказ Гитлера, изданный в 1941 г. - казнить без судебного разбирательства.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕС: Обсуждали-ли Вы когда нибудь с группенфюрером Мюллером, начальником четвертого отделения, ходатайство о применении " особого обращения" к некоторым людям. Ответьте - "да" или " нет", пожалуйста.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, я не знаю, что свидетель Шелленберг утверждал....

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕС: Я прошу, чтобы подсудимому показали документ № 3839-ПС, который становится доказательством США-799. Между прочим, были ли Вы знакомы с Джозефом Шпасилем

/ Кальтенбруннер знакомится с документом/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Отвечайте на вопрос.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕС: Были-ли Вы знакомы с Джозефом Шпасилем ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Шпасиля я не знал.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Это лицо, которое дало письменные показания, находящиеся сейчас перед Вами.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Фамилия, которая здесь написана - Иозеф Шпациль. Его я знаю.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Может быть, Вы взглянете на середине первой страницы на абзац, который начинается: "В отношении особого обращения..." Вы нашли это место?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Чтобы схватить содержание этого документа, я должен прочитать его полностью.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Если Вы собираетесь читать все эти документы, подсудимый, то мы никогда не закончим, потому что первая часть не имеет никакого отношения к той части, которой я интересуюсь, и к Вам.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Господин обвинитель, я охотно верю Вам, что Вы заинтересованы в максимальном ускорении процесса. Подсудимые, защищаясь, также стараются не затягивать процесс. Но для того, чтобы защищать себя, мне необходимо, по крайней мере, прочитывать те документы, по поводу которых я должен говорить.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Но, подсудимый, у Вашего защитника есть копии всех этих документов, и я уверен, что если что-нибудь нужно будет заявить от Вашего имени, то Ваш защитник позаботится о том, чтобы в соответствующее время об этом было заявлено; это будет после того, как я задам мои вопросы. Это Вас удовлетворяет?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, для меня этого недостаточно. Я, во всяком случае, должен знать, о чем говорится в этом документе, раз я должен немедленно отвечать Вам.

ПОЛКОВНИК ЭЛМЕН: Ну, хорошо, в таком случае читайте дальше.

ПРИДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый, не только Ваш собственный защитник будет заботиться о Ваших интересах, но также и

H1197-0582

H1197-0583

Трибунал будет заботиться о Ваших интересах, а сейчас Вы должны отвечать на вопрос.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Очень хорошо. Сейчас обратимся к середине страницы и будем читать, начиная со слов:

"В отношении особого обращения мне известно следующее:

"По случаю совещаний начальников секторов, группенфюрер Мюллер часто советовался с Кальтенбруннером о том, следует ли применить по тому или другому делу особое обращение или следует ли обсудить вопрос об особом обращении. Вот пример такого разговора: "Мюллер:-Скажите, пожалуйста, в случае дела "А" следует применить "особое обращение" или нет?"

"Кальтенбруннер: Да, или представить рейхсфюреру для принятия решения".

Или:

"Мюллер: - Обергруппенфюрер, от рейхфюрера СС не поступило никакого ответа в отношении применения особого обращения по делу "А".

Кальтенбруннер: Запросить об ответе."

Или:

"Мюллер вручает документ Кальтенбруннеру и просит его инструкции, как это было описано выше".

Когда подобная беседа происходила между Мюллером и Кальтенбруннером, упоминались только инициалы, так что лица, присутствовавшие на совещаниях, никогда не знали, о ком шла речь".

И затем два последних абзаца:

"Когда некоторые дела разбирались в моем присутствии, как Мюллер, так и Кальтенбруннер предлагали применение "особого обращения" или передачу рейхсфюреру СС для получения его санкции на применение "особого обращения". По моим

оценке, приблизительно в 50 процентах из этих случаев было дано одобрение на применение "особого обращения".

Является ли содержание этого письменного показания, исходящим под присягой правдой или ложью, подсудимый?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Содержание этого документа нельзя назвать правильным в вашем толковании, господин обвинитель. Вы сейчас увидите, что даже трагическому выражению "особое обращение" в данном случае был придан юмористический смысл. Вы знаете, что такое "Вальвертраум" в Вальвертале и что такое "Винцерштубе" в Годесберге? Вы знаете, чем было в данном случае это Ваше так называемое "особое обращение"? "Вальвертраум" является самым роскошным и фешенебельным отелем для альпинистов во всей германской империи, а "Винцерштубе" в Годесберге - также знаменитый отель, в котором неоднократно проводились международные конференции. В этих отелях были размещены особо видные лица. В качестве примера я назову господина Поне и г-на Эррио. Они получали продукты питания по тройной дипломатической норме, т.е. в 9 раз больше, чем рядовые немцы во время войны, они ежедневно получали бутылку секта, имели свободную переписку с семьей, могли свободно получать посылки от семей из Франции, неоднократно посещали и осведомлялись об их желаниях. Вот что следует понимать в данном случае под "особым обращением." В этой связи я хочу сказать следующее: возможно, что Мюллер говорил со мной об этом, поскольку это меня очень интересовало с точки зрения внешней политики и информации. Я был заинтересован в том, чтобы империя следовала моим тенденциям - обращаться гуманно с представителями иностранных государств. Очень может быть, что Мюллер говорил со мной по этому вопросу. Конечные же цели этого, так называемого особого обращения, - "Винцерштубе" и Годесберг были местами, в которых содержались почетные политические заключенные.

3764

H1197-0584

H1197-0585

Полковник ЭЛМЕН: Часто ли у Вас были совещания с Вашими начальниками отделов, включая Мюллера, как это указывается в этом документе?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Господин обвинитель, вчера и сегодня я заявлял вам, что я, само собой разумеется, говорил с Мюллером, когда мы вместе обедали. Обедали же мы вместе потому, что наши 38 зданий в Берлине были разрушены или повреждены во время бомбардировок. Но мы не обсуждали с ним в это время служебных дел 4-го управления. Как раз из этого документа вытекает, что во время этих бесед речь шла о вопросах, которые интересовали меня, как начальника службы информации. Я хочу просить Вас о том, чтобы Вы не отклонялись сейчас от этого документа и чтобы в протоколах было записано, что эти два заведения были предназначены мною для лиц, с которыми особенно хорошо обращались, лучше, чем с немцами. Это очень важно для меня. Поэтому я прошу Вас лично или позднее буду просить через моего адвоката, чтобы Вы получили самые точные сведения относительно этих двух отделей. Я прошу Вас поговорить также с шефом французских заключенных Понсе об обращении, которому они там подвергались. Ему там настолько повезло, что он занимался французским языком с женой одного чиновника из уголовного управления и обучал ее французскому языку во время многочасовых прогулок абсолютно без всякой охраны.

Полковник ЭЛМЕН: Подсудимый, давали Вы или нет такие инструкции Мюллеру в качестве начальника 4-го отдела, согласно которым некоторые лица, находившиеся в заключении в Берлине, должны были быть переведены в Южную Германию или расстреляны. И для того, чтобы помочь Вам, я напомню, что это было в феврале 1945 года, когда русские армии сходились вокруг Берлина. Отвечайте "да" или "нет", если можете.

8 765

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, русская армия была довольно далеко от Берлина в феврале 1945 года. Военные могут дать здесь точные сведения относительно того, где тогда проходил фронт; но мне кажется, что в тот момент не было необходимости эвакуации на юг.

Полковник ЭЙМЕН: Были ли Вы знакомы с Мартином Зандбергером начальником группы VI а Главного имперского управления безопасности?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это был первый сотрудник так часто упоминавшегося здесь Шелленберга и через него осуществлялась связь между Шелленбергом и Гиммлером.

Полковник ЭЙМЕН: Я прошу, чтобы подсудимому показали документ 3838-ПС, который становится доказательством США-800.

/Подсудимому/: Я обращаю Ваше внимание только на два первых абзаца этого письменного показания, данного под присягой: В бытность мою в РСХА

"~~Будучи~~ начальником группы VI-а, мне стало известно следующее:

В феврале 1945 года начальник группы штандартенфюрер СС Штейнле сказал мне, что он должен был представлять Шелленберга на ежедневных совещаниях начальников отделов. На одном из таких совещаний Мюллер/из 4-го отдела/ представил Кальтенбруннеру список лиц, которые находились в заключении вблизи Берлина или в самом Берлине, и Кальтенбруннер должен был решить, должны ли они были быть переведены в южную Германию или расстреляны, поскольку русские армии приближались к Берлину. Штейнле не знал, что это были за люди. Кальтенбруннер вынес решение чрезвычайно поспешно и поверхностно, и Штейнле выразил мне свое негодование на легкомысленный характер этой процедуры. Я предположил, что Кальтенбруннер приказал провести ряд расстрелов, поскольку

8766

H1197-0586

H1197-0587

если бы было приказано провести эвакуацию, то не было бы разговоров о легкомысленном характере этой процедуры".

Является ли это письменное показание под присягой правдой или ложью?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, это показание неправильно, я могу сейчас же опровергнуть его, хотя оно для меня и очень неожидан но. Я прошу обратить внимание на следующие пункты. Во-первых, сам документ изготовлен 19 ноября 1945 года свидетелем Зандбергером в Оберурселе.

Во второй части первого параграфа он говорит о том, что он был вместе с Шелленбергом в Англии. Нет, это не в первом параграфе, а во втором. Здесь, во втором параграфе говорится: "Во время моего пребывания в лагере интернированных в Англии на одной из прогулок я узнал от Шелленберга... и т.д." Таким образом, из второй части ясно, что он во время пребывания в лагере расследования около Лондона, где я тоже находился в течение 10 недель, имел часто подробные беседы с Шелленбергом.

Весь этот вопрос важен потому, что относительно личности самого Шелленберга следует еще кое-что сказать. Знал ли Зандбергер об этом уже в феврале 1945 года от Штеинле или он узнал об этом через посредство Шелленберга во время совместного пребывания в заключении в Лондоне,—может быть установлено только при непосредственном опросе Зандбергера моим защитником А пока это не установлено,—я вообще выступаю против его заявления.

ЭЙМЕН: Хорошо.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, я еще далеко не закончил, господин обвинитель. Во-вторых, здесь Зандбергер утверждает, что он слышал об этом от Штеинле, а Штеинле, в свою очередь, слышал от кого-то. Несмотря на то, что я таким сведениям, полученным через третьи или четвертые руки, вообще не особенно бы верил,

H1197-0588

же
я все должен опровергнуть самым тщательным образом это утверждение Штейнле. У меня не было полномочий принимать такие решения, причем ни Шелленберг, ни Штейнле, ни Зандбергер никогда не могли сомневаться в том, что такие решения принимались Гиммлером.

И, третье,-о таком обращении с заключенными я сам вообще слышал только один раз, сам вмешался в это дело и сообщил о нем в надлежащих сферах. Это относится к Шушнигу. Он находился в одном из лагерей, которые подвергались угрозе в связи с приближением русских войск. I февраля 1945 г. - я хорошо помню эту дату, ее могут подтвердить другие обвиняемые, - на вопрос, нельзя ли что-нибудь сделать для Шушнига, чтобы он не попал в руки к русским, я ответил: "Или Вы, или я должны предложить фюреру освободить Шушнига из заключения или, по крайней мере, перевести его туда, где он попал бы в руки к американцам, а не к русским". Такое предложение действительно было сделано Гитлеру, кем-то из нас, не помню - кем; может быть, даже обоими.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы, несомненно, отходите слишком далеко в сторону. Трибунал хорошо помнит, что Вы указываете на тот очевидный факт, что это показание основано на слухах. Единственный вопрос, который был Вам поставлен, заключался в том - представил ли Вам тогда Мюллер список имен. Насколько мы поняли, Вы сказали, что он не представил Вам списка. Мы не хотим выслушивать доводов по этому вопросу.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, милорд. Мюллер не представил мне такого списка. Но ведь я не должен высказаться относительно этого документа, который мне сейчас впервые показывают. Я не хочу, чтобы у Суда создалось впечатление, что я в состоянии защищать себя лишь после многочасовых совещаний со своим защитником. Я хочу сказать прямо в лицо обвинителю, что это не так. Я должен бороться за то, чтобы

H1197-0589

моим показаниям верили. Я прошу обвинителя доставить сюда свидетеля Зандбергера, причем он может тем временем дюжину раз переговорить с ним и сказать ему, почему я считаю все это неправдоподобным. Я должен об"яснить Суду, почему это не соответствует действительности.

Полковник ЭЙМЕН: Подсудимый, знакомы ли Вам какие-либо из приказов, называемых "приказами о пуле", которые направлялись в концентрационный лагерь Маутхаузен?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я уже высказал вчера свою точку зрения по вопросу об этих "приказах о пуле". Я сказал, что ничего не знал относительно этого приказа.

Полковник ЭЙМЕН: Издавали ли вы сами какой-либо устный приказ в дополнение к так называемому "приказу о пуле"? Издавали ли Вы когда-нибудь такой приказ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет.

Полковник ЭЙМЕН: Я прошу, чтобы подсудимому показали документ 3844-ПС, который становится доказательством Соединенных Штатов 801. /Подсудимому/: Были ли Вы знакомы с Иозефом Нидермейером, подсудимым? С Иозефом Нидермейером?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, не помню, чтобы я его знал.

Полковник ЭЙМЕН: Хорошо. Тогда, возможно, этот документ восстановит Вашу память.

Абзац первый:

"С осени 1942 года и до мая 1945 года так называемые тюремные бараки в концентрационном лагере в Маутхаузене были под моим надзором."

Абзац 2. "В начале декабря 1944 года так называемые "приказы о пуле" были показаны мне в политическом отделе концентрационного лагеря в Маутхаузена. Это были два приказа и под каждым из них стояла подпись Кальтенбруннера. Я видел сам обе эти подписи. В одном из этих приказов говорилось, что иностранные рабочие и гражданские лица, кото-

H1197-0590

рые неоднократно бежали из рабочих лагерей, должны были быть по их поимке посланы в концентрационный лагерь в Маутхаузен для того, чтобы быть подвергнутыми действию "пули".

"Во втором приказе говорилось, что тому же самому действию должны были быть подвергнуты военнопленные офицеры и унтер-офицеры, за исключением англичан и американцев, в случае, если они неоднократно бежали из лагерей для военнопленных. Эти военнопленные также должны были быть доставлены в концентрационный лагерь в Маутхаузен.

Абзац 3. В силу этого "приказа о пуле" и сопровождающих его устных инструкций Кальтенбруннера, в концентрационный лагерь в Маутхаузене было доставлено 1500 иностранных рабочих - гражданских лиц, офицеров и унтер-офицеров. Там их разместили в бараке № 20 и кормили, согласно приказам, так плохо, что им пришлось очень голодать. 800 из них умерло от голода и болезней. Плохая пища и отсутствие медицинской помощи явились результатом устных приказов, отданных лично Кальтенбруннером".

Является это заявление правдой или ложью, подсудимый?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, это неправда. Мне кажется, что я могу сейчас же полностью опровергнуть этот документ. Я хотел бы обратить ваше внимание на страницу вторую, где в § 3, в третьей строчке, сказано: "...1500 иностранных гражданских рабочих, офицеров и унтер-офицеров... и т.д." Из этих слов "гражданские рабочие"...

Полковник ЭЙМЕН: Подсудимый, я прежде всего интересуюсь вторым абзацем, где говорится о том факте, что лицо, которое дало письменные показания под присягой, видело эти "приказы о пуле" с Вашей подписью. Является ли это, насколько Вам известно, правдой или ложью?

8720

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я вчера об этом заявил и повторяю это сегодня еще раз под присягой, что эти "приказы о пуле" мне неизвестны. Для того, чтобы перейти к вопросу о достоверности этих показаний свидетеля и о доказательной силе всего этого документа, я должен дать аргументацию по тем вопросам, в которых обвинение самым явным образом неправо. Это находится в § 3, строчка третья. Там-подпись свидетеля совершенно не похожа на почерк всего показания. Я хочу обратить особое внимание Суда на это обстоятельство. Этот свидетель совершенно забыл, что "приказ о пуле" относится лишь к офицерам и унтер-офицерам, а не к гражданским рабочим. Каким образом тогда вообще все это могло произойти. Я не мог вынести смертного приговора какому-либо гражданскому лицу за убийство на основании, скажем, 820 параграфа гражданского кодекса. Я также не мог на основании "приказа о пуле" посадить в лагерь гражданского рабочего. Свидетель слишком поспешил в своей угодливости и забыл обо всем этом. Я не думаю также, что этот свидетель видел когда-либо документ за моей подписью. Думаю, что будет еще много других свидетелей, связанных с Маутхаузеном; пусть их всех вызовут сюда и спросят, при каких обстоятельствах они дали свои показания.

Полковник ЭЙМЕН: Подсудимый, припоминаете ли Вы показания свидетеля Висленени о Вашем участии в проведении программы принудительного труда на оборонительных работах под Веной?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Простите, но мне нужно добавить еще кое-что очень существенное. Я не кончил еще предыдущего вопроса.

Полковник ЭЙМЕН: Я думал, что Вы закончили с этим.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, я тоже так думал, но вспомнил одну важную вещь.

H1197-0591

H1197-0592

Полковник ЭЛМЕН: Хорошо.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Очень важно сослаться на то, что я говорил вчера относительно этого "приказа о пуле". Я заявил, что мне о нем стало известно в декабре 1944 или в январе 1945 года. Я также об"яснил, что я выступил против этого приказа. Поэтому понятно, что я не мог подписать такого приказа, против которого я потом выступал. Кроме того, совершенно невозможно, чтобы какой-то Кальтенбруннер подписал "приказ о пуле", который, как заявляет Обвинение, был подписан Гитлером еще в 1941 году. Вот что я хотел сказать в заключение. Теперь я прошу повторить мне предыдущий вопрос.

Полковник ЭЛМЕН: Я хочу обратить Ваше внимание на показание Вислицени в отношении Вашего участия в программе принудительного труда на оборонительных работах под Веной. Знакомо ли Вам то, что он сказал этому суду?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет.

Полковник ЭЛМЕН: Хорошо. Я Вам зачитаю это. Показание очень коротко:

"Вопрос: Что случилось с евреями, оставшимися в Будапеште?

Ответ: В октябре-ноябре 1944 года около 30.000, может быть, несколькими тысячами больше, было вывезено и доставлено в Германию. Они должны были быть использованы на оборонительных работах в Вене. Большинство из них были женщины. Небольшая часть этих людей была помещена в рабочие лагеря на Нижнем Дунае и они умерли от истощения. Меньшая в процентном отношении часть, возможно - 12 тысяч, была вывезена в Вену, в пограничную часть на западе и около 3.000 было взято в Берген и Бельзен, а затем в Швейцарию. Это были евреи, которые были вывезены из Германии".

Теперь, подсудимый, припоминаете ли вы о том, что у вас была переписка с бургомистром города Вены в связи с использованием принудительного труда в городе Вене.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я никогда не писал писем бургомистру Будапешта и я просил бы ~~Вас~~ показать мне хоть одно такое письмо или самого бургомистра...

Полковник ЭЛМЕН: Я не сказал Будапешта, я сказал - бургомистр города Вены, или, по крайней мере, я намеревался так сказать.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не помню также бургомистра Вены и не помню, чтобы у меня с ним была переписка. Я хочу сказать, что пограничные укрепления, о которых здесь, очевидно, идет речь, находились в ведении не города Вены, а Нижне-Дунайского гау, так как, насколько мне известно, у Вены нет общей границы с Венгрией.

Полковник ЭЛМЕН: Хорошо, вы уже дали показание о том, что вы не имели никакого отношения к участию в этой программе принудительного труда. Это правильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

Полковник ЭЛМЕН: Хорошо. Я прошу, чтобы подсудимому показали документ 3803-ПС, доказательство США-802/документ вручается свидетелю/. Я обращаю Ваше внимание на первые три абзаца. Вы заметите, что письмо исходит от Вас и гласит: "Бургомистру города Вены, бригаденфюреру СС Блашке в Вене. Тема: Использование принудительного труда на работах военного значения в городе Вене.

"Касательно Вашего письма от 7 июня 1944 года...

"Дорогой Блашке, согласно особым причинам, на которые Вы сослались, я в настоящее время отдал приказы доставить несколько транспортов с эвакуированными в Вену - Штрассгоф. Доктор Делльбруге, между прочим, уже написал мне по этому же вопросу.

8773

H1197-0593

H1197-0594

"В настоящее время четыре транспорта, составляющие, примерно, 12 тысяч евреев, находятся в пути. Они должны прибыть в Вену в течение ближайших нескольких дней.

Согласно предыдущему опыту, считаю, что 30 процентов из этого количества будет состоять из евреев, которые способны к работе ; приблизительно 3.600 человек в данном случае, которые могут быть использованы для предполагаемых работ. Само собой разумеется, что Вы можете освободиться от них в любое время. Совершенно очевидно, что может быть использовано только хорошо охраняемое и огороженное место работы и надежные, типа лагерных, бараки. Это является абсолютно необходимой предпосылкой для использования этих евреев.

Женщины и дети, находящиеся среди неспособных к работе евреев, содержатся в готовности для применения к ним особого обращения и поэтому на-днях они будут снова выселены. В течение дня они также должны оставаться в охраняемом лагере.

Пожалуйста, обсудите дальнейшие детали с полицейским управлением в Вене, оберштурмбанфюрером СС д-ром Эбнером и с оберштурмбанфюрером Крумей - от управления по проведению применения особого обращения в Венгрии, который в настоящее время находится в Вене.

Я надеюсь, что эти транспорты помогут Вам в проведении той неотложной работы, которая возложена на Вас. Хайль Гитлер! Ваш Кальтенбруннер".

Вы припоминаете эту переписку?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет.

Полковник ЭЛМЕН: Вы отрицаете, что Вы писали это письмо?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

Полковник ЭЛМЕН: Я думаю, понсудимый, что на этот раз Ваша подпись имеется на подлиннике этого письма. У Вас имеется подлинник?

8774

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

Полковник ЭЙМЕН: Это не ваша подпись?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, это не моя подпись: здесь стоит действительно какая-то подпись чернилами или факсимиле, но эта подпись не моя.

Полковник ЭЙМЕН: Подсудимый, я хочу Вам показать образцы Вашей подписи, которую Вы ставили в течение Ваших допросов, и я прошу Вас сказать мне, являются ли эти образцы Вашими подписями?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, я сотни раз ставил такие подписи и уверен, что они - подлинные. Вот этот документ, подписанный карандашом, - мой.

Полковник ЭЙМЕН: Может быть, Вы сейчас как-нибудь отметите, какие подписи, как Вы сами говорите, принадлежат Вам, для того, чтобы Трибунал посмотрел и сравнил с Вашей подписью на документе № 3803-ПС, доказательство США-802?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Вот эти сделанные карандашом подписи поставлены мной.

Полковник ЭЙМЕН: Все?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Все три.

Полковник ЭЙМЕН: Хорошо.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Но не те, которые сделаны чернилами.

Полковник ЭЙМЕН: Очень хорошо/документы передаются Трибуналу/. Могу я продолжать, милорд?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту, пожалуйста. Продолжайте, полковник Эймен.

Полковник ЭЙМЕН: Подсудимый, Вы слышали показания относительно создания варшавского гетто и очищения гетто.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сейчас переходите к новому документу?

Полковник ЭЙМЕН: Да, Ваша честь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тогда мы лучше сделаем перерыв на 10 минут.

8-775

H1197-0595

H1197-0596

/Об"является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

Д-р ТОМА/защитник подсудимого Розенберга/: Господин председатель, в самые ближайшие дни я должен буду начать представление документов. Я прошу сказать, в какой день или в какой час будет рассматриваться этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Тома! Трибунал считает, что завтра, т.е. в субботу, в 12 часов 30 минут утра будет наиболее удобное время для обсуждения вопроса о том, можно ли принимать Ваши документы в качестве доказательства.

Защитник ТОМА: Благодарю.

Полковник ЭЛМЕН: Господа судьи, я хотел бы сейчас вновь остановиться на документе № 3803-ПС, на котором имеется подпись.

Допрос, производимый полковником Элменом

Полковник ЭЛМЕН: Скажите, подсудимый, Вы имеете оригинал этого документа перед собой.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

Полковник ЭЛМЕН: Взгляните на Вашу подпись и скажите, не видите ли Вы над подписью написанные от руки буквы "Д-Е-И-Н"?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

Полковник ЭЛМЕН: Насколько я понимаю, это слово означает на немецком языке "Твой". Другими словами, это - форма обращения, которая обычно используется только между близкими друзьями. Это правильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: В немецком языке есть только две возможности подписывать что-либо: "Ваш" или "Твой". Подпись "твой" употребляется только тогда, когда обращаются друг к другу на "ты", т.е. в том случае, если отношения дружественные. Я находился в дружественных отношениях с бургомистром Вены фон Блашке и...

8776

Полковник ЭЙМЕН: Не думаете ли Вы, что было бы нелепо и неразумно предположить, что печать или факсимиле может воспроизводить подпись и одновременно слово "твой" над подписью?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это было бы нелепо, я это признаю, но я не говорил, что это непременно факсимиле. Я сказал, что это не моя подпись, что это или факсимиле или кто-то другой поставил эту подпись. Составитель письма, - вы не дали мне договорить, - как это следует из шифра вверху, в левом углу, состоял, очевидно, в 4-м отделе "А" и 4-м "Б". Каждому человеку в империи и в этом учреждении было известно, что я и бургомистр Вены Блашке еще со времен совместной политической деятельности в Вене в течение 10 лет говорили друг другу "ты" и были друзьями. Если я не был в Берлине и письмо было срочное, как можно предположить по его содержанию, то чиновник, посылавший это письмо, очевидно, считал себя вправе подписать эту общепринятую фразу. Я не давал ему этого права. Это, конечно, кажется невозможным, но я только так могу себе это представить.

Полковник ЭЙМЕН: Хорошо, подсудимый, но теперь Вы, по крайней мере, согласитесь, что эта подпись не была воспроизведена при помощи факсимиле?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Трудно представить себе печать со словом -твой", это невозможно. Так что чиновник сам поставил эту подпись; все знали, что мы с Блашке на "ты", поэтому он поставил там "твой", раз уж он ставил мою подпись. Потом, пожалуйста, посмотрите на цифру "30" наверху; Вы сами увидите, что я никогда так не пишу.

Полковник ЭЙМЕН: Подсудимый! Разве не будет в равной степени абсурдом полагать, что какое-то лицо или Ваш служащий, как Вы его назвали, подписывая подобное письмо от Вашег

H1197-0597

H1197-0598

имени, попытается подделать Вашу подпись?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, господин обвинитель, но невозможно было на письме к обербургомистру Вены и человеку, с которым я был на "ты", напечатать мою подпись на машинке; вдобавок письмо это было личного характера. Это было невозможно. Но если меня не было в Берлине, у него было только две возможности: напечатать на машинке или написать от руки так, как будто это писал сам Кальтенбруннер.

Полковник ЭЛЛИН: В действительности же, подсудимый, сейчас Вы просто лжете относительно Вашей подписи на этом письме так же, как Вы лгали относительно всех вопросов, по которым Вы давали показания. Разве это неправильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Господин обвинитель! Я уже привык за этот год к таким оскорблениям, какое вы сейчас бросаете мне, называя меня лжецом. В течение года и здесь, и в Лондоне во время сотен допросов меня ругали и так и еще более резкими словами. Мою мать, которая умерла в 1943 году называли потаскухой и бросали десятки подобных оскорблений мне в лицо. Это обращение для меня сейчас не ново, но я должен заявить, что я в данном случае не буду говорить неправды, если я хочу, чтобы в более важных вещах Трибунал мне доверял.

Полковник ЭЛЛИН: Но я предполагаю, подсудимый, что если Ваши показания совершенно противоречат показаниям других 20 или 30 свидетелей и огромному количеству документов то мало вероятен тот факт, чтобы Вы говорили правду, а показания всех других свидетелей и все другие документы говорили бы неправду. Вы согласны с таким предположением?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, с этим я не могу согласиться, так как я считаю, что каждый представленный Вами сегодня документ мог быть вполне обоснованно опровергнут мною,

как только я рассмотрел его. Я прошу и надеюсь, что Суд согласится со мной,- дать мне разрешение на очную ставку с некоторыми свидетелями так, чтобы я мог защищаться до конца.

На предварительном следствии Ваш сотрудник совершенно неправильно смотрел на меня, думая, что я спорю о мелочах и незначительных фактах. Такое понимание экономичного ведения процесса мне до сих пор было неизвестно. Если бы ваш сотрудник говорил со мной о действительно важных вещах, он мог бы быстрее выяснить очень многие, куда более важные, обстоятельства. Когда в день передачи обвинительного заключения мне был задан вопрос, готов ли я давать в дальнейшем показания Обвинителю, я был, пожалуй, единственным подсудимым, который заявил и написал (прод"явите мою подпись): "Я готов давать Обвинению показания по всем вопросам." Вот тот господин меня тогда допрашивал /указывает на переводчика/. В течение пяти месяцев я давал все показания, которые требовались от меня Обвинением. Больше меня не спрашивали.

Полковник ЭЛЬИН: Подсудимый, разве не является фактом то, что во время Вашего последнего допроса Вы заявили, что Вы не хотите, чтобы Вас еще допрашивали, потому, что все эти вопросы оказывают помощь больше обвинению, чем Вашей защите, и что Вам сказали, что Вас больше допрашивать не будут. Вы также были информированы о том, что имеются другие документы и материалы, которые еще не были Вам представлены, и если Вы пожелаете когда-либо, чтобы Вас допросили относительно этих материалов, то Вы должны сообщить об этом защитнику, и послать записку и тогда лица, которые Вас допрашивали, продолжат Ваш допрос. Это правильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, так не было. Я заявил, что буду давать показания повторно на нескольких допросах; вечером,

8729

H1197-0599

H1197-0600

это было около 8 часов, - я могу описать помещение, - я был выведен из помещения. Переводчик, которого я здесь видел сегодня утром, сидел за длинным столом и с ним еще 2-3 чиновника. У меня спросили: "Вы получили сегодня обвинительное заключение?" Я сказал: "Да". Они сказали: "Вы приняли к сведению, что теперь Вы будете с генеральным секретарем говорить о своей защите. Вы хотите, чтобы Вас и далее допрашивали?" На это я ответил: "Да, несомненно, я в любое время предоставлю себя в распоряжение обвинения". Офицер после этого удивленно посмотрел на меня, так как, очевидно, это явилось для него неожиданным. Видимо, другие подсудимые заявили перед тем: "Мы счастливы, что этот допрос кончился и мы можем заняться своей защитой".

Полковник ЭЛМЕН: Теперь я хочу огласить выдержку из протокола Вашего последнего допроса. После вопроса относительно того, ~~что~~ оказывают ли какую-нибудь пользу для Вас Ваши показания и желаете ли Вы их продолжать, Вы ответили следующее: "Эти показания важны для моей защиты, по крайней мере, постольку, поскольку они имеют значение для обвинения, по этому поводу меня уже не раз спрашивал следователь. Поэтому я считаю, что я еще нахожусь в распоряжении обвинения, а не в распоряжении судьи, который бы отвечал за проведение предварительного допроса, и, так как мне уже было вручено обвинительное заключение, ~~то~~ я сейчас готовлюсь к моей защите и не считаю полезным для себя, чтобы Вы продолжали разыскивать материалы, которые будут инкриминировать меня. Пожалуйста, не рассматривайте это как критику или как опровержение, ибо я никогда не был информирован относительно процедуры данного судебного процесса и я не знаю о нем, однако, согласно моим знаниям судопроизводства, данное положение вещей не является правильным. И никогда не имел возможности

встречаться с другими свидетелями и напомнить им, что то-то и то-то случилось иначе, и так далее.

"Вопрос: Следует ли понять Ваше заявление, как возражени против дальнейшего Вашего допроса? Ответ: Как я уже заявил, если мне будет дана возможность встретиться со свидетелями и поговорить относительно дачи показаний в мою пользу, то я был бы рад продолжать эти допросы, но даже и при данном условии, мне кажется, было бы лучше это сделать во время представления доказательств на суде. Я считаю, что я должен вначале побеседовать по этому поводу с моим защитником.

Вопрос: Хорошо. Если у Вас имеются какие-либо вопросы относительно того, хотите ли Вы далее быть допрошены следователями из штаба американского главного обвинения или американским представителем в Международном Военном Трибунале, то я считаю, что Вы должны также обсудить этот вопрос с Вашим защитником. Вас никто никогда не принуждал отвечать на этот вопрос ни до вручения Вам обвинительного заключения, ни после. Я думаю, что Вы согласитесь с тем, что с Вами обращались хорошо при всех обстоятельствах?"

Разве это не соответствует действительности?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, г-н обвинитель, это как раз вполне подтверждает то, что я сказал. Все то, что вы мне здесь прочли, свидетельствует о том, что я был против внезапного прекращения моих допросов. Я сказал также, что мне никогда не дают возможности поговорить со свидетелями, выставляемыми против меня. Это доказывает, что я просил Вас организовать мне очную ставку со свидетелями. Я не отрицаю, я сказал при этом, что обрадован возможностью приступить к подготовке своей защиты. Но мое заявление не зачитывалось мне и я не придал особого значения этому высказыванию. Кроме того, я определенно заявил, - Вы сами читали сейчас это место, - что

8781

H1197-0601

H1197-0602

я предоставляю себя в распоряжение Обвинения.

Полковник ЭЛМЕН: Хорошо, подсудимый. Теперь перейдем к вопросу о варшавском гетто. Вспоминаете ли Вы доказательства, представленные Трибуналу, согласно которым 400.000 евреев были вначале согнаны в гетто, а затем войска СС замучили 56.000, из которых более 14.000 были убиты. Припоминаете ли Вы эти доказательства?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не помню в деталях этого показания, а то, что мне известно об этом, я уже сегодня рассказал.

Полковник ЭЛМЕН: Было ли Вам известно о том, что почти все из этих 400 тысяч евреев были истреблены в лагере смерти в Треблинке? Вы знали об этом?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет.

Полковник ЭЛМЕН: Какое отношение Вы имели к уничтожению в варшавском гетто? Никакого, как обычно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я уже заявлял, что я не имел к этому никакого отношения.

Полковник ЭЛМЕН: Я прошу, чтобы пред"явили подсудимому документ 3840-ПС, который я представляю за № США-803. /Пред"является документ Кальтенбруннеру/. Вы были знакомы с Карлом Калеске?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, этого имени я не знаю.

Полковник ЭЛМЕН: Сможете ли Вы восстановить его фамилию в памяти, если я Вам напомню, что он был ад"ютантом генерала Штрупа?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не знаю ад"ютанта генерала Штрупа. Я не знаю имени, которое Вы мне сейчас назвали - Калеско.

Полковник ЭЛМЕН: Перейдем к письменному показанию, данному им под присягой. Оно имеется у Вас?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

Полковник ЭЛМЕН: Моя фамилия и имя Карл Калеффке. Я был адъютантом доктора фон Заммерн-Франкенегга с ноября 1942 по апрель 1943 года, в то время, когда он был СС и полицайфюрером в Варшаве. Затем я стал адъютантом Штрупа, начальника полиции и СС, до августа 1943 года. План действий в варшавском гетто был составлен в то время, когда Заммерн-Франкенегг был СС и полицайфюрером. Генерал Штрупе принял на себя командование в тот день, когда начались эти действия. Функции полиции безопасности во время действий против варшавского гетто заключались в том, чтобы сопровождать войска СС. Некоторые эсэсовские части получили задание очистить определенные улицы. С каждой эсэсовской группой были 4-6 полицейских из полиции безопасности, потому что они хорошо знали гетто. Эти полицейские подчинялись доктору Хану, начальнику полиции безопасности города Варшавы. Хан получил свое приказание не от СС и полицайфюрера Варшавы, а непосредственно от Кальтенбруннера из Берлина. Подобным образом поступали приказания не только в отношении действий против гетто, но и в отношении всех других вопросов. Часто доктор Хан приходит к нам в управление и сообщал СС и полицайфюреру о том, что он получил такой-то и такой-то приказ от Кальтенбруннера, о содержании которого он хотел бы информировать СС и полицайфюрера. Но он поступал так только в отношении некоторых приказов, а не всех, которые он получал.

"Я помню один случай, когда 300 иностранцев-евреев были собраны полицией безопасности в польском отеле. Когда подходили к концу действия, направленные против гетто, ~~то~~ Кальтенбруннер приказал полиции безопасности выкрести этих людей. Во время моего пребывания в Варшаве полиция безопасности занималась вопросами, касающимися подпольного движения. Полиция безопасности в этих вопросах действовала независимо от СС и полицайфюрера и получала приказы Кальтенбруннера из

H1197-0603

H1197-0604

Берлина. Когда руководитель подпольного движения в Варшаве был захвачен в июне или июле 1943 года, то его самолетом перевезли непосредственно к Кальтенбруннеру в Берлин".

Подсудимый, считаете ли Вы эти показания соответствующими действительности или нет?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Эти показания совершенно не соответствуют действительности. Я должен сказать Обвинению...

Полковник ЭЛЛИС: Точно так же, как и все другие показания, данные другими лицами, которые сегодня выступались для вас? Это правильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это заявление не соответствует действительности и оно может быть опровергнуто.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы то же самое говорили в отношении всех других показаний, которые я Вам оглашал сегодня. Разве это не так?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Господин обвинитель, я должен...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я спрашиваю Вас - так или не так?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Если Вы выдвигаете против меня ложные обвинения, то я должен заявить, что они ложны. Я не могу соглашаться со всем тем, что мне ошибочно инкриминирует Обвинение, несмотря на то, что ответственность за это ложится на Гиммлера.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо, продолжайте. Вы можете говорить все, что желаете.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я прошу сегодня вспомнить то, что я уже говорил относительно подчинения высших начальников СС и полиции и об их полномочиях в оккупированных областях. Все они непосредственно подчинялись Гиммлеру. Высшим начальником СС и полиции подчинялись чиновники СС и полиции в маленьких областях; им подчинялись такие ответвления, как полиция порядка и безопасности.

Весь полицейский аппарат в оккупированных областях не подчинялся центральному имперскому управлению безопасности. Здесь есть люди, которые должны подтвердить мои показания. Здесь был допрошен Бах-Зелевский, который все время находился в оккупированных областях и знает это. Здесь есть подсудимый Франк, который работал с одним таким высшим начальником СС и полиции, который стал позднее его статс-секретарем.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо, Ваш защитник может вызвать всех этих людей. Я вас спрашиваю только о том, соответствует ли данный документ действительности или нет. А затем я попрошу Вас дать краткие об"яснения, которые Вы считаете необходимыми.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Этот документ неверен.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Мы знаем о потенциальных свидетелях,

8785

H1197-0606

находящихся на всей территории Германии, и мы знаем, что всем подсудимым известно почти обо всех разбираемых вопросах. Но я Вас сейчас спрашиваю не по этому поводу. Я спрашиваю Вас только о том, правильно или нет то, что говорится в данном документе. Вы говорите, что это неправильно. Желаете ли Вы еще что-либо сказать относительно данного документа.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это неправильно. Данный свидетель...

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы уже шестой раз повторяете это...

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Не знает этой системы.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: А сейчас перейдем к генералу Штрупу. Знал ли он что-либо об этом?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, раз он был руководителем СС и полиции в Варшаве и Вы мне представили его дневник и доклад. Штруп подчинялся тамошнему высшему начальнику СС и полиции и провел эту акцию по приказу Гиммлера, полученному через высшего начальника СС и полиции.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Штруп был очень хорошим Вашим другом - не так ли?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я видел Штрупа, может быть, два или три раза в своей жизни у рейхсфюрера Гиммлера.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Если бы здесь был Штруп, то он, повидимому, мог бы сказать правду относительно всего, что касается варшавского гетто. Не так ли?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Он должен был бы по крайней мере подтвердить, что он подчинялся высшему начальнику СС и полиции в генерал-губернаторстве, а не мне. Я был бы рад, если бы он сейчас подтвердил это. Из ваших слов я должен предположить, что этот человек находится здесь.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Он сейчас не находится в заключении, но, к счастью, у нас имеется его письменное показание, данное им под присягой, касающееся тех же самых вопросов, по которым я Вас допрашиваю. Я попрошу передать подсудимому документ 3841-ПС, который представляется за № США-804.

Сейчас мы узнаем, подтверждает ли Штруп то, что Вы пытаетесь сейчас доказать Трибуналу. Вы согласитесь с тем, что подтверждает Штруп, - не так ли?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я еще не читал этого документа.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Нет, я говорю, что Вы, зная Штрупа и зная, какую он занимал должность, не будете сомневаться в том, что он будет говорить правду о событиях в варшавском гетто? Не соответствует ли это тому, что Вы только что сказали?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Правдивость показаний свидетелей уже неоднократно подвергалась и с полным правом сомнению. Так как я не знаю еще этого документа, я не могу высказываться по поводу показаний Штрупа.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо, я сейчас зачитаю эти показания. "Мое имя - Юрген Штруп. Я был СС и полицайфюрером района Варшавы с 17-18 апреля 1943 г. и до конца августа 1943 г. План действий против варшавского гетто был составлен моим предшественником СС-оберфюрером д-ром фон Заммерн-Франкенеггом. В день начала этих действий, я принял на себя командование и фон Заммерн-Франкенегг пояснил мне, что следовало делать в этом направлении. Он имел у себя приказ от Гиммлера и, кроме этого, я получил телеграмму от Гиммлера, в которой он мне приказал очистить варшавское гетто и сравнять его с землей. Для того, чтобы выполнить это, я имел в своем распоряжении два батальона войск СС, 100 вооруженных людей из частей регулярной полиции

H1197-0607

H1197-0608

и 75 - 100 полицейских из полиции безопасности. Полиция безопасности была активна в проведении действий против варшавского гетто. При этом они должны были сопровождать СС-овские части группой в 6 - 8 человек, как проводники или люди, знакомые со всеми вопросами, касающимися гетто. Оберштурмбанфюрер д-р Хан был начальником полиции безопасности Варшавы в то время. Хан передал полиции безопасности приказы относительно ее задач во время этих действий. Эти приказы не были переданы Хану мной, они поступили от Кальтенбруннера из Берлина. Как СС и полицайфюрер Варшавы, я не отдавал никаких приказаний полиции безопасности. Все приказы Хан получал от Кальтенбруннера из Берлина. Например, в июне или в июле того же года я вместе с Ханом посетил Управление Кальтенбруннера и Кальтенбруннер сообщил мне, что хотя мы и должны работать совместно, но все основные приказы для полиции безопасности должны поступать от него из Берлина. После того, как примерно 50 - 60 тысяч населения было вывезено из гетто, их привезли на железнодорожную станцию. Полиция безопасности должна была осуществлять надзор за этими людьми и отвечать за перевозку их в Люблин. Немедленно после того, как были закончены действия против гетто, примерно, 300 иностранных евреев были собраны в польский отель. Эти лица частично находились здесь до начала действий против гетто, а частично были переведены во время проведения этих действий. Кальтенбруннер приказал Хану вывезти этих лиц. Сам Хан сказал мне, что он получил этот приказ от Кальтенбруннера. Все смертные казни проводились согласно приказам из главного имперского управления безопасности, а именно - Кальтенбруннера

Я перечитал это показание и полностью согласен с ним. Я дал эти показания без принуждения и по собственной воле. Я клянусь перед Богом, что все это является чистой правдой".

Считаете ли вы эти показания Штрупа правильными или нет?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это—ложные показания и я прошу привести сюда Штрупа.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: И Вы видите, что это письменное показание совершенно опровергает Ваши показания и подтверждает в основном каждую деталь показания, данного Капеске, который был ад'ютантом Штрупа в то время. Разве это не так?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это неправильно уже потому, что Штруп приближается к моему утверждению, указывая на первой же странице, что он получил приказ относительно варшавского гетто от Гиммлера, чего свидетель Капеске нигде не говорит.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: С этим я могу согласиться.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: При допросе генерала Штрупа должно было бы выясниться, что Хан, само собой разумеется, получал от гестапо в Берлине приказы, - получал ли он их по этому делу, - я не знаю, но, несомненно, органы полиции безопасности должны были в некоторых случаях, в частности, в судопроизводстве IV подчиняться Управлению. Но здесь, для этого мероприятия, проводимого в генерал-губернаторстве, в Варшаве, важно, каким комплексом организаций было проведено это мероприятие; все разбирающиеся в этом деле свидетели должны показать, что это входило в ведение высшего начальника СС и полиции в генерал-губернаторстве, а не главного имперского управления безопасности. Совершенно неправильно утверждать, что полиция безопасности в Варшаве, в т.ч. этот Хан, не подчинялась начальнику СС и полиции. Легко доказать, что при проведении этого мероприятия все учреждения полиции безопасности могли быть подчинены только одному

8789

H1197-0609

H1197-0610

начальнику, причем именно местному. Если Вы, г-н обвинитель, дадите мне возможность через моего защитника еще подробнее высказаться по поводу этих свидетельских показаний,—я это с удовольствием сделаю.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: А теперь, подсудимый, я хотел бы обратить Ваше внимание на документ № 3819-ПС, который уже был представлен в качестве доказательства за № Великобритания-306. Это - протокол совещания в рейхсканцелярии от 11 июля 1944 г. за подписью Ламмерса, который по этому же вопросу давал свои показания Трибуналу на-днях. Я думаю, что вы помните о том, что Вы присутствовали на этом совещании.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я этого еще не знаю. Я не знаю, что обсуждалось на этом совещании.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Но, однако, Вы не отрицаете, что Вы присутствовали на этом совещании.

/Свидетелю передают документ/.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не знаю этого, я вижу здесь этот документ впервые.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Обратитесь к странице 12-й, к середине страницы, где имеется предложение: "В Париже, вопрос об эвакуации которого рассматривался...".

КАУФМАН: Я прошу выяснить один вопрос: может быть, было бы более правильным, если бы обвинение допросило по этому вопросу свидетеля Ламмерса, когда свидетель Ламмерс был здесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Был ли этот документ пред'явлен Ламмерсу?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Ваша честь, откровенно говоря, я не знаю. Я знаю, что этот документ был представлен и заверен, но, однако, я не уверен, спрашивали ли по этому вопросу

Ламмерса или нет. Сэр Дэвид говорит, что он представил этот документ во время допроса подсудимого Кейтеля. Это-конец страницы 9.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, продолжайте.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: /К Кальтенбруннеру/: Вы нашли это место, подсудимый?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, нашел.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: "В Париже вопросы эвакуации, которые рассматривались...".

КАЛЬТЕНБРУННЕР: У меня этого нет, г-н Обвинитель, я еще не нашел.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Это-последнее предложение перед абзацем, который начинается словами: "Начальник полиции безопасности д-р Кальтенбруннер...". Вы нашли эту фразу?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да, теперь нашел.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо, я возвращаюсь к этой же фразе.

"Начальник полиции безопасности д-р Кальтенбруннер из'явил свое согласие, когда его запросил уполномоченный по использованию рабочей силы, передать полицию безопасности в его распоряжение для выполнения этой задачи. Но, однако, он указал, что численность полиции была недостаточна, и поэтому полиция не представляла собой большой силы. Во всей Франции он имел только 2.400 чел. И поэтому, вопрос о том, могут ли быть все возрастные группы захвачены такой слабой полицией, был сомнительным. По его мнению, министерство иностранных дел должно оказать более сильное влияние на иностранные правительства". Подсудимый, действительно ли этот документ отражает то, что имело место на этом совещании?

H1197-0611

H1197-0612

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я сейчас не могу утверждать этого на основании данного текста, но должен сказать по этому поводу следующее. После введения на стр. 1-й сказано, что речь идет о совещании руководителей. Под совещанием руководителей не следует подразумевать меня на основании того, что я был руководителем главного имперского управления безопасности, а следует понимать совещание руководителей высших органов и министерств. При допросе свидетеля Ламмерса нужно было бы установить, был ли там я по поручению имперского министерства внутренних дел и начальника германской полиции Гиммлера и, мне кажется, что это именно так. То, что я был там по поручению Гиммлера, показывает цифра, которая здесь названа, а именно то, что только 2.400 человек находятся у нас в распоряжении". Такого числа никогда не было ни у полиции безопасности, ни у СД, ни у обеих вместе; сюда была причислена и полиция порядка и другие мелкие организации, которые были подчинены Гиммлеру.

Во всяком случае, в этом документе нет одного: того, что Кальтенбруннер только передавал здесь мнение Гиммлера по поручению последнего. Путем допроса свидетеля Ламмерса это можно установить.

Во всяком случае, я указываю на следующее: я считал, что не нужно оказывать большую помощь в этом деле, так как первоначально нужно было вести переговоры с французским правительством через министерство иностранных дел. Мероприятия, которые должны были быть там проведены, можно было провести только с согласия французского правительства.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо, подсудимый. Вспомните ли Вы о показаниях, которые представлялись этому Трибуналу относительно того, как Германия пыталась провоцировать словаков на восстание против Чехословакии и как Гитлер использовал это

восстание словаков, для того, чтобы оккупировать Чехословакию в марте 1939 г.?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не знаю, кто давал такие показания.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо, но, во всяком случае, Вы с 1938 г. по 1939 г. были статс-секретарем безопасности в Австрии. Не так ли? /Примечание: Статс-секретарь безопасности было неправильно переведено на немецкий язык, как "статс-секретарь в полиции безопасности"/.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, я тогда не был статс-секретарем в полиции безопасности. Я был статс-секретарем по вопросам безопасности в австрийском правительстве в Вене. Это важно, так как полиция безопасности в Австрии была создана из Берлина и управлялась Берлином.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо...

КАЛЬТЕНБРУННЕР: И я в Австрии не имел к ней ни малейшего отношения, так же, как и мой министр.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Когда Вы стали руководителем СС и полиции в Верхней Австрии с Вашим штабом в Германии?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет, это совершенно неправильная постановка вопроса, так как в Верхней Австрии вообще не было своего высшего начальника СС и полиции; такой начальник был один для всей Австрии.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Когда это было?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это было после ликвидации австрийского правительства и его дел. Это можно точно установить по "Имперскому вестнику законов",—во всяком случае, это было летом 1941 г.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Разве в действительности Вы лично не ~~xxxxxx~~ руководили деятельностью словацких заговорщиков и не оказывали им помощь тем, что вы снабжали их вооружением и взрывчатыми веществами? Отвечайте, пожалуйста,- да или нет?

H1197-0613

H1197-0614

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Не припоминаете ли Вы, что Вы присутствовали на каком-либо совещании, где разрабатывался план относительно того, как спровоцировать это восстание в Словакии? Вы отрицаете это?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это неверно. Я никогда не участвовал в таком подстрекательстве в Словакии. Я участвовал лишь на первом заседании правительства Словакии, в качестве уполномоченного германской империи.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Помогал ли Вам Ваш друг Шпацилль осуществлять Ваши планы?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не помню. Во всяком случае, это не были немецкие планы; если Вы рассмотрите политическую обстановку в Словакии в тот момент, Вы убедитесь, что империи совершенно не нужно было подстрекать Словакию. Само движение Глинки, которым тогда руководил, по-моему, доктор Тука, а также д-р Тисо, пришло к такому решению.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Были ли Вы знакомы с оберштурмбанфюрером Фрицем Мундхенке?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не понимаю фамилии.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы это увидите из документа 3842-ПС, который я попрошу передать Вам, я представляю его за № США-805.

Подсудимый, это довольно пространный документ и я не хочу подробно останавливаться на нем. Я хочу обратить Ваше внимание прежде всего на первые строчки.

" Что касается оккупации Чехословакии, то были предприняты два различных действия.

1. Оккупация Судетской области и пограничных районов, населенных немецкими согражданами.

2. Оккупация самой Чехословакии".

И затем идут следующие строки:

"За некоторое время до проведения второго действия офицеры из "Глинка Гарде" /подпольной, нелегальной полуэсэсовской организации в словацкой части бывшей Чехословацкой республики/ стали посещать управление СС в Донау /которое первоначально называлось "Управление СС Австрии"/." Затем подробно излагается план того, как спровоцировать это восстание. И в конце первого параграфа Вы найдете следующее:

"В секретном заседании я не принимал участия. Я чувствовал, что мне полностью не доверяли. Я видел джентльменов в приемной Кальтенбруннера и затем, насколько я помню, в столовой. Мне ничего не говорили об обсуждавшейся теме, которая, без сомнения, имела отношение к выработке плана действий".

Затем перейдем к середине второй страницы, где Вы найдете следующее:

"Один Кальтенбруннер несет ответственность за эти действия. Во главе стоял штандартенфюрер СС Шпацинь /по прозвищу Шпац/. Он был начальником управления СС оберабшнитт Донау, а впоследствии был вызван Кальтенбруннером в Берлин и был назначен начальником штаба Главного имперского управления безопасности. Шпацинь был одним из самых близких друзей Кальтенбруннера".

Затем в конце параграфы 1-й и 2-й: "Я сделал следующее заявление:

/1/ не из чувства мести, не из-за желания стать фискалом, а потому, что, действуя таким образом, я помогу расследовать преступления, которые меня, как немца, позорят".

8795

H1197-0615

H1197-0616

/2/ будучи полностью убежден в том, что по поводу моих заявлений на меня будут клеветать с другой стороны. Я хорошо знаю людей, которые пытались вовлечь меня в беду в течение многих лет. Но это, однако, не удержит меня от содействия правосудию, которое должно довести это дело до победоносного конца".

Подсудимый, я спрашиваю Вас, соответствует ли действительности содержание данного документа в том виде, как я его Вам пред'явил или нет?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нельзя сказать, что это правда, и нельзя сказать, что это неправда; это ясно только тому, кто хорошо знает всю ситуацию. Это бессмысленно и поэтому неправда. Этот документ характеризуется лучше всего тем, что на первой странице во введении сказано:

"Второе-в оккупации собственно Чехословакии /протектората Богемии и Моравии и словацкого государства/."

Так как оккупация Словацкой республики никогда до сих пор германской империей не проводилась,-этим в достаточной мере характеризуется свидетель Мундхенк , происходящий из Северной Германии и не знакомый ни с историей, ни с политикой.

Кроме того, в этом документе иногда настолько юмористичны некоторые детали, что ценность документа вообще сводится к нулю. Разрешите обратить Ваше внимание на страницу третью немецкого текста и показать Вам людей, которые участвовали в этой крупнейшей политической акции - оккупации Австрии. Первый-Франц Каурик - шофер, второй-Карл Шпитт - шофер. Третий - некий член СС Апфельбекк - сын хозяина гостиницы и мясник по профессии, который после повреждения черепа в результате автомобильной катастрофы служил в администрации в качестве второстепенного чиновника . Какой-то бухгалтер Штадлер и некто Петенка мне неизвестны. А здесь сказано, что они, якобы, подготовляли

со мной оккупацию Чехословакии. Это - совершеннейшая чепуха, извините, г-н Обвинитель, что я так говорю, но это так и есть.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо, подсудимый. Пусть чепуха...

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я должен сказать, что в этом документе правильно одно. Это то, что я совещался с членами гвардии Глинки в Вене, Парк-Ринг, № 8; речь шла о том, чтобы немецкое национальное меньшинство в Словакии и гвардия Глинки совместно выставили кандидатов в словацкое правительство. Именно об этом свидетельствуют документы и события в Прессбурге. Там мое имя всем известно, т.ч. все это может быть подтверждено любым человеком, в т.ч. Мундленком, который был руководителем национального меньшинства. Но в виду того, что оккупации Словакии вообще не было, мне и не следует оправдываться по этому поводу.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Подсудимый, во время этого процесса в качестве доказательства был представлен приказ Гиммлера о том, что гражданское население не должно наказываться за линчевание союзных летчиков, и Вы слышали показания, данные под присягой Шелленбергом и Гердезом относительно того, что Вы, как начальник СД и полиции безопасности, дали соответствующие указания Вашим подчиненным ? Отрицаете ли Вы эти показания? Говорите, пожалуйста, да или нет?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не хочу отрицать их, но отрицаю, что я делал когда-либо такое заявление, и прошу Трибунал разрешить моему защитнику сейчас же огласить здесь записку, которую он получил от меня в начале заседания, и которая содержит точный текст заявления свидетеля Коллера, начальника штаба ВВС, о моем отношении к этому. Я заявил, например, в присутствии

3797

H1197-0617

H1197-0618

Гитлера, что я никогда не буду выполнять подобный приказ. Правда, это было позднее, но это было - мое личное глубокое убеждение. Впрочем, я уже говорил вчера по этому вопросу со своим защитником.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Ну, хорошо, подсудимый. Сейчас перейдем к документу 3855-ПС, который представляется в качестве доказательства под № США-806. Вы увидите, что в конце этого документа имеется Ваша фамилия. Вы сами должны определить, является ли это вашей подписью, факсимиле или еще чем-нибудь другим. Вы имеете этот документ перед Вами?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы видите, что этот документ исходит от начальника полиции безопасности и СД и, кроме этого, согласно пометкам в левом верхнем углу, он был передан Вам на подпись четвертым отделом А 2 Б.

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Это-первая и очень крупная ошибка, господин обвинитель.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо... „Адресовано: а/ Всем начальникам и инспекторам полиции безопасности и СД /для устной информации всех подчиненных управлений/.

б/ Отделам 4 А и 4 Б

подотделам 1У А 1

1У А 3

1У А 4 - 1У А 6

1У Б 1 - 1У Б 4.

в/ 5-му управлению имперской уголовной полиции.

К сведению старших СС и полицейфюреров, а также начальников полиции охраны порядка.

г/ Начальникам отделов 1 - Ш и У1-го Главного имперского управления безопасности...

Содержание: Обращение с вражескими летчиками, которые были выброшены на парашютах.

Целый ряд вопросов относительно обращения со сбитыми вражескими летчиками нуждается в раз'яснении: В принципе: всех захваченных вражеских летчиков следует заковывать в кандалы.

Эта мера необходима и она должна выполняться с полного согласия начальника штаба верховного командования вооруженными силами.

1/ С целью: предотвратить частые побеги и

2/ из-за недостатка персонала на сборных пунктах. Команды вражеских летчиков: а/ которые оказывают сопротивление при их захвате в плен или б/ которые носят гражданскую одежду под военной формой, - должны расстреливаться немедленно.

Вражеские летчики, особенно из состава англо-американских воздушных сил, в большинстве случаев носят при себе особые мешки, в которых имеются кинжалы, различные карты, купоны на паек, инструменты и все необходимое для совершения побега. Все эти мешки, которые приготовлены на случай побега, должны отбираться полицейскими агентами, ибо эти мешки облегчают побег. Их следует передавать командованию военно-воздушных сил. Приказ рейхсфюрера СС от 10.8.1943 г., - о котором, согласно вашим показаниям, насколько я помню, Вам ничего неизвестно, - полностью не выполняется, так как, повидимому, этот приказ не был в устной форме доведен до сведения всех подчиненных полицейских

H1197-0619

H1197-0620

управлений, как это было приказано. Поэтому вторично приказывается: "Полиция не должна вмешиваться в конфликт между германским населением и спустившимися на парашютах англо-американскими летчиками-террористами.

Около тела сбитого английского летчика были найдены нарукавная повязка с надписью "немецкие военно-вооруженные силы" и кокарда. Эту нарукавную повязку носил только личный состав действующих войск; она дает право доступа каждому лицу, имеющему ее, на все важнейшие военные и стратегические пункты в различных зонах действий. Вражеские агенты, сброшенные с самолетов, вероятно, будут применять этот новый вид маскировки.

6/ В течение последних месяцев отдельные случаи показали, что германское население арестовывает вражеских летчиков, но, однако, до передачи их полиции или вооруженным силам, оно слишком мягко обращается с ними. Строгие меры, принятые по отношению к этим гражданам со стороны государственной полиции, ареста удержат их от вражеских летчиков, ибо подобные случаи не следует смешивать с преступными действиями по оказанию содействия скрывающимся вражеским летчикам. Рейхсфюрер СС приказал применять следующие меры в отношении тех граждан, которые обращаются с вражескими летчиками подобным образом, либо умышленно, либо проявляя ненужную жалость к ним:

1/ В особенно серьезных случаях нарушения этого приказа, направлять таких лиц в концлагери, помещать в местных газетах об'явления.

2/ В менее серьезных случаях следует применять превентивное заключение в управлениях государственной полиции длительностью не менее 14 дней. Следует также использовать таких лиц для расчистки районов, подвергшихся бомбардировке.

Если же таких разрушенных районов нет на той территории, которая находится под юрисдикцией управления гестапо, то следу-

H1197-0621

ет применять кратковременное превентивное заключение в одном из ближайших управлений гестапо.

Рейхсфюрер СС установил контакт с рейхслейтером Борманом относительно данного вопроса и указал,что задача партийных официальных лиц заключается в том ,чтобы инструктировать население о необходимости проявления сдержанности по отношению к вражеским летчикам".

Я приказываю начальникам и инспекторам полиции безопасности и СД в письменной форме информировать подчиненные им управления и секции 5 и 6 о вышеизложенном приказе. Подписано: Доктор Кальтенбруннер". Верно: Розен..."

Отрицаете ли вы тот факт,что вы имеете какие-то отношения к изданию этого приказа, и то,что вы подписали его?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я никогда не получал этого приказа.Я ссылаюсь здесь на свои вчерашние показания относительно системы подчинения в управлении 1У А, которое явилось составителем этого письма,как это видно из пометки наверху; в этих вопросах управление подчинялось непосредственно Гиммлеру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не слышал ответа на этот вопрос. Вы подписали его или нет?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Таким образом вы отрицаете,что эта подпись ваша, и утверждаете, что вы ничего не знаете о данном документе,на котором имеется ваша подпись. Это правильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Г-н обвинитель,..

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Подсудимый, ответьте,пожалуйста, на этот вопрос. Вы что - отрицаете этот документ так же, как вы отрицали все другие документы, которые были вам представлены сегодня.Это правильно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я заявил вчера и здесь и моему защитнику, что я не получал этих документов.Я должен был бы знать это. Конечно,я частично виноват в том,что не обращал внимания,не даются ли от моего имени такие приказы. Я вчера совершенно не

отрицал эту свою вину. Но какова была моя точка зрения по этому вопросу, явствует из показаний Кеппера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не понимаю, Вы говорите, что это не Ваша подпись на документе. Или Вы говорите, что Вы подписали этот документ, не глядя на содержание? Что именно Вы утверждаете?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Господа! Я никогда не получал этого документа, этого приказа. Я не мог подписать его, так как это противоречило бы моим установкам. Каковы были мои установки,— видно из показаний свидетеля Кеппера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не спрашиваю о Ваших внутренних убеждениях я спрашиваю только о том, - Вы ли подписали этот документ?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал хотел бы взглянуть на подлинник документа.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Эта подпись отпечатана на машинке, Ваша честь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, а сейчас ознакомимся с этим документом. Подсудимый, кто такой Розе?

КАЛЬТЕНБРУННЕР: Я не знаю, этого, г-н председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не можете ли вы сказать, полковник Эймен, сколько времени вы будете продолжать перекрестный допрос?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Возможно, полчаса, это будет зависеть от ответов подсудимого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Тогда Трибунал сейчас об'является перерыв, а завтра, в 10 часов, состоится открытое заседание, чтобы продолжить обсуждение по этому вопросу, а в 12.30 будет сделан перерыв, с тем, чтобы заслушать доктора Тома и обвинение по поводу его документов.

/Об'является перерыв до 12-го апреля 1946 г. 10.00/.

++++++++++++

8802

H1197-0622